

ISSN 0134-8515

СЕВЕРНО
РУССКИЕ
ГОВОРЫ

18

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

Published since 1969

Volume 18

Editor-in-chief
E. Puritskaya

ST. PETERSBURG
INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

Издается с 1969 года

Выпуск 18

Ответственный редактор
Е. В. Пурицкая

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

2019

УДК 800.87
ББК 81.2Рус-67я5
С28

Севернорусские говоры. Вып. 18 / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. — 360 с.

Сборник «Севернорусские говоры» (вып. 17 вышел в 2018 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. Это научное издание посвящено проблемам диалектологии, а также межъязыковым и межэтническим контактам. Статьи сборника отличает широкий сравнительно-исторический фон, внимание к фактам этнографии и древнерусской региональной письменности. Сборник предназначен для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

ISSN 0134-8515

ББК 81.2Рус-67я5

DOI: 10.30842/013485152019

Northern Russian dialects. Vol. 18 / Ed.-in-chief E. Puritskaya. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2019. — 360 p.

The «Northern Russian Dialects» is an academic collection focusing on the problems of dialectology, the inter-ethnic and inter-language contacts in the Russian North, particularly Russian, Baltic and Finnish contacts. The Collection is published once a year from 1969 by the Interdepartmental Lexicographical Studio named after Prof. Larin at Philological Faculty, St. Petersburg State University (SPSU) and from 2015 by the Institute for Linguistic Studies (ILI), Russian Academy of Sciences. The Collection was founded by the famous Russian philologist prof. Boris Larin. The publications are mostly based on the extensive fieldwork with the focus on the regional vocabularies. The Collection is characterized by the wide comparative and historical background, draws attention to the ancient Russian regional literature, and highlights the issues of historical geography.

© ИЛИ РАН, 2019

© Авторы статей, 2019

Утверждено к печати Институтом лингвистических исследований РАН

Подписано в печать 29.10.2019. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 20.93. Тираж 300 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

Тел./факс: +7(812)235-15-86

Отв е т с т в е н н ы й р е д а к т о р : к. ф. н., ст. науч. сотр. *Е. В. Пурицкая* (С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет).

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я : д. ф. н. проф. *Н. В. Богданова-Бегларян* (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), к. ф. н. *Р. В. Гайдамашко* (С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена), к. ф. н. доц. *И. С. Лутвинова* (С.-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет), к. ф. н. доц. *Л. П. Михайлова* (Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет), член-корреспондент РАН, д. ф. н. проф. *С. А. Мызников* (Москва, Институт славяноведения РАН; С.-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена).

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т : д. ф. н. проф. *Н. Г. Зайцева* (Петрозаводск, Карельский научный центр РАН), д. ф. н. проф. *И. И. Муллонен* (Петрозаводск, Карельский научный центр РАН), д. ф. н. проф. *Е. А. Нефедова* (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), д. ф. н. проф. *А. Н. Ракин* (Сыктывкар, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН), PhD проф. *Я. Саарикиви* (Финляндия, Хельсинки, Хельсинкский университет), д. ф. н. проф. *Н. С. Сергиева* (Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина), д. ф. н. проф. *Г. В. Судаков* (Вологда, Вологодский государственный университет).

E d i t o r - i n - c h i e f: *E. Puritskaya* (Cand. Philol., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia).

E x e c u t i v e B o a r d: *N. Bogdanova-Beglaryan* (Dr., Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *R. Gaidamashko* (Cand. Philol., Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, A. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia), *I. Lutovinova* (Cand. Philol., Assistant Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia), *L. Mikhailova* (Cand. Philol., Assistant Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia), *S. Myznikov* (Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr., Prof., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, A. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia).

E d i t o r i a l B o a r d: *I. Mullonen* (Dr., Prof., Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia), *E. Nefedova* (Dr., Prof., M. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia), *A. Rakin* (Dr., Prof., Komi Research Centre, Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia), *J. Saarikivi* (PhD, Prof., Helsinki University, Helsinki, Finland), *N. Sergieva* (Dr., Prof., Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia), *G. Sudakov* (Dr., Prof., Vologda State University, Vologda, Russia), *N. Zaitseva* (Dr., Prof., Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Л. П. Михайлова

Формальные изменения русского слова в карельских, вепсских и саамских диалектах 13

З. С. Рябчикова, С. А. Мызников

Субстратные севернорусские лексические данные в обско-угорском и пермском контексте 29

АРЕАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. С. Ганцовская, Т. В. Горлова

Костромские говоры: интерпретация Г. Г. Мельниченко некоторых изолекс этнодиалектной нерехтской зоны 55

Е. Н. Ильина, С. А. Ганичева

Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (проект электронной мультимедийной системы) 69

Е. В. Колосько

Лексические единицы севернорусского происхождения в говорах Санкт-Петербургской губернии 88

Т. В. Пахолкова

Два говора соседних волостей: уломский и колоденский говоры 103

А. И. Рыко, М. В. Спиричева

О критериях языкового профилирования речи носителей говоров русско-белорусского пограничья 115

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ

Е. Н. Иванова

Процессы морфемообразования на базе этимологического корня *-roi- / *-rei- в русских народных говорах 133

<i>И. Е. Колесова</i>	
Семантические модели формирования в русских говорах словообразовательных парадигм когерентных существительных на базе прилагательных со значением цвета	144
<i>Я. В. Мызникова</i>	
Постпозитивная частица <i>-то</i> в русских говорах Симбирского Заволжья	158
<i>Т. В. Шалаева</i>	
Две севернорусские этимологии (арх. <i>лиять</i> 'дремать', <i>гомжить</i> , <i>ганжить</i> 'тлеть')	173
ОНОМАСТИКА	
<i>Е. Н. Варникова</i>	
Клички животных в Словаре русских народных говоров	188
<i>В. В. Вересиянова</i>	
Имя собственное как источник зоонимической номинации: коммуникативно-прагматический аспект	212
ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ	
<i>Ю. Н. Драчева, Е. А. Кирилова</i>	
Представление о крестильном обряде в бытовой речи жителей Кирилловского района Вологодской области	223
<i>Н. Н. Зубова</i>	
Реализация концепта «труд» в языковом сознании жительницы Никольского района Вологодской области Нины Дмитриевны Шиловской	244
<i>Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова, О. И. Трофимкина, И. С. Кукушкина</i>	
Весенне-летний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России. Часть II	255
<i>А. Н. Левичкин, О. Н. Крылова, Р. В. Гайдамашко</i>	
Фольклорные материалы Пинеги. Загадки о природе	277
<i>И. И. Русинова</i>	
Названия магического знания (на материале мифологических текстов Пермского края)	298

НАРОДЫ СЕВЕРА: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

А. В. Кротова-Гарина

Функции и действия духа леса *вӧрись* (на материале коми-пермяцких мифологических рассказов) 318

Т. С. Назмутдинова, И. Л. Набок

Проблемы и перспективы этнолингвокультурологического подхода в исследовании долган 336

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. А. Кобелева

«Костромские говоры» (учебный комплекс): взгляд со стороны 349

CONTENTS

LANGUAGE CONTACT

Lyubov Mikhailova

Formal changes of the Russian word in Karelian, Vepsian and Saami dialects 13

Zoya Ryabchikova, Sergey Myznikov

Substrate Northern Russian lexical data in the Ob-Ugric and Permic context 29

AREAL STUDIES

Nina Gantsovskaya, Tatyana Gorlova

Kostroma dialects: interpretation of some iso-lexes of Nerekhta ethno-dialect zone by Grigoriy Mel'nichenko 55

Elena Ilyina, Svetlana Ganicheva

Belozerie speech culture in the focus of the one speak (project of electronic multimedia system) 69

Elena Kolosko

Lexical units of the Northern Russian origin in the dialects of Saint-Petersburg province 88

Tatiana Pakholkova

Two dialects of neighbour counties: Ulomsky and Kolodensky dialects 103

Anastasiia Ryko, Margarita Spiricheva

On the criteria for language profiling of dialect speakers from the Russian-Belarusian borderland 115

DIALECT DYNAMICS AND STABILITY

Elena Ivanova

The processes of the morpheme formation on the basis of the etymological root **-poi-* / **-pei-* in the russian folk dialects 133

<i>Irina Kolesova</i>	
Semantic models of formation in the Russian dialects of derivational paradigms of coherent nouns on the basis of adjectives with the meaning of colors	144
<i>Yanina Myznikova</i>	
The postpositive particle <i>-to</i> in the Russian dialects of the Ulyanovsk region	158
<i>Tatiana Shalaeva</i>	
Two North Russian Etymologies (Arkh. <i>liyat'</i> 'to doze', <i>gomzhit'</i> , <i>ganzhit'</i> 'to smolder')	173
 ONOMASTICS	
<i>Evgenija Varnikova</i>	
Nicknames of animals in "Dictionary of Russian folk dialects"	188
<i>Vera Veresijanova</i>	
Proper noun as a source of zoonymic nomination: communicative-pragmatic aspect	212
 LEXICON OF FOLK CULTURE	
<i>Yulia Dracheva, Elena Kirilova</i>	
Representation of baptism ritual in everyday life speech of the people inhabiting the Kirillov District of the Vologda Region	223
<i>Nina Zubova</i>	
Realization of the concept "labor" in the linguistic consciousness of the resident of the Nikolsky district of the Vologda region Nina Dmitrievna Shilovskaya	244
<i>Lyudmila Ivashko, Irina Lutovinova, Marina Tarasova, Olga Trofimkina, Irina Kukushkina</i>	
Russian Northwest country folklife-orthodox calendar (spring-summer period). Part II	255
<i>Alexander Levichkin, Olga Krylova, Roman Gaidamashko</i>	
Folklore materials from Pinega. Riddles about nature	277
<i>Irina Rusinova</i>	
Nominations for magic knowledge (in the case study of mythological texts of Perm krai)	298

PEOPLES OF THE NORTH: LANGUAGE AND CULTURE

Anastasiya Krotova-Garina

Functions and actions of the spirit of the forest *vöris'* (on the data of Komi-Permyak mythological narratives) 318

Tatyana Nazmutdinova, Igor Nabok

Problems and prospects of ethnolinguaculturological attitude in the study of Dolgans 336

REVIEWS

Irina Kobeleva

“Kostroma dialects” (educational complex): view from the outside 349

ФОРМАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА В КАРЕЛЬСКИХ, ВЕПСКИХ И СААМСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Михайлова Любовь Петровна

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия
E-mail: posnm87@bk.ru

Цитирование: Михайлова Л. П. (2019) Формальные изменения русского слова в карельских, вепсских и саамских диалектах. *Севернорусские говоры*, 18: 13–28.

Аннотация. В статье делается попытка по лексикографическим данным выделить некоторые группы русских слов, заимствованных карельским, вепсским и саамским языками, определить особенности их внешнего облика, обусловленные процессами адаптации при функционировании в неродственной иноязычной среде. Особое внимание уделяется словам с начальными звуками [j] и [rʲ]; отмечается незакономерное появление дополнительных согласных в начале слова перед плавным звуком. Даются примеры, указывающие на особенности заимствований саамским языком. Отмечаются факты влияния прибалтийско-финских языков на модификацию русских слов, функционирующих в собственной языковой среде.

Ключевые слова: языковой контакт, заимствования, фонетические явления, прибалтийско-финские языки, русские говоры Карелии.

При длительных контактах разноструктурных языков, в частности прибалтийско-финских и русского, происходит проникновение элементов из одной системы в другую. Данное явление

отражено в лексикографических трудах и исследованиях многих ученых. В ряде работ освещаются общие проблемы развития карельского, вепсского и саамского языков и их связей с русским [Лаанест 1975: 30–48; Зайцева 1994; Керт 1994; Мамонтова 1994], рассматриваются вопросы, непосредственно касающиеся конкретных процессов взаимодействия языков [Mikkola 1938; Krawczykiewicz 1972; Ojanen 1988; Муллонен 2002; Мызников 2004; Зайцева 2008]. В целом отмечается, что в неродственной языковой системе слово меняет свой внешний облик, функционируя в новых условиях, но при этом обычно сохраняет семантику.

Материалом данного исследования служит русская лексика, усвоенная носителями карельских, вепсских и саамских говоров, зафиксированная в соответствующих словарях. Среди источников особо выделим сопоставительно-ономастиологический словарь, составленный «с целью изучения лексико-семантических схождений и расхождений между диалектами этих языков, выявления ареальных и индивидуальных особенностей, определяющих пути формирования языков данного ареала на уровне лексики» [Керт 2007: 3]. Естественное усвоение русских слов, обусловленное длительными контактами русского народа с прибалтийско-финскими и саамским, также представляет интерес не только в аспекте этнических контактов, но и в отношении степени соприкосновения на уровне лексики, связанной с природой, бытом и культурой разных народов. В настоящей статье представим некоторые особенности формальных изменений русского слова, характеризующие процессы его адаптации в сопоставляемых языках.

Разные семантические зоны языков-реципиентов неодинаково реагируют на принятие/непринятие чужого слова. Например, понятийный блок ‘время, временные отношения’ не содержит русских слов, обозначающих времена года, части суток, указывающих на разные периоды времени (поздно, давно, вчера и т. п.). Незначительные проникновения русских слов наблюдаются в таких семантических группах, многочисленных по составу, как ‘все-

гда' и 'быстро', включающих соответственно (1) в собственно карельском наречии *nagoli* ~ *nagolo* Толмачи¹, *zawse* Держа, в южновепском диалекте *golu* Сидорово [СОС: 326], ср. *наго́ло* 'постоянно' Сев.-Двин.² [СРНГ 19: 205], *завсе* 'всегда, постоянно' Медв., Прион., Карел., Волог., Выт., Кирил., Уст., Чер. Волог., Карг., Онеж., Плес. Арх., Пест. Новг. [СРГК 2: 99] и (2) в собственно карельском *boiko* Валдай, Реболы, Толмачи, *boikko* Селище, в средневепском диалекте *šipko* Ошта [СОС: 326], ср. *бо́йко* 'быстро, живо', 'быстро, бодро' [ССРЛЯ 1: 542], просторечное *шй́бка* 'скоро, быстро' [ССРЛЯ 17: 1388]. Заметим, что приведенные лексемы, при их подчинении морфологической структуре нового языка, почти не меняют своего фонемного состава при переходе в другую систему, за исключением потери приставки в южновепском говоре.

Примечателен и тот факт, что не все дни недели в сопоставляемых языках имеют исконное название. Слово *неделя* функционирует как заимствование во всех 35 обследованных пунктах и бытует в 22 вариантах: (1) с заменой русского [д'] глухим звуком [t']: собственно карельское *netäli* Калевала, Княжая, Кестеньга, Вокнаволок, саамское *niähúel* Бабино, Тулома, (2) с сохранением звонкого согласного во всех остальных говорах — *nedeli*, *nedäli*, *nedal* и др. [СОС: 326]. Среди наименований дней недели отметим слово *пятница*, заимствованное всеми описываемыми диалектами — 26 вариантов, в большей части которых отражена метатеза гласного и согласного внутри слова, в результате чего ликвидировалось сочетание *-tn-* (< *-tn-*): *piätinča*, *piätinč*, *peeinčä*, *pieinčä*, *poätinčä*, *piätinčä*, *piätenčä* и др. — всего 15 единиц. В 12 вариантах данное сочетание сохраняется: *piätinččä* Реболы, *pietniččä* Се-

¹При конкретных вариантах указывается название населенного пункта, в лексической системе которого он зафиксирован, при этом автор статьи ориентируется на географические сведения СОС [СОС: 12–13], см. Приложение в конце статьи.

²Географические пометы, принятые в использованных словарях, сохраняются, при этом добавляются сведения уточняющего характера (приводится сокращенное название области, республики и т. п.).

лице, *piätñiččü* Проккойла, *piätñičš* Галлезеро, *piätñičše* Святозеро, *piätñič* Михайловское — в людиковских и ливвиковских наречиях, *pätñic* во всех вепских говорах, *piätñic* Бабино, Тулома, *petnehč*, *petnehc* Варзино, *pietnes* Ловозеро, *petñihča* Ёлоканьга — в саамских диалектах [СОС: 327].

Рефлексы звука [j] в начале слова, что является одним «из наиболее ярких диалектных маркеров на уровне фонетики вепского языка» [Зайцева 2016: 72], довольно четко противопоставляют диалектные ареалы: на юго-западе сохраняется исконный [j-] — *järv*, на севере на его месте возникает палатализованный [dʲ-] — *ďärv*, на востоке палатализованный [gʲ-] — *gärv* [Там же]. Карта № 71 «j / gʲ / dʲ в начале слова», описывающая значительный лексический материал, представляет указанные ареалы [Там же: 202–204]. Данная особенность вепского языка отразилась и на фонетическом облике русских заимствований. Особенности вепского языка при заимствовании из русского языка слов с начальным среднеязычным согласным [j-] ярко показывает союз *эсли*. В вепских говорах представлены три варианта этого заимствования: *desli* Каскесручей, Шелтозеро, *gesli* Ошта, Войлахта и *jesli* Озера, Сидорово, ср. *jesli* в саамских говорах, *jesli* в собственно карельском и ливвиковском наречиях [СОС: 312]. Аналогичное соотношение начальных согласных, т. е. [j-] ~ [dʲ-] ~ [gʲ-], в полном или частичном виде наблюдается при заимствовании других слов. Лексеме *яйцö* соответствуют разные варианты в говорах карельского языка: в собственно карельском наречии *jäiččä* Тунгуда, Селище, Валдай, Толмачи, *jiäličča* Вокनावолок, Калевала, Княжая, Кестеньга, *ďiäviččä* Ондозеро, Реболы, *ďäiččä* Паданы, Юстозеро, *jäičä* Весьегонск, *jäičči* Держа, в людиковских говорах *ďiäviččä* Койкара, *ďäičče* Святозеро, *ďäiččü* Галлезеро, в ливвиковских — *ďäiččö* Кондуши, *ďäiččü* Видлица, Проккойла, *jäičči* Ведлозеро, Колатсельга, Олонец [СОС: 212].

Слово *эри* при заимствовании претерпело изменение начального согласного на более обширной территории: (1) в вепском языке наблюдается мена [j] ~ [dʲ] ~ [gʲ]: *gorš* Озера, Сидорово, *ďorš* Каскесручей, Шелтозеро, *gorš* Ошта, Войлахта; (2) в карельском

языке представлена мена [j] ~ [dʲ] ~ [d]: *jorš* Держа, *jorši* Селище, Весьегонск, Толмачи, *jorša* Валдай, *jorše* Кондуши, *đoršši* Паданы, Реболы, Святозеро, Юостозеро, *đorš* Михайловское, *doršš* Галлезеро, *dorši* Койкара, Проккойла [СОС: 65]. В говорах саамского языка отмечено только *jorš*. В позиции перед гласным [o] звук [j-] не всегда меняет свое качество, ср. *ёж* в карельских говорах — *joža*, *još*, *jože*, *ježa*, *jožik*, *jož*, в вепсских — *jož* [СОС: 55].

Слово *ясли* усвоено вепским языком в трех вариантах: *đaššal* Каскесручей, Шелтозеро, *gassel* Ошта, *gasslid* Войлахта, *jasel* Озера, Сидорово; в собственно карельских говорах *jašlit* Держа, в людиковских *diäslit* ~ *däslit* Михайловское [СОС: 203].

Слово *юбка* заимствовано в следующих вариантах: в собственно карельском — *jupka* Калевала, Княжая, Кестеньга, Тунгуда, Селище, Весьегонск, Валдай, Толмачи, в ливвиковском — *đupku* Проккойла, *đupku* ~ *jupku* Видлица, Ведлозеро, *jupku* Колатсельга, Олонец, *jupko* Кондуши, в людиковском — *đupke* Святозеро, *đupk* Галлезеро, Михайловское; в вепском языке: *đupk* Каскесручей, Шелтозеро, *gupk* Войлахта, Ошта, *jupk* Озера, Сидорово; в саамском — *jupka* Варзино, Ловозеро, *jipke* Йоканьга, *jukje* Бабино [СОС: 164].

Указанные рефлексy начального [j] выступают как «важное свидетельство взаимодействия северновепского диалекта с ливвиковским и людиковским наречиями карельского языка <...>, которые также находились и находятся в поле перехода j > dʲ» [Зайцева 2016: 74].

Тройное соотношение начальных согласных, характерное для вепского языка в соответствии с исконным прибалтийско-финским [j-], распространяется не только на русские слова типа *ёсли*, *ёж*, но и на заимствования с исконным начальным [dʲ-]: *gögoí*, *gökíin* Пондала, *jogot* Пелдуши, *đogot* Шимозеро [СВЯ: 99], ср. *дѣготь*.

Влияние вепского языка обнаруживается в наличии [dʲ] и [ɣʲ] на месте [j] в русской диалектной лексике, в частности в лексемах *дес* и *згүздо* / *сгүздо*, имеющих единый исконный корень *-езд-*. Ср. лексикографические данные: *езд* ‘наклонный настил из бре-

вен, ведущий на второй этаж хозяйственной части дома' Кондоп., Медв., Пуд. Карел., Выт. Волог., вариант *ездó* Пуд. Карел. [СРГК 2: 23]; *дес* 'бревенчатый настил для въезда на сарай' Медв. Карел. [СРГК 1: 456]; *згúздо* 'наклонный настил из бревен для въезда в сарай' Пуд. Карел. [СРГК 2: 246]; *сгúздо* 'пологий настил, помост, по которому завозили сено в сарай' Карг. Арх. [СРГК 6: 24]. Последние две лексические единицы представляют собой варианты исходного слова *свездó* Лод., Подп., Тихв. Ленингр., Выт. Волог., Плес. Арх. [СРГК 6: 422], в которых в начале корня после приставки используется [г'] вместо [j], что говорит о распространении данного явления на юго-восточное Обонежье, включая лачскую группу говоров. Ср. сведения карты № 71 «j / g' / d' в начале слова», указывающей на ограниченность данного явления районом южнее Онежского озера [Зайцева 2016: 202–204].

Переход [j] в [г'] в начале слова в русских говорах Заонежья обычно считают следствием их взаимодействия с языком прибалтийско-финского населения, предположительно вепсского [Суханова, Муллонен 1986: 43]. Исследователи приводят примеры живой речи русскоговорящих вепсов: *гесли, гящик, гюбка, Гурьев день* (ср. *эсли, ящик, юбка, Юрьев день*), называя звук [г'] протетическим, и подчеркивают, что «это правило распространяется и на те диалекты и говоры, которые на вепсской почве характеризуются протезой d'» [Там же]. На наш взгляд, появление [г'] на месте [j] правомернее определять как мену звуков или как переход одного звука в другой, но не как протезу. В дополнение приведем произносительные варианты известных русских слов, записанные Т. Г. Долей в 60-е гг. XX в. в Заонежье: *гесть* 'есть, имеется': *Дóхтур гóварит, балéсь грудная гесь*. Типиницы Медв.; *гúздить* 'ездить': *Нивéста гúздит по гастям, на парóды. Жених тожа гúздиу в гости. За нивестай гúздили пóездом. Гúздя с пúснямы*. Великая Нива. *Гóварит, загúдям здись в диревню*. Волкостров Медв. [Доля 1969: 24].

В слове *дес*, помимо естественного перехода *-зд > -ст > -с* в позиции конца слова, отражена незакономерная мена [j-] ~ [д'-]. Надо полагать, что данный процесс произошел параллельно с меной

[j-] ~ [r'-] и независимо от нее. Обращаем на данный факт внимание, т. к. ранее высказывалось предположение о переходе [j] > [r'] > [d'] в начале слова [Михайлова 2016: 372–373], которое следует отнести к сомнительным. Отсутствие связи между описываемыми явлениями объясняется не только опосредованным влиянием подобных изменений в некоторых говорах вепсского и карельского языка, но и значительной территориальной удаленностью: [r'] в Юго-Восточном Обонежье, [d'] — в Заонежье.

Дополняя интересную работу Н. Г. Зайцевой о севернорусских словах в вепсском языке [Зайцева 2008], приведем примеры заимствования диалектных русских слов. В южновепсском диалекте отмечено слово *sumoros* 'изморось (мелкий дождь)' Сидорова [СОС: 16], ср. *суморось* 'мелкий, частый, затяжной дождь, характерный для осени; изморось' Смол., Яросл., Волог., *сумморось* Яросл., *суморозь* Никол. Волог., Арх. [СРНГ 42: 241]. В вепсских диалектах в значении 'пар' известно слово *пар*, при этом в средневепсском бытует также *puru* 'пар' Войлахта [СОС: 18], имеющее соответствие в русских говорах, ср. *пур* 'туман' Помор. Арх. [СРНГ 33: 135], неясное в этимологическом отношении [Фасмер 3: 408]. Вполне возможно, что и вепсское, и русское слово имеют один источник заимствования. Примечательно наличие данного корня в качестве топоосновы: *Пурнема* — название населенного пункта в Онежском районе Архангельской области [Мызников 2010: 351]. Ср. сведения по субстратной топонимии Русского Севера А. К. Матвеева: *Пурдюга*, *Пуронга* и др. [Матвеев 2007: 127].

Саамский язык несколько отличается от карельского и вепсского языков в отношении усвоения русских слов. Например, если в последних ярко представлены варианты заимствованного русского слова *вихрь* (финское *vihuri*, собственно карельское *vihuri*, *viihori*, *viihkuri*, *viehkuri*, ливвиковское *viehkuri*, людиковское *vihuri*, *viehuri*, *vihri*, вепсское *vehoi*, *vihoi*), наряду с другими словами с корнем *tuuli-*, то в саамском усвоена лексема *ku'ava* Бабино, *kurav* Ловозеро, *gu'ava* Тулома [СОС: 19; см. также SKES 6: 1740], ср. в значении 'метель, вьюга': *курева* Белом. [Гемп 2004: 365], Олон., Арх., *кюрева* Новолад. Петерб., Подпорож. Ленингр.,

Вытегор. Волог., *куре́ва* Беломор. [СРНГ 16: 117]. Примечательно, что в собственно карельских говорах данное русское слово усвоено в значении именно ‘метель’: *kuíava* Везьегонск, *kuíra* Паданы, Юостзеро [СОС: 22]. Богатый лексический ряд в семантическом блоке ‘метель’ дополняется также другими заимствованиями из русского языка, а именно: людиковское *tuíšše* Святозеро, *tuíš* Михайловское, ср. русское *ту́ча* ‘дождевое облако’; собственно карельское *kuíerma* Валдай, *kuíerm* Держа, ср. *кутерма́* ‘вьюга, метель’ Арх., Сольвыч. Волог., Вышневол. Калин., Ленингр., Перм., Яросл. [СРНГ 16: 168]; собственно карельское *đuuga* Ондозеро, ср. русское *вью́га* [СОС: 22]. Надо полагать, составители СОС не случайно указали на русское слово *вью́га*, представляя карельскую лексему *đuuga*. В данном случае имеет место мена звуков [j] ~ [dʲ], как и в преобразованных вариантах слова *ёрш* в карельском языке. Слово *вью́га*, адаптируясь в условиях фонетической системы карельского языка, в которой не может быть сочетаний согласных в начале слова, утратило первый согласный: рус. [в’júга] > карел. [juuga] > *đuuga*, ср. *juški* ‘вьюшка’ в ливвиковском диалекте [СКЯМ: 109].

Следует отметить, что многие русские слова имеют весьма ограниченный ареал в сопоставляемых языках. Например, саамский язык заимствовал русское слово *взвóдень* ‘высокая волна’ Тер., Онеж., Белом., Пуд. [СРГК 1: 193], утратившее начальный согласный: *zvoodin* ‘крупная волна’ Бабино, Тулома [СОС: 24]. В вепсских говорах употребляется лексема *opléitida* ‘шлепнуть; хлестнуть; стегнуть’ Белое озеро, Кортлахта [СВЯ: 381], ср. *оплетать*, сов. *оплесті́* ‘наносить побои, сильно бить’ Луж. Петерб., Пск., Смол., Волог., Вят., Твер., Онеж., Калуж., Тул., Моск., Костром., Холмог. Арх. [СРНГ 23: 264].

Преобразованию подвергается русская лексика, имеющая начальные сочетания согласных. Яркая особенность прибалтийско-финских языков, как и других финно-угорских [Лыткин 1974: 119], — отсутствие в исконных словах консонантных сочетаний в анлауте (*ta-* или *a-*) — противопоставлена наличию в русском слове разных вариантов (*ta-*, *tta-*, *tta-*, *a-*). При адаптации рус-

ского слова обычно утрачивается первый звук сочетания, однако усваиваются и варианты без изменения анлаута: *drug* > *ruuki*, *truuki* и др. В сопоставляемых языках слова с сочетанием согласных в анлауте усваиваются также по-разному: (1) сочетание остается неизменным: собственно карельское *svinčč* Держа, ливвиковское *svinčo* Кондуши, вепсское *svinc* Шелтозеро, Войлахта, Озера, *sviñč* Каскесручей, (2) с утратой первого звука: саамское *veihñč* Тулома, *veññc* Бабино, Варзино, Ловозеро, *viññca* Йоканьга [СОС: 30], ср. *свинéц*.

Сочетание *ttt*- с конечным плавным в отдельных диалектах воспринимается при заимствовании в зависимости от состава элементов консонантной группы. Например, в ливвиковском диалекте оно полностью сохраняется, если второй компонент — губной или заднеязычный согласный: *spruavie* ‘справлять’, *splawnoi* ‘сплавной’, *skluadu* ‘склад’ [СКЯМ: 343, 338], но теряет второй компонент — взрывной переднеязычный, преобразуясь в *tt*-, хотя и нерегулярно: *srašnoi* ‘страшный’, *sriäpñii* ‘стряпня, пироги’, *srožie* ‘держат строго’ (< просторечное *стрóжить* ‘строго обращаться с кем-либо, строго наставлять, выговаривать’ [ССРЛЯ 14: 1059]) [СКЯМ: 344–345], но *sruwgata* и *struwgata* ‘строгать рубанком’, *stropil* ‘стропило’ [Там же].

При усвоении некоторых слов, начинающихся с плавного согласного [p’-] в позиции перед гласным, наблюдаются некоторые особенности. В ливвиковском диалекте зафиксирован факт наращивания дополнительного согласного перед начальным [r-] (< [p’-]), находящимся в позиции перед гласным [ä]: *gräbin* ‘рябина (ягода)’, *gräbintuarju* ‘ягода рябины’, *gräbinkl’ämčü*, *gräbinskämčü* ‘гроздь рябины’, *gräbinoksu* ‘ветка рябины’, *gräbintuhjo* ‘куст рябины’, *gräbinvuozu* ‘год с хорошим урожаем рябины’ [СКЯМ: 54–55], ср. *рябина* ‘род древесных растений’. Следует заметить, что говору села Самбатуксы ливвиковского диалекта известно и слово с одиночным начальным плавным: *räbin* ‘рябина’, *räbintuarju* ‘ягода рябины’, *räbinoksu* ‘ветка рябины’, *räbinrüpsü* ‘гроздь рябины’, *räbintuhjo* ‘куст рябины’, *räbinvuozu* «год с урожаем на рябину» [СКЯМ: 320].

Аналогичная ситуация представлена при заимствовании слова *рюха*. Оба варианта употребительны в ливвиковском диалекте: *gr'uwhu* 'рюха', *gr'uwhupalikku* 'городошная бита' [СКЯМ: 54]; *r'uwhu* 'рюха' [СКЯМ: 318]. В говорах вепсского языка известны два варианта этого слова с наращением консонанта: *brüh* Пяжозеро и *grüh* Озера [СВЯ: 49, 89], демонстрирующие мену звуков [g] и [b]. Отметим, что обычно в вепсском языке происходит упрощение консонантного начального сочетания, ср.: 'грядка' *gräd* Куя, Пондала и *räd* Ладва, Озера [СВЯ: 89].

Представленный материал, отражающий лишь часть адаптационных процессов русского слова в неродственной иноязычной среде, ярко демонстрирует сложные и неоднозначные процессы взаимодействия русского языка с карельским, вепсским и саамскими языками. Ценнейшие данные сопоставительно-ономасиологического словаря этих языков составляют прекрасную перспективу для изучения языкового контактирования.

Приложение. Географические сведения об ареалах карельских, вепсских и саамских диалектов

Географические сведения об ареалах карельских, вепсских и саамских диалектов даны в следующем порядке: **область / республика, наречие / диалект**, район — населенный пункт (по данным СОС: 12–13, СВЯ: 12–13, СКЯМ: 13).

Мурманская область. *Саамский язык:* Апатитский — Бабино, Кольский — Тулома, Ловозерский — Варзино, Йоканьга, Ловозеро; *собственно карельское наречие карельского языка:* Кандалакшский — Княжая.

Республика Карелия. *Собственно карельское наречие карельского языка:* Беломорский — Тунгуда, Калевальский — Вокнаволок, Калевала, Лоухский — Кестеньга, Медвежьегорский — Паданы, Муезерский — Ондозеро, Реболы, Кондопожский — Юстозеро; *людиковское наречие карельского языка:* Кондопожский — Галлезеро, Койкара, Олонецкий — Михайловское, Пряжинский — Святозеро; *ливвиковское наречие карельского языка:* Олонецкий — Видлица, Олонец, Самбатукса, Пряжинский — Ведлозеро, Колатсельга, Проккойла; *северновепсский диалект вепсского языка:* Прионежский — Каскесручей, Шелтозеро.

Вологодская область. *Средневепсский диалект вепсского языка:* Бабаевский — Войлахта, Куя, Пондала, Пяжозеро, Вытегорский — Ошта, Шимозеро.

Ленинградская область. *Южновепсский диалект вепсского языка:* Бокситогорский — Белое озеро, Кортлахта, Сидорово; *средневепсский диалект вепсского языка:* Подпорожский — Ладва, Озера, Пелдуши; *собственно карельское наречие карельского языка:* Бокситогорский — Селище; *ливвиковское наречие карельского языка:* Лодейнопольский — Кондуши.

Новгородская область. *Собственно карельское наречие карельского языка:* Валдайский — Валдай.

Тверская область. *Собственно карельское наречие карельского языка:* Весьегонский — Весьегонск, Зубцовский — Держа, Лихославльский — Толмачи.

Выражение благодарности

Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2019 год.

Литература

Зайцева Н. Г. (1994) Вепско-русские языковые связи. *Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Выпуск I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком.* Отв. ред., сост. В. М. Панькин. М.: АЗЪ: 71–80.

Зайцева Н. Г. (2008) Отражение вепско-севернорусских контактов в вепском лексическом тезаурусе. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 4: 79–83.

Зайцева Н. Г. (2016) *Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект).* Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.

Керт Г. М. (1994) Саамско-русские языковые связи. *Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Выпуск I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком.* Отв. ред., сост. В. М. Панькин. М.: АЗЪ: 167–176.

Керт Г. М. (2007) Предисловие. *Сопоставительно-ономастиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков.* Под общей ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН: 3–5.

Лаанест А. (1975) Прибалтийско-финские языки. *Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки)*. Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К. (ред.). М.: Наука: 5–122.

Лыткин В. И. (1974) Сравнительная фонетика финно-угорских языков. *Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)*. Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К. (ред.). М.: Наука: 108–213.

Мамонтова Н. Н. (1994) Карело-русские языковые связи. *Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Выпуск I: Северный регион. Языки народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в контактах с русским языком*. Отв. ред., сост. В. М. Паныкин. М.: АЗЪ: 93–102.

Матвеев А. К. (2007) *Субстратная топонимия Русского Севера. III*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.

Михайлова Л. П. (2016) Названия наклонного бревенчатого настила в крестьянском хозяйственном комплексе. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016*. СПб.: Нестор-История: 366–375.

Муллонен И. И. (2002) *Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования*. Петрозаводск: Карельский научный центр.

Мызников С. А. (2004) *Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ*. СПб.: Наука.

Суханова В. С., Муллонен И. И. (1986) О *z* протетическом в русских говорах Карелии. *Севернорусские говоры в иноязычном окружении*. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского госуниверситета: 38–45.

Krawczykiewicz A. (1972) *Zapożyczenia rosiyskie w języku wepskim. Acta philologica*, 5: 39–129.

Mikkola J. J. (1938) *Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch*. Helsinki.

Ojanen M. (1988) Suomalais-karjalais-venäläisistä kontakteista. *Kielikontaktaja I. Tutkimuksia venäjän ja itämerensumalaisten kielten alalta*. Joensuu: 11–32.

Сокращения источников

Гемп 2004 — Гемп К. П. *Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений*. 2-е изд-е, доп. М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004.

Доля 1969 — Доля Т. Г. *Пословицы и поговорки, записанные в Заонежье КАССР. Словарь*. Записи 60–70-х гг. XX в. Рукопись (136 с.). Хра-

- няется на кафедре русского языка Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск).
- Мызников 2010 — Мызников С. А. *Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря*. СПб.: Наука, 2010.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. *Словарь венского языка*. Л.: Наука, 1972.
- СКЯМ — *Словарь карельского языка: (Ливвиковский диалект)*. Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- СОС — *Сопоставительно-ономастический словарь диалектов карельского, венского, саамского языков*. Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: КНЦ РАН, 2007.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, В. И. Чернышев и др. Т. 1–17. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Tanner S., Cronstedt M. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. О. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

FORMAL CHANGES OF THE RUSSIAN WORD IN KARELIAN, VEPSIAN AND SAAMI DIALECTS

Lyubov Mikhailova

Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia
E-mail: posnm87@bk.ru

Citation: Mikhaylova L. (2019) Formal'nyye izmeneniya russkogo slova v karel'skikh, vepsskikh i saamskikh dialektakh [Formal changes of the Russian word in Karelian, Vepsian and Saami dialects]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 13–28. (in Russian)

Abstract. The research is based on the “Comparative onomasiological dictionary of the dialects of Karelian, Veps, Sami languages”, compiled by scientists of the Karelian Research Center. The article attempts to describe some groups of Russian words borrowed by the Karelian, Veps and Sami languages, to identify the features of their external appearance due to adaptation processes during assimilation in an unrelated language environment. Particular attention is paid to the words with an initial sound [j]; the appearance of irregular additional consonants at the beginning of a word before a smooth sound [r'] is detected. Several examples indicate the peculiarities of borrowing in the Sami language. The influence of the Baltic-Finnish languages on the change of Russian words is demonstrated.

The words related to a thematic group are analyzed. The thematic group “temporary relations” does not contain Russian words denoting parts of the seasons, days, various temporal circumstances (late, long, today, etc.). An insignificant penetration of Russian words is observed in such semantic groups as “always” and “fast”. The “week” concept presents only Russian borrowings in all compared languages. Russian borrowings of the “weather” topic are characteristic of the Sami language. The Dictionary allows to compare the dialects of the Karelian, Veps and Sami languages on the semantic principle and together with other regional dictionaries allows to study them in a variety of aspects.

Keywords: language contacts, borrowings, phonetic phenomena, Baltic-Finnish languages, Russian dialects of Karelia.

Acknowledgements

The research is carried out within the framework of the implementation of the complex of activities of the Program for the Development of the Base University of Petrozavodsk State University for 2019.

References

Kert G.M. (2007) Predisloviye [Foreword]. In: Yeliseev Yu.S., Zaitseva N.G. (eds.) *Sopostavitel'no-onomasiologicheskii slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo i saamskogo yazykov* [Contrastive-onomasiological dictionary of the dialects of the Karelian, Vepsian, and Saami languages]. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr: 3–5. (in Russian)

Krawczykiewicz A. (1972) Zapożyczenia rosyjskie w języku wepskim [Russian loanwords in Vepsian language]. *Acta philologica*, 5: 39–129. (in Polish)

Laanest A. (1975) Pribaltiysko-finskiye yazyki [Baltic-Finnic languages]. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (pribaltiysko-finskiye, saamskiye i mordovskiy yazyki)* [Basics of Finno-Ugric Linguistics (Baltic-Finnic, Saami, and Mordvin languages)]. Moscow: Nauka: 5–122. (in Russian)

Lytkin V.I. (1974) Sravnitel'naya fonetika finno-ugorskikh yazykov [Comparative phonetics of the Finno-Ugric languages]. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)* [Basics of Finno-Ugric Linguistics (origin and development of the Finno-Ugric languages)]. Moscow: Nauka: 108–213. (in Russian)

Matveyev A.K. (2007) *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa III*. [Substrate toponymy of the Russian North. III]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (in Russian)

Mikhailova L.P. (2016) Nazvaniya naklonnogo brevenchatogo nastila v krest'yanskom khozyaystvennom komplekse [Name of oblique log in the peasant household flooring complex]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)] 2016. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 366–375. (in Russian)

Mikkola J.J. (1938) *Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch* [The earlier contacts between Baltic-Finnic and Russian]. Helsinki. (in German)

Mullonen I.I. (2002) *Toponimiya Prisivir'ya: problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [The toponymy of river Svir basin: ethnic and linguistic

problems of contacting]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr. (in Russian)

Myznikov S. A. (2004) *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada. Ehtimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Lexis of Finno-Ugric origin in the Russian dialects of the North-West: Etymological and lingvogeographical analysis]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Myznikov S. A. (2010) *Russkiye govory Belomor'ya. Materialy dlya slovary* [Russian dialects of the White Sea region. Materials for the dictionary]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Ojanen M. (1988) Suomalais-karjalais-venäläisistä kontakteista [Finnish-Karelian-Russian contacts]. In: *Kielikontakteja I. Tutkimuksia venäjän ja itämerensuomalaisten kielten alalta*. [Language contacts I. Study of the Russian and Baltic-Finnic language]. Joensuu: 11–32. (in Finnish)

Sukhanova V. S., Mullonen I. I. (1986) O g proteticheskom v russkikh govorakh Karelii [On the prothetic g in the Russian dialects of Karelia]. In: *Severnorusskiye govory v inoyazychnom okruzenii* [Northern Russian dialects in a foreign language environment]. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkar'skogo gosuniversiteta: 38–45. (in Russian)

Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Tanner S., Cronstedt M. *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [The etymological dictionary of Finnish]. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. (in Finnish)

Yeliseev Yu. S., Zaitseva N. G. (eds.) (2007) *Sopostavitel'no-onomasio-logicheskii slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo i saamskogo yazykov* [Contrastive-onomasiological dictionary of the dialects of the Karelian, Vepsian, and Saami languages]. Petrozavodsk. (in Russian)

Zaitseva N. G. (2008) Otrazhenie vepssko-severnorusskikh kontaktov v vepsskom leksicheskom tezauruse [Reflection of Vepsian and Northern Russian contacts in Vepsian lexical thesaurus]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Petrozavodsk State University], 4: 80–84. (in Russian)

СУБСТРАТНЫЕ СЕВЕРНОРУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В ОБСКО-УГОРСКОМ И ПЕРМСКОМ КОНТЕКСТЕ

Рябчикова Зоя Степановна ¹,
Мызников Сергей Алексеевич ^{1,2}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;

² Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
E-mail: myznikovs@rambler.ru

Цитирование: Рябчикова З. С., Мызников С. А. (2019) Субстратные севернорусские лексические данные в обско-угорском и пермском контексте. *Севернорусские говоры*, 18: 29–54.

Аннотация. В данной работе продолжается комплексный этимологический анализ севернорусских диалектных заимствованных данных, при осложняющих исследование факторах, когда возможные этимоны могут фиксироваться в коми языке, прибалтийско-финских, обско-угорских языках. Предлагается анализ некоторых материалов, которые имеют широкую ареальную дистрибуцию. Отмечается, что значительное число таких заимствований относится тематически к рыболовецкому и охотничьему лексикону.

Ключевые слова: обско-угорский, прибалтийско-финский, пермский, самодийский, лексика, коми, ханты, манси, словарь.

Введение

Данная статья является продолжением изучения севернорусских данных в обско-угорском и пермском языках¹. Ввиду того,

¹См.: Мызников С. А., Рябчикова З. С. (2018) Обско-угорские лексические данные в пермском и севернорусском контексте. *Севернорусские говоры*, 17: 59–87.

что обско-угорские языки вступали в ходе своей истории в этноязыковые контакты с самодийскими, тюркскими, пермскими, русским языком [Steinitz 1959; Kannisto 1925], имеется значительный пласт пермских по происхождению данных в мансийском и хантыйском языках [Rédei 1970]. Кроме того, в коми лексиконе имеется значительное число слов, которое можно рассматривать также и на обско-угорской почве. При этом довольно часто коми данные, сопоставляемые с хантыйскими, представляют собой лексемы, которые послужили источниками заимствований не только в пермский континуум.

Ряд единиц, со сложным этимологическим прочтением имеет весьма широкую ареальную дистрибуцию на территории Северо-Запада России — от Республики Коми до Ивановской области. Приведем некоторые примеры этимологического анализа такого рода данных, которые фиксируются в русском неисконном диалектном лексиконе и в обско-угорских и пермских языках.

Ландшафтные номинации

Сахта

Сáхта ‘поросшая кустарником болотистая местность’ *Сахта* — сыро да ключья опеть. Федот сахтой проехал, дома лежит, по деревне не прошел, сахтами проехал. Печор. [Ивашко 1958]. *Сахта* — место, пореже лес, чем у калтуса, по калтусу и скотине не пройдет, а по сахте можно. Коми АССР [КСРНГ], ‘ложбина между возвышенностями, поросшая кустарником и заливаемая водой’ Пинеж., Мезен. [Подвысоцкий 1885: 153], ‘труднопроходимый лес на болоте’ Усть-Цилем. Коми АССР [КСРНГ], ‘торфяное болото’ Арх. [Даль; КСРНГ], ‘топь, трясына’ *Сахта така* — ноги не хватит. Арх., 1949 [КСРНГ], ‘грязное топкое место’ *Ручей растекается лужей, тонко, то — сахта. Сахта меньше калтуса, у ручья небольшо тако местечко, вон за скотным двором была сахта, ее вычистили.* Усть-Цилем. Коми АССР [КСРНГ], ‘густой лес, чаща’ *Попал в сахту и еле выбрался. В сахте живет дичь, частый лес, нет, оно не сырое.* Усть-Цилем. Коми АССР

[КСРНГ], 'болотистое место' *Сáхта-та эта погáна, на лошади́ брестí.* Пинеж. (Матвера) [Сими́на 1980], 'заросшее кустарником, заболоченное, труднопроходимое место' Мезен., Няндом., Онеж., Пинеж. [Мищенко 2002: 11], 'зыбун, топь' Мезен., Пинеж., Няндом. [Мищенко 2000: 11], 'низкое заболоченное место, поросшее редким лесом, кустарником (часто — у реки)' Печор., Усть-Цилем. [СРГНП 2: 249], 'низкое сырое место в лесу' Печор. [СРГНП 2: 250], 'грязное топкое место' Печор. [СРГНП 2: 250], 'болото и река' Ильин. Иван. [устное сообщение О. И. Жмурко]; *сахти́на* 'низкое сырое место в лесу' Печор. [СРГНП 2: 250]; *сáхтыиш* 'болото, поросшее лесом' Тойковск. Иван. [устное сообщение О. И. Жмурко]; *Сахтыиш* 'нас. пункт' Иван.-Вознес. (Водарский) [КСРНГ]; *Сахтыишец* 'житель с. Сахтыш' Иван.-Вознес. (Водарский) [КСРНГ].

М. Фасмер, оперируя материалами А. Подвысоцкого, сомневается в их связи с хант. словом *sáxət* 'вид ивы', 'большое пастбище', 'пастбище на песчаной почве', которое Паасонен выдвинул в качестве этимона [MW: 207; Фасмер 3: 567]. М. Р. Федотов возводит данное слово к хант. *сохта* 'глина, земля' [Федотов 1965: 127–135]. Л. А. Ивашко вслед за Меккеляйном сравнивает с фин. *sakka* 'болото' [Meckelein 1913: 63; Ивашко 1958]. Однако распространение слов *сáхта*, *сáхтыиш* в сфере влияния коми языка и субстрата мерянского типа (Ивановская область) отводит версии о хантыйском и прибалтийско-финском источнике как малодостоверные. Трудно, все же, однозначно ответить на вопрос о связи коми *са́дуку* 'болотистое место в тундре, заросшее травой' [ССКЗД: 328], 'ямки между кочками', возводимого к ненец. *sāda*, *sādaē* 'лужа', димин. **sādaḱku* [КЭСКЯ: 248], с русским материалом. А. К. Матвеев интерпретирует *сáхта* 'залив' как саамско-севернофинское, возводя к прасаам. **sāksē* [Матвеев 2004: 153], саам. колт. *sāhss*, кильд. *sāxs* 'грязь', при сопоставлении саамских данных с мар. *шакше* 'отвратительный' [МРС: 689]. На наш взгляд, такого рода сопоставление весьма произвольно, поскольку марийское слово сопоставляется с *шáкшиа* (I) 'жидкость, остающаяся при сбивании сливочного масла'.

Отмечается с XVII в.: *сáхта* ‘поросшая кустарником и заливаемая водой ложбина’ *А понятия-то мокрое место называют сахтою, а льва и согра тожь.* Гр. Дв. I, 840. 1648 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 23: 68].

Оет

Оет ‘заливной, поемный луг’ Сев. Урал., 1955–1958 [СРНГ 23: 71]; *ойёт* Сев. Урал., Матвеев, 1955–1958 [СРНГ 23: 104]. Последнее сопоставлялось с манс. *oit* ‘заросший травой залив’ [Kalima 1915: 231], манс. *õйта* ‘низменная сторона леса со смешанными деревьями’ [Ромбандеева 2003: 81]. При коми *войт*, *вõйт*, *уйт* ‘сырое глухое место в пойме реки, поросшее кустами черемухи и смородины’ [ССКЗД: 57]. Однако, вероятно, следует учитывать также и следующие данные: *уйта*.

Уйта ‘продолговатая низменность с крутыми склонами’ Вытегор. (Ковжа) [ПЛГО], «узкое болотистое место между возвышенностями» Каргоп. [Гусева 1971: 130], ‘топкое болото’ Онеж. [КСРГК], ‘гиблое, непроходимое место среди мхов’ Онеж. [КСРНГ], ‘болотистая безлесная местность’ Шенк. Арх., 1854 [КСРНГ], ‘чистое моховое безлесное болото’ Арх. [Даль; КСРНГ], ‘озерко, яма в болоте’ Приуралье [Матвеев 1962], ‘чистые березовые насаждения, образующиеся после расчистки согр’ Север [Мурзаев 1984: 573], ‘место покоса’ Пудож. (Теребовская) [КСРГК], ‘тропа через болото’ Каргоп. [Гусева 1971: 130], ‘узкое вытянутое озеро’ р. Печора [СРНП 2: 376], ‘сырая ложбина’ р. Печора [СРНП 2: 376], ‘чистое моховое безлесное болото’ [Даль; КСРНГ]; *уйти* ‘топкое место’ Север [Барсов 1872; Куликовский 1887]; *юта* ‘болото’ Онеж. (Пянтино) [КСРГК].

Ареал анализируемого материала в севернорусских говорах довольно обширен: восток Обонежья (Вытегорский, Пудожский районы), Каргополье, Беломорье (Онежский район), Приважье (Шенкурский уезд), говоры Коми АССР. Я. Калима, видя схожесть единственной фиксации ныне обширного материала из словаря В. И. Даля с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *uittu* ‘небольшая бухта’, водск. *uitto* ‘лужа’, эст. *oit* ‘лужа, промои-

на во льду», предпочитает коми-зырянский источник для русской диалектной лексемы, ср. коми *uit*, *voit* ‘затопляемое место, пастбище’, коми удар. *uīt* ‘поле на берегу реки Вашка’ [Kalima 1915: 231]. Причем коми-зырянское слово сопоставимо с манс. *oit* ‘заросший травой залив’ [Kalima 1915: 231]. Фасмер возводит к фин. *uitti* ‘перешеек между двумя протоками’, *uittu* ‘небольшой залив’ [Фасмер 4: 155]. Материалы коми языка различаются в отношении анализируемых слов в зависимости от диалектов, коми вычегод. *voit* и удар. *uīt* ‘луговое место, выгон’, что в SYRW рассматривается как заимствование из хантыйского языка, хант. *йōйт*, *ōйт* ‘луговая сторона Оби’ [SYRW: 344]. По ССКЗД, *voit* фиксируется в верхневыхогодском, печорском, присыктывкарском диалектах, *войт* — в удорском, *уйт* — в вымском, ижемском, средне-сыольском, удорском диалектах в значении ‘сырое глухое место в пойме реки, поросшее кустами черемухи и смородины’ [ССКЗД: 57]. Авторы КЭСКЯ к слову коми *уйт* ‘пойма, низменность, затопляемая в половодье’ приводят в качестве возможных этимонов как манс. *oйта* ‘заливной луг’, так и хант. *uйнат* ‘открытое место без древесной растительности’, *ййт* ‘луговая сторона берега’ [КЭСКЯ: 296]. Более обширные данные по прибалтийско-финским языкам представляют следующую картину: фин. *uitto* ‘низменное место, легко заполняемое водой, низменный, заливаемый весной сенокосный луг’ (широко в запад. диал.), ‘узкий мыс, мысок на лугу в лесу’, ‘островок плохого леса в хорошем лесу’, *uitti* ‘топкое узкое болото’, ‘узкий перешеек’, *uittu* ‘сенокосная долина или низменность’, ливв. *uitto* ‘долина между двумя возвышенностями’, ‘небольшой пруд’, луд. *uitto* ‘узкий и длинный влажный луг между возвышенностей или гор’, вепс. *uit* ‘большая лужа’, ‘мелкое озеро’, водск. *uitto* ‘водянистое, зыбкое место’, ‘небольшое озеро’, эст. *oit* ‘довольно большой пруд’, ‘низменное место, покрываемое водой, яма с водой’ при саамском из фин., саам. лул. *ui'hto* ‘узкий перешеек, поросший в окрестностях хвойным лесом, оленье пастбище’ [SKES: 1522]. Причем авторы SKES предлагают такую схему распространения этого материала в финно-угорских языках: хант., манс. > коми > прибалтийско-финские языки [SKES: 1522].

На наш взгляд, ареал и семантика русск. *уйта* с фиксацией в Вытегор., Пудож., Онеж., Каргоп. районах соотносится и восходит к карельским данным. Данные, отмечаемые в Коми АССР, восходят скорее всего к коми языку. В коми языке вариант *войт* связан с ханты-мансийскими данными, а *уйт* — результат влияния прибалтийско-финского языкового типа, на что указывает его преимущественное распространение в удорском диалекте. Кроме того, *ути* ‘топкое место’, отмеченное Барсовым, Я. Калима возводит к фин. *ukki* ‘лужа’ [Kalima 1915: 234]. На наш взгляд, вряд ли это слово стоит отрывать от проанализированного гнезда. См. также: [Погодин 1904: 64; Матвеев 1964: 306]. Ср. также коми *увтас* ‘низменность, низина’ [КРОЧ: 676].

Ихтиологические номинации

А. С. Герд в ряде своих работ отмечал крайнюю сложность этимологического анализа ихтиологических номинаций, которые довольно часто связаны с определенными водными бассейнами, а их ареальная дистрибуция не всегда указывает на их автохтонный ареал. И этот факт нередко затрудняет этимологическое прочтение названий рыб.

Сорога

Соро́га ‘рыба плотва’ Вытегор. (Бараны), Пудож. [ПЛГО], Пинеж. [Сими́на 1980], ‘плотица, рыба’ Олон., Каргоп., Симб. [Опыт], ‘плотва’ Белозер. (Семково) [КСРНГ], ‘рыба белочешуйчатая, широкая, плоская, имеющая овальную, а не продолговатую форму’ Перм. «Сорога меньше подлещика, красные перышки, така светлая, костливая она» Соликам. Перм. [КСРНГ], ‘плотва’ Пошехон. Яросл. [Архангельский 1849], Влад., ‘красноперка *Scardinius erythrophamus*’ Галич., Вохом., Буйск. [КСРНГ], ‘плотва’ Оренб., Сиб., Урал, Колым. Якут. [КСРНГ], ‘мелкая плотва’ Пудож. (Колгостров, Заозерье) [ПЛГО], ‘плотва’ Пинеж. (Сульца, Нюхча, Трифоногоры, Валдокурье, Кеврола, Чучепога, Вонга) [Сими́на 1980], ‘плотва’ Башк. [СРГБ: 335], *соро́га* ‘плотва’ Вашк., Белозер., Кадуйск., Кирилл., Черепов., Харов., Воже-

год., Каргоп., Няндом., Конош., Холмог., Плесецк., Верхнетоем. [КСРГК], Волхов, Ильмень, Орлов., Малмыж., Нолин., Елабуж. Вят. (Шамахов) [КСРНГ], Олон. [Боричевский], Холмог. [Грандильевский 1907], Зимний берег, Холмог., Шенкур. [Подвысоцкий 1885], Олон. [Рыбников 1864], Пудож., Каргоп., Вытегор. [Куликовский 1887], Сольвыч. Волог. [КСРНГ], Сыктывк. Коми АССР [Сергеенко 1968]; *соро́га красногла́зая* 'рыба плотва' Подпорож. (Курпово) [ПЛГО]; *соро́жка* 'плотва' Пинеж. (Хаймусово, Чучепога) [Сими́на], 'мелкая рыба' Новг. [НОС], 'небольшая плотва' Вытегор. (Корбозеро), Пудож., Прионеж. (р. Шуя), Каргоп., Плесецк., Онеж., Вашк., Черепов., Галич., Охан., Соликам., Оренб., Кемер., рр. Урал, Обь, Иртыш, Енисей [КСРНГ]; *соро́жка* 'плотва' Симб. [Опыт]; *суру́га* 'рыба плотва' Вытегор. [КСРГК]; *соро́га* 'плотва' Том. [Опыт]; *соро́жина* 'плотва' Вашк. [КСРГК]; *соро́жник* 'плотва' Том. [Опыт]; *соро́жняк* 'плотва' Черепов. [КСРГК], Симб. [Опыт], Ульянов., рр. Обь, Иртыш, Енисей, Новосиб., Кемер., Том., Краснояр. [КСРНГ]; *осоро́га* Сев.-Двин. [Романов 1928; КСРНГ]; *соро́жный* 'относящийся к сороге' Пинеж. (Чучепога) [Сими́на 1980].

А. С. Герд указывает на распространение слова *соро́га* также на Печоре, Пинеге, Шексне, Водлозере, Кенозере, оз. Лаче, на Белом озере. Причем, по его мнению, распространение лексемы на северо-востоке европейской части России, на Урале и в Сибири указывает автохтонный ареал [Герд 1970: 114–116]. Слово *соро́га* отмечается в былинах: *Рыбу сорогу повывловили*. Пудож. (Кенозеро) [Рыбников 1864: 119]. Этимологи в основном имели дело с полногласным вариантом, Я. Калиму и М. Фасмера смущает, по их мнению, не совсем полное соответствие известной им полногласной формы, которую они, тем не менее, возводили к прибалтийско-финским данным. На наш взгляд, полногласная форма имеет точное соответствие с неполногласной: *сы́рга* > *са́рга* > *соро́га*. Смущает, однако, отсутствие полногласной формы в зонах наиболее интенсивных контактов прибалтийских финнов с русскими на всей территории Обонежья, кроме Вытегорского и Пудожского районов. В данном случае основной ареал слова *соро́га*

расположен восточнее — в архангельских и вологодских говорах. На наш взгляд, заслуживает серьезной поддержки этимология, предложенная Шайжиным, — хант. *soroh*. А. С. Герд независимо приходит к аналогичному выводу: «По-видимому, рус. *soroga* заимствовано исторически не из прибалтийско-финского *särg(k)i*, также, как и русск. *сырок* ‘пыжьян’, отражает именно хант. и манс. *soroh* (название рыбы) с естественным изменением в дальнейшем ударения и категории рода. На Белое озеро и Волхов слово *soroga* было занесено позднее торговцами рыбой с востока по речным путям» [Герд 1970: 116], что совпадает с нашими выводами.

Сыръть

Сыръть «вид рыбы» Лодейноп. [СРГК 6: 430], «стар. какая-то рыба, кажется вяленая (сырье?)» [Даль; КСРНГ], ‘рыба породы сига’ р. Волхов, Новг., Шимск., Солец. [НОС 11: 19].

М. Фасмер слова *сыръть* и *сырок* «вид лосося *Coregonus vimba*» определяет как заимствование из хант. *särəḡ* [Фасмер 3: 820]. См. также: [Karjalainen 1948: 2, 871; Kalima 1952: 221; Kálmán 1961: 1, 263]. А. Е. Аникин лексемы *сырок* и *сыръть* рассматривает как единицы гетерогенного происхождения [Аникин 2000: 517]. Лексема *сырѳк* ‘рыба сем. лососевых, обитающая в реках и озерах севера Сибири; пелядь’ отмечается в [БАС 14: 1368], с первой фиксацией в «Словаре Академии Российской» 1794 г. Ср., однако, *сырѳак*, *сырѳом* ‘в сыром виде’ Терск., Кандалакш., Кем. [СРГК 6: 428, 431]; *сырѳк* ‘сырая рыба’ Онеж. [СРГК 6: 430], что мотивировано на исконной почве. В первых изданиях Словаря В. И. Даля лексема *сырок* фигурирует только в описании других слов: *Юрюк* «остяцк. Тобол. мелкая сушеная рыба (*сырок*, нельма, сельдь); ее чистят, срезавают тежки и головки, сымают с костей и, вздевая на прутья, сушат на солнце» [Даль; КСРНГ]. «Стоповой максун, — *сырок*, Тобол. соленая рыба в стопах» [Даль; КСРНГ]. В Новгородском областном словаре — *сырка* ‘рыба сигаевой породы’ Старорус. [НОС 11: 18].

Номинации традиционного быта и занятий

Солныш / Шолныш

Солныш 'огороженное перегородкой место в избе около печи, где хранятся припасы, посуда, готовится пища и т.п.' Мезен. Арх. [КСРНГ 1847]. *В Верколе-то задоски, а у нас солнышто, за досками, возле печи.* Пинеж. (Явзеро, Нюхча, Летопада) Арх. [Сими́на 1980], Каргоп. (Томилов) Печор. [КСРНГ], Волог., Олон. (Гольдин), Север [Даль; КСРНГ], 'место в кухне между печью и стеной, небольшой чулан' Холмог. [Гранди́левский 1907], 'перегородка, отделяющая место перед печью от остальной избы' Арх. [КСРНГ], 'помещение для приготовления пищи, кухня' У них *солныш* — это кухня. Пинеж. (Еркино) Арх. [Сими́на 1980]; *солныша* 'огороженное перегородкой место в избе около печи, где хранятся припасы, посуда, готовится пища и т.п.' «Местные-свои девушки занимают места, считая от большого угла, до дольнего и поперечного венцов; дольний воронец, отделяющий избу от солныша» [КСРНГ], *Здесь-то задоски, а в Суре солныша зовется. У нас в деревне это место около печки солнышей называется. Сейчас солнышу не огораживам, а раньше-то отгораживали. Солныша — это хозяйкин угол в избе, там у нас все припасы, печь, посуда.* Пинеж. (Ваймуша, Вальтево, Веегора, Веркола, Засурье, Козлово, Хаймусово, Чучепога) [Сими́на 1980], 'перегородка, отделяющая место перед печью от остальной избы' Арх. [КСРНГ], 'помещение для приготовления пищи, кухня' *Розетка в солныше находится, идите туда писать.* Пинеж. (Вальтево) [Сими́на 1980]; *чолмуша, чолмуши* 'пространство между печью и стеной, небольшой чулан' Пудож. (Авдеево) [ПЛГО], 'перегородка в избе' Холмог. Арх. [Опыт]; *шолныш* 'огороженное перегородкой место в избе около печи, где хранятся припасы, посуда, готовится пища и т.п.' Пинеж. (Вонга, Малетино, Нюхча, Сульца, Чашегора, Шиднема) [Сими́на 1980], 'часть избы за печью' Печор. [СРНП 2: 450]; *шолныша* 'пространство возле печки за досками' Холмог. (Леуново), Пинеж. (Усть-Ежуга, Подрадьё) [Сими́на 1980], 'тем-

ное место за печкой в виде комнаты' Пудож. Олон. [Опыт], 'отделение избы за печью, где иногда спят, а иногда хранят разный хозяйственный скарб' Холмог., Пинеж., Мезен. Арх. [Подвысоцкий 1885: 193], *Шолныша так больша, а маленька запечком звали*. Лешукон. (Белощелье) Арх. [КСРНГ]; *шолнышный угол* 'то же' Пинеж. (Филимоново) [Сими́на 1980], «отделенная по печке заборкою от кухни комната с полками вокруг для складывания посуды и кринок с молоком» *Подика принеси мне кринку с шолныша*. Мезен. Арх. [Опыт], Холмог. [Грандилевский 1907], Каргоп. [КСРНГ], 'пространство между печью и стеной, небольшой чулан' Холмог. (Куростров) [Грандилевский 1907], Пинеж. (Филимоново) [Сими́на 1980]; *шолныша* 'огороженное перегородкой место в избе около печи' Пинеж. (Подрадье, Усть-Ежуга), Холмог. (Леуново) [Сими́на 1980]; *шолнуш* 'перегородка, отделяющая печь от остальной части избы' Онеж. [Подвысоцкий 1885: 193], Холмог. [Грандилевский 1907], «Изба, по-старинному еще, делится на три части: шолнуш или кухню, заменяющую также спальню, собственно избы — столовую комнату, и горенку». Беломор. [Максимов 1858]; *шолнуша* 'маленькая комната, отделенная от избы перегородкой' Шенк. Арх. (Шикунов), Петрозав. [Куликовский 1887]; *шомнеша* 'чулан между печью и стеной' Онеж. (Пянтино) [КСРГК]; *шомнаша* Онеж. [КСРГК]; *шомноша* Онеж. (Посад, Пурнема) [КСРГК]; *шомнуша* Онеж. (Тамица, Ворзогоры), Пудож. (Каршево, Гаукса, Шала) [КСРГК], 'комната, отделенная в крестьянской избе перегородкой от кухни' Р. Свирь [Куликовский 1887]; *шомныш* 'перегородка в избе за печкой, где бабы прячут принадлежащая к оной и стряпью снадобья' Сольвыч. Перм. (Мудров), Сольвыч. Волог. [КСРНГ; Опыт], Тотем., Никол. Волог. [Дилакторский 1902]; *шомныша* 'чулан между печью и стеной' Пудож. (Канзанаволок) [ПЛГО], Онеж. (Тамица, Хагела, Кянда, Нижмозеро, Подпорожье, Пянтино) [КСРГК], Онеж. КАССР (Калинин), Тотем. (Ковшеньга) Волог. [Едемский 1905], Устьян. (Бестужево, Орлово) [КСРГК], 'отделенный перегородкой темный угол в избе, чулан' Вожегод. (Нижняя слобода) [КСРНГ 1972], 'перегородка, отделяющая место перед печью от остальной избы'

Верховаж. Волог. [Опыт], 'кладовая при кухне' Сев.-Двин. [Романов 1928], 'отделенное перегородкой помещение в избе'. *У нас кроме избы есть ще шомныша*. Великоуст., Тотем., Никол. [Дилакторский 1902], Вельск. Арх. [Меркурьев 1957]; *шбмнышка* 'помещение, отделенное перегородкой от остальной части избы; заменяет собой чулан' Вельск. [КСРНГ 1912]; *шбмуш* 'чулан между печью и стеной' Пудож. [ПЛГО]; *шбмуша* 'небольшое помещение между стеной и печью' Шенк. (Воскресенское) [КСРНГ 1912], Шенк. [Подвысоцкий 1885], Пудож. (Потахина). «Маленькая комната, отделенная от избы перегородкой» Шенк. [Опыт], Шенк. [КСРНГ 1912]; *шбмыш* 'отделенное перегородкой помещение в избе' Волог. [Дилакторский 1902]; *шбмышша* 'отделенный перегородкой темный угол в избе, чулан' Вожегод. (Нижняя слобода) [Женатов 1972], 'маленькая комната, отделенная от избы перегородкой' Шенк. [Борисов 1847; Опыт], 'отделенное перегородкой помещение в избе' Кадр. [Дилакторский 1902], «В Вологодской губернии часть избы, отделенная перегородкой. Там избы делятся на три части: в первую отгородку пускают домашний скот; вторую занимают хозяева и гостей своих тут принимают, а третья часть именно шомыша для хозяек» [Бурнашев]; *шбмышка* 'отделенное перегородкой помещение в избе' [Бурнашев]; *шомявина* 'перегородка, переборка' Волог. [Суровцев 1822; Опыт; Дилакторский 1902]; *шомявинка* 'перегородка, переборка' Волог. [Дилакторский 1902]; *шоноша* 'комната, горница' Великоуст. [Дилакторский 1902]; *шбмаша* 'чистая комната, кут, отделенный от избы переборкой' Волог. [Дилакторский 1902]; *шббуша* 'чулан в избе между печью и стеной' Пудож. (Корбозеро) [ПЛГО]; *шбвныша* Онеж. (Ворзогоры, Чекуево) [КСРГК]; *шбмбуша* Пудож. (Бураково, Теребовская) [КСРГК]; *шбмша* Пудож. [ПЛГО]; *шбрмуша* Прионеж. (Ладва) [ПЛГО], Петрозав., Лодейноп. [Куликовский 1887]; *шбрнуша* «в курных избах маленькая комната» Петрозав. (Муромля) [КСРНГ 1896]; *шбннуша* 'чулан' Олон. [Опыт]; *шбдноша* 'маленькая комната, отделенная от избы перегородкой' [Барсов 1872]; *шбншик* 'место перед печью, чуланчик, отгородка' [КСРНГ].

Корш и Шахматов предполагали, что это финно-угорское заимствование, приводя в качестве одного из возможных этимонов хант. *čūmat, čūmden* ‘основание дома, сруб’ [Корш 1902: 1, 45]. Однако хант. слово не является исконным, ср. хант. *пур-кат, ур-хот* ‘чум’ [Кулемзин, Лукина 1992: 33], при *čõt* ‘лесной амбар, поставленный на один столб’, возводимое к коми *čom* [Steinitz 1968: 272], которое послужило источником для русск. *чум*, ср. коми *чом* ‘шалаш, конура, маленький домик в виде клетки (из досок для детских летних игр)’ [КЭСЯ: 309], *čum* ‘амбар’ [Kalima 1927: 45]. Версию Корша и Шахматова Я. Калима отверг по фонетическим соображениям [Kalima 1912: 94]. Преображенский повторяет предположение Корша и Шахматова о каком-либо финском источнике [Преображенский 1914: 102]. Неубедительны также гипотезы о балтийском источнике: литов. *kėmas* ‘пень’, др.-прусск. *kalmus* ‘палка’; и в одном из славянских: словен. *čūmnata* ‘комната, каморка’, которое могло быть заимствовано из нем. *kemmate* (с позднейшей палатализацией перед гласным переднего ряда) или из ретороманского *čaminata*, отвергаемые М. Фасмером [Фасмер 4: 371]. А. Л. Погодин считает возможным возведение данного материала к фин. *solukka* ‘маленькая комната’: «Заимствование было сделано, вероятно, в форме *шолука*, а потом подверглось влияниям аналогии и дало сначала *шолнуша*, а потом и остальные формы» [Погодин 1904: 68]. Эту версию поддерживает А. И. Федоров [Федоров 1952]. В SKES имеется ряд вариантов, которые семантически довольно близки к русскому материалу: фин. *sola* ‘узкое место между зданиями, между печью и стеной или вообще узкое место’, фин. юго-вост. диал. *solanen* ‘переулок, с обеих сторон огражденный изгородью’, фин. диал. *solikko* ‘узкий проход за печью, узкое место, проход между комнатами’; кар. южн. *šolukka* ‘проход, узкое и тесное место’, ливв. *šolukku* ‘то же’. Это прибалтийско-финское гнездо восходит к швед. диал. *svala* ‘коридор, сени в амбаре’, совр. швед. *svale* ‘прихожая’ [SKES: 1064]. Ср. также кар. *solukka* ‘полоса земли’, ‘отдаленный конец, угол’, ‘тесный промежуток, проход’ [KKS 5: 476]. Однако в достоверности данной версии отказал еще Я. Калима [Kalima 1912: 94]. М. Романов, исходя из семантики ва-

рианта *шóмныша* ‘кладовая при кухне’ выдвигает гипотезу о связи его с швед. *somna* ‘собирать, складывать’ [Романов 1928]. Я. Калима также относит данный материал к результатам скандинавского влияния: др.-норв. *svēfnhu* ‘s’ [Kalima 1912: 94], Фасмер предпочитает др.-швед. этимон: *søtnhūs* [Фасмер 4: 371]. Бломквист, отмечая, что «иногда печь ставят не вплотную в угол, а отступя от одной или обеих стен; пространство между печью и стеной называется запече́е, запечек, заход; в некоторых северных районах печь ставят много отступя от боковой стены, так что образуется особое помещение — *шомныша*» также предпочитает варяжское происхождение термина: др.-сканд. *svēfnhus*, старошвед. *sōtprnhus* ‘помещение для спанья, спальня’ [Бломквист 1956: 216]. Данный автор показывает, что «термин *шомныша* как название отгороженного запечного пространства распространен в Архангельской, Вологодской областях и в Карелии в разных вариантах: *шóмныш, шóмыша, шóмуша, шóлнуша, шóлныш, шóбннуша, шóбвныша, сóлныша, сóлныш, чóлмуша, чóлмыша*» [Бломквист 1956: 216].

На наш взгляд, ареальная дистрибуция данного материала: от Онежского озера до Северной Двины и Пинеги говорит все же о прибалтийско-финском происхождении слова, ср. фин. *salmo, salma* ‘комната в доме’, *salmoos* ‘сруб’, ‘законопаченное мхом отверстие в стене’; кар. сев. *šalmo, šalato*, кар. твер. *šamalo* ‘внешний угол постройки’, ‘сруб’, люд. *salme* (pl. *salmad*), *salato, salmag, saumago, saumal* ‘внешний угол постройки’ [SKES: 958], ижор. *salome* ‘внешний угол, угол’ [IMS: 502], вепс. *saum, soum* ‘угол дома — внутренний и внешний’, *prüubsaum* ‘закут за печкой, где держат кадушку, ведра, чугуны и т. п.’ [СВЯ: 435, 500]. Причем в некоторых случаях возможно разграничение прибалтийско-финских источников в отношении различных диалектных русских вариантов. Так, варианты *шормуша, шорнуша*, зафиксированные в Прионежском, Лодейнопольском районах, связаны с вепс. *šormuš, širmuš* ‘закут за печкой’, отмечаемыми в смежных вепсских диалектах [СВЯ: 544]. Варианты с начальным [ч] связаны с саамским влиянием, ср. саам. *čuolm, čalm* ‘пролив’ [KOLTKS:

671]. Варианты с начальным *шолн-*, *шовн-*, вероятно, результат карельского влияния (см. выше). Варианты *шобуша*, *шомбуша*, *шомша*, зафиксированные в Пудожском районе, относятся к карельскому воздействию, ср. *šorpi* ‘угол в избе, где находится печь’, ‘женская половина избы между печью и передней стеной, угол’, входящее в гнездо фин. *soppi* ‘печной угол, пространство в виде угла между печью и стеной’ [SKES: 1075], ср. также вепс. *šumb*, *šumbüne* ‘угол, уголок’ [СВЯ: 64]. Варианты *шоноша*, *шомаша* и т. п., отмеченные на востоке обследованного региона, возможно сопоставить с коми *шона*, *шонаув* ‘помещение для очага в овине’, соотносимыми с фин. *huone* ‘комната’ [КЭСКЯ: 322]. Причем имеется также коми удар. *шевнӧс*, *шейнӧс*, ижем. *солныша*, *шоныша* ‘перегородка; часть избы перед печкой, за перегородкой’ [ССКЗД: 421]. Следует отметить, что лексемы *солныш*, *солныша*, *шолноша* ‘помещение в доме окнами на юг’ и в данном случае имеют прямую мотивацию, что контаминационно отразилось на материале прибалтийско-финского происхождения: *солныш*, *солныша*. Отмечается также топоним *Шӧмныши* ‘сенокосный луг’ Онеж. (Тамица) [КСРГК]. Не исключено, что на ряд вариантов повлияло гнездо ливв. *salvain* ‘наружный угол деревянной постройки’ [СКЯМ: 324].

Тагас

Анализируемое ниже наименование невода связано и с Белозерьем, однако не вполне понятна мотивационная основа на вепсской субстратной почве, что заставляет внимательней посмотреть и на другие финно-угорские данные.

Tágas ‘большой зимний невод с частой ячеей’ Вытегор., Белозерье [ПЛГО], «Большой многосложный рыболовный снаряд со многими разноячейными... сетями, в ловле которым участвуют до 40 человек и 20 лошадей. Длина тагаса свыше 130 саженей» Белозер. Новг. [Богословский 1865], ‘рыболовная сеть с частой ячейей’ Вытегор. [СРГК 6: 435]; *тагас* «Тагас на Белом озере состоит из нескольких частей с ячейками разной величины, имеющих различные названия». [Зеленин 1991: 105]; *тагас осенний* — Снетко-

вый лов с 1-го августа до заморозков. Ловят 4 человека на двух лодках. Вашк. Волог. [КСРНГ]; *tágasy* «большой невод, пропускаемый под лед, посредством прорубей, баграми и вытаскиваемый в треугольную прорубь, близ берега находящуюся» [Бурнашев]; *tagás* ‘частый большой невод’ Белозер. [Даль]; *tágos* ‘частый большой невод’ Белозер. [СРГК 6: 435], ‘рыболовецкая артель’ Белозер. [СРГК 6: 435]; *тугас* «частыми неводами, которые здесь называли тагасами или тугасами ловили, в основном, но только с наступлением устойчивой зимы» [Максимов 1858: 22]; *тагасный* лов, *тагасная* артель [Максимов 1858: 25].

Первая фиксация слова *тагас* относится к XVI в.: *Ловят рыбу... шестью неводами, да седьмымъ частымъ неводомъ, что словятъ тагасъ* (Выписка из Белозерской писцово́й книги 1674 г.) [Андреева 2008: 60], см. также: [Андреева 1984: 85; Дювернуа 1894: 208]. М. Фасмер считал это слово неясным по происхождению. Однако его узкая локализация в Белозерье позволяет возвести к вепс. *tagas* ‘большой частый невод для зимней ловли’ [СВЯ: 556]. См. также: [Андреева 1984: 85]. На вепсской почве слово *tagas* близко по форме к вепс. *tagaz* ‘назад, обратно’ [СВЯ: 556], но не вполне ясно, могут ли быть с ним связаны хантыйские и коми данные: ср. хант. *tōgot*, *tōhot* / *tōgət* ‘невод’, при коми *тыв* ‘невод’, манс. среднелозьв. *tali* ‘невод, сети’ [КЭСКЯ: 292], ср. также коми удор. тыл, печор., сысол. *тыы* ‘невод’ [ССКЗД: 389]. Форма с другим типом вокализма — *тугас*, возникла в результате заударной редукции.

Заключение

Таким образом, при анализе данных, где представлены сложные в этимологическом плане материалы, их следует рассматривать как на русской, пермской так и обско-угорской почве. Нередки случаи, когда из пермского континуума, наряду с вхождением в севернорусский диалектный лексикон, слово также распространялось уже далее в обско-угорские языки.

В ряде случаев прибалтийско-финские и обско-угорские данные весьма близки по форме и семантике, и встает проблема диф-

ференциации результатов их воздействия на русские говоры, т. е. когда коми и хантыйские лексемы представляют собой как будто этимологически сходные единицы на финно-угорской почве. Детальный анализ рассматриваемых данных, зафиксированных в разных территориально смежных языках одного региона, позволяет верифицировать в ряде случаев некоторые этимологические версии, при несомненном внимании к возможностям гетерогенных этноязыковых воздействий.

Литература

Андреева Е. П. (1984) Взаимодействие славянской и финно-угорской лексики в системе рыболовецкой терминологии Белозерья (На материале местных письменных памятников XVI–XVII вв. и современных говоров). *Эволюция лексической системы севернорусских говоров*. Вологда: ВГПИ: 84–94.

Андреева Е. П. (2008) Некоторые особенности народной ремесленно-промышленной лексики (диахронический аспект). *Слово и текст в культурном сознании эпохи*. Ч. 1. Вологда: ВГПУ: 60–67.

Бломквист Е. Э. (1956) Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). *Восточнославянский этнографический сборник*. Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXXI: 3–458.

Герд А. С. (1970) Из истории прибалтийско-финских названий рыб (*sinti, tintti, tint*). *Советское финно-угроведение*, VI, 2: 87–91.

Гусева Л. Г. (1971) Заимствованные слова в географической терминологии Каргопольского края. *Вопросы топониматики*, 5: 128–132.

Ивашко Л. А. (1958) Заимствованные слова в печорских говорах. *Ученые записки Ленинградского государственного университета, Сер. филологические науки*, 42(343): 84–103.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. (1992) *Знакомьтесь: ханты*. Отв. ред. Н. И. Молодин. Новосибирск: Наука.

Матвеев А. К. (1962) Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири. *Вопросы финно-угорского языкознания: К 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха*. М.; Л.: 127–142.

Матвеев А. К. (1964) Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 14 (3–4): 285–315.

Матвеев А. К. (2004) *Субстратная топонимия Русского Севера*. Ч. 2. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004.

Мищенко О. В. (2000) *Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

Мищенко О. В. (2002) Исконная и заимствованная лексика с семантикой 'лес на болоте' в говорах Русского Севера (семантический аспект). *Финно-угорское наследие в русском языке*: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург: Издательство Уральского университета: 3–28.

Ромбандеева Е. И. (2003) Мансийские народные географические термины. *Финно-угроведение*, 1: 80–83.

Сергеенко Э. С. (1984) Фонетическое и лексико-семантическое освоение коми слов в островном русском говоре Коми АССР. *Взаимодействие финно-угорских и русского языков*. Сыктывкар: Коми книжное издательство: 96–107.

Сими́на Г. Я. (1980) *Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья)*. Л.: Наука.

Федоров А. И. (1952) *О происхождении словарного состава беломорских говоров*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.

Федотов М. Р. (1965) *Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми*. Чебоксары.

Kalima J. (1912) Kritisches zur Frage iiber die Finnischugrischen Element im Russischen. I (Рец. на: А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финского языка). *Rocznik slawistyczny*, 5: 79–95.

Kalima J. (1915) *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsingfors.

Kalima J. (1952) *Slaavilaisperäinen sanastomme: Tutkimus itämerensuomalaisen kielten slaavilaisista lainasanoista*. Helsinki.

Kálmán B. (1961) *Die russischen Lehnwörter im Wogulischen*. Budapest.

Kannisto A. (1925) Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 17: 1–264.

Meckelein R. (1913) *Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnischugrischen Elemente im Russischen*. Berlin.

Rédei K. (1970) *Die syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen*. Bloomington.

Steinitz W. (1959) Zu den samojedischen Lehnwörter im Ob-Ugrischen. *Ural-Altäische Jahrbücher*, 31: 426–453.

Сокращения источников

- Аникин 2000 — Аникин А. Е. (2000) *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и паlearоазиатских языков*. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука.
- Барсов 1872 — Барсов Е. В. *Причитания Северного края*. Ч. 1–2. М., 1872–1882. (Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Издание подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1997).
- БАС 14 — *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 т. Т. 14. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1968.
- Богословский 1865 — Богословский Н. Н. (1865) *Новгородский сборник*. Вып. 4. Новгород.
- Борисов 1847 — Борисов Н. (1847) Нечто о рыбных промыслах крестьян Шенкурского уезда. *Архангельские губернские ведомости*, 20. Ч. неоф.: 302–307.
- Боричевский — Боричевский И. П. Обзорение Губернских ведомостей с 1842 по 1847 год. *Журнал Министерства народного просвещения*. 1848. № 5, 6, 8; 1849. № 2, 3, 8, 9; 1850. № 2, 8, 10; 1851. № 10.
- Бурнашев — Бурнашев В. *Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного*. Т. 1–2. СПб., 1843–1844.
- Грандилевский 1907 — Грандилевский А. Н. (1907) *Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор*. СПб.: Типография Императорской академии наук.
- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.
- Дилакторский 1902 — Дилакторский П. А. (1902) *Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Вологда. (Рукопись КСРНГ).
- Дювернуа 1894 — Дювернуа А. (1894) *Материалы для словаря древнерусского языка*. М.
- Едемский 1905 — Едемский М. Б. (1905) *Говор жителей Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губернии. Живая старина*, 1–2: 97–101.
- Женатов 1972 — Женатов П. Д. *Слова вологодского диалекта из Вожегодского района*. 1972. (Рукопись КСРНГ).
- Зеленин 1991 — Зеленин Д. К. (1991) *Восточно-славянская этнография*. М.: Наука.

- Корш 1902 — Корш Ф. Е. (1902) О русском правописании. *Известия Отделения русского языка и словесности*, Т. VII, кн. I: 39–94.
- КРОЧ — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. (2000) *Коми-роч кывчукор*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Словарном кабинете им. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).
- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Отделе диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка ИЛИ РАН).
- Куликовский 1887 — Куликовский Г. И. (1887) Олонецкие провинциализмы. *Олонецкие губернские ведомости*. № 81: 725–726. № 82: 734–736.
- КЭСЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. (1999) *Краткий этимологический словарь коми языка*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во.
- Максимов 1858 — Максимов С. (1858) Белое море и его побережье. *Морской сборник*, 25–27.
- МРС — Бубрих Д. В. (ред.) (1949) *Мокшанско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Мурзаев 1984 — Мурзаев Э. М. (1984) *Словарь народных географических терминов*. М.: Мысль.
- НОС — Строгова В. П. (ред.) *Новгородский областной словарь*. Вып. 1–12. Новгород: Издательство Новгородского пединститута, 1992–1995.
- Опыт — *Опыт областного великорусского словаря*, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ПЛГО — *Полевое лингвогеографическое обследование* (материалы, собранные С. А. Мызниковым в диалектологических экспедициях по русским говорам, и финно-угорским языкам).
- Погодин 1904 — Погодин А. Л. (1904) Севернорусские словарные заимствования из финского языка. *Варшавские университетские известия*, 4: 1–72.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. (1885) *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. СПб.
- Преображенский — Преображенский А. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–3. М., 1910–1914.

- Романов 1928 — Романов М. *Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии*. 1928. (Рукопись КСРНГ).
- Рыбников 1864 — Рыбников П. Н. (1864) Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии. *Этнографический сборник РГО*, VI: 1–24.
- СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. (1972) *Словарь вепсского языка*. Л.: Наука.
- СКЯМ — Макаров Г. Н. (сост.) (1990) *Словарь карельского языка (ливви-ковский диалект)*. Петрозаводск: Карелия.
- СлРЯ XI–XVII вв. 23 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 23. Гл. ред.: В. Б. Крысько и др. М.: Наука, 1996.
- СРГБ — Здобнова З. П. (ред.) (1993) *Словарь русских говоров Башкирии*. Вып. 1. Уфа: Гилем.
- СРГК — Герд А. С. (ред.) *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Т. 1–6. СПб.: Издательство СПбГУ, 1994–2002.
- СРГНП — Ивашко Л. А. (ред.) *Словарь русских говоров Низовой Печоры*. Т. 1–2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003–2005.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- ССКЗД — Сорвачева В. А. (ред.), Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. (сост.) (1961) *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Суровцев 1822 — Суровцев Н. [Г.] (1822) Список слов особливых Вологодской губернии. *Труды Общества любителей российской словесности*, 1 (21): 229–245, 261–287.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.
- IMS — Nirvi R. E. (toim.) (1971) *Inkeröismurteiden sanakirja*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVIII).
- Karjalainen 1948 — Karjalainen K. F. (1948) *Ostjakisches Wörterbuch*. Bde. I–II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. X).
- KKS — Virtaranta P., Koponen R. (toim.) *Karjalan kielen sanakirja*. О. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI).
- KOLTKS — Itkonen T. I. (1958) *Koltan ja kuolalapin sanakirja*. О. 1–2. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV).

- MW — Paasonen H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1999. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XXIII).
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. O. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).
- SYRW — Wichmann Y., Uotila T. E. (1942) *Syrjänischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. VII).

SUBSTRATE NORTHERN RUSSIAN LEXICAL DATA IN THE OB-UGRIC AND PERMIC CONTEXT

*Zoya Ryabchikova*¹, *Sergey Myznikov*^{1,2}

¹ A. Herzen Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia;

² Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

E-mail: myznikovs@rambler.ru

Citation: Myznikov S., Ryabchikova Z. (2019) Substratnyye severnorusskiye leksicheskiye dannyye v obsko-ugorskom i permskom kontekste [Substrate Northern Russian lexical data in the Ob-Ugric and Permic context]. *Severno-russkiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 29–54. (in Russian)

Abstract. In this work, a comprehensive etymological analysis of Northern Russian dialectic borrowed data is continued, with factors complicating the study, when possible etymons can be recorded in the Komi language, Baltic-Finnic, Ob-Ugric languages. An analysis of some materials that have wide areal distribution is proposed. It is noted that a significant number of such borrowings are thematically related to the fishing and hunting vocabulary.

A detailed analysis of the totality of all the data recorded in different geographically related languages of the same region allows one to verify some etymological versions, and in some cases to make corrections of established etymologies. In addition, when designing distant etymologies, it is extremely important to take into account the possibilities of multidirectional ethno-linguistic influences.

Thus, when analyzing data where materials that are complex in etymology are presented, they should be considered both on Russian, Permic and Ob-Ugric soils. There are frequent cases when from the Permic continuum, along with entering the Northern Russian dialect vocabulary, the word also spread already further into the Ob-Ugric languages.

In some cases, the Baltic-Finnic and Ob-Ugric data are very similar in form and semantics, and the problem arises of differentiating the results of their impact on Russian dialects, i. e., when Komi and Khanty tokens are etymologically similar units on Finno-Ugric soil. A detailed analysis of the data considered, recorded in different geographically adjacent languages of one region, allows us to verify in some cases some etymological versions, with undoubted attention to the possibilities of heterogeneous ethnic language influences.

Keywords: Ob-Ugric, Baltic-Finnish, Permian, Samoyed, vocabulary, Komi, Khanty, Mansi, dictionary.

References

Andreyeva Ye. P. (1984) Vzaimodeystvie slavyanskoy i finno-ugorskoy leksiki v sisteme ryboloveckoy terminologii Belozer'ya (Na materiale mestnyh pis'mennyh pamyatnikov XVI–XVII vv. i sovremennyh govorov) [The interaction of Slavic and Finno-Ugric vocabulary in the system of fishing terminology of Belozerya (Based on local written monuments of the 16th–17th centuries and modern dialects)]. In: *Evolyuciya leksicheskoy sistemy severnorusskikh govorov* [Evolution of the lexical system of Northern Russian dialects]. Vologda: VGPI: 84–94. (in Russian)

Andreyeva Ye. P. (2008) Nekotoryye osobennosti narodnoy remeslenno-promyslovooy leksiki (diakhronicheskiy aspekt) [Some features of folk craft vocabulary (diachronic aspect)]. In: *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi* [Word and text in the cultural consciousness of the era]. Part 1. Vologda: VGPU: 60–67. (in Russian)

Anikin A. Ye. (2000) *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaminstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Borrowings from the Ural, Altai and Paleo-Asian languages]. Moscow; Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Blomkvist Ye. E. (1956) Krest'yanskiye postroyki russkikh, ukraintsev i belorusev (poseleniya, zhilishcha i khozyaystvennyye stroeniya) [Peasant buildings of Russians, Ukrainians, and Belarusians (settlements, dwellings, and farm buildings)]. *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik. Trudy Instituta etnografii AN SSSR* [East Slavic ethnographic collection. Proceedings of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR], New series, Vol. XXXI: 3–458. (in Russian)

Fedorov A. I. (1952) *O proiskhozhdenii slovarnogo sostava belomorskikh govorov* [On the origin of the vocabulary of the White Sea dialects]. Abstract dis. ... Cand. philol. sciences. Leningrad. (in Russian)

Fedotov M. R. (1965) *Istoricheskiye svyazi chuvashskogo yazyka s yazykami ugro-finnov Povolzh'ya i Permi* [Historical connections of the Chuvash language with the languages of the Ugro-Finns of the Volga and Perm]. Cheboksary. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.). (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51.

Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Gerd A. S. (1970) Iz istorii pribaltiysko-finskikh nazvaniy ryb (sintti, tintti, tint) [From the history of the Baltic-Finnic names for fish (sintti, tintti, tint)]. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye* [Soviet Finno-Ugric Studies], VI, 2: 87–91. (in Russian)

Gerd A. S. (ed.) (1994–2002) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Vol. 1–6. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (in Russian)

Guseva L. G. (1971) Zaimstvovannyye slova v geograficheskoy terminologii Kargopol'skogo kraya [Borrowed words in the geographic terminology of the Kargopol Krai]. *Voprosy toponomastiki* [Problems of toponomastics], 5: 128–132. (in Russian)

Itkonen T. I. (1958) *Koltan ja kuolalapin sanakirja*. Vol. 1–2. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV). (in Finnish)

Ivashko L. A. (1958) Zaimstvovannyye slova v pechorskikh govorakh [Borrowed words in Pechora dialects]. *Uchenyye zapiski LGU* [Scientific notes of Leningrad State University]. Ser. Philological Sciences. Issue 42(343): 84–103. (in Russian)

Ivashko L. A. (ed.) (2003–2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (in Russian)

Krysko V. B. et al. (eds.) (1996) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11st–17th centuries]. Vol. 23. Moscow: Nauka. (in Russian)

Kulemzin V. M., Lukina N. V. (1992) *Znakom'tes': khanty* [Meet the Khanty]. Ed. N. I. Molodin. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Makarov G. N. (1990) *Slovar' karelskogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvik dialect)]. Petrozavodsk: Kareliya. (in Russian)

Matveyev A. K. (1962) Novyye dannyye o finno-ugorskikh zaimstvovaniyakh v russkikh govorakh Urala i Zapadnoy Sibiri [New data on Finno-Ugric borrowings in Russian dialects of the Urals and Western Siberia]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya: K 70-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-kor. AN SSSR D. V. Bubrikha* [Issues of Finno-Ugric linguistics: On the occasion of the 70th birthday of the corresponding member USSR Academy of Sciences D. V. Bubrich]. Moscow; Leningrad: 127–142. (in Russian)

Matveyev A. K. (1964) Zaimstvovaniya iz permskikh yazykov v russkikh govorakh Severnogo i Srednego Urala [Borrowings from the Permian lan-

guages in Russian dialects of the Northern and Middle Urals]. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 14, 3–4: 285–315. (in Russian)

Matveyev A. K. (2004) *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North]. Part 2. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (in Russian)

Mishchenko O. V. (2000) *Leksika lesnykh lokusov v govorakh Russkogo Severa* [Vocabulary of forest loci in the dialects of the Russian North]. Dis. ... Cand. philol. sciences. Yekaterinburg. (in Russian)

Mishchenko O. V. (2002) *Iskonnaya i zaimstvovannaya leksika s semantikoj 'les na bolote' v govorakh Russkogo Severa (semanticheskiy aspekt) [Original and borrowed vocabulary with the semantics of 'forest in the swamp' in the dialects of the Russian North (semantic aspect)]. *Finno-ugorskoye nasledie v russkom yazyke* [Finno-Ugric heritage in Russian]. Issue 2. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta: 3–28. (in Russian)*

Nirvi R. E. (ed.) (1971) *Inkeröismurteiden sanakirja* [Dictionary of Ingrian dialects]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVIII). (in Finnish)

Paasonen H. (1990–1999) *Mordwinisches Wörterbuch* [Mordvin dictionary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XXIII). (in German)

Rombandeyeva Ye. I. (2003) *Mansiyskiye narodnyye geograficheskiye terminy [Mansi folk geographical terms]. *Finno-ugrovedeniye* [Finno-Ugric Studies], 1: 80–83. (in Russian)*

Sergeyenko E. S. (1984) *Foneticheskoye i leksiko-semanticheskoye osvoeniye komi slov v ostrovnom russkom govore Komi ASSR [Phonetic and lexical-semantic development of Komi words in the island Russian dialect of the Komi ASSR]. In: *Vzaimodeystviye finno-ugorskikh i russkogo yazykov* [The interaction of the Finno-Ugric and Russian languages]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo: 96–107. (in Russian)*

Simina G. Ya. (1980) *Geograficheskiye nazvaniya (Po materialam pis'mennykh pamyatnikov i sovremennoy toponimii Pinezh'ya)* [Geographical names (Based on materials of written monuments and modern toponymy of Pinega region)]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Sorvacheva V. A. (ed.), Zhilina T. I., Sakharova M. A., Sorvacheva V. A. (comp.) (1961) *Sravnitel'nyy slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative dictionary of Komi-Zyryan dialects]. Syktyvkar: Komi knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. (1955–1981) *Suomen kielen etymologinen sanakirja* [Etymological dictionary of Finnish language].

Vol. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII). (in Finnish)

Virtaranta P., Koponen R. (1968–2005) *Karjalan kielen sanakirja* [Karelian dictionary]. Vol. 1–6. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI). (in Finnish)

Zaytseva M. I., Mullonen M. I. (1972) *Slovar' vepsskogo yazyka* [Vepsian Dictionary]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Zdobnova Z. P. (ed.) (1993) *Slovar' russkikh govorov Bashkirii* [Dictionary of Russian dialects of Bashkiria]. Vol. 1. Ufa: Gilem. (in Russian)

**КОСТРОМСКИЕ ГОВОРЫ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
Г. Г. МЕЛЬНИЧЕНКО НЕКОТОРЫХ ИЗОЛЕКС
ЭТНОДИАЛЕКТНОЙ НЕРЕХТСКОЙ ЗОНЫ**

*Ганцовская Нина Семеновна,
Горлова Татьяна Владимировна*

Костромской государственной университет,
Кострома, Россия
E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Цитирование: Ганцовская Н. С., Горлова Т. В. (2019) Костромские говоры: интерпретация Г. Г. Мельниченко некоторых изолексов этнодиалектной нерехтской зоны. *Севернорусские говоры*, 18: 55–68.

Аннотация. Статья посвящена наблюдениям над ареальными связями лексики нерехтских говоров, которые помогут скорректировать наше представление о степени древности разных сегментов костромских говоров и о перспективах их дальнейшего развития. Авторы полагают, что по многим признакам можно говорить об относительном единстве костромских говоров и отдельно — этнодиалектной нерехтской зоны в составе Костромской группы говоров. Исследование выполнено на материале нерехтских изолексов «Лингвистических карт» Г. Г. Мельниченко (1974 г.) и имеет целью показать генетически исходные их особенности и новые черты в результате инновационного развития.

Ключевые слова: нерехтская лексика, ареальные связи, лингвистические карты Г. Г. Мельниченко.

Статья продолжает тему исследования лексической системы современных говоров этнодиалектной нерехтской зоны в пределах Костромской группы говоров с целью уточнения ареальных характеристик говоров древнейшего славянского происхождения, степени их сохранности или изменения в результате инновационных процессов на постмерянской территории центра России, связи с различными восточнославянскими говорами, иными словами, принадлежности к говорам центральным или периферийным, новгородской колонизации или более поздней волны заселения из владими́ро-суздальских земель в результате контактов славянского и автохтонного неславянского населения края, а также более позднего демогенезиса (см.: [Ганцовская, Горлова 2017; Ганцовская 2017; Ганцовская, Горлова 2018]). Рассматриваемые говоры традиционно считаются севернорусскими и обычно не выделяются из состава костромских диалектов. Однако по ряду признаков, например, по наличию неполного оканья, они близки к соседним ивановским говорам, и в настоящее время, как мы полагаем, их можно считать, по данным лингвогеографического членения 1964 г., восточными среднерусскими окающими говорами владими́ро-поволжской группы [Аванесов, Орлова 1964]. Наблюдения над лексикой нерехтских говоров, до сих пор почти не изученных в плане их ареальных особенностей, поможет скорректировать наше представление о степени древности разных сегментов костромских говоров, о месте и роли финно-угорского субстрата в их континууме, об их связях в процессе заселения славянами пространства рек Нерехты и Солоницы, притока Волги, с другими костромскими и более отдаленными восточнославянскими территориями, т. е. об их этногенезе и демогенезисе.

По многим признакам можно говорить о континуальности, единстве всех костромских говоров (как известно, они входят в состав вологодско-вятской группы северновеликорусского на-

речия по классификации МДК 1915 г., а по данным лингвогеографического членения 1964 г. — костромской), в том числе и об известном единстве говоров этнодиалектной нерехтской зоны в составе костромской группы говоров, но это единство оказывается «относительным языковым единством», или «сложным диалектическим единством», если использовать терминологию В. Н. Топорова и О. Н. Трубачёва, примененную ими для характеристики всей восточнославянской языковой области [цит. по: Попова 2006: 615]. Сложность лингвистического ландшафта нерехтских говоров заключается в неравномерной представленности на разных ярусах их системы, в том числе и на уровне лексики, явлений, характерных для преимущественно архаических или инновационных зон изначальной восточнославянской основы, что, конечно, находит отражение и в местной топонимии. Здесь можно увидеть непростые отношения «центра» и «периферии», характерные не только для современных русских говоров, но и для всего языкового континуума Славии (в понимании Н. И. Толстого).

В известном диалектологическом атласе Г. Г. Мельниченко [Мельниченко 1974] на достаточно обширном пространстве, которое некогда занимало Владимиро-Суздальское княжество, в виде изоглосс можно найти важные сведения синхронно-диахронного характера о той части лексики материальной культуры нерехтчан, которая относится к архаической системе славянских названий, связанных с поселениями крестьян, объектами и артефактами их трудовой деятельности, о непредметной лексике и др. Все эти лексические данные — часть академической Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка [Аванесов 1947] — включены в «Лингвистические карты» [Мельниченко 1974] под специальными номерами, соотносительными с номерами Программы ДАРЯ; картографируются в атласе также территории к востоку от княжества, вплоть до реки Вятки. Атлас содержит и географические карты территории Владимиро-Суздальского княжества, начиная с IX в., которые позволяют установить расселение славянского населения на северо-восток России с начальных моментов его миграции до на-

стоящего времени, что позволяет установить степень древности славянских названий, их отличительные особенности по сравнению с другими славянскими территориями и др.

Из карт атласа, посвященных расселению восточнославянских племен на территории Владимиро-Суздальского княжества до его образования (IX–XI вв.), видно, что нерехтские земли, находясь на юге вблизи территории расселения мери, вместе с ярославскими, в отличие от костромских, уже были заселены славянами; на карте 6, обозначающей княжества на территории европейской части СССР в XII – первой половине XIII вв., нерехтчани, находясь с севера вблизи новгородских земель, уже вместе с костромичами входили в Ростово-Суздальское княжество. В XII–XIV вв., когда Русь раздробилась на множество удельных княжеств, Нерехта вошла в состав Костромского княжества, имея в непосредственном соседстве Ростовское, Ярославское и Суздальское княжества. Затем в атласе идут карты, где даются самые ранние фонетические и грамматические маркеры ареалов в картографируемом пространстве, в том числе и нерехтских земель. На карте 8 показано преобладание предударного ёканья по сравнению с еканьем в этой же позиции в нерехтских говорах, что характеризует в большей степени восточные среднерусские оканьющие говоры по сравнению с севернорусскими территориями. Противоположный вывод можно сделать, читая на карте 9 показатели нерехтских говоров в отношении рефлексов **ѣ** под ударением между мягкими согласными: наличие *ê* или *и*. Также севернорусской чертой на карте 10 можно признать еще живой процесс перехода *а* под ударением в *е*, как и в соседних вологодских, ярославских и костромских говорах. Карта 11 показывает, что в нерехтских говорах, как и повсюду в центре Владимиро-Суздальского княжества, нет цоканья. Карта 12 демонстрирует почти полное отсутствие рефлексов *ц* на этой территории, карта 13 — сохранение мягкости согласного в корне перед суффиксом в словах *богатство*, *русский*, карта 14 — место ударения и наличие *тѣ* в окончании типа *неситѣ*.

Лексические карты атласа показывают распространение слов на картографируемой территории, рассмотрим это в фокусе ареала нерехтских говоров.

Карта 15. Показывает наличие на территории нерехтских говоров слов *оседланность* и *оседлость* в значении 'часть усадьбы', что характерно для ярославских и западных вологодских говоров.

Карта 16. Показывает наличие слов с корнем *гумн-* как части усадьбы, что характерно для многих ярославских, костромских, краснобаковских и вятских говоров.

Карта 17. Показывает распространение слова *дворина* в значении 'усадыба'. Ареал этого слова имеет примерно такую же конфигурацию, как и слова с корнем *гумн-*, но более однородную и обширную.

Карта 19. Показывает распространение слов *ободворина*, *ободворье*, *ободворица* в значении 'усадыба' или 'часть усадьбы' к востоку от Костромы, а также единично на средней Унже и в районе Великого Устюга.

Карта 20. Показывает наличие начального *у* вместо *о* в словах *угород*, *удворина*, как в ряде говоров владими́ро-поволжской группы, но не костромской.

Карта 21. Показывает распространение слова *овинник*, реже *овинница* в вытянутом ареале, начиная с Вологды и до Плещеева озера, но не в костромских говорах.

Карта 22. Показывает распространение слова *усад* в районе Кукобая, Любима и южнее Костромы и Ярославля в районе Ивана, Горького и Красных Баков.

Карта 23. Показывает наличие слов *печина*, *печище* в нерехтских говорах и связи его с немногочисленными ареалами в ярославских говорах.

Карта 24. Показывает распространение слова *загорода*, как и в более западных ярославских, тверских и вологодских говорах, но не костромских.

Карта 25. Показывает незначительное распространение (вблизи Костромы) слова *истопка* в значении 'чердак'.

Карта 26. Показывает незначительное распространение слова *пóдволока* в значении 'чердак над домом' на фоне обширных ареалов этого слова в костромских, ярославских, вологодских и вятских говорах.

Карта 27. Показывает распространение слова *под* в значении 'чердак над домом', отсутствие географических связей с восточными костромскими говорами, но наличие связей с ярославскими говорами севернее и ивановскими южнее Нерехты.

Карта 28. Показывает распространение слова *потолок* в значении 'чердак над домом'. Здесь надо отметить отсутствие ареальных связей с большей частью костромских и ивановских говоров и наличие позитивных изоглосс почти по всей территории княжества и в пределах междуречья Унжи и Ветлуги.

Карта 29. Показывает незначительное распространение слов *поветь*, *сельник(ца)*, *сенник(ца)* в значении 'чердак над двором' и наличие ареальных связей слова *поветь* почти со всеми севернорусскими говорами и в малой степени с западными костромскими, а также связи слов *сельник*, *сенник* с обширным ареалом говоров к юго-востоку от Костромы вплоть до междуречья Унжи и Ветлуги.

Карта 30. Показывает распространение слова *загородь* в значении 'изгородь', как и в ярославских, ивановских и владимирских говорах, но не костромских.

Карта 31. Показывает наличие слова *загорода* в значении 'изгородь' и небольшое распространение слова *ограда* в этом же значении. Ареал — говоры ярославские и к северу от Иванова, но не костромские.

Карта 32. *Огород* 'изгородь', как и везде на севере княжества, распространено вплоть до Москвы, имеется и в нерехтских говорах.

Карта 33. Встречается на территории нерехтских говоров и слово *угород* в значении 'изгородь', как в нижегородских говорах и говорах по рекам Унже и Ветлуге, но не в большинстве костромских.

Карта 34. Слово *изгородь* характерно для говоров всего княжества, но особенно оно частотно в его центральной части, в том числе и в описываемых говорах.

Карта 35. Слова *осек* и *прясло* отсутствуют в нерехтских говорах, как и повсеместно в костромских.

Карта 36. Повсеместно, но особенно частотно в центре княжества слово *плетень*, встречается оно и в нерехтских говорах.

Карты 37 и 38. Также частотны слова *тын* и *забор* в говорах княжества и к востоку от него вплоть до Моломы и Вятки (последнее слово менее частотно в говорах северо-запада и северо-востока, юга княжества).

Карта 39. Слова *палисад* и *палисадник* имеются и в нерехтских говорах; особенно густая сетка их употребления в центре княжества, но они малочастотны в говорах к западу от Костромы.

Карта 40. *Частокол* частотен в нерехтских говорах, как и к западу от них, но мало употребителен в костромских и восточных по отношению к ним говорах.

Карты 41–52, за исключением 47 (*зобня*), 50 (*колышка*, *крош-ни*, *крошонка*), показывают, что в нерехтских говорах имеются слова *бурак*, *бурачок*, *пещер*, *плетушка*, *плетёнка*, *короб*, *коробница* (редко *бардовка*, *веренька*, *лубянка*, *коренуха*, *коренушка*), *торфянка*, *гуменная корзина*, *набирушка* в значении ‘корзина’. Все эти слова имеются и в костромских говорах.

На картах 53–57 представлены названия цепа и его частей.

Карта 53 показывает наличие в нерехтских говорах формы *молотило* ‘цеп’, как и повсеместно в севернорусских говорах.

Карта 54 дает пеструю картину употребления различных названий ручки цепа. Преобладающими в нерехтских говорах являются слова *черень* с его вариантами и *кадка*, что характерно для среднерусских говоров.

Карта 55 представляет название ремня цепа. В нерехтских говорах это *цепинка*, *путо*, *путце*, *увязь*, *цепинка*, *шейка*, *ремень*. В костромских говорах наиболее продуктивно слово *путце*.

Карты 56 и 57 содержат названия била у цепа. В нерехтских говорах это *валёк*, *головышка* и очень редко *било*. И. А. Букринская

и О. Е. Кармакова справедливо полагают, что «названия орудия для ручной молотбы и его частей, как и названия многих традиционных орудий труда, относятся к архаической культурной лексике, восходящей к праславянскому фонду, в связи с чем их лингвогеографическое изучение представляет несомненный научный интерес» [Букринская, Кармакова 2006: 146]. Однако, как известно и как видно это на сводной карте восточнославянских языков, приводимой в статье И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой, названия орудия для ручного обмолота *молотило* в нерехтской этнокультурной зоне, как и во всех севернорусских говорах, не имеет аналога в украинском и белорусском языках [Там же: 148]. То же самое можно сказать и о названиях ручки цепа (см. карту 2 в названной статье) [Там же: 150] и бьющей части цепа [Там же: 153], но эти многочисленные названия в славянском мире имеют ограниченные ареалы в севернорусских говорах.

Карты 58–65 атласа Г. Г. Мельниченко посвящены названиям косы и ее частей. Интересно, что слово *коса* превалирует на большей части территории Владимиро-Суздальского княжества: в тверских говорах, к югу от Александрова, в ивановских, костромских и нижегородских говорах, но не в ярославских, вологодских и вятских, отсюда, видимо, оно и попало в литературный язык. Есть оно и в нерехтских говорах, но там же отмечены изогlossы слов *литовка* и *горбуша* (карта 58). Карта 59 показывает, что слово *косьё* как название черенка косы в нерехтских говорах, как и на всей картографируемой территории, за исключением вологодских, вятских и севера ярославских говоров, превалирует в этих говорах, но там имеются и названия *косовище* и *черень* (*черенок*). Карта 60 показывает, что *курок* и *напалок* как название ручки на косовище характеризуют нерехтские говоры, а название режущей стороны косы в нерехтских говорах, как и повсеместно в севернорусских говорах, обозначается словом *остриё*. *Жало* и *реzeво* — так называют режущую сторону косы в нерехтских говорах, как и во многих говорах центра и юга княжества, а *обух* и *обушок* — утолщенной части косы (карта 64), а также *рубей*, *ребро*, *спинка*.

Интересно, что на карте 66 в густо расположенной в центре княжества полосе глагола *орать*, обозначающего процесс пахоты, нерехтские говоры оказываются в середине, а глагол *теребить* оказывается доминирующим для нерехтских говоров (карта 68), в отличие от единично встречающегося глагола *рвать*, характерного для поунженских и поветлужских говоров в районе Шарьи и далее на север и восток (карта 67). *Брюква* в нерехтских говорах встречается чаще всего, и лишь изредка встречается *буква* (карта 69), *калега* (карта 70). В значении ‘стебли картофеля’ в нерехтских говорах употребляются слова *плети*, *летина*, *вети* (карта 72), а в значении ‘листья свеклы’ — слова с корнем *бот-*, *летина*, *литвина* (карты 73, 74), *навоз*, *перегной*, *назём* — названия навоза (карта 75), *прижим*, *слега*, *гнёт*, *гнетень* — названия жерди, скрепляющей сено, снопы на возу (карты 76, 77). Хотя для костромских говоров и говоров к югу от них более характерно слово *кочет* как название петуха (карта 78), но нерехтские говоры, как и ярославские, имеют в этом значении слова *пеун* (*невун*) и *петун*.

Карта 79 посвящена изоглоссам, связанным с названием муравьев. В нерехтских говорах их называют *сикунами*, *сикунцами*, *зассыхами* (редко), *мурашами*. Подобные названия образуют компактную зону вокруг Ярославля между Рыбинским водохранилищем и Плещеевым озером. В более широком масштабе восточнославянских изоглосс названия *сикуну*, *сикунцы* имеют достаточно обширные ареалы только на северо-западных территориях и вокруг Ярославля, названия же с корнем *ссых-* имеют точечные ареалы только в ярославских и ивановских говорах, то же самое можно сказать и о распространении названий муравьев с суффиксом *-аш*, но с тем дополнением, что компактная зона последних присутствует в говорах Русского Севера (см. карты 1, 1а, 2 в [Клепикова 2000: 171–173]). На картах Г. Г. Мельниченко 80, 81, 83, 84, 85, 87 в нерехтских говорах последовательно отражены номинации *тропина*, *дорожка*, *стёжка*; *запон*, *занавеска*; немногочисленные примеры слов *разоболокаться* и *оболокаться*, *яч-*

мень (жито), *кербь*, *баса*, *баской*, *баско* (мало). Большинство этих изоглосс — севернорусские.

Карты 15, 19–24, 27, 30, 33, 39–40, 54, 58, 78–79 показывают отличие нерехтских говоров от костромских и иные их связи с разными по географической ориентации говорами, но преимущественно со среднерусскими окающими. Это говорит о перспективе дальнейшего развития не только нерехтских, но и ярославских и костромских, генетически севернорусских, говоров, в направлении к среднерусским владими́ро-поволжского типа, т. е. накопление в них черт говоров центра. Изученные нами материалы лингвистических карт Г. Г. Мельниченко в области нерехтской лексики, как и более раннее наше исследование нерехтских говоров на фоне лексического состава говоров Костромской области [Ганцовская, Горлова 2018], показали их преобладающую однородность в области состава и географических связей в основном с лексикой севернорусских говоров. Однако крайне западная позиция нерехтских говоров в пределах костромских и непосредственное соседство с ярославскими и ивановскими говорами обусловили ее центробежные связи с говорами центра и некоторых западных и более южных территорий, что позволило Г. Г. Мельниченко выделить их в особую VII лексическую группу, что подтверждают и данные эволюционного развития славянских говоров на данной постмерянской территории. Положив в основу исследования Г. Г. Мельниченко и дополнив их нашими наблюдениями над нерехтской лексикой и топонимией, мы пришли к убеждению, исходя из многих лингвистических и экстралингвистических факторов, о наличии в составе костромских говоров особой этнолингвистической нерехтской зоны, уверенность в существовании которой укрепил наш настоящий обзор лексики, в основном относящейся к древнейшей материальной культуре славян, в атласе Г. Г. Мельниченко.

Выражение благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809а «Диалектное исследование лексики и ономастики Костромского края».

Литература

Аванесов Р. И. (ред.) (1947) *Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка*. М.—Л.: Изд-во АН СССР.

Аванесов Р. И., Орлова В. Г. (ред.) (1964) *Русская диалектология*. М.: Наука.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. (2006) Названия орудия для ручной молотбы и его деревянных частей. *Восточнославянские изоглоссы*. Вып. 4. М.: Ин-тут русск. яз. им. В. В. Виноградова.

Ганцовская Н. С. (2017) Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения. *Вестник Костромского государственного университета*, 23 (S): 65–70.

Ганцовская Н. С., Горлова Т. В. (2017) Севернорусские черты в костромских говорах с намечающейся переходностью (на материале топонимикона г. Нерехты). *Севернорусские говоры*, 16: 236–247.

Ганцовская Н. С., Горлова Т. В. (2018) Лексическая основа этнодиалектной нерехтской зоны. *Севернорусские говоры*, 17: 80–90.

Клепикова Г. П. (2000) Названия муравьёв. *Восточнославянские изоглоссы*. Вып. 3. М.: Ин-тут русск. яз. им. В. В. Виноградова.

Мельниченко Г. Г. (1974) *Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)»*. Ярославль: ЯрГПИ.

Попова Т. В. (2006) Синхронная и диахроническая интерпретация северо-восточных и юго-западных изоглосс восточнославянского языкового континуума. *Славистика: синхрония и диахрония. Сб. науч. статей к 70-летию И. С. Улуканова*. М: ИЦ Азбуковник.

**KOSTROMA DIALECTS: INTERPRETATION OF SOME
ISO-LEXES OF NEREKHTA ETHNO-DIALECT ZONE
BY GRIGORIY MEL'NICHENKO**

Nina Gantsovskaya, Tatyana Gorlova

Kostroma State University,
Kostroma, Russia
E-mail: gantsovsky_n@mail.ru

Citation: Gantsovskaya N., Gorlova T. (2019) Kostromskiye govory: interpretatsiya G. G. Mel'nichenko nekotorykh izoleks etnodialektnoy nerekhtskoy zony [Kostroma dialects: interpretation of some iso-lexes of Nerekhta ethno-dialect zone by Grigoriy Mel'nichenko]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 55–68. (in Russian)

Abstract. The article is devoted to observations over distribution relations of Nerekhta dialect lexis which will help to correct our idea about degree of antiquity of Kostroma dialects' different segments and about the prospects of their further development. Observations over Nerekhta dialect lexis, which have been almost unstudied to date with regard to peculiarities of their distribution, will help to correct idea about degree of antiquity of different segments of Kostroma dialects, about place and role of Finno-Ugric substrate in their continuum, about what their relation to other Kostroma and the more remote East Slavic territories were like when Slavs would settle in the territory of the Nerekhta and the Solonitsa Rivers; that is about their ethnogenesis and genesis of the demos.

The research is executed on the material of iso-lexes of Grigoriy Mel'nichenko's linguistic maps (1974) and aims to show their genetically-initial features and new features as a result of innovative development. The revealed linguistic and extra-linguistic factors as well as the review of lexis done in the article, generally on the basis of the Slavs' most ancient material culture (according to the atlas by Grigoriy Mel'nichenko), confirm belief of existence of a special ethno-linguistic Nerekhta zone as a part of Kostroma dialects. Nerekhta dialects are traditionally considered to be Northern Russian usually blended in Kostroma dialects structure; however, on a number of signs, they are similar to neighbouring Ivanovo dialects, and one can classify them in the group of East Central Russian "O" dialects, Vladimir — the Povolzhye group to be precise. Nerekhta dialects' complicated linguistic landscape consists in uneven representation of their system on different tiers including at the level

of lexis, controversial relationship of “core” and “periphery”, characteristic not only of modern Russian dialects, but also of all the language continuum of the hypothetical united Land of Slavs. The authors believe that, on many signs, one can speak about complicated, only relative, unity of Kostroma dialects and separately, of Nerekhta ethno-dialect zone as a part of Kostroma dialect group.

Keywords: Nerekhta lexis, areal communication, linguistic maps of Grigoriy Mel'nichenko.

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project № 18-012-00809 “Study of the dialectic lexis and onomastics of the Kostroma Region”.

References

Avanesov R. I. (ed.) (1947) *Programma sobiraniya svedeniy dlya sostavleniya Dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka* [Information gathering program for compiling the Dialectological Atlas of the Russian language]. Moscow—Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russian)

Avanesov R. I., Orlova V. G. (eds.) (1964) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. Ye. (2006) Nazvaniya orudiya dlya ruchnoy molot'by i yego derevyannykh chastey [Tool names for hand threshing and its wooden parts]. *Vostochnoslavjanskiye izoglossy* [East Slavic isoglosses]. Issue 4. Moscow: In-tut russk. yaz. im. V. V. Vinogradova. (in Russian)

Gantsovskaya N. S. (2017) Govory Kostromskoy oblasti: problemy vnutrennego chleneniya [Kostroma region dialects: internal division issues]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 23 (S): 65–70. (in Russian)

Gantsovskaya N. S., Gorlova T. V. (2017) Severnorusskiye cherty v kostromskikh govorakh s namechayushcheysya perekhodnost'yu (na materiale toponimikona g. Nerekhty) [Features of dialects of the Russian North in Kostroma dialects with transitivity being outlined (in terms of toponymy of the town of Nerekhta)]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 16: 236–247. (in Russian)

Gantsovskaya N. S., Gorlova T. V. (2018) Leksicheskaya osnova etnodialektnoy nerekhtskoy zony [The lexical basis of the Ethnodialect Nerekhta

Zone]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 80–90. (in Russian)

Klepikova G. P. (2000) Nazvaniya murav'yov [Ant names]. *Vostochnoslavjanskiye izoglossy* [East Slavic isoglosses]. Issue 3. Moscow: In-tut russk. yaz. im. V. V. Vinogradova. (in Russian)

Meľnichenko G. G. (1974) *Lingvisticheskiye karty. Prilozheniye k knige "Nekotoryye leksicheskiye gruppy v sovremennykh govorakh na territorii Vladimiro-Suzdal'skogo knyazhestva XII – nach. XIII v. (Territorial'noe rasprostraneniye, semantika i slovoobrazovaniye)"* [Linguistic maps. Appendix to the book "Some lexical groups in modern dialects on the territory of the Vladimir-Suzdal principality of the 12th – early 13th century. (Territorial distribution, semantics and word formation)]. Yaroslavl': YarGPI. (in Russian)

Popova T. V. (2006) Sinkhronnaya i diakhronicheskaya interpretatsiya severo-vostochnykh i yugo-zapadnykh izogloss vostochnoslavjanskogo yazykovogo kontinuumu [Synchronic and diachronic interpretation of the northeastern and southwestern isoglosses of the East Slavic language continuum]. *Slavistika: sinkhroniya i diakhroniya. Sb. nauch. statey k 70-letiyu I. S. Ulukhanova* [Slavic philology: synchronism and diachrony. The collection of scientific articles to I. S. Ulukhanov's 70 anniversary]. Moscow: ITs Azbukovnik. (in Russian)

**РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОЗЕРЬЯ
В ФОКУСЕ ГОВОРА ОДНОЙ ДЕРЕВНИ
(проект электронной мультимедийной системы)**

*Ильина Елена Николаевна ¹,
Ганичева Светлана Алексеевна ²*

¹ Вологодский государственный университет,

² Вологодский многопрофильный лицей,

Вологда, Россия

E-mail: filfak@list.ru

Цитирование: Ильина Е. Н., Ганичева С. А. (2019) Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (проект электронной мультимедийной системы). *Севернорусские говоры*, 18: 69–87.

Аннотация. В статье характеризуется проблематика изучения говора деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области с целью создания электронной мультимедийной системы, репрезентирующей лексический состав говора, корпус записей диалектных текстов, а также сочетающей лингвистический материал с визуальными иллюстрациями. Создание такой системы позволит сохранить образцы говора деревни во всей возможной полноте и разнообразии, обрисовать динамику изменений говора, обеспечить доступ к речевому контенту для широкого круга заинтересованных пользователей.

Ключевые слова: русская диалектология, вологодские говоры, электронные мультимедийные системы.

Говоры Вологодского края, исследуемые с середины XVIII в., на каждом из этапов своего изучения рассматривались в контексте решения актуальных научных задач русской диалектологии. Начиная со «Словаря областных слов, употребляемых в городе Устюге Великом» (1757) [Симони 1898] и заканчивая «Словарем вологодских говоров», над созданием которого вологодские диалектологи работали с 70-х годов XX в. [СВГ], приоритетным было изучение локально ограниченных в употреблении слов,

бытующих на изучаемой территории. Одновременно с этим исследовались фонетические особенности восточных севернорусских говоров [Брок 1907; Ваахтера 2009], специфика их морфематики, слово- и формообразования [Шаброва 2004; Яцкевич 2013; Яцкевич, Колесова 2018], были описаны речевые портреты сельских жителей различных административных районов Вологодской области [Народная речь 2014; Народная речь 2017], а также опубликованы системные описания говоров отдельных диалектных систем [Народная речь 2015; Режские тексты 2016], в том числе и говоров территорий исторического Белозерского удельного княжества (XIII–XV вв.), расположенных в бассейнах реки Шексны, Белого и Кубенского озер [Народная речь 2014; Народная речь 2017]. Данная территория весьма интересна в лингвистическом отношении: бытующие здесь диалекты определяются как межзональные говоры северного наречия [Захарова, Орлова 2004: 120], их отличительной особенностью является взаимоналожение ареалов противоположных (с географической точки зрения) зон. При этом языковые явления, характерные для того и другого объединения, сосуществуют на общей территории и могут быть распространены в разной степени. Формирование диалектных особенностей территории Белозерья началось в период раннего средневековья, когда эти земли были колонизированы славянами. Живая речь современных жителей сохраняет отпечаток языкового взаимовлияния восточных и западных переселенцев. В течение столетий исходные языковые черты многократно претерпевали изменения под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. Говоры исторического Белозерья могут дать ценный материал для осмысления еще не изученных проблем формирования русского национального языка. Вместе с тем здесь весьма очевиден процесс разрушения диалектных систем, трансформации диалектной речи под влиянием литературного языка и вследствие активной миграции сельского населения в города. Поэтому одной из наиболее актуальных задач диалектологических исследований данной территории следует назвать сохранение и изучение местной речевой культуры

во всех ее стилистических, жанровых, тематических и персонологических составляющих. Обращение к речевому наследию исторического Белозерья, внимание к исчезающим говорам имеет не только собственно лингвистическую, но и социокультурную значимость, поскольку связано с осмыслением феномена региональной идентичности, изучением ее «лингвистического кода» на Русском Севере.

Одним из наиболее продуктивных подходов к изучению говоров исторического Белозерья представляется систематизация речевого контента, собранного в разное время на территории одного из сельских поселений, и представление опыта научного осмысления этого контента в формате электронной мультимедийной системы. В данной статье мы хотели бы обратиться к 30-летнему опыту описания говора деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области и предложить вариант репрезентации этого опыта в электронном формате.

Деревня Борбушино входит в состав Ферапонтовского сельского поселения Кирилловского района Вологодской области, от районного центра оно находится в одиннадцати километрах. В письменных источниках деревня упоминается, начиная с первой половины XVI в. [Чайкина 1988: 17]. Согласно местным преданиям, ранее поселение располагалось на другом месте: ближе к селу Ферапонтово, на склоне Ципиной горы. Долгое время деревня была многолюдной; в ней действовала начальная школа, были почта, медпункт, магазин, здесь располагался сельсовет. Однако в 1990-е гг. население деревни стало стремительно сокращаться, и по переписи 2002 г. в ней проживало 30 человек. В настоящее время в деревне постоянно живет не более десяти человек — подобного рода ситуация характерна для многих деревень Кирилловского района.

Диалектологические экспедиции в деревню Борбушино, а также близлежащие населенные пункты (деревни Белоусово, Зыбошное, Плахино, село Ферапонтово и др.) проводятся кафедрой русского языка Вологодского (педагогического) государственного университета (института) с конца 1980-х гг. Сначала участники

экспедиций занимались сбором диалектной лексики для «Словаря вологодских говоров» и «Лексического атласа русских народных говоров». С 1990-х гг. внимание диалектологов привлекли явления диалектного словообразования. В начале XXI в. в фокусе исследовательского интереса оказались воспоминания жителей деревни, характеризующие различные стороны бытовой и духовной культуры края.

За тридцать лет работы с борбушинским говором вологодские диалектологи апробировали различные методики сбора диалектного материала и получили весьма значительные результаты как минимум в трех направлениях.

Первое из этих направлений — лексикологическое — связано с созданием «Словаря вологодских говоров», в первом издании которого с седьмого выпуска была введена специальная географическая помета (Кир. Борб.). Многие диалектные слова этого словаря имеют исключительно борбушинские примеры употребления в речи: *Кудёсничать* 'шалить, безобразничать во время Святочной недели' *Мы как начнём, бывало, кудёсничать. Обряжёмся во что есть пострашняя, скачем, полінницы раскатываем.* Кир. Борб.; *Урюпа.* 'плохо, небрежно, безвкусно одетая женщина' *Ирка-то у нас на селе урюпой была, оттого и пярни-то на неё не глядели.* Кир. Борб. и др. Активизации этой работы во многом способствовали беседы с информантами по тематическим разделам программы «Лексического атласа русских народных говоров»: в архиве кафедры и в личных архивах собирателей хранятся борбушинские материалы по всем разделам программы ЛАРНГ. В 2018–2019 гг. борбушинский контент активно использовался в практике лингвокогнитивного описания лексики животного мира [Сабурова 2018], а также слов, вербализующих представления местных жителей о детстве [Комиссарова 2019].

Второе направление — деривационное — отражено в работах Е. Н. Шабровой (Ильиной) [Шаброва 1998; Шаброва 2004; др.]. Исследуя процессы регулярного морфемного словообразования различных частей речи, Е. Н. Шаброва апробировала ретроспек-

тивные и перспективные методики сбора преимущественно диалектных слов говора, связанных отношениями синхронической словообразовательной производности. Ретроспективные методики позволили подтвердить производность ранее зафиксированных слов, обладающих формальными и семантическими показателями производности, и пополнить картотеку «Словаря вологодских говоров» производящими для них диалектными словами: *на-вирзать* ‘надеть’ — ср.: *вѣрзать* «Хѳлодно, дак вѣрзают на себя одѳжу» (Кир. Борб.); *на-зукать* ‘натравить’ — ср.: *зукать* «Вѳш-то Павлѳшка сидит и зѳкает собѳку на людѳй» (Кир. Борб.) [Шаброва 1998]. Использование перспективных методик позволило объединить производные слова говора в формате словообразовательных гнезд, что дало возможность систематизировать их структурно-семантические связи и во многом способствовало созданию диалектного словаря строения слов [Голубев, Ильина, Крылова, Никифоров 2010].

	<i>хряста-н</i> [j-ѳ] ‘тяжёлая работа’	
	<i>хряст-ун</i> ‘человек, много и тяжело работающий; драчун’	<i>хрясту</i> [н’-j-ѳ] ‘трудолюбивая женщина’
<i>хряст/а/ть</i> → ‘делать что-либо энергично, с силой, особой интенсивностью’	<i>хрястать-ся</i> ‘долго и интенсивно трудиться’; ‘падать, терять опору’; ‘наносить побои, драться’	<i>хряст-ну-ться</i> ‘упасть, потеряв опору’; ‘удариться’ <i>до-хрястаться</i> I ‘дойти до состояния изнеможения в результате долгой и тяжёлой работы’ <i>ис-хрястаться</i> I ‘истратить силы, здоровье в результате длительной тяжёлой работы’ <i>на-хрястаться</i> II ‘наработаться’ <i>у-хрястать-ся</i> ‘утомиться от длительной, интенсивной работы’
	<i>вы-хрястать</i> ‘вымыть, вычистить до блеска; приготовить землю под пашню’ <i>до-хрястать</i> ‘завершить процесс интенсивной тяжёлой работы’ <i>до-хрястать-ся</i> II ‘дойти до состояния изнеможения в результате долгой и тяжёлой работы’	

<i>ис-хрястать</i> ‘привести в негодность, истратить в результате тяжёлой работы’; ‘нанести побои, избить’	<i>ис-хрястать</i> II ‘истратить силы, здровье в результате длительной тяжёлой работы’
<i>на-хрястать</i> ‘приобрести в результате длительного тяжёлого труда’; ‘нанести побои, избить’	
<i>на-хрястать-ся</i> II ‘наработаться’	
<i>о-хрястать</i> ‘распространить физическое действие вокруг пространственного ориентира, обработать, обколотить’	
<i>от-хрястать</i> ‘отработать некоторое время’; ‘нанести побои, отлупить’	
<i>пере-хрястать</i> ‘перегнать, опередить в работе’; ‘нанести побои всем или многим’	
<i>по-хрястать</i> ‘некоторое время поработать’; ‘начать двигаться, пойти’	
<i>при-хрястать</i> ‘переделать всю работу’; ‘приблизиться в результате действия, прийти’	
<i>рас-хрястать-ся</i> → ‘начать что-либо делать с особой энергичностью’	<i>расхряст-ыва-ться</i> ‘увлекаться каким-либо делом, работой’
<i>у-хрястать</i> → ‘быстро уйти, удалиться’	<i>у-хряст-ыва-ть</i> ‘оказывать знаки внимания, ухаживать’

За тридцать лет описания говора деревни Борбушина в руках вологодских диалектологов оказался значительный по объёму корпус рассказов местных жителей о себе, о своих земляках, о традиционных крестьянских занятиях, бытовой и духовной культуре родной деревни. Эти рассказы были представлены в двух коллективных монографиях [Народная речь 2014; Народная речь 2017] и положили начало развитию лингвоперсоналогического направления в исследовании борбушинского говора. Наиболее обширный контент составляют рассказы Николая Павловича Шаброва (1938 г. р.): это корпус ответов на вопросы всех разделов «Лексического атласа русских народных говоров», записи устных бесед с информантом и записанные им самим автобиографические рассказы. Все эти материалы вошли в электронный словарь языковой личности [Ганичева 2016]. Ниже приводятся примеры подобного рода рассказов в сопровождении коммента-

риев, сделанных С. А. Ганичевой на основе обсуждения их содержания с автором (комментарии даны после каждого текста).

Деревни Борбушинского сельсовета

Деревни расположены на 2 полянах, на одной Борбушино, Быково, Белоусово, на другой Плахино, Сиверово.*

*На моём представлении эти деревни возникли, когда новгородцы заселяли этот лесной край. И трудно определить, одновременно или постепенно. Мне бабушка Парасковья Наумовна говорила, что деревня Борбушино меняла своё место, по какой причине — трудно сказать. Первоначально она [деревня] стояла на склоне горы Ципины [Роскино] у перевала**, на южной стороне. А гору Ципину местные жители называли Роскина гора, Соколиная гора, так как на ней гнездились соколы.*

*А меняли ли своё место другие деревни, трудно сказать, так как от остальных деревень до Белоусовского озера совсем близко. Также и Плахино, Сиверово расположены достаточно близко от озёр [Блахинское*** и Ильинское].*

Деревня Борбушино благодаря построенной плотине имела водоём достаточно обширный с большим запасом воды. Может быть, и переселение деревни произошло от желания иметь воду и лучших условий для земледелия.

* Поляна — здесь: большое открытое пространство, со всех сторон окруженное лесом (из жаргона летчиков).

** Перевал — вершина холма, горы.

*** Плахинское.

Деревня Борбушино

На моей памяти председателем колхоза Борбушино был Феррапонт Сергеевич Сергеев во время войны и до 1946 года. Осенью 1946 года стал председателем колхоза Шабров Павел Прокопьевич и колхоз стал называться «Колхоз имени Калинина М. И.». Заместителя не было. А вот после укрупнения колхозов на обеих полянах колхоз стал называться «Организатор». Председатель —

Шабров Павел Прокопьевич. Заместитель — Зайцев Павел Павлович. После смерти Шаброва Павла Прокопьевича в 1953 году 7 мая председателем стал Корягин Григорий Арсентьевич.

У колхоза была бухгалтерия. Бухгалтером был Максимов Александр Степанович. Поскольку сельсовет был лишь в д. Борбушино, то и почта, и магазин, и школа были также в Борбушино. Был в деревне и сепараторный пункт с ледником для молока и сливок. Заведовала им Михайлова Евгения Ивановна. Других фамилий я уже не помню. Последним заведующим был Фролов Иван Иванов*.

Почтой заведовала Михайлова Мария Петровна, а затем её дочь Римма Дмитриевна. Теперь же в деревне осталась только почтальон Максимова Любовь Леонидовна.

Медпунктом заведовали Отогина Надежда, Голубева Ида Васильевна, Никуличев Анатолий Владимирович, Максимова Валентина Павловна, Кудряшова Вера Львовна. И затем медпункт закрыли. В 1993 году.

Заведующей начальной школой была Шаброва Анна Алексеевна. А по выходе на пенсию школа продолжала работать, пока ещё в сельсовете были ученики. Техничкой работала Анна Григорьевна Кочнева. Это она варила щи из картофеля и капусты, чтобы ученики что-то покушали. Дети ходили в школу ради обеда. Особенно в голодный 1947 год.

Второй учительницей работала Корягина Александра Дмитриевна. Она меня учила 4е года. Потому я и вырос не оболтусом!

Кто был председателем сельсовета, я не помню. При мне так работал Братахин. Да председатели менялись чуть ли не каждый год.

Бригадиры в каждой деревне были из этой же деревни. Я тоже не помню.

Людей в деревне было много. И у каждого своя история. Важно, что жили, работали, растили детей!

Работал магазин ежедневно.

Продавцом была Струничева Анна (звали «приказчица Анна»). Затем Ольга Воронцова. Затем Женя Иванова. Потом Зайцев Валентин.

Магазин давно уже закрыт. А теперь в деревню привозят два раза в неделю продукты городские предприниматели.

Была в деревне и часовня. Её построил Окунев. В его же доме была и школа, и сельсовет, и почта. А он успешно скрылся с семьёй. Затем, поскольку всё рушится, если не ремонтировать, перевели всё в дом Даниловых. Они тоже успешно скрылись.

В настоящее время оба дома Даниловых ещё существуют, но это другая история. В деревне постоянно проживают 8 человек, из них 4е в семье почтальона.

Медпункт до ≈ 1993 года**.

В колхозе был агроном из деревни Плахино Соснин Николай Силантьевич. Селекционер. Пасечник, фотограф колхозный из деревни Мыс Паня Горбач — так его звали. Фамилии не помню.

До 10 класса все мои снимки сделаны из его фотоаппарата!

А однажды осенью я даже у него ночевал. Шёл из Суховерхова, думал, быстрее приду домой, а темнота очень быстро заставила меня искать ночлег. Были друг другу рады. Долго разговаривали. А утром домой пришёл. Мать спросила: «Где ночевал?» — «У Горбача!»

* Иванович.

** Этот текст представляет собой первый вариант завершения предыдущего (после предложения «Медпунктом заведовали Отогина Надежда, Голубева Ида Васильевна, Никуличев Анатолий Владимирович, Максимова Валентина Павловна, Кудряшова Вера Львовна»).

Деревня Быково

Стояла на красивом месте. Население было достаточно большим, почти как и население д. Борбушино. Это теперь стоят три дома. Два — развалины, а в третьем живёт Корягин Васи-

лий Николаевич. Предприниматель. Заготавливает дрова некоторым жителям Кириллова.

Когда-то был успешный колхоз. Теперь же только воспоминания. Красивые деревья стояли! И теперь живут только ежи и гадюки!

Деревня Белоусово

Это бывший колхоз «Красноармеец». Председатель колхоза — Лебедева Александра Филипповна (Филиповна?*). После объединения уже не работала. Это ей как председателю прислал благодарственное письмо Иосиф** Виссарионович Сталин за помощь фронту! О ней знала вся страна! Жили хорошие, трудолюбивые люди. Но ушли, кто в могилу, кто в города на стройки века: в Череповец, Мончегорск, Кировск, Апатиты. Сейчас постоянно в деревне живут три человека. Старые пенсионеры и инвалид детства.

Озеро зарастает. Брали из озера сопропель. Но стало не выгодно, и сопропель уже не берут. Дачники приезжают на лето, сажают овощи, ловят рыбу, коптят. К зиме уезжают на городские квартиры.

* Филипповна.

** Иосиф.

Деревня Мыс

Действительно, стоит на мысу над озером. Была в составе колхоза «Красноармеец». И тоже были люди трудолюбивы. Жил в деревне Назаров Анатолий Михайлович. Имел семью. Жена в городе, две девочки. Да вот умер раньше срока. Теперь постоянно никто не живёт. Приезжают дачники и к зиме едут в городские квартиры.

Деревня Плахино

Была самостоятельным колхозом. Стоит на берегу озера. Красивое место! Да только на зиму остаётся один Иванов Игорь

Павлович. Берёт в аренду лошадь у попа. Заготавливает дрова, строит дровни, розвальни, чунки, комяги** и разное другое — скамейки, ворота; плотничает, обшивает дома. Только вот нынче будет ли в деревне жить?*

А дачников приезжает полная деревня. К зиме уезжают. Остаётся Игорь Павлович один. Если возьмёт лошадь у попа, так веселее жить!

* Чунки — санки.

** Комяга — лодка из двух скрепленных выдолбленных бревен.

Деревня Сиверово

Была самостоятельным колхозом. Председатель — Хоботова Александра. Жили труженики.

Теперь в деревне даже домов нет! Но это другая история!

Изучая борбушинский говор в течение нескольких десятилетий, мы столкнулись с проблемой хранения и репрезентации полученных результатов. Поэтому на 2019–2021 гг. был заявлен исследовательский проект «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского р-на Вологодской области)», поддержанный РФФИ (19-012-00542) и получивший одобрительные отзывы от экспертов-диалектологов.

Какой нам представляется электронная система, в которой могут быть объединены столь разноплановые материалы?

Во-первых, в этой системе следует отразить экстралингвистическую информацию о географическом положении деревни и ее истории. Нам представляется продуктивным формат виртуальной экскурсии, позволяющей представить изучаемое нами сельское поселение в контексте геоклиматической и историко-культурной специфики Северо-Запада России, зафиксировать известную информацию о проживавших в Борбушине семьях,

дать пользователям электронного ресурса возможность увидеть фотографии, повествующие о жизни деревни в различные годы XX в. и в настоящее время.

Во-вторых, следует предусмотреть хранение и воспроизведение записей устной речи жителей деревни. Наилучшим вариантом для пользователя было бы совмещение внутри электронного ресурса аудиозаписей звучащей речи и их расшифровок, сопровождаемых лингвистическим и культурологическим комментарием, а также разработка различных видов поиска этих записей: по информанту, по теме рассказа и/или ключевым словам. Как возможный прототип подобного рода соотношения может быть рассмотрено электронное приложение к изданиям серии «Народная речь Вологодского края».

В-третьих, материалы, отражающие специфику морфемной и словообразовательной систем исследуемого говора, могут быть извлечены из электронной системы «Диалектного словаря строения слов». Лексическую базу этого словаря составляет корпус сегментированных диалектных слов первого издания «Словаря вологодских говоров», для которой предусмотрены различные виды поиска: по типу морфемы (префикс, корень, интерфикс, суффикс, постфикс, флексия), по конкретному наполнению морфем каждого типа, по частеречной принадлежности слова, по компонентам его грамматической характеристики, по месту фиксации слова (административный район Вологодской области). Различного рода выборки из «Электронного словаря строения слов» могут быть использованы для построения гнездового словообразовательного словаря исследуемого говора, но с некоторыми ограничениями: в таком словаре будут заметно превалировать диалектные, территориально ограниченные в употреблении слова, тогда как общерусские элементы подобного рода гнезд будут реконструироваться не столько для отражения всей полноты их бытования в диалекте, сколько для экспликации структурно-семантических взаимоотношений их с диалектными компонентами гнезда. В технике подобного рода в настоящее время описаны закономерности диалектного отглагольного словообразования ис-

следуемого говора: продолжением проекта может быть описание словообразовательной структуры слов в отсубстантивных, отадъективных и др. словообразовательных гнездах.

В-четвертых, детальная проработка программы «Лексического атласа русских народных говоров» в беседах с жителями деревни дала возможность систематизировать полученные данные в формате электронного тематического словаря. Подобным образом систематизируется диалектная лексика в «Опыте словаря языковой личности» С. А. Ганичевой [Ганичева 2016]), планируется продолжить эту работу уже в недифференцированном варианте, что позволит более полно и системно представить корпус языковых средств, репрезентирующих важнейшие составляющие региональной концептосферы («Природа», «Человек», «Материальная культура», «Духовная культура» и пр.). В настоящее время борбушинский материал составил значительный по объему контент для коллективной монографии «Языковая картина мира вологодского крестьянина» (Часть I. Домашние и дикие животные. Часть II. Детство), которая готовится к печати в Вологодском государственном университете.

В-пятых, нам представляется важным продолжить сбор материалов, относящихся к истории деревни, отражающих судьбы ее жителей и сохраняющих образцы их устной и письменной речи. Так, при работе с воспоминаниями жителей деревни о военном и послевоенном детстве мы имели возможность сопоставить записи нескольких близких родственников. Имея весьма незначительную разницу в возрасте и описывая одни и те же события, брат и сестра демонстрируют заметные различия в их оценке, воспроизводят факты биографии семьи с неодинаковой полнотой, обращая внимание на детали «мужского» и «женского» мира. Существенно различаются рассказы об играх (брат детально описывает правила и атрибутику подвижных игр, тогда как сестра лишь вскользь их упоминает, охотнее рассказывая о развлечениях отрочества и юности — гулянках, беседах, гаданиях). В мужской и женской речи воспроизводятся тексты различных жанров устного народного творчества: информант-мужчина чаще вспо-

минает волшебные и бытовые сказки, рассказывает былички, повествующие о домовых и лесных духах, описывая время своего отрочества, воспроизводит «парнечьи» частушки, тогда как его сестра вспоминает частушки «женские», весьма детально сохраняет в памяти правила девичьих гаданий и сопровождающие их заговоры. При всей общности крестьянских работ, в которые дети вовлекались старшими родственниками, мужчина вспоминает «мужские» занятия (плотницкие и столярные работы, управление лошадью во время полевых работ, плетение корзин, изготовление обуви, пчеловодство и др.), тогда как в памяти его сестры более детально сохранились воспоминания о «женских» обязанностях (уход за скотом, приготовление пищи, шитье одежды, изготовление тканых и вязаных половиков, различные техники вышивания и пр.). Нам представляется важным не останавливать сбор подобного рода воспоминаний, привлекать к этой работе детей и внуков уроженцев деревни, живущих в различных регионах России и за ее пределами.

Создание электронной мультимедийной системы говора деревни Борбушино, предусматривающее решение перечисленных выше задач, позволит обрисовать динамику изменений говора исследуемой территории, во всей возможной полноте и разнообразии сохранить образцы говора данного (исчезающего) сельского поселения, а также обеспечить широкому кругу пользователей доступ к собранному нами речевому контенту.

Выражение благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского р-на Вологодской области)».

Литература

Ваахтера Й. М. (2009) *Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области*. Helsinki.

Ганичева С. А. (2015) *Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области*. [http://pi.vogu35.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm] (30.05.2019).

Голубев О. Б., Ильина Е. Н., Крылова А. Б., Никифоров О. Ю. (2010) *Диалектный словарь строения слов: принципы создания электронной версии. Слово и текст в культурном сознании эпохи*. Вологда: Легия: 180–184.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. (2004) *Диалектное членение русского языка*. М.: Едиториал УРСС.

Ильина Е. Н., Ганичева С. А. (2012) *Основы лингвистической географии Вологодской области: учебно-методическое пособие*. Вологда: Легия.

Комиссарова Т. Г. (2019) *Детство в языковой картине мира вологодского крестьянина*. Дис. ... канд. филол. наук. Вологда: ВоГУ.

Сабурова Л. В. (2018) *Домашние и дикие животные в языковой картине мира вологодского крестьянина*. Дис. ... канд. филол. наук. Вологда: ВоГУ.

Чайкина Ю. И. (1988) *Географические названия Вологодской области*. Архангельск; Вологда: Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение.

Шаброва Е. Н. (1998) *Производные глаголы в русских говорах*. Учебно-методическое пособие. Вологда: ВоГУ.

Шаброва Е. Н. (2004) *Морфемный и словообразовательный анализ слова в русских народных говорах: монография*. Вологда: Легия.

Яцкевич Л. Г. (2013) *Очерки морфологии вологодских говоров: монография*. Вологда: ВГПУ.

Яцкевич Л. Г., Колесова И. Е. (2018) *Типологические особенности русского диалектного словообразования: монография*. Вологда: ВоГУ.

Сокращения источников

Брок 1907 — Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, 1907, LXXXIII, № 4.

Народная речь 2014 — Ильина Е. Н., Ганичева С. А., Драчева Ю. Н., Мельникова Н. Г. (2014) *Народная речь Вологодского края: говоры*

Кирилловского района Вологодской области: монография. Вологда: Легия.

Народная речь 2015 — Андреева Е. П., Громыко С. А., Драчева Ю. Н., Загуменнов А. В., Зорина Л. Ю., Зубова Н. Н., Иванова Е. Н., Ильина Е. Н., Колесова И. Е., Комлева Н. В., Овсянникова Т. Г., Парменова Т. В., Яцкевич Л. Г. (2015) *Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим.* Вологда: Легия.

Народная речь 2017 — Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. (2017) *Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. Монография.* Вологда; Череповец: ЧГУ.

Режские тексты 2016 — Андреева Е. П., Варникова Е. Н., Глебова Д. В., Зорина Л. Ю., Иванова Е. Н., Ильина Е. Н., Комлева Н. В., Овсянникова Т. Г. (2016) *Режские тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского идиома.* Вологда: ВоГУ.

СВГ — *Словарь вологодских говоров.* Учебное пособие по русской диалектологии. Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

Симони 1898 — Симони П. К. Два старинных областных словаря XVIII столетия. *Живая старина*, 1898, 3–4: 443–450.

BELOZERIE SPEECH CULTURE IN THE FOCUS OF THE ONE SPEAK (PROJECT OF ELECTRONIC MULTIMEDIA SYSTEM)

*Elena Ilyina*¹, *Svetlana Ganicheva*²

¹ Vologda State University,

² Vologda multidisciplinary lyceum,

Vologda, Russia

E-mail: filfak@list.ru

Citation: Ilyina E., Ganicheva S. (2019) Rechevaya kul'tura Beloz'er'ya v fokuse govora odnoy derevni (proyekt elektronnoy mul'timediynoy sistemy) [Belozerie speech culture in the focus of the one speak (project of electronic multimedia system)]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 69–87. (in Russian)

Abstract. The article is devoted to the problems of studying the dialect of the Borbushino village, Kirillovsky district of the Vologda region with the aim of creating an electronic multimedia system. The dialect of the Borbushino village studied for 30 years. A variety of interests and research methods, tested during this time, led to the fact that the expeditionary archive combines a very large amount of vocabulary and text material, interpreted in different ways. One of the productive approaches to the study of historical Belozerye dialects is the systematization of collected at different times speech content and the presentation of the results in the format of an electronic multimedia system. This will make it possible to introduce into the scientific circulation a new speech material, significant in volume and diverse in terms of thematic, genre-stylistic and personal affinity. The created electronic multimedia system will allow systematizing speech material according to several criteria: a) thematic relatedness of speech works; b) the compatibility of general Russian and local features in the field of phonetics, vocabulary and grammar in them; c) personal affiliation of texts to informants of different age, education and occupation. Creating an electronic multimedia system of the village of Borbushino will allow to describe the dynamics of changes in the spoken territory, to preserve samples of the Borbushino dialect in all possible fullness and diversity, to provide access to speech content for a wide range of users of electronic multimedia system.

Keywords: Russian dialectology, Vologda dialects, electronic multimedia systems.

Acknowledgements

The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-012-00542 “Speech culture of Belozerye in the dialect of a village (the creating of the multimedia database of the dialect of Borbushino village in the Kirillovsky district of the Vologda region)”.

References

Andreyeva Ye. P., Glebova D. V., Varnikova Ye. N., Zorina L. Yu. (2016) *Rezhskiye teksty kak istochnik etnolingvisticheskogo opisaniya severnorusskogo idioma* [Texts from Rezh as a source of the ethno-linguistic description of the North Russian idiom]. Vologda: VoGU. (in Russian)

Andreyeva Ye. P., Gromyko S. A., Dracheva Yu. N., Ilyina Ye. N. (2015) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: mezhdru proshlym i budushchim* [Folk speech of the Vologda region: between the past and the future]. Vologda: Legiya. (in Russian)

Chaykina Yu. I. (1988) *Geograficheskiye nazvaniya Vologodskoy oblasti* [Geographical names of the Vologda region]. Arkhangelsk; Vologda: Severo-Zapadnoye knizhnoye izdatel'stvo, Vologodskoye otdeleniye. (in Russian)

Ganicheva S. A. (2015) *Materialy k slovaryu urozhentsa Kirillovskogo rayona Vologodskoy oblasti* [Materials to the dictionary of the native of Kirillovsky district of the Vologda region] [http://pi.vogu35.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm] (30.05.2019) (in Russian)

Golubev O. B., Ilyina E. N., Krylova A. B., Nikiforov O. Yu. (2010) *Dialektnyy slovar' stroyeniya slov: printsipy sozdaniya ehlektronnoy versii* [Dialect dictionary of a structure of words: the principles of creation of the electronic version]. In: *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii ehpokhi* [The Word and the text in cultural consciousness of an era]. Vologda: Legiya: 180–184. (in Russian)

Ilyina E. N., Ganicheva S. A. (2012) *Osnovy lingvisticheskoy geografii Vologodskoy oblasti* [Fundamentals of linguistic geography of the Vologda region: the manual]. Vologda: Legiya. (in Russian)

Ilyina E. N., Ganicheva S. A., Dracheva Yu. N., Melnikova N. G. (2014) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: govory Kirillovskogo rayona Vologodskoy oblasti* [Folk speech of the Vologda region: dialects of Kirillovsky district of the Vologda region: Monograph]. Vologda: Legiya. (in Russian)

Komissarova T. G. (2019) *Detstvo v yazykovoy kartine mira vologodskogo krest'yanina* [Childhood in the Vologda dialect language image of the world]. Diss. ... cand. of sciences (Philology). Vologda: VoGU. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.) (1983–2007) *Slovar vologodskikh govorov. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University. (in Russian)

Saburova L. V. (2018) *Domashniye i dikiye zhivotnyye v yazykovoy kartine mira vologodskogo krest'yanina* [Domestic and wild animals in the Vologda dialect language image of the world]. Diss. ... cand. of sciences (Philology). Vologda: VoGU. (in Russian)

Shabrova E. N. (1998) *Proizvodnye glagoly v russkikh govorakh* [Derivative verbs in the Russian dialects: the manual]. Vologda: VOGU. (in Russian)

Shabrova E. N. (2004) *Morfemnyy i slovoobrazovatel'nyy analiz slova v russkikh narodnykh govorakh* [The morphemic and word-formation analysis of a word in the Russian national dialects: Monograph]. Vologda: Legiya. (in Russian)

Vaakhtera Y. M. (2009) *Evolyutsiya sistemy glasnykh fonem v nekotorykh russkikh govorakh Vologodskoy oblasti* [Evolution of the system of vowel phonemes in some Russian dialects of the Vologda region.]. Helsinki. (in Russian)

Volkova N. A., Ganicheva S. A., Zagumennov A. V., Ilyina E. N., Melnikova N. G. (2017) *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk speech of the Vologda region: the experience of male speech portrait. Monograph]. Vologda; Cherepovets: ChGU. (in Russian)

Yatskevich L. G. (2013) *Ocherki morfologii vologodskikh govorov* [Essays on the morphology of Vologda dialects]. Vologda: VGPU. (in Russian)

Yatskevich L. G., Kolesova I. Ye. (2018) *Tipologicheskiye osobennosti russkogo dialektного slovoobrazovaniya* [Typological features of Russian dialect word formation]. Vologda: VoGU. (in Russian)

Zakharova K. F., Orlova V. G. (2004) *Dialektnoye chleneniye russkogo yazyka* [Dialectal division of the Russian language]. Moscow: Yeditorial URSS. (in Russian)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СЕВЕРНОРУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ГОВОРАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Колосько Елена Валентиновна

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: evkolosko@mail.ru

Цитирование: Колосько Е. В. (2019) Лексические единицы севернорусского происхождения в говорах Санкт-Петербургской губернии. *Севернорусские говоры*, 18: 88–102.

Аннотация. Статья является продолжением работы по выявлению лексических данных севернорусского происхождения в говорах Санкт-Петербургской губернии, проводимой на материале «Словаря русских народных говоров» [СРНГ]. Внимание к этим данным обусловлено малочисленностью, фрагментарностью фактического материала, находящегося в распоряжении лингвистов, что является причиной недостаточного внимания к петербургским говорам. Автором проводится тематический и сравнительно-сопоставительный анализ диалектных слов. Первая часть исследования опубликована в 17 выпуске «Севернорусских говоров». В настоящей статье представлены примеры диалектных существительных, относящихся к двум лексико-семантическим группам: наименований погодных явлений и наименований предметов домашнего хозяйства. В пределах этих лексико-семантических групп проводится словообразовательный и семантический анализ диалектных словоформ, отмеченных в говорах поморской и онежской, частично ладо-го-тихвинской групп и в петербургских говорах на протяжении одного временного периода — с середины XIX в. до начала XX в. Приводятся и более поздние фиксации, которые говорят о регулярном употреблении данных лексем именно в этом или преимущественно в этом регионе. Отмечаются лексические гнезда, в которых петербургские слова являются словообразовательными или семантическими дериватами, что подтверждает наличие языковых контактов сельских жителей петербургских уездов и жителей Архангельской, Олонецкой, Выборгской, Вологодской губерний, а также жителей северных частей Новгородской и Псковской губерний. Представленный материал показывает резуль-

таты влияния говоров смежных северных регионов на формирование лексического состава петербургских говоров. Производные слова и значения демонстрируют этапы освоения и развития диалектной лексики в условиях вторичного поселения.

Ключевые слова: диалектная лексика XIX в., севернорусские говоры, петербургские говоры, междиалектные лексические связи, деривационные процессы в диалектной лексике.

Введение

В настоящей статье продолжается анализ данных СРНГ, которые отражают языковые контакты жителей Санкт-Петербургской губернии с жителями других северо-европейских регионов Российской империи (прежде всего Архангельской, Олонецкой и Выборгской губерний) [Колосько 2018: 169–181]. Севернорусские говоры были распространены по нижнему течению рек Северной Двины, Онеги, Мезени и на побережье Белого моря. Языковые контакты с жителями этих территорий влияли на развитие говоров Санкт-Петербургской губернии. В свою очередь, на территории столичного региона говоры контактировали друг с другом, в результате чего происходил обмен наиболее востребованными лексическими элементами.

Исследование диалектной лексики по уездам Санкт-Петербургской губернии начало осуществляться со второй половины XIX в. по программам, разработанным Российской Академией наук и Российским географическим обществом. «Обращение Академии наук к областной лексике в значительной степени было вызвано настойчивыми просьбами любителей и ценителей русского слова и собирателей-энтузиастов о создании областного словаря русского языка, интересом русского общества к национальному прошлому, усилением движения за национальную самобытность русской культуры и языка, развитием сравнительно-исторического методов в языкознании» [Сороколетов 1998: 280]. В 1845 г. была опубликована первая программа по сбору областной лексики и началась работа по собиранию областной лексики. Первая программа РГО была посвящена этнографии, но в ней большое

место отводилось изучению народного языка. Особо оговаривалось, что нужно составлять «списки слов общеупотребительных во всей описываемой местности или только в некоторой части ея. Желательно было бы иметь списки слов: а) служащих для понятий отвлеченных; б) означающих местные особенности окружающей природы и различных ея сил; в) определяющих местные особенности быта; г) названия различных одежд и частей одежд; д) названия хозяйственных вещей; е) названий яств и питей; ж) названий местных промыслов и занятий и всех инструментов, относящихся к известному промыслу...» [Живая старина 1890: XLIX].

Затем были разработаны отдельные программы по сборанию собственно диалектной лексики. Одна из них — программа комиссии для составления диалектологической карты русского языка, учрежденной в 1904 г. «Предварительным материалом для Комиссии служат а) [теперь уже!] печатные материалы по говорам различных местностей, б) ответы для собирания особенностей говоров» [МДК 1908: II]. Сегодня, когда создана обширная диалектная лексическая база, стало возможным выделение не только крупных диалектных групп или наречий, но и переходных говоров, «в которых на основе одного наречия возникли известные изменения под влиянием другого наречия, сближающие их с этим последним» [Там же: 1].

В предыдущей статье нами были рассмотрены наименования ландшафта, наименования лесов и растений, отмеченные в Санкт-Петербургской губернии [Колосько 2018]. Единицы севернорусской диалектной лексики, входящие в эти группы, легко идентифицировать, т. к. очевидна их тесная связь с реалиями северной природы. Другие лексические единицы, входящие в лексико-семантические группы наименований погодных явлений, наименований предметов домашнего хозяйства, не имеют тесной привязки к тем или иным соседствующим регионам, поскольку погодные условия и условия крестьянского быта несущественно различались в северной части России и в Санкт-Петербургской губернии.

1. Наименования погодных явлений

1.1. Кúрева

Учитель новгородской гимназии Николай Кедров отметил в своем словаре ладожского говора слово *кúрева* ‘метель, вьюга’. Новолад. Петерб., 1865 [СРНГ 16: 117]. Первая фиксация этого слова отмечена в Олонецкой губернии: *Говорят: курева на дворе*. Олон., 1846. Арх., Подпорож. Ленингр., Вытегор. Волог. *Так снег несёт зимой крепко, так курева така*. Усть-Цилем. Арх., Беломор. [СРНГ 16: 117]. *Куревá* в архангельских говорах имеет значение ‘дождь при сильном ветре’. Арх., 1846 [там же]. В значении ‘поднявшаяся в воздух пыль’ это слово отмечено Н. Е. Ончуковым в печорских былинах: *Только видно, там в поле Курева стоит*. Печор., 1904 [там же]. В этом значении слово широко распространено в архангельских, беломорских, онежских говорах, а акцентологический вариант *кúрева* — в карельских говорах. Значение словоформы *куревá* ‘дым’ также отмечено Ончуковым, а затем и в других северных говорах. Рассматриваемая словоформа образована от глагола *куревить*, который в значениях ‘мести, вьюжить’, ‘нести снег поземкой’, ‘идти дождю при сильном ветре’, ‘поднимать пыль столбом; заметать пылью’, ‘куриться, дымиться’ от первой фиксации в 1846 г. до 60-х гг. XX в. отмечается в речи жителей архангельских, беломорских и новгородских поселений. В фольклорных текстах, отмеченных в онежском уезде Олонецкой губернии, использовалась синонимичная слову *кúрева* словоформа *кúревка* в значении ‘поднявшаяся в воздух пыль’ [СРНГ 16: 117]. Фольклорные произведения записывались в Санкт-Петербургской губернии А. Ф. Гильфердингом, П. Н. Рыбниковым и другими этнографами. Эти данные отмечены в СРНГ пометой «Петербург.». Но фольклорные слова не могут являться собственно петербургскими диалектизмами. Они входят в лексический состав севернорусской фольклорной лексики, отличающейся по своему словообразованию и семантике от общепотребительной диалектной лексики. Поэтому примеры фольк-

лорной лексики, отмеченной собирателями в Санкт-Петербургской губернии, несмотря на соответствующие фиксации в севернорусских говорах, не рассматриваются в данной работе.

1.2. Марь

В словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН находятся материалы исследователя А. Ю. Крестцова, которые он посылал в Академию наук с 1913 г. Крестцов записал в Новолодожском уезде диалектное слово *марь* 'изморозь'. Очевидна семантическая связь этого слова с архангельским диалектизмом *марь*. Эти слова обозначают погодные явления, связанные с испарениями. Но значение 'изморозь', которое указал Крестцов, значительно отличается от архангельских значений 'переливающийся, струящийся слой теплого воздуха, наблюдаемый в теплую погоду' Арх., 1885, 'испарения от земли летом' Помор. Арх., Дуров, 1897 [СРНГ 17: 379]. Ближе всего к значению 'изморозь' значение, отмеченное также в Архангельской губернии, в Поморье 'полоса прозрачного тумана, дымки' Помор. Арх., 1885 [СРНГ 17: 379]. Может возникнуть подозрение, что собиратель диалектной лексики ошибся, давая такое определение. Однако в СРНГ представлено родственное слово *пáмора* 'туман, выпадающий в виде мелкого дождя; пасмурная погода с мелким дождем', отмеченное в Лужском уезде Петербургской губернии в 1871 г., а позднее в Петрозаводском районе КАССР. Одно словообразовательное гнездо образуют севернорусские диалектизмы с общим значением 'туманная, пасмурная погода с мелким дождем': *пáморок* Опоч. Пск., 1852. Пск., Новг., Олон., Волог., Север., *пáморока* Тихв. Новг., 1858. Север., Медвежьегор. КАССР, *пáморга* Пск., 1902–1904, *пáморка* Тихв. Новг., 1852 [СРНГ 25: 184]. Общее значение этой группы слов получило развитие, обозначая туманную дождливую погоду с ранними заморозками. Слово *пáморока* в карельских говорах имеет значения 'мелкий дождь со снегом' и 'изморозь': *Паморока в морозный день носится, как туман* Медвежьегор. КАССР, 1937–1940 [СРНГ 25: 185]. Очевидна не только словообразовательная, но и мотивационная

семантическая связь слов из севернорусских говоров и петербургского диалектизма *марь* 'изморозь', который был зафиксирован в петербургском говоре гораздо раньше, чем однокоренные слова в северных говорах.

1.3. Межёнъ

Широко распространенным понятием, связанным с погодными условиями в летний период, во время созревания урожая, является середина лета. Слово *межёнъ* с этим значением входит в обширное гнездо слов, этимологически восходящих к старославянскому слову *межда*. М. Фасмер выделяет в слове *межёнъ* значение 'середина лета' и отмечает его севернорусское происхождение из олонецких и архангельских говоров [Фасмер II: 592]. Действительно, многие слова этого словообразовательного гнезда, такие как *межён* 'самый долгий летний день; жаркое время летом', *межёнина* 'жаркое время в середине лета', *межённица* 'середина лета', *межённый* 'летний', *межёнка* 'семга, идущая на нерест в середине лета' впервые отмечены в середине XIX в. в Олонецкой, Архангельской, Вологодской губерниях, на побережье Белого моря и позднее на территории Санкт-Петербургской губернии [СРНГ 18: 82–84]. Слово *межёнъ* 'середина лета, жаркое время' Луж. Петерб., Новолад. Петерб., 1905–1921 сохранилось в архивных материалах, собранных для Второго дополнения к академическому «Опыту областного словаря великорусского языка». Закономерно и употребление этого слова в говорах Ленинградской области, что тоже отмечено в словарной статье на слово *межёнъ* [СРНГ 18: 84–85].

1.4. Óгололедь

Нередки случаи, когда в архивных материалах по Петербургской губернии отмечена только словоформа, но отсутствует значение и указание на год фиксации (возможно, это связано с тем, что слово выписано из ряда ответов на вопросы программы). В таких случаях для определения значения слова необходимо сопоставление с другими данными. Так, например, к слову *óгололедь*

не приписано какое-либо значение. Мы знаем только, что слово записано С. К. Буличем в Лужском уезде Петербургской губернии [СРНГ 22: 336]. Именно Лужский уезд дает множество диалектных слов, относящихся к переходным говорам севернорусского происхождения. Поэтому слово *óгололедь*, возможно, является фонематическим вариантом слова *гóлоледь* ‘гололед, гололедица’, широко распространенным диалектизмом, впервые зафиксированным в Олонецкой и Новгородской губерниях [СРНГ 6: 318].

2. Наименования предметов домашнего хозяйства

В эту группу диалектизмов были объединены слова из нескольких лексико-семантических групп: наименования хозяйственных приспособлений, наименования одежды. Способы ведения домашнего хозяйства в поселениях Санкт-Петербургской губернии не отличались от быта соседних областей, в употреблении у петербургских крестьян была в основном общераспространенная междиалектная лексика. Мы приведем несколько примеров тесного взаимодействия диалектов, относящихся именно к севернорусскому наречию.

2.1. Тўлка

В материалах Второго Дополнения к «Опыту областного словаря великорусского языка», датированных 1905–1921 гг., отмечено как лужское диалектное слово *тўлка* ‘металлическое кольцо, всаживаемое в ступицу колеса (для предохранения ее от истирания, втулка)’ [СРНГ 45: 233]. Это слово более древнее, чем литературное *втўлка*, т. к. восходит к глаголу *тўлить* ‘укрывать, прятать, закрывать’ [Фасмер IV: 117]. Помета «Петербург.» стоит в статье на слово *тўлка* после первой фиксации в ряду с географическими пометами, которые свидетельствуют о севернорусской отнесенности слова: [Мужик] *взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца в тулку*. Новг., Афанасьев, 1859. Луж. Петерб., Ленингр., Арх., Волог. *Деревянные были и тулки, и оси в телеге*. Новг.

Пск., КАССР [СРНГ 45: 233]. Слово *ту́лка* развило множество значений, одно из которых ‘деревянная пробка, затычка для закупоривания отверстия в бочке’ отмечено на территории Архангельской и Санкт-Петербургской губерний [СРНГ 45: 234].

2.2. Пальтушка

Словообразовательный и семантический диалектизм (от слова *пальто*) *пальтушка* ‘женская кофта’ впервые отмечен в Пермской губернии в 1887 г. И именно там было зафиксировано семантически мотивированное (теплая одежда) значение ‘теплая женская кофта на вате’. В архангельских и олонекских говорах появился фонетический вариант *пальтюшка*. В XX в. слово в этом же значении продолжало использоваться в онежских и карельских говорах: *Как у Лушки на пальтюшке Не кудель, а вата* (частушка). Онеж. КАССР [СРНГ 25: 182]. Благодаря тому, что в значении ‘теплая женская кофта на вате’ приобрела большее значение сема ‘кофта’, появилось энантиосемичное значение ‘легкая кофта’. Именно этот процесс развития диалектного значения демонстрирует петербургское слово *пальтушка*, записанное Н. Срезневской в Лужском уезде в 1905 г. [СРНГ 25: 182]. Согласно данным СРНГ, в архангельском и ленинградском регионах у слова *пальтушка* закрепилось значение ‘кофта’: *Пальтушки носили, кохта, по-нашему*. Тихв. Ленингр., 1970. *Пальтушками кофты назывались*. Каргоп. Арх. В архангельских, вологодских и горьковских говорах слово *пальтушка* употреблялось также в значении ‘легкая кофта’ [Там же].

2.3. Лепёстья, лепесток

В Академическом «Словаре 1847 года» дано диалектное слово *лёпест* в значениях ‘лист растения’ и ‘лоскут, кусочек (ткани, кожи)’ [СРНГ 16: 360]. Указывается на то, что это слово используется в речи пермских, новгородских и олонекских жителей. СРНГ фиксирует также производные лексемы с переносным значением ‘лоскут, кусочек (ткани, кожи)’, отмеченные в конце XIX – первой половине XX в. и в других говорах: *лёпестень* Данил. Яросл.,

1896, *лепестина* Борович. Новг., 1905–1921. Шольск. Волог., *лепесток* Тихв. Новг., 1905–1921, Новг., Волог., КАССР. Слова с собирательным значением *лепестья*, *лепестье* и фонетический вариант *лепестья* употребляются в переносном значении ‘кусочки, лохмотья’, зафиксированном в севернорусских говорах — псковских, новгородских, архангельских, онежских — с середины XIX и по начало XX в.: *Шуба вся спарилась, остались одни лепестья*. Луж. Петерб., 1905–1921 [СРНГ 16: 361], что позволяет предположить существование ряда родственных диалектных слов со сходными значениями в севернорусских говорах, к которому относится и петербургский диалектизм *лепесток* ‘клочок земли’ Луж. Петерб., 1905–1921 [СРНГ 16: 361].

2.4. Тройна

Для наименования деревянных вил с тремя или четырьмя зубьями, один из которых противопоставлен другим, в севернорусских говорах использовались и сейчас используются лексемы с основами *тройк-*, *тройн-*: *тройни* Шенк. Арх., 1846. Арх., Заонеж. Олон., Карел. *Тройни, ими сено метают в стог*. Тихв. Ленингр. Пск., *тройны* Плесец. Арх., 2005. *Тройны — вилы здесь зовут. Тройны — большущие вилы; найдут суковатое такое дерево, сука три, а может и больше, и сделают тройны*. Карел. *Метают сено тройнам, они тоже из дерева, длинные тоже сукам*. Тихв. Ленингр., *тройки* Новг., 1995. Карел., Тихв. Ленингр., *тройник, тройники* Бабаев. Волог., 2005, *тройницы* Медвежьегор. Карел., 2005 [СРНГ 45: 119]. Известен в говорах морфологический вариант единственного числа *тройня* и его фонетический вариант *тройна*: *Тройна, развилыстые, на заколье мечут. Тройня — это деревянные вилы, которыми сено метали*. Карел., 2005. Арх., Ленингр. [СРНГ 45: 123]. Вариант *тройна* с уточняющим значением ‘навозные вилы’ был отмечен в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии в 1926 г. [СРНГ 45: 123].

2.5. Рого́за

Семантически близко к слову *тро́йна* диалектное слово *рого́за* ‘суковатый кол’: *Сено навесим на рогозы — это такой суковатый кол. Поставим на него, да и все.* Пинеж. Арх., 1975 [СРНГ 35: 126]. В Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии это слово отмечено в 1871 г. в значении ‘чепуха, вздор, чушь’ [СРНГ 35: 126]. По времени первая фиксация слова *рого́за* относится к петербургскому говору. В СРНГ отмечено слово *рого́зина* ‘длинная сухая ветка со многими сучьями’ Кирил. Волог., 1896. Арх., КАССР [СРНГ 35: 126], относящееся к севернорусским говорам. Однако значение ‘чепуха, вздор, чушь’ не является переносным от значения ‘ветка’: более вероятно, что слово *рого́за* является производным существительным от глагола *рого́зить* ‘болтать, пустословить, говорить чепуху’. Луж. Петерб., 1871. *Ну ты уж пошла рогозить.* Новг. [СРНГ 35: 127]. В свою очередь, это значение глагола вторично и мотивационно связано со значением ‘мешать, препятствовать чему-л.’ Опоч. Пск., 1852. [СРНГ 35: 127]. А сам глагол *рого́зить* ‘мешать, препятствовать чему-л.’ очевидно, образован от слова *рого́за* (*рого́зина*) ‘суковатый кол’. К сожалению, данных об этом слове немного, и мы можем только предполагать наличие переkreщивающихся словообразовательных и семантических связей в этом гнезде слов. Закономерно развитие словоформы на территории Ленинградской области: *рого́зка* ‘кол с сучками в верхней части’ Оят. Ленингр., 1933 [СРНГ 35: 127].

Заключение

Итак, лексические данные, которые дошли до нас с середины XIX в., свидетельствуют об активных языковых контактах жителей северно-европейской части России на территории Санкт-Петербургской губернии. Нами рассмотрен ряд слов, отмеченных в петербургских говорах. Можно говорить о принадлежности этой лексики именно к севернорусским говорам благодаря первым фиксациям в архангельских, олонецких, карельских и вологодских говорах. К этим данным примыкают данные из смеж-

ных псковских и новгородских говоров. Подтверждают употребление тех или иных диалектных слов в речи сельских жителей петербургских уездов фиксации этих или родственных им слов в речи жителей Ленинградской области. Переносные значения петербургских диалектных слов свидетельствуют о том, что эти слова в их прямом значении были хорошо известны.

Большую проблему для исследования представляет собой малочисленность и отрывочность сведений именно по Санкт-Петербургской губернии, сохранившихся в архивах XIX в. Например, в материалах Московской диалектологической комиссии представлены данные 1908 г. только по одному Лужскому уезду: список из 8 слов, который прислал псаломщик М. Чирков, проживавший в Московской губернии [МДК 1908: 117]. В 1912 г. материалы пополнились данными по Лужскому и Шлиссельбургскому уездам (по объему составляют три с половиной страницы) [МДК 1930: 181–186]. Как правило, в материалах отсутствуют речевые контексты и дата записи (часто приводится только дата публикации в журнале). Для уточнения датировки, авторства и значений некоторых лексических фактов были использованы архивные материалы Российского географического общества и материалы словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Сводная русская диалектная лексикография: проблемы и перспективы», проект № 19-012-00415.

Литература

Колосько Е. В. (2018) Элементы диалектной лексики поморской и онежской групп в говорах Санкт-Петербургской губернии. *Севернорусские говоры*, 17: 169–183.

Сороколетов Ф. П. (отв. ред.) (1998) *История русской лексикографии*. СПб.: Наука.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

- Живая старина 1890 — *Живая старина*. Вып. 1. СПб., 1896.
МДК 1908 — *Труды московской диалектологической комиссии*. Вып. 1. Варшава, 1908.
МДК 1930 — *Труды московской диалектологической комиссии*. Вып. 11. Л., 1930.
СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Издание второе. М.: Прогресс, 1986.

Сокращения географических названий

- Арх. — Архангельская губерния (область)
Бабаев. Волог. — Бабаевский район Вологодской области
Беломор. — Беломорское
Волог. — Вологодская губерния (область)
Вытегор. Волог. — Вытегорский район Вологодской области
Гдов. — Гдовский уезд Санкт-Петербургской губернии
Данил. Яросл. — Даниловский уезд Ярославской губернии
Заонеж. Олон. — Заонежье Олонецкой губернии
Каргоп. Арх. — Каргопольский район Архангельской области
КАССР — Карельская АССР
Кирил. Волог. — Кирилловский уезд Вологодской губернии
Кириш. Ленингр. — Киришский район Ленинградской области
Ленингр. — Ленинградская область
Луж. — Лужский уезд Санкт-Петербургской губернии
Медвежьегор. Карел. (КАССР) — Медвежьегорский район Карелии (Карельской АССР)
Новг. — Новгородская губерния (область)
Новолад. Петерб. — Новоладожский уезд Санкт-Петербургской губернии
Олон. — Олонецкая губерния
Онеж. КАССР — Онежский район Карельской АССР
Опоч. Пск. — Опочецкий уезд (район) Псковской губернии (области)

Оят. Ленингр. — Оятский район Ленинградской области
Петерб. — Санкт-Петербург и Петербургская губерния
Петергоф. — Петергофский уезд Санкт-Петербургской губернии
Петрогр. — Петроградская губерния
Печор. — Печорское (по р. Печоре)
Пинеж. Арх. — Пинежский район Архангельской области
Плесец. Арх. — Плесецкий район Архангельской области
Подпорож. Ленингр. — Подпорожский район Ленинградской области
Помор. Арх. — Поморье Архангельской губ.
Пск. — Псковская губерния (область)
Север. — Северное
Тихв. Ленингр. — Тихвинский район Ленинградской области
Тихв. Новг. — Тихвинский уезд Новгородской губернии
Усть-Цилем. Арх. — Усть-Цилемский район Архангельской области
Царскосельск. — Царскосельский уезд Санкт-Петербургской губернии
Ямб. — Ямбургский уезд Санкт-Петербургской губернии

LEXICAL UNITS OF THE NORTHERN-RUSSIAN ORIGIN IN THE DIALECTS OF SAINT-PETERSBURG PROVINCE

Elena Kolosko

Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: evkolosko@mail.ru

Citation: Kolosko E. (2019) Leksicheskiye yedinitiy severnorusskogo proiskhozhdeniya v govorakh Sankt-Peterburgskoy gubernii [Lexical units of the Northern Russian origin in the dialects of Saint-Petersburg province]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 88–102. (in Russian)

Abstract. This article is a continuation of the work to identify lexical data of northern Russian origin in the dialects of St. Petersburg province, conducted on the material of the “Dictionary of Russian Folk Dialects”. Attention to these data is due to the small number, fragmented factual material in the possession of linguists, which is the reason for insufficient attention to Petersburg dialects. The author conducts a thematic and comparative analysis of dialect words. The first part of the study was published in the 17th issue of the North Russian dialects. This article presents examples of dialect nouns belonging to two lexical-semantic groups: names of weather phenomena and names of household items. Within these lexical-semantic groups, a word-formation and semantic analysis of dialect word forms, noted in the Pomor and Onega, partially Ladogo-Tikhvin groups and in St. Petersburg dialects during one time period — from the middle of the 19th century, is carried out. Until the beginning of the 20th century later fixations are also given, which suggest that these lexemes are regularly used in this or mainly in this region. There are lexical nests in which Petersburg words are derivational or semantic derivatives, which confirms the presence of language contacts of rural residents of St. Petersburg counties and residents of the Arkhangelsk, Olonets, Vyborg and Vologda provinces, as well as residents of the northern parts of the Novgorod and Pskov provinces. The presented material shows the results of the influence of the dialects of the adjacent northern regions on the formation of the lexical composition of St. Petersburg dialects. Derived words and meanings demonstrate the stages of development and development of dialect vocabulary in a secondary settlement.

Keywords: dialect vocabulary of the 19th century, Northern Russian dialects, St. Petersburg dialects, inter-dialectal lexical relations, derivational processes in dialect vocabulary.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00415.

References

Fasmer M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1–4. 2nd edition. M.: Progress. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.). (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Kolosko E. V. (2018) Elementy dialektnoy leksiki pomorskoy i onezhskoy grupp v govorakh Sankt-Peterburgskoy gubernii [Elements of the dialectal vocabulary of the Pomor and Onega groups in the dialects of the St. Petersburg Province]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 17: 169–183. (in Russian)

Sorokoletov F. P. (ed.) (1998) *Istoriya russkoy leksikografii* [The history of Russian lexicography]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

ДВА ГОВОРА СОСЕДНИХ ВОЛОСТЕЙ: УЛОМСКИЙ И КОЛОДЕНСКИЙ ГОВОРЫ

Пахолкова Татьяна Васильевна

Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия
E-mail: pakholkova@yandex.ru

Цитирование: Пахолкова Т. В. (2019) Два говора соседних волостей: уломский и колоденский говоры. *Севернорусские говоры*, 18: 103–114.

Аннотация. В статье проводится сравнение местного говора деревень бывшей Колоденской волости с граничащим с ним уломским говором и фрагментарное сопоставление с ваучским говором. Данная работа — продолжение исследования «От “Словаря говоров Русского Севера” к “Словарю колоденского говора”». Анализ сделан на основе сопоставления «Словаря колоденского говора», составленного автором статьи, и исследования С. А. Еремина «Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии» (1922 г.). Сопоставление проведено преимущественно в области фонетики и морфологии. **Ключевые слова:** колоденский говор, диалектный словарь, ваучский говор, уломский говор, история заселения.

Западную границу Череповецкого района нельзя назвать достаточно изученной, в том числе и в диалектологическом плане. Данная статья является продолжением нашей работы «От “Словаря говоров Русского Севера” к “Словарю колоденского говора”», опубликованной в 17 выпуске «Севернорусских говоров». В указанном исследовании на основе составленного нами «Словаря колоденского говора» [СКГ] были выделены типичные показатели северного наречия в колоденском говоре. При этом были рассмотрены совпадающие и не совпадающие с колоденскими вариантами показатели северо-западных говоров Вологодской области (на основе [СЗГВО]) и говора Череповецкого района (уезда). В данной статье изучаются говоры самые близкие к колоденским в территориальном и историческом отношении: уломский и ваучский.

Исследование построено на сопоставлении современных материалов и работы С. А. Еремина, выполненной под руководством академика Петербургского университета А. А. Шахматова в 1915 г. С. А. Еремин, будучи сам родом из д. Средний Двор Ваучской (Горской) волости Череповецкого уезда Новгородской губернии, сравнивает граничащий с Колоднами на севере уломский говор с ваучским, и, отмечая несомненную схожесть говоров соседних деревень, находит существенные различия между ваучским и уломским говорами [Еремин 1922: 1].

Сравним наблюдения С. А. Еремина с материалами колоденского говора, выделяя только совпадающие лексические единицы и диалектные черты. Терминология оригинала сохранена, написание с латиницы в транскрипции перенесено на кириллицу.

В области фонетики для уломского и ваучского говоров характерны:

— «интонация отрывистая, грубая, но второстепенное ударение добавляет плавности речи»: *богáты, богатыйи* [Еремин 1922: 40]. В колоденском говоре: *трéтью, третьюю, íхню, ихнююю*. (Ср. в новгородской грамоте № 1098, датированной второй половиной XIV в., найденной осенью 2017 г.: ...*шлю вам третьюю грамоту...* [Зализняк 2017]);

— перемещение ударения на начало слова или предлог: *сковородá — скóвороду (ы), ногá — нóгу, нá ногу, к зíме, нá сторону, в íзбу, церквéй, порá — в ту пóру, на лошаде́, на лóшаде* [Еремин 1922: 25], *нá сто, хóчут, нéмочь, знóбка* [Еремин 1922: 40];

— полное сохранение древнего неударяемого *o* и ударяемого *a* без изменения; редкие кажущиеся случаи аканья в говоре либо относятся к заимствованиям или существовали с *a* еще в древности: *салдáты, канфéты, Расéя*, точно так же: *робóта, порóm* сохраняют древнее *o*, а не переход *a* в *o*;

— отсутствие редукации в безударных *a*, явление, которое С. А. Еремин называет более устойчивым в сравнении с литературным: *крани́ва* [Еремин 1922: 4], что придает говору распевность, т. е. все гласные произносятся как полные: «закрытое *o* (*пол*), ударное *o* (*ó*болоко, *ó*сень) как бы вытягивается; в улом-

ском о (пол) не дифтонгизируется, оно довольно чистое» [Еремин 1922: 6];

— «потеря звуков в разных частях речи»: *отта́сквай, паде́шь, зоу́, го́лоу, де́ушка, реу́н, любо́ф, руп, хвос, крес, реста́нт, ко́ло, дас, ес, еть* (ведь), *ра́зе, здра́стуй, нутреной́, тако́ськой, настрéчу, здума́ть, оскресéньё, да́ячи* (давеча), *поста́(в)ит, голь перека́тна, да́внишина, в Трби́цку нидéлю, бе́ла руба́ха, небо́сь, звезда́ — звёз, гля́й, пого́й, ронни́к, нём-те* (днем-то), *поёмте* (пойдемте), *ла́нно, горсь, четвёрто, пя́то, по́зни, перéння, дохлёбвайте, пусь, окубы́рват, кубы́рят, говрю́, говрёно́* [Еремин 1922]. В колоденском нет многих явлений, которые назвал С. А. Еремин: *самоа́р* (самовар), *сю* (всю), *до ё́чора* (до вечера), *чолое́к, лóят* (ловят), *ло́й* (лови), *два едра́* (два ведра), *дя́(д)ина* и *пря(д)ём* [Еремин 1922];

— добавление, мена звуков — *с большии́м, тёплыми́* [Еремин 1922: 36], *му́жниш, очерéд, имё* (имя), *врёмё* [СКГ] и др.; *в роту́ и в роте́, рта́, из роту́ пахнё́т, рото́м* [Еремин 1922: 29], *пла́ття, свáття* [СКГ].

Уломский говор не знает шипящих *ч, щ*, при этом, по наблюдениям Еремина, *ч* и *щ* совпадали и представляли собой один звук, а *щ* звучало как *сщ* (*шти, штюк, сцас*). Если ваучский говор не знал только *ч* (*цай, цово́*), а *щ* различался (*ца́рь, це́лой* [Еремин 1922: 17]), то в колоденском *щ* произносился как *ши* (*шишы́, шишу́ка*). Еремин относит звук *щ* к свистящим и мягким: *мельни́ця* (*тсы*), *ве́цёр*. В колоденском говоре нет свидетельств той мягкости: *ве́цор* 'вечер' и *вецо́р* — 'вчера вечером' [СКГ]. Звуки *ж, ш* не проявили каких-либо отличий от нормы в колоденском говоре, в отличие от уломского.

Следует заметить, что в д. Гришкино как «столице» Колоден цокающий говор исчез намного раньше, чем в соседних деревнях Колоденской волости, особенно в д. Тыново, д. Сергеево и у выходцев исчезнувшей в 1893 г. д. Дуброва. Современные информанты из д. Гришкино, ровесники информантов из других деревень, никогда не цокали, а «биллингвы» даже отрицали, что в д. Гришкино когда-либо цокали или смешивали *ч* и *щ*, в то время как информанты из д. Сергеево и д. Тыново до сих пор «прицоки-

вают», однако это твердое цоканье: *Ёна по химее уцыла нас, шишо колба у ёй взорвалась; нецоо не давали* [СКГ], а не мягкое, как, например, в Кондашской или Уломской волостях (*ста́нтция*) [из архива автора].

Интересно, что, убедившись по всем источникам в твердом цоканьи в Колоднах, вдруг обнаруживаем, что одна из информанток, родом из д. Сергеево, живущая в д. Тыново, в своем рассказе цокает мягко, переходя скорее на *-тсь*, чем на *-ць* (*нётська*). Оказывается, ее мать была родом из д. Вершина, относящейся к соседней Смердяческой волости Белозерского уезда. В то же время другая информантка с устойчивыми корнями из д. Сергеева показывает твердое цоканье. Это еще раз доказывает, что полевые исследования говора без знания родословной информантов могут спутать языковые границы в историческом срезе.

Относительно интонации в целом С. А. Еремин отмечал: «Что меня поразило, так это особенная тоника говора. От самого спокойного повествования веет какой-то строгостью, порой грубостью, с оттенком сердитого ругательства» [Еремин 1922: 2]. Эта особенность характерна и для соседних волостей, в частности, Уломской и Колоденской.

В области морфологии уломский и ваучский говоры, как подчеркивает С. А. Еремин, содержат многие черты северно-великорусского типа [Еремин 1922: 23], что верно и для колоденского говора. Общими являются следующие особенности:

— смешение родов и падежей многих частей речи: *блина́м, рукáм* [Еремин 1922: 24], *в лёсе, нету сле́ду, гості́нцей и гості́нцо́ф, конце́й, рубле́ф, вно́го салда́т и салда́тоф, на кусту́, ульей и улье́ф, из ва́шиф краё́ф, в ро́ву, в заду́, в за́де, ф шка́пе и ф шка́пу, на угле́, на камню́, в краю́, в улю́ю и в у́лье, я́блок, обу́ткоф, канфето́ф, паренько́ф, моро́шок, брусе́нок, мися́ця* (мн. ч.) (в колоденском: *меся́ця*), *тем путе́м, в па́мете, на лошаде́, князьё́ф, братьё́ф, братове́й, сыновье́ф, три дни, рад сме́рте, во рже́, в грезе́, я́блонь, я́блонья, в прошлом го́де, марко́й ситец, небаско́й платок, толсто́й, си́ня* [Еремин 1922: 31], *пять ден, того́ дни, трётёва дни, в но́се, в крове́, в мо́хе* [Еремин 1922: 34]. Хотя

формы в лóбе носители колоденского говора не признали, в отличие от уломского, колоденцы говорят: *мо́ха, делóф — бۇдень, бۇнни, за морóшкам хоили, хотят брусéнки расповéдать, баня топíть, вода носíть, травá косíть, груздý нашёл, съел гриба́, убíл пятí уток, подéлал бы и то и другоё, на свéте всякого наро́ду есь; сла́ва бо́гу, есь денёг-те у миня́; есь у нас озёр всякиф и большíф и ма́ленькиф, ока́зья вы́шла о кру́жке-та; на миня́ дак она́ недовóльня, онé управíтели б́ыли, приро́да весéлая (вместо веселой) ста́ла, ро́нная сестра́ оти́у ёму́ [СКГ];*

— особые формы единственного числа: *скоти́на, посудина, сосни́на, ры́бина, ольши́на, травина́, черёмха, гра́дина, ура́зина* [Еремин 1922: 26]. Но при этом в Колоднах *скоти́на* и *ольши́на* мн. ч., *сосни́на* — не признаются, *ура́зина* — не ‘ушиб, уродство’, а ‘предмет для нанесения увечья’ (нож, топор и т. д.). Колоденцы употребляют также и собирательные существительные: *отта́ева, охво́сьё, сучьё, гвоздё́, осáрочьё*, помимо названных у С. А. Еремина *каме́ньё, корвьё́, ко́льё, дубьё́, зу́бьё* и *зу́бья* (у бороны, гребня) [Еремин 1922: 30]. А семантика слова *остóжьё́* ‘шест и колья для стога’ (*Не малова́то остóжьё́-то бۇдёт?*) [СКГ] в колоденском говоре совпала с употреблением этого слова в московских актах XV в., а не с белозерскими источниками XIV–XV вв. [Чайкина 1975: 117]. Ю. И. Чайкина считала, что западные районы Белозерья заселялись из Устюжны-Железопольской [там же: 120]. Собирательные на -ё́ были еще в древненовгородском диалекте, например, в грамоте № 1094 XIV в.: *ревьё́́*, что обозначало ‘тряпьё’ [Зализняк 2017].

— краткие прилагательные в обоих говорах совпадают с нормой: *петро́ва нни, добр, добра́, востёр, слобóнно, по́ло*. Краткая форма сравнительной степени наречий и прилагательных: *до́ле, бо́ле, ме́не, э́дако ме́сто*. При этом для колоденского говора характерны стяженные окончания у полных прилагательных: *Пёчку-ту ру́ску бۇём затопля́ть али столбя́нку? Кла́вдя-та э́ть Дубро́ська была́, ак и цо́кала* [СКГ]. Превосходная степень: *э́толь до́лог, до то́го хۇдо*. В Колоднах часто употребляют и превосходную степень прилагательных на -и́ий: *большу́ишиа, доро́гушиа;*

— местоимения имеют наибольшее число отклонений: *ми́ня, тибя́, ён, ёво́нной, ёно, ее, и́фно, над им, у иф, с ёй, оне́, моё́й, на́шова, ётова, оне́това, сэво́ году, самі́ф и самі́ицф, самоё́, кажі́нной, колько́й, котóra* [Еремин 1922: 37–39]. В Колодках употребляют вместо *о́ни* как *о́не*, так и *эне́* (*Эне́ жи́ли на ку́фне*); *коло не́й* (*Коло не́й всё наро́д толкё́ицы*); *такосько́й* — ‘так ему и надо, сам виноват’ (*Не реви́, такосько́й, не пошто́ и ла́зил туды́!*) [СКГ].

Частицы *-та, -те, -от* сопровождают не только существительные, но и слова других частей речи: *ён-та, овёс-от, ма́тку-ту, до́брую-ту, пошо́л коси́ть-та, зайді́-ко, ну́-кось, ужо́-тко: Куды́ хо́йл-та?* [СКГ].

— к архаичным формам числительных, указанным С. А. Ереминым: *два — двю́ф, двё́ф, с двё́ф сторо́н, трё́ф, обоё, обдо́ицф, сам-третё́й, сама-пя́та* в колоденском говоре можно добавить: *сделал дво́и вёсла; вста́вил обе́и ра́мы*.

Особенности употребления глаголов касаются всех грамматических признаков. Перечисляем те, что встречаются и в уломском, и в колоденском говоре: *бу́ите, де́ло есь, как почну́т тибя́ бу́кчать, ста́нёшь смия́ицы, стали сдобля́ицы, стали по́тчовать, за́чали пиха́ть, по́чали моло́ть, взяли задёрнули, теру́, терёто, прогры́зёно, озьму́, вьі́брато, роспрокі́нуты, привы́кнуто, ка́жот* (показывает), *вы́лоиш, поло́иш, берегё́иш, берёгчи́, стерегё́т, прясь, клась, поло́жоно, розоскё́т мя́кки, прийдёно́, заве́сти* (‘приобрести’), *запади́!*, *хо́чут лэ́зти, наткну́ицы, махай́, гру́знёт, зябне́т, погру́з, мёлют, моло́ть* (говорить), *гачя́й и гичя́й, ч(и)о́кайси, ро-сч(и)о́кали, ба́ять, забри́ли в салда́ты, кара́ёт, ха́мать, охотни-цать, ко́мать, кати́т* (идет), *упоро́ть* (‘убежать’). В Колодках есть похожий глагол *опоро́ть* ‘съесть’. У колоденцев встретились также следующие формы: *переляка́ицы, уторка́ть, околё́ть, умина́ть, затёплило, оттёплило, гля́й, сули́ть, посуле́но, прибёгла, вы́бегано, убёг, гли́-ко, гли́те-ко, на́дэ, даси́, да́дено, у́цысси, вы́редии́цы, куды́ де́ицы, ляги, се́сьти, дело се́ло гара́здо хуже, пере-драли́сь да переца́пались, возжу́сь, во́дицы* (3 л. ед. ч.), *проймё́сси, дивую́сь, што ты милка се́рдисси, вьі́мытось, здобилсы, уселсы, ён*

бутэ знаёт, выпивши, досыта наедёнсь, там вьйдён [Еремин 1922: 41–46; СКГ];

— совпадают с колоденским говором следующие формы: *то-вды, ковды, в ту пору, даяча (и), сэночи, пёрво, сперва, оногда, нонче, сэвогоды, вечор, тамо, туто, ёвонде, воно, сыздаль, сысподу, нимо, взад, взаправду, поло, дотого* (превосходная степень), *страшно дело скоко, пушише не зада(в)ила бы тя поленица-та, вного из сибя изображёт* [Еремин 1922: 51; СКГ];

— употребление предлогов в колоденском говоре имеет следующие особенности: *на Тынóво, на Сергеево, у нас у самоиф, играть в гармонню*. Нежелание/желание что-либо сделать в уломском и колоденском говорах выражается через сочетание *не к чому / охота* [СКГ].

В области синтаксиса колоденцы подтвердили признаки уломского говора по следующим общим позициям:

— местоимение при подлежащем: *А ён, лебедь-от*; нередко вместо сказуемого используется оборот: *за смёртью посылать, жиучи не бывало, сладу нэту, а мы та стали и лёгли тута* ('часто здесь бываем'), *на пэсни лютая жонка, ён крадучись вина-та и дас тие* [СКГ];

— вместо сказуемого прошедшего времени деепричастие или оборот с причастием: *выпишиши; другой год, как у иф розойдёнсь; ишишо спать не ляжоно; у ей уйдёно поди; у отца на другой жоненось; побачёно винно вного; напасёно жалёза; у волков идёно; у ево простужонось; у нас нагулянось; стряхнутось; надсажонось; надутось* [Еремин 1922: 48]. До сих пор употребляется в колоденском говоре безличный пассив при известном лице: *У ёво придёно, падёно и не стáто по сю пору* [СКГ]. В колоденском говоре пожилые информанты употребляют избыточные конструкции: *эна была уцыла, ён был врал* [СКГ]; обороты с излишним отрицанием: *какой ни на будь, какой ни на есь (ни на ёськи), некто ёму и велел*; вводные слова: *ну дак эть, бытэли; (в)ишиь* [СКГ].

Сравнивая ваучский говор с уломским, С. А. Еремин в ваучском говоре выделял интонационную разницу, качество оканья и твердое цоканье, замену *e* на *o* (*ишишó, топéреча, ужó, жонá*).

Е в ваучском говоре никогда не переходит в и, но и в е переходить может: *на гачёле, на постёле, Васілей, Мітрей* [Еремин 1922: 60]. Совпадает в трех соседних говорах выпадение и добавление звуков: *дўмам, подём реста́нт, меніны, Натóлей, ко́ло, пал, зна́мо, черёмха, пўгвицы, ўтре, аржаная мука, опóсле, опосля́, здесь, во́но, ко́ли, задарма́, нóнечи, перепира́цы, до потолка́, проздравля́ть, глону́л, стра́м.*

Для уломского и ваучского говоров характерны и более сложные видоизменения слов и семантические варианты: *про-слизну́лсы, болды́рь, бо́бка, глатко́й* ('толстый'), *гру́знуть* ('тонуть'), *за́большой, зобёнка, зоббилсы, извёл* ('истратил'), *кура́пы* (вязанки), *оста́тьнёй, полиця́, ра́жой, розму́млять, сули́ть, се́редь лета, ссади́л, це́калина, цуё́цы, цово́хоньки, ха́мать, га́ять, у́по(в)од, да́яцы, топéрь, топéрёцы* [Еремин 1922: 553]. В ваучском С. А. Еремин отметил *товда́*, в уломском — *товды́* [Еремин 1922: 62], а в колоденском признаны обе формы.

Сопоставив особенности колоденского говора подробно с уломским и фрагментарно с ваучским на основе труда С. А. Еремина, мы добавили в словарь [СКГ] не выявленные в результате аудиозаписей единицы и протестировали их у информантов. Уломский говор, представленный в работе С. А. Еремина, оказался максимально приближенным к колоденскому. Ваучский говор проанализирован у С. А. Еремина и у нас менее детально, чем уломский. Граница Колоден с Ваучем настолько мала, что маловероятны были и контакты. Кроме того, в задачи нашей статьи не входит подробное рассмотрение ваучского говора.

Чтобы понять причину вышеуказанных диалектных особенностей смежных волостей, уточнена их география и история. Уломская волость граничила с Колоденской на севере, причем бо́льшую часть территории занимали болота. Ближайшей была д. Верховье, откуда и были основные информанты у С. А. Еремина. Связь с уломской деревней Верховье у колоденцев была всегда очень тесная. Была проложена гать от Гришкина через Уломскую часть, были постоянные зимники от Гришкина и Сергеева, которыми пользовались даже в середине XX в. [Пахолкова 2014: 38].

Общие корни и сходство говоров можно попытаться объяснить общей историей Колоден и Уломы [Осминский 1960: 52, 64, 147] на стадии образования первичных говоров, а различия — разной административной принадлежностью на стадии образования вторичных говоров [Летопись: 5].

Контакты между Уломской и Ваучской (Горской) волостями тоже не были стабильны. Граница между ваучским и уломским говорами проходила по границе с Весъегонском уездом Тверской губернии (по реке Мологе) и по лесной засеке между Старой Николой и д. Раменье (на севере). Видимо, в какой-то момент разделил ваучский и уломский говоры разделились [Еремин 1922: 64]. Еремин обследовал только Горскую (Ваучскую) волость. По переписным книгам 1626 г., в них крестьяне были монастырскими и принадлежали Симонову Московскому монастырю, «тянули больше к Весъегонску, а не к Уломе» и строже сохранили цоканье как показатель древненовгородского цоканья [Еремин 1922: 66]. За границу (лесную засеку) мало кто переходил, и девиц из Вауча на Улому не выдавали. Улома и Колодны на стадии формирования первичных говоров были экономически очень связаны с Устюжной Железопольской [Еремин 1922: 67]. Таким образом, появляется еще одно свидетельство в пользу гипотезы Ю. И. Чайкиной о заселении Колоден с запада [Чайкина 1975: 120]. Этим же, вероятно, можно объяснить и сходства в уломском и колоденском говорах.

Итак, причины различий в говорах соседних волостей лежат в их административной неоднородности в разные периоды истории и миграционных процессах населения. Сегодня количество непризнанных в имеющихся ареальных словарях колоденских лексем и языковых явлений достаточно велико, ведь «волость всегда... щеголяла своим особенным выговором» [Белов 1989: 138]. Это дает повод утверждать, что словарный состав колоденского говора требует своего дальнейшего рассмотрения по многим направлениям: распространения говора на административно пограничной территории, выделения первичных и вторичных говоров, создания изоглосс распространения отдельных лексем,

уточнения диалектологических карт микрорегиона, отслеживания прямого влияния генеалогии информантов на особенности говора, анализ сохранности и изменения говора от первичного до современного состояния. Все это позволит либо признать, либо отвергнуть статус колоденского говора как самостоятельного в ареале западных говоров Череповецкого района в белозерско-бежецкой межзональной группе северно-великорусского наречия. Даже в случае непризнания самостоятельного статуса говора исследования по указанным направлениям помогут более четко провести границы между западными говорами Вологодской области.

Литература

Осминский Т. И. (1960) *Очерки по истории края. Вологодская область*. Вологда: Вологодское книжное издательство.

Пахолкова Т. В. (2014) *Гришкино и его окрестности*. Череповец: ЧГУ.

Чайкина Ю. И. (1975) Вопросы истории лексики Белозерья. *Очерки по лексике севернорусских говоров*. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт.

Сокращения

Белов 1989 — Белов В. Лад. М.: Молодая гвардия, 1989.

Еремин 1922 — Еремин С. А. *Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии*. Петроград, 1922.

Зализняк 2017 — Зализняк А. А. *Новые берестяные грамоты, найденные во время раскопок 2017 г.* Лекция от 26 окт. 2017 г. URL: <http://www.festivalnauki.ru/video/61520> (Дата обращения 11.04.2018).

Летопись — *Летопись Гришкинской церкви и ее прихода Череповецкого уезда Новгородской епархии, начатая вестись с 1894 года*. Череповецкое музейное объединение (ЧерМО). 1418/30. Кн. 9–81.

СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2018. (издание продолжается).

СЗГВО — *Словарь западных говоров Вологодской области*. Отв. ред. Н. П. Тихомирова. Вып. 1: А–Б. Череповец: ЧГУ, 2016.

СКГ — *Словарь колоденского говора*. Сост. Т. В. Пахолкова. Череповец, 2018.

TWO DIALECTS OF NEIGHBOUR COUNTIES: ULOMSKY AND KOLODENSKY DIALECTS

Tatiana Pakholkova

Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia
E-mail: pakholkova@yandex.ru

Citation: Pakholkova T. (2019) Dva govora soseidnikh volostey: ulomskiy i kolodenskiy govory [Two dialects of neighbour counties: Ulomsky and Kolodensky dialects]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 103–114. (in Russian)

Abstract. The author tries to show the comparison between the local dialect in the villages of the former Kolodenskaya parish and the Ulomsky and in part the Vauchsky dialects. The analysis is made on the basis of the “Dictionary of the Kolodensky dialect” by the author of this article. This work is the continuation of our research “From the “Dictionary of the Russian North dialects” to the “Dictionary of the Kolodinsky dialect”. Having compared features of the Kolodensky dialect with the Ulomsky and the Vauchsky on the basis of S. A. Eremin’s researches, we have added words which haven’t been revealed as a result of audio recordings to the dictionary and we have tested them at informants. The vocabulary analysis uncovers some phonetic and grammar details. The Ulomsky dialect presented in S. A. Eremin’s work is as close as possible to Kolodensky. Nevertheless we designate some specific features of the Kolodensky dialect which induces to more detailed researches. The reasons of similarity and distinctions are explained from the history of Kolodny and Uloma during the formation of primary and secondary dialects. The author hopes to supply the local dialect dictionaries to clarify the status of Kolodensky dialect in the area. This study gives grounds to assert that the vocabulary structure of Kolodensky dialect requires further consideration in many points: the influence of the distribution of the dialect in the administrative border area, the allocation of primary and secondary dialects, the creation of isogloss of individual lexemes, the clarification of dialectological maps of the microregion, the tracking of the direct dependence of informants’ genealogy on dialect quality, analysis of the preservation and change of the dialect from the primary to the current state. The results would either allow one to recognize or reject the status of Khodensky dialect as independent in the area of the western dialects of the Cherepovetsky district

in the Belozero-Bezhek interzonal group of Northern Russian dialects. Even in the case of non-recognition, this study would make possible to draw the border within the western dialects of the Vologda region more clearly.

Keywords: Uloma, Kolodna, dialect, dictionary, phonetic, grammar, history.

References

Chaykina Yu. I. (1975) *Voprosy istorii leksiki Belozer'ya* [Questions of the history of lexis of Belozerye]. *Ocherki po leksike severnorusskikh govorov* [Essays on the lexis of Northern Russian dialects]. Vologda: VGPI. (in Russian)

Matveyev A. K., Rut M. E. (eds.) (2001–2018). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1–7. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta. (the publication continues). (in Russian)

Osminskiy T. I. (1960) *Ocherki po istorii kraya. Vologodskaya oblast'* [Essays on the history of the region. Vologda Region]. Vologda: Vologodskoye knizhnoye izdatel'stvo. (in Russian)

Pakholkova T. V. (2014) *Grishkino i yego okrestnosti* [Grishkino and its surroundings]. Cherepovets: CHGU. (in Russian)

Pakholkova T. V. (comp.) (2018) *Slovar' kolodenskogo govora* [Dictionary of the Kolodensky dialect]. Cherepovets. (in Russian)

Tikhomirova N. P. (ed.) (2016) *Slovar' zapadnykh govorov Vologodskoy oblasti* [Dictionary of Western Dialects of the Vologda Region.]. Vyp. 1: A–B. Cherepovets: CHGU. (in Russian)

О КРИТЕРИЯХ ЯЗЫКОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ГОВОРОВ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

*Рыко Анастасия Игоревна*¹,
*Спиричева Маргарита Вадимовна*²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,

² Институт лингвистических исследований РАН,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: aryko@mail.ru

Цитирование: Рыко А. И., Спиричева М. В. (2019) О критериях языкового профилирования речи носителей говоров русско-белорусского пограничья. *Севернорусские говоры*, 18: 115–132.

Аннотация. Современные говоры Хиславичского района Смоленской области совмещают в себе как характерные белорусские (северно-белорусские) черты, так и характерные черты русского языка, которые активно проникают в эти говоры в течение последних десятилетий. В статье предпринимается попытка разработать статистический метод, позволяющий устанавливать частотность диалектных различительных признаков в спонтанной речи носителей этих говоров, чтобы в дальнейшем проследить динамику развития этих говоров. В исследовании устанавливается перечень релевантных диалектных различий, подсчитывается процент сохранности диалектных черт в двух идиолектах, создаются языковые профили этих идиолектов, представленные в виде таблицы и радиальных диаграмм.

Ключевые слова: диалектология, русские говоры, белорусские говоры, русско-белорусское пограничье, идиолект носителя говора, языковое профилирование, статистические методы в языкознании.

Введение

Говоря о современном состоянии русских говоров и проблеме сохранения старых диалектных различий применительно к говорам Хиславичского района Смоленской области (как и к другим говорам русско-белорусского пограничья), необходимо учитывать специфическую ситуацию, в которой оказались говоры этой территории в течение последнего столетия. Согласно классификации 1915 г., говоры западной части Хиславичского района Смоленской области относятся к северо-восточному диалекту белорусского языка [Карский 1903, карта; Дурново, Соколов, Ушаков 1915, карта]. После включения в состав Белорусской ССР этнических белорусских территорий, в том числе Мстиславского уезда, в 1924 г. Хиславичская волость была выделена из этого уезда и присоединена к Рославльскому району Смоленской области, а с 1928 г. стала отдельным районом в составе этой области. Соответственно, при составлении новой карты диалектного членения русского языка в 1965 г. говоры на территории Хиславичского района были описаны как часть западной группы южнорусского наречия. Такое решение было обосновано перспективами существования диалектных черт, прежде определявшихся как белорусские, в рамках русского литературного языка, т. е. предполагалось, что эти черты будут нивелироваться в пользу общерусских черт [Захарова, Орлова 2004: 33–35].

Таким образом, применительно к диалектной ситуации на указанной территории можно говорить не только о степени сохранности говора, но и о принадлежности его к тому или иному (русскому или белорусскому) литературному языку. Несомненно, в такой ситуации должен рассматриваться и вопрос о лингвистической самоидентификации носителей диалекта, что обсуждается в [Рыко 2019а]. В данном случае мы, видимо, можем говорить о смене лингвистической самоидентификации носителей идиома при незначительных лингвистических изменениях на бывших белорусских этнических территориях, в 1920-е гг. оказавшихся в составе РСФСР (о современном состоянии диалекта в Невельском

районе Витебской области, относящемся к подобным территориям, см. [Рыко 2018], о лингвистической самоидентификации носителей этого диалекта см. [Рыко 2016].

По полевым записям 2018–2019 гг., в говоре Хиславичского района Смоленской области белорусские черты говора хорошо сохраняются не только у старшего поколения (информанты 1930-х гг. рождения), но в какой-то степени и у более молодых представителей говора (1950–1960-х гг. рождения). Большая часть диалектных черт, которые оказываются устойчивыми, характерны для белорусского языка, а для русских говоров считаются узкодиалектным явлением русско-белорусского пограничья.

Возникает вопрос, какими методами и в каких терминах описывать степень сохранности диалектных черт и оценивать близость идиомов такого типа к тому или иному литературному языку. На материале говора с. Берчиновац (Восточная Сербия), совмещающего черты тимокских и новоштокавских говоров, был предложен статистический метод языкового профилирования носителя диалекта [Конёр, Макарова, Соболев 2019: 28–29]. Авторы предлагают перечень релевантных элементов структуры сербского языка, выступающих в разных соотносительных вариантах в новоштокавских и тимокских говорах, и устанавливают количественное соотношение этих вариантов в идиолекте конкретного информанта, носителя «нестандартизированного» идиома [там же: 28–29] с перспективой создания инструмента для количественной оценки «степени диалектной аутентичности» для любого варианта сербской диалектной речи.

Для применения количественных методов при описании конкретных идиолектов и языкового профилирования носителей пограничных русско-белорусских говоров в первую очередь нужно создать перечень релевантных диалектных различий. Предварительный перечень был составлен с опорой на описания этих говоров в предшествующей литературе [ДАРЯ; ДАБМ; Карский 1903; Захарова, Орлова 2004; Аванесав 1964] и с учетом записей современного состояния говоров русско-белорусского пограничья

[Рыко 2019б]. В данной статье предпринимается попытка количественной оценки встречаемости этих черт в конкретных идиолектах на основании сплошной выборки, что позволит уточнить перечень критериев, на основании которых можно будет устанавливать степень близости конкретных идиолектов к русскому или белорусскому языку.

Языковое профилирование носителей русско-белорусских говоров

В рамках настоящего исследования были проанализированы записи спонтанной речи двух носителей идиома русско-белорусского пограничья: информант 1 — Прасковья Дмитриевна Супругова, родившаяся в д. Шипы Хиславичского района Смоленской области в 1932 г., с 1959 по 1992 г. проживавшая в д. Боровая, а с 1992 г. переехавшая в д. Жанвиль того же района (запись авторов, 2019 г.); информант 2 — Прасковья Михайловна Александрова, родившаяся в д. Яновка Шумячского района Смоленской области в 1937 г., вышедшая замуж в д. Скверета Хиславичского района Смоленской области, с 2000 г. проживающая в д. Соино того же района (запись авторов и А. П. Дичковской, 2019 г.). Записи спонтанной речи, сделанные на портативный рекордер Tascam DR-22WL в полевых условиях, были расшифрованы в программе ELAN 5.7 и размечены в программе Microsoft Excel; было проанализировано по 40 минут звучащей речи обеих информанток (ок. 3500 словоупотреблений у каждой). Беседы велись о старом деревенском быте, о традициях и обычаях.

Материал анализировался методом сплошной выборки, когда каждая словоформа, в которой представлено одно из противопоставленных диалектных различий, т. е. «элементов структуры языка», выступающих «в разных своих соотносительных вариантах» [Аванесов, Орлова 1964: 11], оценивалось с точки зрения его принадлежности русскому или белорусскому языку. Не размечались словоформы, совпадающие в русском и белорусском литературном языках. Отмечались диалектные различия на уровне фонетики и морфологии, из лексических единиц рассматривались

только служебные (союзы *як/как, ци/ли, кали/когда* и пр.) или частотные «полуслужебные» — местоименные наречия (*ужо/уже, сюды/сюда* и т. д.).

При этом некоторые различия, которые часто упоминаются в качестве отличительных черт белорусского языка [Карский 1903; Дурново, Соколов, Ушаков 1915; Аванесав 1964], были отклонены. При выборе того или иного критерия в качестве релевантного мы ориентировались на следующие принципы: 1) возможность представить критерий в виде бинарной оппозиции; 2) наличие позиционно не обусловленной вариативности; 3) характерность признака именно для русско-белорусского пограничья, а не для более широкой территории.

Во-первых, не рассматривались те критерии, на основании которых отношения между русскими и белорусскими чертами невозможно представить в виде бинарного противопоставления:

— вокализм первого предударного слога (диссимилятивное и недиссимилятивное аканье и яканье, иканье) — будучи сложным противопоставленным явлением, не позволяет делать никаких выводов при сопоставлении отдельных словоформ, т. е. не является бинарным противопоставлением. Отметим, что для идиолектов обеих наших информанток характерно диссимилятивное аканье и яканье с очень редкими исключениями;

— [ŷ] или [y] на месте [в] в позиции конца слова или перед следующим согласным — хотя здесь в рассматриваемых говорах и наблюдается вариативность, но часто трудно провести границу между отдельными вариантами без инструментального анализа, а разные позиции (конец слова и положение перед согласным) могут иметь разное распределение вариантов; кроме того, эта черта характерна не только для русско-белорусского пограничья, но распространена в более широком ареале.

Во-вторых, мы не рассматриваем те черты, которые обычно указываются в литературе как белорусские, но не являются характерными для северо-восточных белорусских говоров и в нашем материале не встречаются:

— неразличение этимологических твердого [r] и мягкого [r'] (*трапка*) [ДАБМ, карта 42];

— наличие 2-й палатализации на стыке основы и окончания (*на дарозі*) [ДАБМ, карты 65, 66].

В-третьих, мы исключили признаки, не дающие вариативности в нашем материале и распространенные в более широком ареале:

— фрикативный [γ];

— произношение твердого [ч];

— окончания 3 л. презенса с мягким *-ть*.

Наконец, за рамками нашего исследования осталось характерное для белорусского языка тсеканье и дзеканье — поскольку разница между современным русским (как литературным, так и диалектным) и белорусским тсеканьем/дзеканьем не очень понятна и является темой для отдельного исследования.

Часть диалектных различий, актуальных для противопоставления русского и белорусского языков, оказалось невозможным учитывать при количественной оценке рассматриваемых идиолектов в силу малой частотности этих явлений в анализируемых текстах. К ним были отнесены те черты, которые ни разу не встретились хотя бы у одного информанта: 1) отрицание *німа* vs *нет*; 2) наречия места *де* vs *где*, *куды* vs *куда*, *аттуля* vs *оттуда*; 3) наречие *яшшэ* vs *ещё*; 4) счетный оборот *два дні* vs *два дня*; 5) рефлекс праслав. **dj* (*сіджу* vs *сизу*); 6) постфикс *-ся* vs *-сь* (в позиции после гласных); 7) окончание *-i* vs *-e* в Предл. ед. мягких основ муж. рода (*на кані* vs *на коне*); 8) наличие или отсутствие протетического гласного в начале слов с сочетаниями согласных с первым сонорным — *ільняны*, *аржаны* (*іржаны*) vs *льняной*, *ржаной*; 9) Дат. ед. местоимения 3 л. ж. р. *ёй* vs *ей*. Понятно, что увеличение количества материала позволит учесть эти черты при составлении лингвистического профиля идиолекта.

Релевантными для языкового профилирования пограничных русско-белорусских идиолектов, в первую очередь, мы считаем те черты, которые характерны для большей части белорусских говоров, главным образом северно-восточных, и литературного язы-

ка, а на территории русских говоров отмечаются в пограничной зоне (т. е. в белорусских говорах, согласно карте 1915 г.). Также мы включили в перечень релевантных черт некоторые из тех, что имеют на русской территории более широкое распространение, но при этом демонстрируют хорошую вариативность. В основном это фонетические и морфологические особенности, из лексических единиц в наш список попали некоторые союзы и частицы, которые можно рассматривать как грамматические показатели.

1. Произнесение [хв] и [х] в соответствии с [ф], которое широко распространено в южнорусских говорах [Васильева 1975] и во всех белорусских, хотя и спорадически, преимущественно в речи старшего поколения [Аванесав 1964: 145–147; ДАБМ, карта 44].

2. Наличие протетического [в] перед ударными [о] и [у], которое принято считать одной из характерных черт современного белорусского языка, отличающей его от других восточнославянских [Аванесав 1964: 139], но встречается оно и в западном ареале русских говоров [ДАРЯ, I, карта 60].

3. Морфологически и лексически ограниченные случаи чередования [л]/[љ] в соответствии с русским литературным /л/ в сочетаниях типа **tъrt* и в формах прош. вр.: *да[л]á* — *да[љ]*, *во[љ]к*. Эта черта характерна для южноповских, смоленских и брянских говоров, пограничных с белорусским языком [ДАРЯ, I, карта 61]; в белорусском это явление фиксируется повсеместно, известно по памятникам начиная с конца XV в. [Карский 1903: 101]. Его возникновение связывают с процессом падения редуцированных для первой позиции, с аналогией с причастиями для второй [Янукоўски 1983: 90–91].

4. Отсутствие перехода [е] > [о] в ряде форм глаголов настоящего времени I спр. с ударением на тематическом гласном (*несешь, несеть, несём, несете*) является диалектным для русского языка и распространено на небольшой территории южноповских и смоленских говоров, расположенных вдоль белорусской границы [ДАРЯ, II, карта 82]. Отсутствие перехода [е] > [о] именно в этих формах характерно и для белорусской парадигмы, причем на широкой территории северо-восточных говоров присут-

ствуует и *-ть* в форме 3 ед. [Аванесав 1964: 260–264; ДАБМ, карты 148, 150, 158].

5. Регрессивная ассимиляция по звонкости перед сонантами и [в], не отмеченная на территории русских говоров и характерная для белорусского языка (з *лесу*).

6. Рефлексы напряженных редуцированных в формах Им. п. ед. ч. прил. муж. Р. *-ый, -эй* под ударением (*молод[ый]*, *молод[эй]*) и в основе презенса глаголов с *j* — *мыю, рыю*. Рефлексация такого типа является общей изоглоссой для смоленских говоров и городокско-невельского диалекта [Букринская, Кармакова, Тер-Аванесова 2008: 128] и упоминается Е. Ф. Карским в качестве характерной белорусской черты [Карский 1903: 14]. Согласно исследованиям С. Л. Николаева, интересующая нас территория входит в зону «смоленской» системы (*молодэй : крью*) при «общерусской» (*молодой : крою*) и западной (*молодой : крью*), характерной для большей части украинских и белорусских говоров [Николаев 1988: 118–120]. На русской территории оба варианта окончания *-ый* и *-эй* (как правило, сосуществующие) отмечены вдоль русско-белорусской границы [ДАРЯ, II, карта 42], на белорусской — на всей территории витебских и могилевских говоров [ДАБМ, карта 110].

7. Произношение мягких долгих согласных в соответствии сочетаниями согласных с [j] (*свиння*) — свойственное как белорусскому литературному языку [Бірыла, Шуба 1985: 20 и след.], так и большей части его говоров [Аванесав 1964: 142–145, карта 8]; для русского языка эта черта является диалектной, распространена преимущественно в западной части южнорусских говоров [ДАРЯ, I, карта 74].

8. Основа местоимения *тоб-/соб-* vs *теб-/себ-* в Дат. и Пред.: белорусская литературная норма (как и все говоры) предполагает основы *тоб-/соб-* [Бірыла, Шуба 1985: 143; Аванесав 1964: 217], эти же основы фиксируются и в южнорусских говорах [ДАРЯ, II, карта 61].

9. Распространение йотированных основ местоимений 3 л., характерных для всего массива белорусских говоров и для всей

западной диалектной зоны русских говоров [ДАРЯ, II, карта 64; ДАБМ, карта 133]. При этом местоимения м. р. ед. ч., ж. р. ед. ч. и мн. ч. анализируются по отдельности, поскольку в разных говорах (идиолектах) варьирование йотированных/нейотированных основ может быть различным. Местоимение ср. р. в нашем материале не встретилось.

10. Окончание *-ы* в форме мн. ч. личного местоимения 3 л. (*яны/аны*), характерное для западной диалектной зоны русских говоров [ДАРЯ, II, карта 68] и всех белорусских [ДАБМ, карта 133].

11. Форма Им. ед. указательного местоимения *эты́й* (белорусская) vs *этот* (русская).

12. Адъективное окончание Им. мн. *-ея* (белорусское) vs *-ые* (русское).

13. Форма 3 ед. наст. вр. глагола *быть* — *ёсць* (белорусская, характерная для центральных и северо-восточных говоров [ДАБМ, карта 1630] vs *есть* (русская).

14. Употребление вопросительной частицы *ци* (*чы*) в соответствии с русской частицей *ли* обычно указывают в качестве характерной черты западной группы говоров южнорусского наречия [Захарова, Орлова, 2004: 124] или говоров, пограничных с белорусскими и украинскими, на этих же территориях отмечен и разделительный союз *ти* [Бромлей, Булатова, Гецова и др. 2005: 195–196; Кузьмина 1993: 187]. Эта частица отмечается как одна из характерных особенностей белорусского языка, отличающая его от русского [Янукоўски 1983: 31].

15. Употребление белорусского союза *як* и местоимений с основой *як-* (*які, якая, якое*) в соответствии с русским *как*.

16. Употребление белорусского союза *каб(ы)* в соответствии с *чтоб(ы)*.

17. Употребление белорусского союза *калі* в соответствии с русским *когда*.

На основании полученных данных был условно подсчитан процент сохранности диалектных (северно-белорусских черт)

в идиолекте каждого информанта. Полученные результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1. Степень сохранности диалектных (северно-белорусских черт) в идиолекте информантов (в %)

Диалектные различия	Информант 1			Информант 2		
	бел.	рус.	%	бел.	рус.	%
[хв] и [x] в соответствии с [ф]	4	1	80	4	0	100
наличие vs отсутствие протетического [в] перед ударными [о] и [у] — <i>вокны vs окна</i>	6	2	75	1	3	25
[ŷ] vs [л] на месте лит. /л/	19	5	79	13	4	76
отсутствие перехода <i>e > o</i> в формах презенса	25	0	100	8	4	67
звонкий [з] vs глухой [с] перед сонантами и [в]	8	0	100	2	6	25
рефлекс напряженных редуцированных: <i>плохой vs плохой, мяю vs мою</i>	32	1	97	7	12	37
произношение долгих мягких согласных vs сочетаний согласных с [j] — <i>свіння vs свинья</i>	5	0	100	7	3	70
основа местоимения <i>тоб-/соб- vs теб-/себ-</i>	5	0	100	6	1	86
личн. мест. м. р. <i>ён vs он</i>	9	5	64	6	16	27
личн. мест. ж. р. <i>яна vs она</i>	54	2	96	0	6	0
основа личн. мест 3 л. <i>яны vs они</i>	23	12	66	2	7	22
окончание личн. мест 3 л. <i>яны vs они</i>	54	2	96	6	3	67
указат. мест. <i>этый vs этот</i>	26	0	100	6	2	75
адъективное окончание Им. мн. <i>-ея vs -ые</i>	8	3	73	2	3	40
форма 3 ед. наст. вр. глагола <i>быть</i> — <i>ёсць vs есть</i>	7	0	100	0	3	0
союз <i>як vs как</i> (и мест. с этой основой)	53	2	96	0	49	0
частица <i>ці/чы vs ли/или</i>	25	0	100	0	4	0
союз цели <i>каб(ы) vs чтоб(ы)</i>	14	15	48	0	20	0
союз <i>калі vs когда</i>	4	0	100	0	1	0

Степень сохранности диалектных (северно-белорусских) черт у каждого информанта представлена в виде радиальных диаграмм (рис. 1 и 2).

Как видно из рис. 1 и 2, диалектные (северно-белорусские) черты лучше сохраняются у информанта 1. Идиолект информанта 2 по данным критериям приближается к русскому литературному языку. При этом видно, что у разных информантов «русификация» затрагивает разные черты. По профилю информантки 1, который показывает довольно высокую близость ее идиолекта к белорусскому языку по многим характеристикам, мы можем

Рис. 1. Степень сохранности диалектных (северно-белорусских) черт у информанта 1

увидеть, что в зону «русификации» попадают такие черты, как 1) [ф] вместо [xв], [x], 2) протетический [в], 3) русский [л] вместо белорусского [ʎ] на конце глаголов в прош. времени, 4) употребление русского союза *чтобы*, а не белорусского *кабы*, 5) русское окончание прилагательных Им. мн. *-ые* вместо белорусского *-ея*, 6) основа местоимения 3 л. ед. ч. м. р. и мн. ч. без начального [j]. Профиль информантки 2 показывает более значительную степень «русификации», в ее идиолекте отсутствуют следующие белорусские черты: 1) форма 3 ед. наст. вр. глагола быть *ёсць*, 2) союз *як*, 3) частица *ці/чы*, 4) союз цели *каб(ы)*, 5) союз *калі*, 6) личн. мест. ж. р. *яна* (наличие других личных местоимений с йотированными основами (*ён, яны*) позволяет предположить, что вариант *яна* присутствует в идиолекте информанта, но просто не встретился в анализируемом отрывке). Некоторые черты,

Языковой профиль. Информант 2

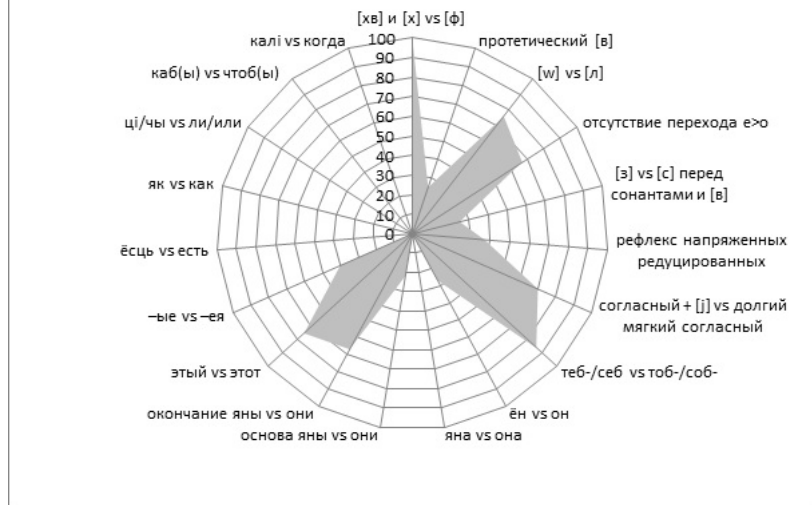

Рис. 2. Степень сохранности диалектных (северно-белорусских) черт у информанта 2

наблюдающиеся у информантки 1 только в белорусском варианте, в речи информантки 2 характеризуются большей степенью вариативности. К ним относятся: 1) отсутствие перехода *e > o* в формах презенса, 2) регрессивная ассимиляция по звонкости перед сонантами и [в], 3) произношение долгих мягких согласных в соответствии с русскими литературными сочетаниями согласных с [j], 4) основа местоимения *тоб-/соб-*, 5) указательное местоимение *эты*.

Выводы

На данном этапе сравнение двух профилей не позволяет сделать определенных выводов о том, какие белорусские черты оказываются более устойчивыми. Можем только отметить, что лексические черты сохраняются в меньшей степени, чем фонетиче-

ские и грамматические. Хочется верить, что увеличение объема материала, включение в рассмотрение также спонтанной речи диалектоносителей других поколений и дальнейшее уточнение перечня релевантных диалектных черт позволит в дальнейшем это сделать. В перспективе также можно получить количественный инструмент для оценки степени диалектной сохранности для любого варианта диалектной речи. Конечно, для каждого региона должен быть составлен свой список релевантных диалектных различий, на основании количественного анализа которых можно создать языковой профиль каждого носителя нестандартизированного идиома.

Литература

Аванесов Р. И., Орлова В. Г. (ред.) (1964) *Русская диалектология*. М.: Наука.

Аванесав Р. І. (рэд.) (1964) *Нарысы па беларускай дыялекталогіі*. Мінск: Навука і тэхніка.

Бірыла М. В., Шуба П. П. (рэд.) (1985) *Беларуская граматыка*. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэння. Націск. Мінск: Навука і тэхніка.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г. и др. (2005) *Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений*. Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия.

Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. (2008) *Говоры белорусско-русского пограничья. Исследования по славянской диалектологии*. [Вып.] 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М.: Институт славяноведения РАН: 118–179.

Васильева А. К. (1975) Фонемы <ф>, <ф'> и их замены в русских говорах. *Русские говоры*. М.: Наука: 91–104.

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. (1915) *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии*. М.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. (2004) *Диалектное членение русского языка*. М.: Едиториал УРСС.

Карский Е. Ф. (1903) *Белоруссы*. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава.

Конёр Д. В., Макарова А. Л., Соболев А. Н. (2019) Статистический метод языкового профилирования носителя диалекта (на материале восточносербского идиома села Берчиновац). *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 58: 17–33.

Кузьмина И. Б. (1993) *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука.

Николаев С. Л. (1988) Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривици. *Балто-славянские исследования* 1986. М.: Наука: 115–154.

Рыко А. И. (2016) О лингвистической самоидентификации жителей русско-белорусского пограничья (Невельский район Псковской области). *Севернорусские говоры*, 15: 71–88.

Рыко А. И. (2017) Пограничные говоры Невельского района Псковской области: разнообразие и степень сохранности. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2017. СПб.: Нестор-История: 453–497.

Рыко А. И. (2018) Между русским и белорусским: говоры Невельского района Псковской области. *Slověne = Словьне. International Journal of Slavic Studies*, 7(2): 303–320.

Рыко А. И. (2019а) На каком языке говорят жители русско-белорусского пограничья (говоры Хиславичского района Смоленской области)? *Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития*. Международная научная конференция. Сб. ст. Ереван: Изд-во ЕГУ: 362–366.

Рыко А. И. (2019б) О языковом профилировании носителей пограничных русско-белорусских говоров. *Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье*. Международный научный форум. Брянск: ООО «Аверс»: 146–153.

Янукоўскі Ф. М. (1983) *Гістарычная граматыка беларускай мовы*. Мінск: Выш. школа.

Сокращения

ДАБМ — *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы*. Пад рэд. Р. І. Аванэсава, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1963.

ДАРЯ — *Диалектологический атлас русского языка*. Центр Европейской части СССР: В 3 вып. Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986–1996.

ON THE CRITERIA FOR LANGUAGE PROFILING OF DIALECT SPEAKERS FROM THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDERLAND

*Anastasiia Ryko*¹, *Margarita Spiricheva*²

¹ St. Petersburg State University

² Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,

St. Petersburg, Russia

E-mail: aryko@mail.ru

Citation: Ryko A., Spiricheva M. (2019) О критериях языкового профилирования речи носителей говоров русско-белорусского пограничья [On the criteria for language profiling of dialect speakers from the Russian-Belarusian borderland]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 18: 115–132. (in Russian)

Abstract. Modern dialects of the Russian-Belarusian borderland (including the dialects of the Hislavichy district of the Smolensk region) are interesting not only in terms of the degree of preservation of old dialect differences, but also in terms of belonging of these idioms to one or another literary language. During the last century, the dialects of this territory were in a specific situation: if at the beginning of the 20th century they were confidently attributed to the North-Eastern dialects of the Belarusian language, then after the transfer of the administrative border they began to be classified as belonging to the Western subgroup of South Russian dialects. Therefore, modern dialects combine both characteristic Belarusian (North Belarusian) features and characteristic features of the Russian language, which actively penetrate into these dialects over the past decades. To trace the dynamics of the development of these dialects, it is necessary to analyze the idiolects of their speakers of different generations, and for such an analysis, first of all, it is necessary to develop a method of description. It seems that in such a situation it may be effective to work out a statistical method that will allow to establish the frequency of dialect distinguishing features in the spontaneous speech of speakers of such dialects. The object of this study is the recording of the spontaneous speech of two dialect speakers from the Hislavichy district; in the future it is expected to obtain a quantitative tool for assessing the degree of dialect preservation for any variant of dialect speech. Of course, each region should have its own list of relevant dialect differences, on the basis of quantitative analysis of which it is possible to create a language

profile of each native speaker of the non-standardized idiom. The preliminary list of relevant dialect differences was compiled on the basis of studying the description of these dialects in the previous literature, in this article it was refined by analyzing a continuous sample of dialect differences on the material of transcripts of spontaneous speech of dialect speakers. Besides that, to refine the list, such criteria were applied: 1) the binary character of dialect differences, 2) the presence of variability not determined by position and 3) the specificity of this dialect feature for the Russian-Belarusian borderland. As a result of the study, a table was compiled, which indicates the number of uses of the “Russian” or “Belarusian” variant of the dialect difference and its compliance with the “Belarusian ideal” in percentage terms. The language profile of each informant is presented on the diagram, which clearly represents the degree of compliance of each idiolect with the Northern Belarusian dialects. The language profile of each informant is presented on the diagram, which visually represents the degree of compliance of each idiolect with the Northern Belarusian dialects.

Keywords: dialectology, Russian dialects, Belorussian dialects, Russian-Belarusian border zone, idiolect of dialect speaker, linguistic profiling, statistical methods in linguistics.

References

Avanesov R. I., Orlova V. G. (eds.) (1964) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Avanesov R. I. (ed.) (1964) *Narysy pa bielaruskaj dyjaliektalohii* [Essays on Belarusian dialectology]. Minsk: Navuka i tehnika. (in Belarusian)

Biryła M. V., Šuba P. P. (eds.) (1985) *Bielaruskaja hramatyka* [Belarusian grammar]. 1: Fanalohija. Arfaepija. Marfalohija. Slovaŭtvarennia. Nacisk. [Phonology. Orthoepy. Morphology. Word formation. Accent]. Minsk: Navuka i tehnika. (in Belarusian)

Bromley S. V., Bulatova L. N., Getsova O. G. et al. (2005) *Russkaya dialektologiya* [Russian dialectology]: Textbook for students of philological faculties of higher school. Ed. L. L. Kasatkin. Moscow: Akademiya. (in Russian)

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. Ye., Ter-Avanesova A. V. (2008) Govory belorussko-russkogo pogranich'ya [Dialects of the Belarusian-Russian borderland]. In: *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Research on Slavic dialectology]. Issue 13: Slavyanskiye dialekty v situatsii yazykovogo kontakta (v proshlom i nastoyashchem) [Slavic dialects in a situation of language

contact (in the past and present)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN: 118–179. (in Russian)

Janukoŭski F. M. (1983) *Historyčnaja hramatyka bielaruskaj movy* [Historical grammar of the Belarusian language]. Minsk: Vyš. škola. (in Belarusian)

Konior D. V., Makarova A. L., Sobolev A. N. (2019) Statisticheskiy metod yazykovogo profilirovaniya nosityela dialekta (na materiale vostochnoserbskogo idioma sela Berčinovats) [Linguistic/Dialectal Profiling of Dialect Speakers: The Method Presented on the Idiolect from Berčinovac, Eastern Serbia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 58: 17–33. (in Russian)

Kuzmina I. B. (1993) *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [Syntax of Russian dialects in the linguo-geographical aspect]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Nikolayev S. L. (1988) Sledy osobennostey vostochnoslavjanskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikoruskikh govorakh. I. Krivichi [Traces of features of East Slavic tribal dialects in modern Great Russian dialects. I. Krivichi]. *Balto-slavyanskiye issledovaniya* [Balto-Slavic studies] 1986. Moscow: Nauka: 115–154. (in Russian)

Ryko A. I. (2016) O lingvisticheskoy samoidentifikatsii zhitel'ey rusko-beloruskogo pogranich'ya (Nevel'skiy rayon Pskovskoy oblasti) [On linguistic self-identification of the inhabitants of the Russian-Belarusian borderland (Nevels district of Pskov region)]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian Dialects], 15: 71–88. (in Russian)

Ryko A. I. (2017) Pogranichnyye govory Nevel'skogo rayona Pskovskoy oblasti: raznoobraziye i stepen' sokhrannosti [Border dialects of Nevelsky district of Pskov region: diversity and degree of preservation]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research)] 2017. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 453–497. (in Russian)

Ryko A. I. (2018) Mezhdru russkim i beloruskim: govory Nevel'skogo rayona Pskovskoy oblasti [Between Russian and Belarusian: dialects of Nevelsky district of Pskov region]. *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies*, 7(2): 303–320. (in Russian)

Ryko A. I. (2019a) Na kakom yazyke govoryat zhiteli rusko-beloruskogo pogranich'ya (govory Khislavichskogo rayona Smolenskoy oblasti)? [What language do the inhabitants of the Russian-Belarusian borderlands speak (dialects of the Khislavichi district of the Smolensk region)?] In: *Rusistika v XXI veke: tendentsii i napravleniya razvitiya* [Russian Studies in the 21st Century: Trends and Directions of Development]. International scientific

conference. Collection of scientific articles. Yerevan: Izdatel'stvo YEGU: 362–366. (in Russian)

Ryko A. I. (2019b) O yazykovom profilirovanii nositeley pogranichnykh russko-belorusskikh govorov [On the language profiling of speakers of border Russian-Belarusian dialects]. *Idiolekt russkoy yazykovoy lichnosti kak otrazheniye lingvokul'turnoy situatsii v slavyanskom pogranich'ye* [Idiolect of the Russian language personality as a reflection of the linguocultural situation in the Slavic borderland]. International Science Forum. Bryansk: OOO “Avers”: 146–153. (in Russian)

Vasilyeva A. K. (1975) Fonemy <f>, <f'> i ikh zameny v russkikh govorkakh [Phonemes <f>, <f'> and their replacements in Russian dialects]. In: *Russkiye govory* [Russian dialects]. Moscow: Nauka: 91–104. (in Russian)

Zakharova K. F., Orlova V. G. (2004) *Dialektnoye chleneniye russkogo yazyka* [Dialect division of the Russian language]. Moscow: Yeditorial URSS. (in Russian)

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ:
ДИНАМИКА И УСТОЙЧИВОСТЬ

ПРОЦЕССЫ МОРФЕМООБРАЗОВАНИЯ
НА БАЗЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО КОРНЯ *-ROI- / *-PEI-
В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Иванова Елена Николаевна

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
E-mail: el-ivan@mail.ru

Цитирование: Иванова Е. Н. (2019) Процессы морфемобразования на базе этимологического корня *-roi- / *-rei- в русских народных говорах. *Севернорусские говоры*, 18: 133–143.

Аннотация. В статье рассматривается система диалектных этимонимов с праславянским корнем *-roi- / *-rei-, дается описание процессов семантической дивергенции, приводящих к формированию новых корневых морфем. Изучение данных процессов является актуальным, поскольку морфемобразование играет важную роль в развитии лексической системы русских народных говоров. Функционально-типологический подход, использованный в работе, позволяет определить сильные и слабые корневые морфемы, выявить особенности эволюционного движения морфем в говорах.

Ключевые слова: говоры, деэтимологизация, морфемобразование, семантическая дивергенция.

В статье определяются основные направления процесса образования новых морфем на основе этимологического корня *-roi- /

*-*rei*- в русских говорах, выявляются факторы, обуславливающие эволюционное движение корневых морфем. Методика описания исторических процессов, использованная в статье, была разработана Л. Г. Яцкевич [Яцкевич 2018а; 2018б]. Материал для исследования извлекался из «Словаря русских народных говоров» [СРНГ], в качестве источников материала также использовались «Словарь вологодских говоров» [СВГ] и «Словарь говоров Русского Севера» [СГРС].

К праславянскому глагольному корню *-*rei*- восходит общерусская лексема *пить* и ее диалектные производные: *питной* 'предназначенный для напитка, питья' Том., Новг. [СРНГ 27: 54], *впийтсья* 'впиться, вонзиться' Самар., Калуж., Влад. [СРНГ 5: 172], *водопьян* 'растение *Datura Stramonium* L., сем. пасленовых; дурман обыкновенный' Ворон. [СРНГ 4: 345]. В диалектном словообразовании и морфемообразовании продуктивность развивает именная основа *-*roi*-: *пойть* 'работать телятницей на ферме' Новосиб. [СРНГ 28: 351], *попой* 'место, где поят скот, водопой' Пск., Твер. [СРНГ 29: 328], *пропой* 'завершающееся употреблением спиртных напитков сватовство, в ходе которого было получено согласие на брак' [СВГ 8: 90] и др. В праславянском языке в случаях глагольного видового противопоставления возникли новые чередования гласных: **rojiti / *rajati*. В русских говорах корень *-*raj*- получил дальнейшее семантическое и словообразовательное развитие.

Сигнификативно сильный свободный корень представлен в диалектных лексемах *питьюшка* 'небольшая кадка' [СРНГ 27: 57], *напёчка* 'заварка, порция чая' Волог., Онеж., Костром. [СРНГ 20: 85], *пивкой* 'много пьющий', 'хорошо вспоенный молоком (о теленке)' Арх. [СРНГ 27: 18] и т. д. Статус корня в производных словах может изменяться. Например, в составе существительного *пойки* 'сапоги, сшитые из кожи теленка-сосунка' [СВГ 6: 62] корень *-poj-* является связанным. Метонимическое развитие значения слова можно представить следующим образом: *опёк* (мн. *пойки*) 'теленка-сосунок' → 'шкура теленка-сосунка, а также кожа из нее' → 'сапоги, сшитые из кожи теленка-со-

сунка'. Лексическое значение слова утрачивает связь с исходным значением корня, корень теряет сигнификативную значимость.

Изменения в семантике корней могут иметь разные направления. В составе существительных *опёк*, *опойко*, *опойца*, *опеца* 'пьяница' [СВГ 6: 62, 63], *спёк* 'пьяница' [СВГ 10: 100] корень *-poj-* также является семантически связанным. Расстояние между семантикой корня и лексическим значением слова увеличивается, при этом уменьшается сигнификативная самостоятельность корня. Следствием данных семантических преобразований является омонимия корневых морфем: *опойки* 'сапоги, сшитые из кожи теленка-сосунка', *опойца*, *спёк* 'пьяница'.

Эволюционное движение морфем в составе производного слова, процессы десемантизации корней приводят к появлению вторичных корневых морфем. На базе корня *-ni-* возникли вторичные корни *-пив-*, *-пир-*, продуктивные в говорах русского языка. Производный корень *-пив-* выделяется в словах *пивины* 'пиво' Пск. [СРНГ 27: 17], *пивоход*, *пивник* 'большой сосуд для приготовления пива' [СВГ 7: 57], *пивоárничать* 'варить пиво' Яросл., Новг., Волог., Костром., Казан., Орл., Уфим. [СРНГ 27: 19]. В словах *пирóвка* 'пир, пирушка' Перм., Вят., Том., Новосибир. [СРНГ 27: 39], *пирúшка* 'свадебный пир' [СВГ 7: 60], *пирúщий* 'сопровождаемый застольем и обильной выпивкой (о празднике)' [СВГ 7: 60] используется производный корень *-пир-*. Данные корни сохраняют семантическую связь с первичным корнем.

В ряде случаев установление такой связи требует дополнительного этимологического анализа. Вероятно, к этимологическому корню **-roi-* восходит корень *-ne-* в глаголе *водопётъ* 'пропитываться водой, делаться влажным', отмеченном в вологодских, вятских и псковских говорах [СРНГ 4: 344]. Это подтверждается наличием в севернорусских говорах сложных слов с корнем *-poj-*, лексическое значение которых содержит сему 'пропитанный водой': *водопойчина* 'топкая, болотистая земля' Олон. [СРНГ 4: 345], *водопой* 'сырое, заболоченное место' Влгд. [СГРС 2: 146], *водопина* 'трава с илом, оставшимся после разлива реки на берегу' Арх. [СГРС 2: 147]. Данные «Этимологического сло-

варя славянских языков» свидетельствуют о том, что еще в праславянский период на базе лексем с корнем *-roi- сложилась лексико-семантическая зона (далее ЛСЗ) «Орошение, увлажнение» (**rojiti*, **napajati* ‘орошать, увлажнять’ [ЭССЯ 22: 206], **napojiti*, **obpojiti* ‘оросить, увлажнить’) [ЭССЯ 28: 242]. Формирование данной ЛСЗ, вероятно, обусловлено нерасчлененно-слитной природой архаического мышления и является отражением языческого культа земли.

Как отмечают исследователи, многим корневым морфемам индоевропейского происхождения свойственна энантиосемия [Прохорова 1976; Косых 2005]. Для диалектного глагола *водопéть* ‘пропитываться водой, делаться влажным’ характерно преобразование субъектно-объектных отношений. По мнению Л. Г. Яцкевич, в современных говорах сохраняются архаичные функционально-семантические особенности глагольной лексики, связанные с их первичным залоговым синкретизмом [Яцкевич 2015: 140]. Таким образом, энантиосемия, связанная с залоговым синкретизмом корня *-roi-, стала предпосылкой для образования новой корневой морфемы.

Корень *-ne-* также выделяется в диалектных словах *водопéлый* ‘пропитавшийся водой’, ‘водянистый’ Волог. [СРНГ 4: 345], *наводопéть* ‘впитать в себя влагу, стать водянистым’, ‘пропитаться влагой, сделаться тяжелым от влаги, сырости’, ‘оказаться залитым, затопленным водой’ [СВГ 5: 28]. В результате процесса деэтимологизации семантическая связь между историческими алломорфами *-poj-* / *-ne-* в говорах утрачивается. Следствием этого является развитие у производных слов переносных значений: *проводопéть* ‘пропитаться каким-либо запахом, пропахнуть’ [СВГ 8: 77], *проводопéлый* ‘пропитавшийся каким-либо запахом, пропахший’ [СВГ 8: 77].

К возникновению новых корней могут привести процессы аналогии, сближения разнокорневых слов, имеющих общее значение. Корень *-ni-* / *-nij-* представлен в диалектных наименованиях пиявки: *вопíялица* Яросл. [СРНГ 5: 96], *ни́яйка* Влад. [СРНГ 27: 63], *ни́вица* [СВГ 7: 57], *ни́явец* [СВГ 7: 62]. В говорах значе-

ние 'пиявка' развивают существительные *пíгалица* Волог., Новг., Ярослав. [СРНГ 27: 20], *пíглица* Волог. [СРНГ 27: 20], *пíгалка* [СВГ 7: 57]. Лексемы *пíгалица*, *пíгалка*, *пíглица*, для которых первичным является значение 'птица чибис', восходят к звукоподражательному *пиг* [Фасмер 3: 258]. Фонетическое сближение данных лексем с диалектными образованиями, имеющими в своей структуре корни *-пи-* / *-пиј-*, привело к появлению слов с вторичным корнем *пняг-*: *пня́галка*, *пня́глица* 'пиявка' Новг., Пск. [СРНГ 27: 63].

Существительное *пилі́к* зафиксировано в вологодских говорах в значении 'берестяной ковшичек, используемый на покосе' [СРНГ 27: 28]. Корень *-пил-* имеют многие славянские и балтийские названия птиц: *пилю́к* 'небольшая сова, сыч', укр. *пилю́к* 'вид коршуна', болг. *пиля́к* 'ястреб', сербохорв. *пиле* 'цыпленок' и т. д. По мнению М. Фасмера, данные лексемы образованы от звукоподражательного *пил* [Фасмер 3: 262]. Следовательно, значение 'берестяной ковшичек' для существительного *пилі́к* является вторичным. В результате деэтимологизации, фонетического и семантического сближения лексемы *пилі́к* с существительными, имеющими корень *-пи-* (*пиву́шка* 'приспособление для питья в виде конуса, сделанного из куска бересты' [СВГ 7: 57], *питу́шка* 'ковш или чашка для питья' Калуж. [СРНГ 27: 55]), возникают лексемы *пилі́туха*, *пилі́тушка* 'ковшик из бересты, которым пастухи черпают воду для питья из ручьев и речек' Волог. [СРНГ 27: 29]. Корень *пилит-* в структуре данных существительных является производным.

Как отмечает Ж. Ж. Варбот, изначально корень **-poi-* был семантически синкретичным. В праславянском языке развитие различных семантических составляющих корня привело к возникновению омонимов **pajati* 'поить' — **pajati* 'соединять паянием' [ЭССЯ 40: 218]. По мнению О. Н. Трубачева, этимологическая тождественность лексем **pajati* 'поить' и **pajati* 'соединять паянием' «находит наглядное реальное обоснование в сходстве сваривания двух металлических частей каплями жидкого металла с процессом питья» [Трубачев 1966: 396]. В результате семантиче-

ской дивергенции в русском языке появились омонимичные корни 1-*paj*- и 2-*paj*-.

Корень 2-*paj*- в говорах обладает большей продуктивностью, чем в литературном языке. Слова с корнем 2-*paj*-, имеющим значение соединения, в диалектной сфере образуют несколько ЛСЗ:

1 ЛСЗ 'паяние': *запáйна* 'состав, применяемый при паянии' Кубан. [СРНГ 10: 299], *пáйчúна* 'грузило невода, сети' Урал. [СРНГ 25: 155], *спóвево* 'сплав для паяния' Сиб. [СРНГ 40: 192], *спáивать* и *спáйвать* 'соединять, скреплять; сбивать паянием' Волхов, Ильмень [СРНГ 40: 106], *пáйка* 'грузило невода, сети' Урал. [СРНГ 25: 154];

2 ЛСЗ 'слияние': *спáиваться* 'сливаться, соединяться, образуя один поток (о реках, ручьях и т. п.)' Амур. [СРНГ 40: 107], *спой* 'место слияния реки и протоки' Амур. [СРНГ 40: 199];

3 ЛСЗ 'соединение льдин': *пáйда* 'скопление остановившегося во время ледохода льда' Арх. [СРНГ 25: 153], *припáйка* 'ледовый припай' Коми [СРНГ 31: 333], *припáйнáть* 'приморозить что-л. к чему-л.' Мурман. [СРНГ 31: 333], *припóек* 'ледовый припай' Арх., Сиб. [СРНГ 31: 350], *спой* 'соединение льдин в море' Мурман. [СРНГ 40: 199], *запáйнало* 'прижатая волнами или течением к плотному неподвижному льду, окруженная наносными ропаками льдина, на которой собираются иногда стада морского зверя' Арх. [СРНГ 10: 299];

4 ЛСЗ 'сплетение': *запáять* 'соединить концы веревок путем сплетения их' Волхов, Ильмень [СРНГ 10: 308], *спáивать* и *спáйвать* 'сшивать (сети)', 'соединять плетением (веревки)' Волхов, Ильмень [СРНГ 40: 107], *спáиваться* и *спáйваться* 'соединяться плетением (о веревках)' Волхов, Ильмень [СРНГ 40: 107], *спай* 'соединение веревочных концов в неводе' Волхов, Ильмень [СРНГ 40: 107], *спой* 'место соединения частей чего-л., шов' Волог., Арх., Забайкалье [СРНГ 40: 199];

5 ЛСЗ 'совместная деятельность': *спáйтáся* 'объединиться для совместной работы' Ленингр. [СРНГ 40: 107], *спáйный* 'неразлучный' Тюмен. [СРНГ 40: 107], *спáйка* 'дружба' Ярослав. [СРНГ 40: 127].

В русских говорах морфемообразование на базе этимологического корня *-roi- / *-rei- проходит в нескольких направлениях. В результате семантической и функциональной дивергенции на базе исходного синкретичного корня формируются омонимичные морфемы. В производных словах в результате различных семантических преобразований изменяется сигнификативная значимость морфемы, следствием этого является структурная нестабильность слова, что в дальнейшем может стать причиной образования новых корневых морфем. Появление в говорах вторичных корней также может быть связано с праславянскими процессами расширения исходного корня детерминативами. Новые корневые морфемы могут возникать в говорах в результате фонетических преобразований, процессов сближения разнокорневых слов, имеющих общее значение.

Литература

Косых Е. А. (2005) Энантioseмия и ее реализация в славянских языках (к вопросу о лексических соответствиях в польском и русском языках). *Культура и текст*, 10: 162–167.

Прохорова В. Н. (1976) Энантioseмия в современном русском языке (о причинах и условиях возникновения и функционирования слов с противоположными значениями). *Вопросы русского языкознания*, 1. М.: 157–165.

Трубачев О. Н. (1966) *Ремесленная терминология в славянских языках*. М.: Наука.

Яцкевич Л. Г. (2015) Словообразовательная категория залоговости в вологодских говорах. *Севернорусские говоры*, 14: 120–140.

Яцкевич Л. Г. (2018а) Морфемообразование на базе этимологического корня *er- в русских народных говорах. *Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной конференции*. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ: 247–251.

Яцкевич Л. Г. (2018б) Некоторые аспекты исследования процессов морфемообразования в русских народных говорах. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018*. СПб.: ИЛИ РАН: 642–660.

Сокращения

- СВГ — *Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии.* Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера.* Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2018 (издание продолжается).
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка.* В 4 т. М.: Астрель, 2003.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд.* Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–41. М.: Наука, 1974–2018 (издание продолжается).

THE PROCESSES OF THE MORPHEME FORMATION ON THE BASIS OF THE ETYMOLOGICAL ROOT *-POI- / *-PEI- IN THE RUSSIAN FOLK DIALECTS

Elena Ivanova

Vologda State University,
Vologda, Russia
E-mail: el-ivan@mail.ru

Citation: Ivanova E. (2019) Processy morfemoobrazovaniya na baze etimologicheskogo kornya *-poi- / *-pei- v russkikh narodnyh govorah [The processes of the morpheme formation on the basis of the etymological root *-poi- / *-pei- in the russian folk dialects]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 18: 133–143. (in Russian)

Abstract. The article considers the system of dialects etymonyms with the etymological root of *-poi- / *-pei-, describes the processes of semantic divergence leading to the formation of new root morphemes. The study of these processes is relevant and urgent, since morpheme formation plays an important role in the development of the Russian folk dialect lexical system. The functional-typological approach used in the work makes it possible to determine strong and weak root morphemes, to reveal the features of the evolutionary movement of morphemes in dialects. Etymological root of *-poi- / *-pei- in the Russian national dialects are more productive than in the literary language.

In dialects, morpheme formation on the basis of the etymological root *-poi- / *-pei- passes in several directions. As a result of semantic and functional divergence, homonymous morphemes are formed on the basis of the initial syncretic root. In derivative words, as a result of various semantic transformations, the significant significance of the morpheme changes, resulting in the structural instability of the word, which may further cause the formation of new root morphemes. The appearance of secondary roots in the dialects may also be associated with the pre-Slavic processes of expansion of the initial root determinatives. New root morphemes can occur in dialects as a result of phonetic transformations, processes of convergence of multi-root words that have a common meaning.

Keywords: dialects, de-etymologization, morphemes, semantic divergence.

References

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Kosykh Ye. A. (2005) Enantiosemya i yeyo realizatsiya v slavyanskikh yazykakh (k voprosu o leksicheskikh sootvetstviyakh v pol'skom i russkom yazykakh) [Enantiosemy and its implementation in Slavic languages (on the issue of lexical correspondences in Polish and Russian)]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 10: 162–167. (in Russian)

Matveyev A. K., Rut M. E. (eds.) (2001–2018). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1–7. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta (the publication continues). (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University. (in Russian)

Prokhorova V. N. (1976) Enantiosemya v sovremennom russkom yazyke (o prichinakh i usloviyakh vozniknoveniya i funktsionirovaniya slov s protivopolozhnymi znacheniyami) [Enantiosemy in the modern Russian language (on the causes and conditions for the emergence and functioning of words with opposite meanings)]. *Voprosy russkogo yazykoznaneya* [Questions of Russian linguistics], 1. Moscow: 157–165. (in Russian)

Trubachev O. N. (1966) *Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykakh* [Handicraft terminology in Slavic languages]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (eds.) (1974–2018) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Vol. 1–41. Moscow: Nauka. (the publication continues) (in Russian)

Yatskevich L. G. (2015) Slovoobrazovatel'naya kategoriya zalogovosti v vologodskikh govorakh [Word formation category of collateral in Vologda dialects]. *Severnorrusskiye Govory* [Northern Russian Dialects], 14: 120–140. (in Russian)

Yatskevich L. G. (2018a) Morfemoobrazovaniye na baze etimologicheskogo kornya *er- v russkikh narodnykh govorakh [Morpheme formation on the basis of the etymological root *er- in Russian folk dia-

lects]. *Fortunatovskiye chteniya v Karelii: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Fortunatov reading in Karelia: a collection of reports of the international scientific conference]. Petrozavodsk: PetrGU: 247–251. (in Russian)

Yatskevich L. G. (2018b) Nekotoryye aspekty issledovaniya protsessov morfemoobrazovaniya v russkikh narodnykh govorakh [Some aspects of the study of the processes of morphemic formation in Russian folk dialects]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)] 2018. St. Petersburg: ILI RAN: 642–660. (in Russian)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ КОГЕРЕНТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА БАЗЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТА

Колесова Ирина Евгеньевна

Вологодская областная универсальная
научная библиотека им. И. В. Бабушкина,
Вологда, Россия
E-mail: mika-vologda@mail.ru

Цитирование: Колесова И. Е. (2019) Семантические модели формирования в русских говорах словообразовательных парадигм когерентных существительных на базе прилагательных со значением цвета. *Северно-русские говоры*, 18: 144–157.

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с развитием явления параллельного словообразования в русских народных говорах. В ней рассматриваются словообразовательные парадигмы когерентных имен существительных со значением цвета, которые формируются на базе прилагательных, характеризуются их особенностями. Цель статьи состоит в том, чтобы исследовать влияние семантического синкретизма производящих прилагательных со значением цвета на образование на их базе в русских говорах когерентных производных существительных. **Ключевые слова:** русские говоры, параллельное словообразование, словообразование на базе прилагательных, когерентные производные имена существительные, семантический синкретизм, семантические модели параллельного словообразования, парадигмы когерентных лексем.

Введение

Русские народные говоры, в частности их лексическая и словообразовательная системы, развиваются под влиянием целого ряда разнообразных процессов, каждый из которых проходит в тесном сопряжении с другими. Значительное место в формировании этих систем играет параллельное словообразование, которое в частности приводит к появлению в русских говорах зна-

чительного количества когерентных лексем, изучение которых представляется очень актуальным при описании особенностей диалектной словообразовательной системы. Параллельное словообразование представляет собой один из вариантов развития семантической дивергенции (также как характерный для диахронии лексико-семантический способ словообразования и семантическое словообразование по модели, происходящее в рамках синхронии). Лексемы, сформировавшиеся в результате параллельного словообразования, должны быть отграничены от словообразовательных омонимов и лексем, образующихся в результате проявления словообразовательной и отраженной полисемии, более подробно этот вопрос рассматривается в наших ранних работах [Колесова 2015, 2016, 2017; Колесова, Яцкевич 2016]. Опираясь на ранее опубликованные работы, под термином **когерентные лексемы** мы подразумеваем «те производные слова, которые образуются параллельно от одного производящего слова по одной словообразовательной модели, с помощью одного и того же словообразовательного средства, но при этом относятся к различным предметно-логическим сферам и не вступают между собой в отношения семантической деривации» [Колесова 2015]. Мы не будем подробно останавливаться на описании этого явления и особенностей его проявления при развитии различных систем языка, поскольку результаты исследования этих вопросов, а также причины и источники развития диалектного параллельного словообразования и формирования когерентных диалектных лексем были подробно рассмотрены в целом ряде ранее опубликованных статей, например, [Колесова 2015; Яцкевич 2016а; Колесова, Яцкевич 2016]. Отметим только, что эти процессы тесно связаны с явлением семантического синкретизма, очень характерного для диалектной лексической системы и неоднократно привлекавшего к себе внимание исследователей [Яцкевич 2016б].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей семантического синкретизма прилагательных со значением цвета, которые становятся словообразовательной базой при формировании в русских говорах когерентных производных существи-

тельных. Также перед нами стоит задача выявления семантических моделей, характерных для образования когерентных существительных на базе прилагательных данной семантической группы и рассмотрение особенностей формирования их словообразовательных парадигм.

Проявления словообразовательной когерентности тесно связаны с ситуативной метонимией, которая очень характерна для диалектных прилагательных. Одним из источников метонимической неоднозначности диалектных прилагательных в различных ситуациях употребления становится характерный для них семантический синкретизм [Яцкевич 2016а; Колесова, Яцкевич 2016]. Вслед за М. М. Бахтиным, рассматривая явление синкретизма, исследователи предлагают различать в содержании слова «тему» и «значение». Тема определяется содержанием высказывания и речевой ситуацией, а значение — это воспроизводимые в различных высказываниях элементы содержания слова [Медведев 2003: 111]. Автор считал, что специфика слова с синкретичной семантикой заключается в том, что оно «в сущности, почти не имеет значения, оно все — тема», т. е. его содержание неотделимо от конкретной ситуации общения. «Здесь тема, таким образом, поглощает, растворяет в себе значение, не давая ему стабилизироваться и хоть сколько-нибудь отвердеть» [Медведев 2003: 113].

При параллельном словообразовании когерентных производных существительных (КПС) на базе различных частей речи проявления семантического синкретизма производящих слов имеют ряд особенностей, связанных с типом категориальной семантики и спецификой функционирования производящего слова в высказывании [Колесова 2017].

Особенности параллельного словообразования КПС от имен прилагательных определяется **атрибутивным синкретизмом** производящих слов, в соответствии с которым один и тот же качественный признак может лечь в основу наименования практически не ограниченного количества предметов: ‘признак’ → ‘1 предмет’, ‘2 предмет’, ‘3 предмет’ и т. д. Разнообразие семантических моделей образования КПС от качественных прилага-

тельных обусловлено спецификой семантики различных лексико-семантических разрядов мотивирующих прилагательных и закономерностями их лексической сочетаемости, поскольку производные от них существительные чаще всего образуются в результате универбации соответствующих словосочетаний. Модели лексико-семантической сочетаемости мотивирующих прилагательных и становятся базой формирования семантических моделей образования когерентных производных существительных.

Прилагательные-цветообозначения занимают особое место среди других прилагательных. Исследователи подчеркивают, что цвета, конечно, обладают огромной значимостью для человека: они делают видимый мир прекрасным [Рахилина 2007: 29]. Лексика этой семантической зоны «заслужила» тот огромный поток исследований, который ей посвящен, а система прилагательных со значением цвета на протяжении длительного времени является предметом изучения большого числа лингвистических исследований, в которых данные языковые единицы описываются в различных аспектах, например, [Бахилина 1975; Наименования цвета 2007; Рахилина 2007, 2008; Фрумкина 1984]. Продолжительный и неослабевающий интерес лингвистов к цветоименованиям определяется, в том числе, и тем, что, по мнению ученых, «заманчиво описывать те лексические группы, которые представимы как системы», но при этом «по-настоящему структурированной оказывается лишь незначительная часть лексики», а прилагательные-цветонаименования и являются редким «типичным примером такого множества» [Крапивник 2011: 255].

При образовании диалектных когерентных существительных на базе прилагательных-цветообозначений наиболее продуктивными оказываются лексемы *красный*, *серый*, *синий*, которые, по наблюдениям Л. Г. Яцкевич, характеризуются наиболее развернутой метонимической модуляцией [Яцкевич 2016б: 166]. Именно разветвленная ситуативная метонимия производящих прилагательных является одной из важнейших причин формирования на их базе объемных словообразовательных парадигм когерентных существительных.

Цвет это одна из наиболее заметных характеристик практически любого материального предмета, поэтому наименования, опирающиеся на цветовые характеристики объекта, очень распространены в говорах. Тот факт, что один и тот же цвет может быть характерен для очень разных предметов, облегчает параллельное образование существительных с различной семантикой на основе одного и того же прилагательного со значением цвета. При этом следует учитывать, что цвет может быть как неотъемлемой частью объекта именованя (ср. *желтяк* ‘груздь’ Перм. [СРНГ 9: 119] — цвет характерен для всех предметов, объединяемых понятием ‘груздь’), так и признаком, выделяющим именуемый предмет из ряда схожих (ср. *желтяк* ‘желтый цветок (любой)’ Твер. [СРНГ 9: 119] — желтый цвет выделяет из предметов, объединяемых понятием ‘цветок’, некоторую их группу). Особенностью параллельного словообразования от прилагательных со значением цвета является то, что вне зависимости от того, сколько новых лексем образуется, семантическая модель в большинстве случаев остается одинаковой: ‘цвет’ → ‘предмет, окрашенный в этот цвет’. Другие семантические модели встречаются в единичных случаях.

Рассмотрим подробнее некоторые словообразовательные парадигмы когерентных существительных, которые образуются на базе прилагательных со значением цвета. Значения лексем, входящих в парадигмы, приводятся по словарям [СВГ; СРНГ; СРГК; СВРГ] (географические сокращения соответствуют списку сокращений СРНГ):

1. Парадигма КПС с суффиксом *-ик-*

- ‘цвет’ → 1А. ‘1 предмет, окрашенный в этот цвет’
 1Б. ‘2 предмет, окрашенный в этот цвет’
 1В. ‘3 предмет, окрашенный в этот цвет’
 1Г. ‘4 предмет, окрашенный в этот цвет’ и т. д.

- белый* → 1А. *бел/ик* 'ломоть медвежьего сала' Арх.
 1Б. *бел/ик* 'растение с белыми цветами' Вят., Тамб.
 1В. *бел/ик* 'светлая почва' Тамб., Перм., Арх.
 1Г. *бел/ик* 'будничная одежда из белого сукна без украшений' Задон.
- желтый* → 1А. *желт/ик* 'желтый песок' Арх.
 1Б. *желт/ик* 'гриб масленок' Пск.
 1В. *желт/ик* 'гриб моховик' Арх.
 1Г. *желт/ик* 'люцерна' Том.
 1Д. *желт/ик* 'сукно из верблюжьей шерсти' Симб.
- красный* → 1А. *красн/ик* 'гриб подосиновик' Нижегород.
 1Б. *красн/ик* 'глинистая, малоплодородная почва красноватого цвета' Свердл.
 1В. *красн/ик* 'кровоподтек' Киргиз.
- серый* → 1А. *сер/ик* 'почва серого цвета' Свердл.
 1Б. *сер/ик* 'серый песок' Арх.
 1В. *сер/ик* 'гриб подберезовик' Моск.

2. Парадигма КПС с суффиксом *-овик-*

- 'цвет' → 1А. '1 предмет, окрашенный в этот цвет'
 1Б. '2 предмет, окрашенный в этот цвет'
 1В. '3 предмет, окрашенный в этот цвет'
 1Г. '4 предмет, окрашенный в этот цвет'
- серый* → 1А. *сер/овик* 'супесчаная почва' Перм.
 1Б. *сер/овик* 'подзолистая почва' Сиб.
 1В. *сер/овик* 'темно-серая глина' Сиб.
 1Г. *сер/овик* 'серый камень, булыжник' Тобол., Урал.

3. Парадигма КПС с суффиксом *-ев-(о)*

- ‘цвет’ → 1. ‘предмет, окрашенный в этот цвет’
2. ‘предмет, приобретающий этот цвет’
3. ‘процесс приобретения цвета’
- синий* → 1А. *син/ев/о* ‘синяк, кровоподтек’ Перм.
1Б. *син/ев/о* ‘место загнивания дерева’ Перм.
- белый* → 2. *бел/ев/о* ‘белье, вещь, подвергаемая белению’ Волог.
3. *бел/ев/о* ‘процесс беления’ Волог.

4. Парадигма КПС с суффиксом *-едь-*

- ‘цвет’ → 1. ‘опредмеченный цвет’
2А. ‘предмет, окрашенный в этот цвет’
2Б. ‘предмет, окрашенный в этот цвет’
2В. ‘предмет, окрашенный в этот цвет’ и т. д.
- синий* → 1. *син/едь* ‘синий цвет’ Вят.
2А. *син/едь* ‘синеный холст’ Твер.
2Б. *син/едь* ‘домотканое синее сукно’ Вят.
2В. *син/едь* ‘шуба, покрытая синим холстом’ Вят.
2Г. *син/едь* ‘верхняя одежда из синего сукна’ Вят.
2Д. *син/едь* ‘женская одежда из синей ткани’ Вят.

5. Парадигма КПС с суффиксом *-як-*

- ‘цвет’ → 1А. ‘1 предмет, окрашенный в этот цвет’
1Б. ‘2 предмет, окрашенный в этот цвет’
1В. ‘3 предмет, окрашенный в этот цвет’
1Г. ‘4 предмет, окрашенный в этот цвет’ и т. д.
- желтый* → 1А. *желт/як* ‘желтоватый береговой песок’ Новг.
1Б. *желт/як* ‘желтый цветок (любой)’ Твер.

1В. *желт/як* 'гриб груздь' Перм.

1Г. *желт/як* 'старая белуха (полярный дельфин)'
Арх.

1Д. *желт/як* 'сукно из верблюжьей шерсти'
Симб.

1Е. *желт/як* 'плохо обожженный кирпич' Пск.

1Ж. *желт/як* 'дымчатый горный хрусталь' Урал.

6. Парадигма КПС с суффиксом *-иц-*

'цвет' → 1А. '1 предмет, окрашенный в этот цвет'
1Б. '2 предмет, окрашенный в этот цвет'
1В. '3 предмет, окрашенный в этот цвет'
1Г. '4 предмет, окрашенный в этот цвет' и т. д.

красный → 1А. *красн/иц/а* 'красное пятно на коже' Вят.
1Б. *красн/иц/а* 'заря, зорька' Смол.
1В. *красн/иц/а* 'клюква' Ряз.
1Г. *красн/иц/а* 'глинистая, малопродуктивная почва красноватого цвета' Тотем. Волог.

7. Парадигма КПС с суффиксом *-ах-*

'цвет' → 1А. '1 существо, окрашенное в этот цвет'
1Б. '2 существо, окрашенное в этот цвет'

белый → *бел/ах/а* 'кличка белой коровы'
бел/ах/а 'белая курица' Арх.

8. Парадигма КПС с суффиксом *-ок-*

'цвет' → 1А. '1 предмет или существо, окрашенные в этот цвет'
1Б. '2 предмет или существо, окрашенные в этот цвет'
1В. '3 предмет или существо, окрашенные в этот цвет'

1Г. '4 предмет или существо, окрашенные в этот цвет' и т. д.

- серый* → 1А. *сер/ок* 'конь серой масти' Новосиб.
1Б. *сер/ок* 'кличка серой собаки' Урал.
1В. *сер/ок* 'годовалый тюлень' Арх.
1Г. *сер/ок* 'домотканое сукно' Южн.
1Д. *сер/ок* 'одежда из домотканого сукна' Южн.

9. Парадигма КПС с нулевым суффиксом

- 'цвет' → 1А. '1 предмет, окрашенный в этот цвет'
1Б. '2 предмет, окрашенный в этот цвет'
- белый* → 1А. *бель* 'отбеленная пряжа' Волог.
1Б. *бель* 'белая нить' Волог.

Заключение

Наблюдения над параллельным словообразованием имен существительных на базе прилагательных со значением цвета в русских народных говорах позволяет выявить ряд закономерностей.

1. Параллельное словообразование диалектных когерентных существительных в значительной мере опирается на семантический синкретизм и метонимические модуляции производящих слов. Его характер и продуктивность обусловлены спецификой категориальных значений той части речи, к которой относится производящее слово, и связаны с продуктивностью его метонимических модуляций.

2. На базе прилагательных, в частности прилагательных со значением цвета, когерентные существительные образуются очень активно, а семантический анализ мотивационных отношений позволяет выявить основные семантические модели этого словообразования.

3. Особенностью параллельного словообразования на базе прилагательных со значением цвета является то, что вне зави-

симости от того, сколько новых лексем образуется, семантическая модель в большинстве случаев остается одинаковой: 'цвет' → 'предмет, окрашенный в этот цвет', другие семантические модели также встречаются, но имеют единичный характер.

4. Когерентные производные существительные функционируют в русских говорах в составе особых словообразовательных парадигм, образующихся на основе семантических моделей, набор которых связан с частичечной принадлежностью производящего слова и особенностями его семантического синкретизма.

Литература

Бахилина Н. Б. (1975) *История цветообозначений в русском языке*. М.: Наука.

Василевич А. П. (ред.) (2007) *Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ*: сб. статей. М.: URSS: КомКнига.

Колесова И. Е. (2015) Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорах. *Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим: колл. монография*. Вологда: ВГПУ: 189–201.

Колесова И. Е. (2016) Семантические модели словообразовательных парадигм когерентных отсубстантивных существительных в русских говорах. *Севернорусские говоры*, 15: 116–126.

Колесова И. Е. (2017) Семантические модели формирования в русских говорах словообразовательных парадигм когерентных существительных на базе числительных. *Севернорусские говоры*, 16: 138–147.

Колесова И. Е., Яцкевич Л. Г. (2016) Семантические модели словообразовательных парадигм когерентных имен существительных в русских народных говорах. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 3(72): 65–75.

Крапивник Е. В. (2011) Оппозитивные отношения как основа системной организации лексики (на материале прилагательных-цветонаименований русского языка). *Вестник Тихоокеанского государственного университета*, 1: 253–260.

Медведев П. Н. (2003) *Формальный метод в литературоведении: критическое введение в социологическую поэтику*. М.: Лабиринт.

Рахилина Е. В. (2008) *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари.

Рахилина Е. В. (2007) О семантике прилагательных цвета. *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ*: сб. статей. М.: Комкнига: 29–39.

Фрумкина Р. М. (1984) *Цвет, смысл, сходство*. М.: Наука.

Яцкевич Л. Г. (2016а) Семантический синкретизм как источник ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности диалектных лексем. *Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки*, 1: 91–97.

Яцкевич Л. Г. (2016б) Типы ситуативной метонимии диалектных имен прилагательных. *Севернорусские говоры*, 15: 157–169.

Сокращения

КПС — когерентное производное существительное

СВГ — *Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии*. Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СВРГ — *Словарь вологодского режского говора*: по материалам диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области. Авт.-сост. словарь. ст.: Е. П. Андреева и др.; науч. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: ВоГУ, 2017.

СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*: в 6 вып. Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).

**SEMANTIC MODELS OF FORMATION
IN THE RUSSIAN DIALECTS OF DERIVATIONAL PARADIGMS
OF COHERENT NOUNS ON THE BASIS OF ADJECTIVES
WITH THE MEANING OF COLORS**

Irina Kolesova

Vologda Regional Universal Scientific Library
named after I. V. Babushkin,
Vologda, Russia
E-mail: mika-vologda@mail.ru

Citation: Kolesova I. (2019) Semanticheskiye modeli formirovaniya v russkikh govorakh slovoobrazovatel'nykh paradigm kogherentnykh sushchestvitel'nykh na baze prilagatel'nykh so znacheniyem tsveta [Semantic models of formation in the Russian dialects of derivational paradigms of coherent nouns on the basis of adjectives with the meaning of colors]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 18: 144–157. (in Russian)

Abstract. This article focuses on the consideration of issues related to the development of the phenomenon of parallel word formation in Russian folk dialects. A parallel word-formation is one of the options for the development of semantic divergence. The results of this process should be separated from word-formation homonyms and lexemes resulting from the manifestation of word-formative and reflected polysemy. The article also describes the features of these processes. Article deals with word-formation paradigms of coherent nouns, which are formed on the basis of dialect adjectives with the meaning of color. The author restores the composition of some of these paradigms, and an attempt is made to identify and characterize their features. The main purpose of the article is to consider the peculiarities of semantic syncretism of adjectives with the meaning of color, which become the word-formation base in the formation of coherent derivative nouns in Russian dialects. Herewith special attention is paid to the Vologda dialects. At the same time, the author faces the task of identifying semantic models typical for the formation of coherent nouns on the basis of adjectives of this semantic group and considering the features of the formation of their word-formation paradigms associated with the semantics of the generating word.

Keywords: Russian dialects, the parallel word-formation, word formation on the basis of adjectives, coherent derived nouns, semantic syncretism, semantic model of a concurrent derivation, the paradigm of coherent lexemes.

References

Bakhilina N. B. (1975) *Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke* [History of colors in Russian]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Frumkina R. M. (1984) *Tsvet, smysl, skhodstvo* [Color, meaning, similarity]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Gerd A. S. (ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. Vol. 1–6. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. (in Russian)

Kolesova I. E. (2015) Protsessy funktsional'no-semanticheskoy divergenstsi v vologodskikh govorakh [Processes of functional-semantic divergence in Vologda dialects]. In: *Narodnaya rech' Vologodskogo kraya: mezhdru proshlym i budushchim* [Folk speech of the Vologda region: between the past and the future]. Vologda: VGPU: 189–201. (in Russian)

Kolesova I. E. (2016) Semanticheskiye modeli slovoobrazovatel'nykh paradig kogerentnykh otsubstantivnykh sushchestvitel'nykh v russkikh govorakh [Semantic models of derivational paradigms of coherent nouns on base of nouns in Russian dialects]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 15: 116–126. (in Russian)

Kolesova I. E. (2017) Semanticheskiye modeli slovoobrazovatel'nykh paradig kogerentnykh sushchestvitel'nykh na baze chislitel'nykh v russkikh govorakh [Semantic models of derivational paradigms of coherent nouns on base of numeral in Russian dialects]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 16: 138–147. (in Russian)

Kolesova I. E., Yatskevich L. G. (2016) Semanticheskiye modeli slovoobrazovatel'nykh paradig kogerentnykh imen sushchestvitel'nykh v russkikh narodnykh govorakh [Semantic models of derivational paradigms of coherent nouns in Russian dialects]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], 3(72): 65–75. (in Russian)

Krapivnik E. V. (2011) Opozitsionnyye otnosheniya kak osnova sistemnoy organizatsii leksiki (na materiale prilagatel'nykh-tsvetoimenovaniy rus-

skogo yazyka) [Oppositive relations as the basis of the systemic organization of vocabulary (on the basis of adjectives-color names of the Russian language)]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific National University], 1: 253–260. (in Russian)

Medvedev P. N. (2003) *Formal'nyy metod v literaturovedenii: kriticheskoye vvedeniye v sotsiologicheskuyu poetiku* [The formal method in literary criticism: a critical introduction to sociological poetics]. Moscow: Labirint. (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.) (1983–2007) *Slovar' vologodskikh govorov. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University. (in Russian)

Rakhilina Ye. V. (2008) *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Russkiye slovari. (in Russian)

Rakhilina Ye. V. (2007) O semantike prilagatel'nykh tsveta [About semantics of adjectives with the color value]. In: *Naimenovaniya tsveta v indoyevropeyskikh yazykakh: sistemnyy i istoricheskiy analiz* [Color names in Indo-European languages: system and historical analysis]. Moscow: URSS: KomKniga: 29–39. (in Russian)

Vasilevich A. P. (ed.) (2007) *Naimenovaniya tsveta v indoyevropeyskikh yazykakh: sistemnyy i istoricheskiy analiz* [Names of color in Indo-European languages: systemic and historical Rational analysis]. Collection of scientific articles. Moscow: URSS: KomKniga. (in Russian)

Yatskevich L. G. (2016a) Semanticheskiy sinkretizm kak istochnik situativnoy metodologii i slovoobrazovatel'noy kogerentnosti dialektnykh leksem [Semantic syncretism as a source of situational metonymy and word-formative coherence of dialect lexemes]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vologda State University], 1: 91–97. (in Russian)

Yatskevich L. G. (2016b) Tipy situativnoy metonimii dialektnykh imen prilagatel'nykh [Types of situational metonymy of dialectal adjectives]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 15: 157–169 (in Russian).

Zorina L. Yu. (ed.) (2017) *Slovar' vologodskogo rezhskogo govora: po materialam dialektologicheskikh ekspeditsiy v Syamzhenskiy rayon Vologodskoy oblasti* [Dictionary of the Vologda Rezhsky dialect: on the materials of dialectological expeditions to the Syamzhensky district of the Vologda region]. Vologda: Vologda State University. (in Russian)

ПОСТПОЗИТИВНАЯ ЧАСТИЦА -ТО В РУССКИХ ГОВОРАХ СИМБИРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Мызникова Янина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: janinam@mail.ru

Цитирование: Мызникова Я. В. (2019) Постпозитивная частица *-то* в русских говорах Симбирского Заволжья. *Севернорусские говоры*, 18: 158–172.

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению закономерностей использования постпозитивной частицы *-то*, в том числе некоторых диалектных «согласуемых» форм этой частицы, в русских говорах левобережной части Ульяновской области. В говорах данной территории, как и в большинстве восточных окающих среднерусских говоров, употребление вариантов частицы *-то* имело в основе грамматический принцип, т. е. форма частицы должна была «согласовываться» с формой имени. В настоящее время данное правило часто уступает место принципу фонетической «гармонизации» с предшествующим словом, который также часто нарушается в пользу общеупотребительной формы *-то*.

Ключевые слова: постпозитивная частица, владимирско-поволжские говоры, фонетическая гармонизация, дискурсивный маркер, подчинительные отношения.

Вводные замечания

Территориальное распространение постпозитивной изменяемой частицы *-то* подробно описано в статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко [Кузьмина, Немченко 1962] и отражено на карте № 12 Диалектологического атласа русского языка «Постпозитивные частицы, восходящие к местоимению **тъ*, при именах» в [ДАРЯ 3: 26]. Как пишет И. Б. Кузьмина, «в севернорусских и большинстве восточных среднерусских говоров употребление вариантов частицы *то* имеет в основе грамматический принцип», при этом «в восточной части новгородских гово-

ров и средне- и южнорусских говорах к юго-востоку от Москвы употребление разных вариантов частицы полностью подчинено принципу созвучия гласных в частице и имени» [Кузьмина 1993: 186].

В настоящее время большинство исследователей склоняются к мнению о том, что функция диалектной постпозитивной частицы *-то* (*-от*, *-та*, *-ти*, *-ту*, *-те*) хотя бы частично совпадает с функцией частицы *-то* в литературном языке. Еще А. М. Селищев писал о том, что эти частицы «не имеют значения членных элементов, значения, свойственного болгарским *-ѣт*, *-та*, *-ту*, *-те*; русские *-от*, *-та*, *-то* имеют эмфатическое значение, а не значение определения называемого предмета» [Селищев 1939: 100]. В качестве аргументов А. М. Селищев приводит факты употребления с этими частицами не только имен нарицательных, но и собственных, не только прилагательных и местоимений, но и наречий. В наших материалах отмечено употребление этих частиц и с глаголами: *там земля была / и там как наподобие то́ка были / и вот молотили-ти //* (Старый Белый Яр Чердаклин.).

Что же касается предполагаемой связи частицы с грамматической категорией предшествующего имени в ряде севернорусских говоров, что дало повод некоторым ученым усматривать в частице некий аналог артикля, то накопленный обширный диалектный материал не дал однозначного подтверждения данной гипотезе. Эта тенденция в развитии некоторых форм указательных местоимений (*тѣ* и других форм) не была полностью реализована не только в русском литературном языке, но и в тех диалектах, где она проявилась наиболее отчетливо, «значение члена осталось недоразвитым» [Трубинский 1970: 49]. Концепции артикля противопоставлено определение данного элемента как усилительно-выделительной частицы. Р. Ф. Касаткина говорит о функциональной близости постпозитивной частицы и интонации: «основная функция постпозитивной изменяемой частицы (*-от*, *-та*, *-то...*) сводится к подчеркиванию, выделению того или иного слова (или слов) в высказывании, что сближает ее функцию с функцией просодических средств в литературном языке» [Касаткина 2008: 28].

В русских говорах левобережной части Ульяновской области также достаточно активны постпозитивные частицы, в том числе некоторые их диалектные «согласуемые» формы. Материалом для исследования послужили экспедиционные записи диалектной речи, производившиеся с 2012 по 2018 гг. в левобережной части Ульяновской области, в ряде населенных пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов. В лингвистическом отношении изучаемые говоры представляют собой типичные для Поволжья говоры с неполным оканьем и редукцией гласных в большинстве непредударных слогов. При выраженной владимирско-поволжской основе в говорах Симбирского Заволжья отмечены и некоторые южнорусские черты.

Формальный аспект

В расшифрованных текстах было выявлено 450 случаев употребления различных форм постпозитивной частицы *-то*. Поскольку постпозитивная частица регулярно занимает конечную заударную позицию, в поволжских говорах с неполным оканьем она имеет следующие нейтральные общеупотребительные формы: *-та*, *-ть*, *-т*. Эти формы составляют большую часть зафиксированных примеров употребления постпозитивной частицы: 359 случаев. Остальные примеры (91) содержат диалектные формы частицы: *-ти* и *-ту*. Из всех случаев использования частиц в наших материалах в 335 примерах частицы примыкают к существительным (это 74% от общего числа употреблений), в 28 случаях (6%) — к прилагательным, в 25 случаях (5,5%) — к местоимениям, в 25 случаях (5,5%) — к глаголам, в 31 случае (7%) — к наречиям, в 6 случаях (1,3%) — к числительным. Таким образом, при явном тяготении к имени существительному, эти частицы все-таки не могут быть квалифицированы как исключительно приименные.

Начнем рассмотрение частиц с диалектных форм (*-ти* и *-ту*). В наших материалах зафиксировано всего 79 примеров с частицей *-ти*. Из этого числа значительная часть представляет собой фонетическое (возможно, основанное на грамматическом) согласование частицы с окончанием имени, к которому она примы-

кает: *ну эта уш стары теряют перья гуси-ти вот* // (Красная Река Старомайн.); *бывальшыны песьни-ти каке где были* // (Красная Река Старомайн.); *оне там ф чотыри вёсла гребли / вот каке завобъни-ти* // (Старый Белый Яр Чердаклин.); *раньшы косы-ти заплетали / ленты были атласны* // (Старый Белый Яр Чердаклин.). В большинстве случаев имя стоит в форме множественного числа именительного или омонимичного винительного падежа, имеет окончание *-и* или *-ы*, всего 34 таких примера. К указанным примерам примыкают еще 19 случаев использования частицы с именами в единственном числе и в родительном падеже для слов женского рода с окончаниями *-и*, *-ы*: *нас вот чытыри дочэри у матери-ти б́ыла* // (Старый Белый Яр Чердаклин.); *вот рыбы-ти многа б́ыла / а щас рыбы-ти нет* // (Старый Белый Яр Чердаклин.); «*Манька / насыть ей в бутылки пше́нцы / мать кашки-ти сварит*» // (Старый Белый Яр Чердаклин.); а также с именами женского и мужского рода в предложном падеже с безударным редуцированным окончанием: *тогда и б́ыла тока што тыква да картошка на городи-ти* // (Старый Белый Яр Чердаклин.); *у нас жэ на Волги там ф пб́йми-ти б́ыла фсякб́й / и тросник и камыш* // (Старый Белый Яр Чердаклин.). Последние группы примеров свидетельствуют о действии принципа фонетической гармонизации.

Отмечены и нетипичные случаи использования частицы *-ти*. Во-первых, это такие падежные формы существительных во множественном числе, которые фонетически не сочетаются с такой формой частицы, например, формы родительного падежа множественного числа и совпадающие с ними винительного падежа одушевленных существительных (*сени были ис плетнёвы вот / ис прутьёф сплетёна / не из досок-ти* // (Старый Белый Яр Чердаклин.); *на лашадях вить раньшэ невест-ти возили* // (Красная Река Старомайн.)), формы именительного падежа и совпадающей с ней формы винительного падежа для слов среднего рода («*Вот / берити / хоробы пгросята-ти / породисты!*» // (Старый Белый Яр Чердаклин.); *по этой земле-т прыгаиш / прячэи яйца-ти* // (Ерыклинск Мелекес.)). В наших текстах отмечено 7 таких случаев использования частицы *-ти* с формами множественного чис-

ла. Возможно, эти случаи отражают процесс разрушения старой системы согласующихся морфологически частиц местоименного происхождения, нарушающих принцип фонетической гармонизации, который тоже не соблюдается последовательно.

Во-вторых, отмечено употребление частицы *-ти*, сочетающейся, в том числе и фонетически, с прилагательными (*эта вот листки вот эти фсе **верхни-ти** зелёны //* (Ерыклинск Мелекес.); *тётъ Дуня Пикалёва специальны юпки давала / старинны / и малиновы-ти / бардовы-ти / и сиреневы-ти //* (Большая Канда-ла Старомайн.)), местоимениями (*они жэще были проти́ф наших-т сапогоф / **нашы-ти** мякшэ сами самору́шны-ти //* (Старый Белый Яр Чердаклин.)), наречиями (*мамы вот **раньшы-ти** капусту солили ф кадушках вить //* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *ну при-ехали **домой-ти** //* (Ерыклинск Мелекес.)), и даже с глаголом (*там земля была / и там как наподобие тóка были / и вот **молотили-ти** //* (Старый Белый Яр Чердаклин.)). В наших материалах оказалось 17 подобных случаев. В большинстве из них частица *-ти* используется с формами прилагательных во множественном числе в именительном или винительном падеже, чаще всего частица гармонизирует с окончанием слова или концом основы (*раньшы-ти*). Таким образом, принцип фонетической гармонизации можно признать преобладающим при выборе формы частицы, хотя и он может быть нарушен употреблением нейтральной формы частицы (*-та, -ть, -т*).

Отметим такую особенность использования частицы *-ти*, как большая или меньшая частотность в определенных населенных пунктах. Так, 31 пример использования этой частицы (из общего числа 79) был зафиксирован в селе Старый Белый Яр Чердаклинского района. Надо отметить, что для данного села в целом характерна большая сохранность говора на всех уровнях: от фонетики до грамматики и диалектной лексики. Как и в материалах по другим населенным пунктам, примеры использования частиц из Старого Белого Яра выявляют принцип фонетической гармонизации частиц: *раньшы / сенгилески-ти стары рыбаки / у них жаки были / жаки / не ветера а жаки //* (Старый Белый Яр Чердаклин.);

а шас вода вон / цэдим / там вот устоит сколька ржафчыны-ти // (Старый Белый Яр Чердаклин.); пели / за веникам ходили / пели / вот забывать стала пiсьни-ти / дочка // (Старый Белый Яр Чердаклин.).

Из 12 случаев употребления постпозитивной частицы *-ту* большинство случаев представляют собой фонетическое согласование формы частицы с именем, к которому она примыкает (10 случаев), т. к. имя также имеет окончание *-у*. При этом само имя чаще всего имеет форму винительного падежа (для существительных женского рода на *-а*), иногда — родительного падежа (для существительных мужского рода). Встретился один случай согласования частицы только по падежной форме (не фонетическое): *учительница уговорила мать-ту // (Красная Река Старомайн.).*

Нейтральные общеупотребительные формы частицы (*-та, -тѣ, -т*) могут примыкать к любым формам существительных и других частей речи, в частности, к формам множественного числа на *-и* (где можно было бы ожидать частицу *-ти*): *мы тож не рвѣм их подосенники-тѣ // (Кременские Выселки Старомайн.); тогда веть оне тянучы / песьни-тѣ были / приятны // (Старая Майна Старомайн.); там раньшэ был район / и там культурней люди-тѣ были чэм мы ззесь // (Большая Кандаля Старомайн.); мужыки-та фсѣ «Добрава здорovia» говорили // (Большая Кандаля Старомайн.).* Нейтральные формы встречаются и с винительным падежом единственного числа существительных на *-у* (где можно было бы ожидать частицу *-ту*): *веть оне одѣжу-тѣ фсю / белѣ нижна / нательна рубахи / фсѣ / оне веть сами ткали // (Крестово-Городище Чердаклин.); он можѣт изройца весь / если только вот эта вот / не зьделать работу-та // (Крестово-Городище Чердаклин.); там ни горѣжна была / и туда скотину-та не выгоняли // (Ерыклинск Мелекес.).* Таким образом, форма постпозитивной частицы в изучаемых говорах постепенно унифицируется под воздействием литературного языка.

Функциональный аспект

Употребление частиц в целом характерно для устной разговорной речи. Определение границ значений частиц и их функций в речи всегда представляло определенную сложность для исследователей. Е. В. Уздинская в своем диссертационном исследовании рассматривает функции постпозитивной частицы *-то* в диалектной и в разговорной речи. В качестве инвариантного значения для этой частицы автор выделяет значение отсылки к известному, состав и характер других значений частицы определяются именно этим инвариантным значением [Уздинская 1996]. При этом одной из существенных функций частицы *-то* Е. В. Уздинская считает выражение связи между компонентами текста.

Рассмотрим функциональный аспект использования постпозитивных частиц в материалах по русским говорам Симбирского Заволжья. Исследователи указывают на следующие основные функции этих элементов [Кузьмина, Немченко 1962; Трубинский 1970; Волгина 2007; Касаткина 2008]:

- 1) определительная (аналог определенного артикля);
- 2) выделительная (аналог выделительных частиц);
- 3) гипотактическая (аналог подчинительных средств связи, союзов).

1. Записанные нами материалы показывают: несмотря на то, что основным значением постпозитивных частиц является выделительное, нельзя полностью отрицать наличие определительного значения в некоторых примерах: *вот / убвенчалис оне / приехали домой-та / к жэниху-ту / увал-та* скинули / *а эт другая / ну и ничово / убвенчалса / и так эдак и жыл* // (Красная Река Старомайн.); *и вот приежжают / невеста сидит ужэ / подруги фкрук неё сидят / уш не впускают в избу-ту жэниха-та / уш стоят там / не пускают / нада выкупать* // (Ерыклинск Мелекес.); *он [пчелиный рой] можът изройца весь / если только вот эта вот / не зьделать работу-та* // (Красная Река Старомайн.).

2. Выделительная функция частицы отчетливо видна в примерах с обстоятельственным значением знаменательного слова,

особенно часто частица примыкает к наречию *раньше*: *в нашу пору уш не носили штобы на руску-ту // шали цвятисты большэ были / и ковровы //* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *мамы вот раньшеы-ти капушту солили ф кадушках вить //* (Красная Река Старомайн.); *она мне как уежжать-та / гворит / што вы меня Иванавнай-та называете / я с вами чай кос не пасла //* (Большая Кандаля Старомайн.); *невесту кода выводят / раньшеы-ти причытали //* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *потом накануне-т вот с рубашиками приходили //* (Красная Река Старомайн.).

3. При всей очевидности выделительной функции постпозитивной частицы, в некоторых примерах с полипредикативными высказываниями несомненно и наличие у частицы гипотактической функции: *если эд дом хорошый / он деревянный / за нево меньшы / потому шта ево можно переносить // а каменный-тѣ / ёму большэ давали ты понимаеш? / ну ссуду-ту / эта / ну помоц государства //* (Крестово-Городище Чердаклин.); *раншы-т ребятишки бегали / варешки намочут / и приходят их суют туды / оне высахнут / печка-т фсѣ время горяча // а тут эта горнушки называюца / ну туда / вот застаранки-ти // суда-та застаранки-ти / вот / эт горнушки называюца //* (Старый Белый Яр Чердаклин.); *она вот какая долбянка-тѣ // ещё ужалят / руку-т сунеш //* (Ерыклинск Мелекес.). Как пишет В. И. Трубинский, «постпозитивный элемент оказывается (наряду с другими средствами) выразителем различных подчинительных отношений, чаще всего временных, условных, причинно-следственных, реже уступительных, целевых, обстоятельственных, определительных, изъяснительных, а также синтаксических отношений в сложных конструкциях с ослабленной или отсутствующей подчинительной связью» [Трубинский 1970: 58].

4. Помимо уже перечисленных, одной из функций постпозитивной частицы является ее употребление в качестве дискурсивного элемента, вводящего в высказывание уточняющий компонент: *тогда веть оне тянучы / песьни-тѣ были / приятны //* (Старая Майна Старомайн.); *мы тож не рвьём их подосенники-тѣ //* (Кременские Выселки Старомайн.); *её тожэ использовали /*

как конопель / эдак жы / брали эта вот / **волокно-ть** // (Крестово-Городище Чердаклин.); *ана дольшиы жэ варица **пиэно-ть** / патом тыква запускалас / и патом этой жэ мутофкай* // (Крестово-Городище Чердаклин.). В качестве уточняющего компонента может быть не только существительное в роли подлежащего или дополнения, но и любой другой компонент высказывания, например, определение или обстоятельство: *к этому оёту / к большому-ть / комбайн подведём / и ево значёт комбайнёр заведёт* // (Ерыклинск Мелекес.); *и посерединке там / в лесу-ть / река текла / она гёт / как выйдеш / фся гёт речка бёла* // (Ерыклинск Мелекес.); *вот эдаки слова / религиозны-ти* // (Красная Река Старомайн.).

5. Постпозитивная частица может выступать и как дискурсивный маркер темы высказывания, которая может быть представлена в виде именительного темы: *мама-ть вот она и бородафки заговаривала* // (Большая Кандаля Старомайн.); *а юпки-ти / хвост вон где / шол / мы из одной юпки по два платья шыли / бурсóвое / сюрёво* // (Ерыклинск Мелекес.); *вот а когда деньги-ти / раскулачыли их / она их хранила вот в этых корчагах / эти вот глиняны ис пóтпала* // (Ерыклинск Мелекес.); *лапти-ти вот / сплетёт / и по-очереди надевали* // (Красная Река Старомайн.); *а вот эти самы калосья-та / йих малатили цапами* // (Кременские Выселки Старомайн.)

6. Еще одна частотная функция данной частицы — средство для оформления уточняющего вопроса: [А неделя после Троицы называется как-нибудь?] — *После Троицы-ти?* (Красная Река Старомайн.); [А вот в июне праздники какие были?] — *В юни-ти?* (Красная Река Старомайн.); *летом-то праздники-ти?* (Красная Река Старомайн.); *ну и где вы эти дни ходили? / в Майн-ти?* (Красная Река Старомайн.); *ходили-ть на Волгу?* // (Крестово-Городище Чердаклин.); *далины-ть?* // *ну далинаф пално на-пальты* // (Кременские Выселки Старомайн.).

Несомненно то, что большая часть указанных функций может быть характерна в той или иной степени для постпозитивных частиц и в разговорной речи. По мнению Е. В. Уздинской,

«специфически диалектные типы употребления “-то” обнаруживаются, в большинстве случаев, при ослаблении логических связей в тексте либо отступлении от принципов логического упорядочивания элементов текста» [Уздинская 1996: 18]. Построения с ослабленными логическими связями реализуются в сложных, полипредикативных конструкциях с ослабленными или отсутствующими подчинительными отношениями: *эта вот роф был / село-та вот на горе отдельна / роф вот был прорытый / поле-та веть бы́ла рвом ат села утгорожэна //* (Крестово-Городище Чердаклин.); *раньшэ подруги носили постель-та накануне / на руках / подушки / эт фсё на руках / и удеяля / а удеяльеф-та была по три по чэтыре удеяла / и стёганные / и штучкавые / и байкавые / и шэрстяной / а у коо ковры были только ткани / не была удеяляф-та / у бедных-та //* (Ерыклинск Мелекес.); *снопы значэт ставят вот так вот кру́гам / такие вот были высоты / рош-та вить высокая / ну пот самый корень / фсё-тки оставляли от земли стерню-та //* (Ерыклинск Мелекес.); *ну трудоёмка тут работа / тут з долбянкой // так вот рас / стамескай возьму / рамку-та поднял / а эта там туды далёка жэ лесьть-та / она вот какая долбянка-ть // ещё ужалят / руку-т сунеш //* (Ерыклинск Мелекес.).

Итоги исследования

Использование постпозитивных частиц в русских говорах Симбирского Заволжья в целом отражает общие тенденции восточной части севернорусских и среднерусских говоров. Зафиксировано использование как «согласуемых» и «гармонизирующих» (-ту, -ти), так и несогласуемых, нейтральных частиц (-то в фонетических разновидностях -та, -тэ, -т). Согласуемые (морфологически) и гармонизирующие (фонетически) постпозитивные частицы употребляются непоследовательно, отражают процесс разрушения прежних систем под влиянием нейтральной общеупотребительной частицы -то. Использование согласуемых или гармонизирующих частиц территориально тяготеет к населенным пунктам с большей сохранностью системы говора в це-

лом — в наших материалах это село Старый Белый Яр Чердаклинского района.

Функции постпозитивной частицы *-то* непосредственно связаны с устным характером ее бытования. В зависимости от контекста в большей степени могут быть реализованы определительные или усилительно-выделительные компоненты ее значения. Также данная частица используется в диалектной речи в качестве дискурсивного маркера, вводящего уточняющий компонент или выделяющего именной темы. В полипредикативном высказывании постпозитивные частицы могут служить средством выражения подчинительных отношений, преимущественно обстоятельственных. При этом частицы могут использоваться в качестве союзных элементов в высказываниях с ослабленной подчинительной связью, либо вообще в ситуации слабого логического упорядочивания элементов текста, что вполне характерно для диалектной речи.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-29-09021 «Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия».

Литература

Волгина О. В. (2007) Частицы в нижегородских говорах. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, 3: 81–85.

Касаткина Р. Ф. (2008) Еще раз о статусе изменяемой частицы *-то* в русских говорах. *Исследования по славянской диалектологии*, 13. *Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем)*. М.: Институт славяноведения РАН: 18–30.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. (1962) К вопросу о постпозитивных частицах в русских говорах. *Материалы и исследования по русской диалектологии*, 3. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН: 3–32.

Кузьмина И. Б. (1993) *Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте*. М.: Наука.

Селищев А. М. (1939) О языке современной деревни. *Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. V: сборник статей по языковедению*. М.: 66–123.

Трубинский В. И. (1970) Об участии постпозитивной частицы *-то* в построении сложного предложения (по материалам пинежских говоров). *Севернорусские говоры*, 1: 48–66.

Уздинская Е. В. (1996) Частица «*-то*» в русских диалектах и в разговорной речи (*функциональный аспект*). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

ДАРЯ 3 — *Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России*. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. М.: Наука, 1996.

Сокращения названий районов Ульяновской области

Мелекес. — Мелекесский

Старомайн. — Старомайнский

Чердаклин. — Чердаклинский

THE POSTPOSITIVE PARTICLE *-TO* IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE ULYANOVSK REGION

Yanina Myznikova

Saint Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: janinam@mail.ru

Citation: Myznikova Y. (2019) Postpozitivnaya chastitsa *-to* v russkikh govorakh Simbirskogo Zavolzh'ya [The postpositive particle *-to* in the Russian dialects of the Ulyanovsk region]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 158–172. (in Russian)

Abstract. The article analyzes the patterns of using the postpositive particle *-to* in the Russian dialects of the Ulyanovsk region, first of all, we consider some dialect coordinated forms of this particle (*-tu, -ti*). In those dialects the use of the particle variants was based on the grammatical principle, as in most eastern Intermediate Russian dialects. In this case the form of the particle must be consistent with the form of the previous name. Currently, this rule often gives way to the principle of phonetic “harmonization” with the preceding word ending. This principle is also often violated by the use of the common form *-to*. In our recordings of the dialect speech, made in Russian villages of the Ulyanovsk region, we fixed both coordinated and harmonized forms of particles (*-tu, -ti*), as well as inconsistent, neutral particle *-to* in phonetic variations *-ta, -tō, -t*. Morphologically coordinated and phonetically harmonizing postpositive particles are used in Russian dialects inconsistently, showing a process of destruction of former systems under the influence of the neutral common particle *-to*. The use of coordinated or harmonizing particles is typical for the settlements with the better preserved dialect systems as a whole. In our materials, the largest share of such forms falls on Staryi Bely Yar village.

The functions of the postpositive particle are directly dependent on the oral nature of its use. Depending on the context, the determinative or amplifying and emphasizing components of the meaning of this particle can be realized. The particle can also be used in the dialect speech as a discursive marker, which introduces a refinement component or indicates the nominative of theme of the dictum. Postpositive particles can be the means of expressing subordinate clause, with mainly circumstantial meaning. The particles can be used as allied elements in dialect statements with a weakened subordinate

bond. They are used in the situation of weak logical ordering of the text fragments.

Keywords: Russian dialects, postpositive particle, phonetic harmonization, discursive marker, subordinate clause.

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (research project № 17-29-09021 “Russian dialects of the Middle Volga region as a reflection of ethno-linguistic interaction”).

References

Kasatkina R. F. (2008) Yeshcho raz o statuse izmenyayemoy chastitsy *-to* v russkikh govorakh [Once again on the status of a variable particle *-to* in Russian dialects]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii* [Studies in Slavic dialectology], 13. *Slavyanskiye dialekty v situatsii yazykovogo kontakta (v proshlom i nastoyashchem)* [Slavic dialects in the situation of language contact (in the past and present)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN: 18–30. (in Russian)

Kuzmina I. B. (1993) *Sintaksis russkikh govorov v lingvogeograficheskom aspekte* [Syntax of Russian dialects in the linguo-geographical aspect]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Kuzmina I. B., Nemchenko Ye. V. (1962) K voprosu o postpozitivnykh chastitsakh v russkikh govorakh [On the question of postpositive particles in Russian dialects]. *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii* [Materials and research on Russian dialectology], 3. Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. (in Russian)

Morakhovskaya O. A. (ed.) (1996) *Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka: Tsentr Yevropeyskoj chasti Rossii* [Dialectological atlas of the Russian language: Center of the European part of Russia]. Vol. 3. Sintaksis. Leksika. Kommentarii k kartam [Syntax. Vocabulary. Comments on the maps]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Selishchev A. M. (1939) O yazyke sovremennoy derevni [On the language of the modern village]. *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury* [Proceedings of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature]. Vol. V: Sbornik statey po yazykovedeniyu [Collection of articles on linguistics]. Moscow: 66–123. (in Russian)

Trubinskiy V. I. (1970) Ob uchasii postpozitivnoy chastitsy *-to* v postroyenii slozhnogo predlozheniya (po materialam pinezhskikh govorov) [On the participation of a postpositive particle in the construction of a compound sentence (based on materials from Pinega dialects)]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 1: 48–66. (in Russian)

Uzdinskaya Ye. V. (1996) *Chastitsa «-to» v russkikh dialektakh i v razgovornoy rechi (funktsional'nyy aspekt)* [Particle “-to” in Russian dialects and colloquial speech (functional aspect)]: Author’s abstract ... cand. philol. sciences. Saratov. (in Russian)

Volgina O. V. (2007) Chastitsy v nizhegorodskikh govorakh [Particles in Nizhny Novgorod dialects]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 3: 81–85. (in Russian)

ДВЕ СЕВЕРНОРУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ (арх. *лиять* ‘дремать’, *гомжить*, *ганжить* ‘тлеть’)

Шалаева Татьяна Владимировна

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
E-mail: koulkuk@gmail.com

Цитирование: Шалаева Т. В. (2019) Две севернорусские этимологии (арх. *лиять* ‘дремать’, *гомжить*, *ганжить* ‘тлеть’). *Севернорусские говоры*, 18: 173–187.

Аннотация. В статье рассматривается происхождение двух севернорусских диалектных лексем, зафиксированных в архангельских говорах: *лиять* ‘дремать’ и *гомжить*, *ганжить* ‘тлеть’. Они, хотя и в разной степени, уже становились предметом этимологического анализа, но, как представляется, новый диалектный материал позволяет говорить об их этимологии более обоснованно. Так, для глагола *лиять* ‘дремать’ подтверждается и конкретизируется предложенная Т. В. Горячевой версия о его праславянской форме **lĕjati* и о формировании его семантики на основе значения ‘становиться слабым’. В качестве аргументов приводятся форма *слĕять* ‘стать белым’, ‘выцвести, полинять’, отмеченная в русских говорах на территории республики Мордовия, и ее славянские синонимы, восходящие к праслав. **lin’ati/lĕn’ati* и **lĕviti* ‘становиться слабым’, ‘линять’. На основе данных славянского глагольного словообразования для **lĕjati* предлагается возможная производящая основа. Высказывается идея о вероятном родстве русск. диал. *-леять* и русск. диал. *излĕвѣться* ‘издеваться’, которая также подтверждается фактами словообразования и семантики славянских языков. Глагол *гомжить*, *ганжить* ‘тлеть’, вслед за А. Е. Аникиным, предлагается возводить к праславянскому корню **gъt-* в сочетании с суффиксом **-ъz-*, а именно к его праславянским континуантам **gъtmъziti/lĕgъtmъzati* ‘шевелиться, двигаться, ползти, кишеть’ и формулировать его первичную семантику как ‘двигаться беспорядочно, в разные стороны’. Подобный переход значения наблюдается у продолжений праславянского глагола **šajati* ‘тлеть’, который предположительно восходит к индоевропейскому корню **(s)kĕi-* ‘приводить в движение; быть в движении’. Также на возможность связи значений ‘тлеть, слабо гореть’ и ‘двигаться’ ука-

зывает словенская лексема *tuliti se* ‘кривиться, изгибаться’ в контексте: *Plaménčki migotajo, se tulijo* «Языки пламени мигают, извиваются».

Ключевые слова: славянская этимология, семантика, словообразование, русская диалектная лексика, сравнительно-историческое языкознание.

Указанные в заглавии статьи лексемы объединяет не только общий ареал бытования — архангельские говоры, но и подход, который применяется при анализе их происхождения. А именно, их этимология основывается по большей части на исследовании семантических параллелей в славянских языках с привлечением материала синонимичных этимологических гнезд.

В. И. Даль приводит архангельский глагол *лiять* ‘дремать, хотеть спать’ без ударения в форме *я лию* ‘меня клонит ко сну, мне дремлется’ [Даль II: 260]. В «Словаре русских народных говоров» инфинитив для него дается как *лиять* (*лию, лiеишь*) [СРНГ 17: 93]. Происхождение данной лексемы анализировала Т. В. Горячева, которая объясняет вокализм корня рефлексацией **ě* как [и], характерной для севернорусских говоров, и восстанавливает условно праславянскую форму **lějati*. Далее автор возводит его к индоевропейскому корню **lē(i)-* (**leh₁-*) ‘ослаблять, уменьшать’ [Горячева 1983: 76], к которому также восходят греч. *ἐλίνωω* ‘я нахожусь в праздности, отдыхаю’, лат. *lēnis* ‘кроткий, мягкий’, лит. *lėnas* ‘спокойный, кроткий, медленный’, праслав. **lěny* ‘ленивый’ [Pokorny: 666; LIV: 399]. Т. В. Горячева реконструирует семантику глагола как ‘ослабевать’ → ‘дремать, спать’ [Горячева 1983: 76].

Новый диалектный материал снимает с *лиять* статус гапакса и позволяет уточнить его этимологию. Так, в «Словаре русских говоров на территории республики Мордовия» отмечен глагол *слéять* ‘стать белым’ (*Настелиши халстоф, ани слéют, белы на сонцъ станут*), ‘выцвести, полинять’ (*Надень другую рубаашку-ть, этъ уш слеилъ сафсем*) [Сл. Мордовии II: 1177]. Корневой гласный в нем подтверждает наличие исконного **ě*. Кроме того, *слéять* свидетельствует об оправданности предложенной Т. В. Горячевой внутренней формы «становиться слабым», поскольку лексемы с семантикой ‘терять цвет; линять’ также мотивируют-

ся состоянием слабости, утраты сил. Примером служит праславянский глагол **lin'ati/*lěn'ati*, в котором значение 'линять — выцветать или менять шерсть и оперение' является производным от 'слабеть' [ЭССЯ 14: 202]: ср. макед. *линее* 'линять (о животных); исчезать; чахнуть, вянуть, слабеть', сербохорв. *líhati* 'исчезать, терять силу, слабеть', *líňати се, líňати се* 'менять или терять волосяной покров (о животных); выпадать (о волосах); исчезать', диал. *líňати, líňати* 'постепенно терять силы, вянуть, таять, гибнуть; теряться, исчезать, постепенно пропадать; чахнуть, блекнуть, тускнеть, бледнеть; выцветать', русск. литер. *линять* 'сбрасывать или менять наружный покров (о животных, пресмыкающихся и птицах); выцветать, блекнуть', диал. ярosl. *линять* 'незаметно пропадать, уменьшаться' [ЭССЯ 15: 109–110]. Праслав. **lin'ati/*lěn'ati* возводятся к индоевропейскому корню **lei-* 'уходить, исчезать; никнуть, вянуть', ср. лит. *leīnas* 'тонкий, слабый, гибкий' [ЭССЯ 14: 202; Pokorný: 661–662]¹.

В качестве еще одной семантической параллели можно привести славянские продолжения индоевропейского корня **lēu-* (**leh₁-u-*) 'ослабевать' (праслав. **lěviti*): укр. диал. *лівити* 'слабеть, уменьшаться', чеш. *leviti* 'облегчать, делать скидку (в цене), уступить' и словен. *levīti se* 'сбрасывать с себя кожу, линять' [ЭССЯ 15: 28–29; Куркина 1975: 42; Pokorný: 682–683; LIV: 399].

Глагол *слéять*, кажется, дает возможность поставить ударение в инфинитиве от формы настоящего времени *я лию* на первом слоге и восстановить его структуру как *лиять* и далее — **лэять*, **я лэю*, в отличие от *лиять*, представленной в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ 17: 93]. Если данное предположение верно, то, с точки зрения структуры, *-лэять*, *-лэю* можно поместить в один ряд с такими глаголами, как *вэять* (праслав. **vějati*), *рэять* (праслав. **rějati*), *сэять* (праслав. **sějati*), что позволяет истолковать его гипотетическую производящую ос-

¹Существуют и другие трактовки происхождения праслав. **lin'ati/*lěn'ati*: см., например, [ЭССЯ 15: 110]. Но рассмотрение этимологии данного глагола не входит в задачи нашей статьи.

нову. А именно **lějati* может относиться к лексемам, которые на сегодняшний день считаются непроизводными на славянском уровне. К ним принадлежит, например, праславянский глагол **vějati* (русск. *вѣять*), соотносимый с лит. *vėjas* ‘ветер’, *vėjūoti* ‘подняться, подуть (о ветре)’, др.-инд. *vāti* ‘веет’, гот. *waian* ‘веять’ [Derksen: 519; LIV: 287; Pokorny: 81; Фасмер I: 310; Лома 2015: 250–251]. С другой стороны, **lějati* допустимо интерпретировать как итератив незафиксированного глагола с корневой основой инфинитива. Аналогию ему в таком случае составят праслав. **sějati* (ср. русск. *сѣять*), образованный от **sěti* [Derksen: 447–448]; праслав. **grějati* (ср. ст.-русск. *грѣяти* ‘греть’ (Ж. Ал. Ош., 121. XVI в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 134]), образованный от **grěti* [ЭССЯ 7: 116; Derksen: 187]; праслав. **spějati* (ср. др.-русск. *спѣяти* ‘идти вперед, продвигаться’, ‘идти, спешить’ и др. [СлРЯ XI–XVII вв. 27: 24–26]), образованный от **spěti* [Derksen: 464].

Если следовать второй точке зрения и считать *-лѣять* итеративом, то для **лѣять* ‘дремать’ и *слѣять* ‘стать белым’, ‘выцветсти, полинять’ можно предположить родство с русск. диал. перм. *излѣваться* ‘издеваться’ [Акчим. сл. 2: 14], *излѣванье* ‘издевательство’ [СРНГ 12: 138]. Известно, что в итеративных глаголах между корневым и тематическим гласными параллельно используются звуки [j] и [v]: ср. **dajati* — **davati*, **bijati* — **bivati*, **sějati* — **sěvati*, **grějati* — **grěvati*. Таким образом, кажется, с точки зрения структуры, препятствий для генетической связи *-лѣять* — *-лѣвать* нет.

Что касается семантики, то значение ‘издеваться, глумиться’ в русском языке регулярно является производным от значения ‘лишать(ся) сил, ослабевать, ослаблять’, которое достаточно надежно реконструируется для **лѣять* ‘дремать’ и *слѣять* ‘выцветсти, полинять’. В качестве примеров укажем русск. диал. свердл. *измогаться* ‘издеваться над кем-либо’ [СРНГ 12: 147] при *измогаться* ‘болеть, ослабевать, лишаться сил’ (костром., челяб.), ‘выбиваться из сил от чрезмерной непосильной работы’ (свердл.) [Там же]; свердл. *изнываться* ‘издеваться’ [СРГСУД: 215] при *изнывать* ‘разрушаться, разлагаться (обыкновенно постепенно

и незаметно)' (Слов. Акад. 1847; костром., урал., Слов. Акад. 1956 (с пометой «устар.» и «простореч.)), 'терять свежесть (о продуктах)' (иркут.), 'заснуть, перестать шевелиться (о рыбе)' (сиб.) [СРНГ 12: 161]; дон. *снуря́ть* 'издеваться над кем-либо' [СРНГ 39: 134], дон. *снугря́ть* 'то же' [СРНГ 39: 132] при дон. *снуря́ть* 'доводить кого-либо чем-либо (работой и т. п.) до крайнего утомления, истощения, изну́рять' [СРНГ 39: 134], дон. *снугря́ть* 'то же' [СРНГ 39: 132], литер. *изну́рять* 'лишать сил', а также диал. сарат., смол., сталингр., пенз. *нури́ть* 'изну́рять, переутомлять' [СРНГ 21: 316].

Для *излева́ться* 'издеваться' в словарях фиксируется вариант с [и] в корне — перм., вят. *излива́ться* 'издеваться' [Акчим. сл. 2: 14; Сл. вят. гов. 4: 225]. По-видимому, эту форму стоит трактовать как результат влияния дериватов глагола *лить*, т. к. связать его собственные производные с обозначением издевки представляется проблематичным.

Здесь кажется невозможным применить этимологию русского глагола *измыва́ться* 'издеваться', предложенную Ж. Ж. Варбот, которая связывает его происхождение со знахарской практикой и, в частности, с ритуалом исцеления при помощи воды. Для его описания используются глаголы *смыть* и *измыть* (*болезнь, порчу*) в значении 'лечить, избавлять от недуга'. Опираясь на польск. диал. *zmywać się na kogo* 'совершать обряд обливания, сопровождающийся произнесением заговора, с целью наслать порчу на недруга' и русск. диал. *смыва́ть* 'ворожить, избавлять от недуга, обливая водой', автор предполагает, что *смыть* и *измыть* также могли обозначать магические действия, направленные на наведение порчи или избавление от нее посредством передачи другому человеку. Семантика *измыва́ться* 'глумиться' в таком случае сформировалась следующим образом: 'мыть, обмывать' → 'колдовать, обмывая' → 'причинять вред, издеваться' [Варбот 1971: 72–78].

Трактовать *излева́ться, излива́ться* 'издеваться' в том же ключе представляется ненадежным, поскольку ни в русском, ни в других славянских языках, кроме приведенного польского глагола, не найдены другие примеры обозначения нанесения вреда при

помощи колдовских действий с водой. Хотя знахарская терминология, в том числе связанная с движением жидкости, в них развита очень широко. В частности, производные от *лить* в русском языке в абсолютном большинстве случаев называют исцеление при помощи воды, а не нанесение вреда: ср. кубан. *слив́ать, слив́аться* ‘лечить от испуга, порчи’, азерб. *слив́ать* ‘лечить’, калуж. *слив́ать стень* ‘лечить стень (удушьё по ночам) святой водой и заговорами’, новосиб. *в́оду на воск слив́ать* ‘заговаривать от испуга, от укуса змеи’, иссык-кульск. *вылив́ать, в́ылить* ‘лечить заговором над растопленным воском’, дон. *вылив́ать перепол́ох* ‘лечить от испуга’, дон., курск. *вылив́ать в́олос* ‘лечить болезнь волос’, смол. *вылив́ать волосéнь* ‘лечить волосень (нарыв на пальце) особым способом: «взять колос и над черепкой поливать колос водою, произнося таинственные слова; водой мыть палец, слегка покалывая колосом», кубан. *вылив́ать испуг* ‘лечить от испуга’, *вылив́ать на в́оске* ‘у знахарей: лечить заговором на растопленном воске’ (новосиб.), ‘в знахарском лечении: пытаться получить изображение того, кто будто бы испугал ребенка’, новг. *отлив́ать, отл́ить* ‘лечить болезнь путем ворожбы и воды’, груз. *отлив́аться, отл́иться* ‘лечить от испуга’, *воск отлив́ать* ‘то же’, томск. *отлив́ать на воск* ‘то же’, дон. *отл́ить тоску́* ‘вылечить, избавить от тоски’, новг. *прилив́ать, прил́ить* ‘лечить болезнь ворожбой и водой’ [Шалаева 2010: 347–350].

Таким образом, русск. диал. арх. **л́еять* ‘дремать’, мордов. *сл́еять* ‘выцвести, полинять’ и перм. *излев́аться* ‘издеваться’, вполне вероятно, представляют собой дериваты праславянского корня **lěj-/lěv-* со значением ‘становиться слабым, терять силы’. Для определения его индоевропейских соответствий пока нет надежных оснований.

На территории архангельских говоров отмечен глагол *гомжить* (удар.?) ‘тлеть’ [СРНГ 6: 353; Сл. Низ. Печоры I: 145], *ганжить* (удар.?) ‘то же’ [СРНГ 6: 134; Сл. Низ. Печоры I: 132]. А. Е. Аникин пишет о неясности его происхождения и предпола-

гает связь с праславянским глаголом **gъmъziti*/**gъmъzati* ‘шевелиться, двигаться, ползти, кишеть’ [РЭС 10: 45–47, 71, 227–228], производного от существительного **gъmъзь* — суффиксального деривата праславянского корня **gъm-*, имеющего апофонические варианты **gum-* и **gym-* [РЭС 10: 45–47, 71, 227–228; РЭС 12: 233–235, 238; ЭССЯ 7: 173, 193–195; SP 8: 323–326, 306; Варбот 2012: 244–246]. Его первичная семантика реконструируется как ‘давить, бить, толочь’ [Варбот 2012: 245].

Кажется, русский диалектный материал подтверждает данную версию. Дело в том, что значение ‘тлеть — гореть без пламени, слабо гореть’ регулярно развивается у глаголов с первичным значением ‘двигаться беспорядочно, в разные стороны’. Так, данная семантическая модель реализуется в продолжениях праславянского глагола **šajati*, который предположительно восходит к индоевропейскому корню *(s)*kēi-* ‘приводить в движение; быть в движении’ [Меркулова 1981: 123–124; Snoj 2005: 13; Pokorny: 538–539 (без славянского материала)]. В севернорусских, среднерусских новгородских и сибирских говорах *шáять* и его дериваты имеют следующие значения: ‘гореть без пламени, тлеть’ (*Угли шáют*) [Даль IV: 625; СРНГ 8: 164; СРНГ 11: 186; СРНГ 31: 26; СРНГ 34: 318–319; АОС 12: 212; Сл. Низ. Печоры II: 441; НОС: 1296], ‘таять, плавиться’ (*Лед шáет. Олово, воск шáет*) [Даль IV: 625; СРНГ 8: 164; СРНГ 34: 318–319; АОС 8: 400], ‘растворяться’ (*Соль в водé шáет*) [Даль IV: 625], ‘гнить’ (*Зуб заболёл, а на этом зубу ямка в́ишáяла*) [АОС 8: 400], ‘подниматься (об испарениях, о горячем воздухе)’ (*Мáрево шáет*) [Меркулова 1981: 122–123; Даль II: 298–299]. Опираясь на представленные значения, В. А. Меркулова формулирует исходную семантику *шáять* как ‘колебаться, струиться (о горячем воздухе)’ и ‘испускать горячий воздух’, откуда затем появляются значения ‘терять форму под воздействием тепла, плавиться, растекаться’ и ‘растворяться, расходиться в стороны’. Таким образом, семантика ‘тлеть, слабо

гореть' мотивируется движением воздуха, который исходит от горячего предмета [Меркулова 1981: 123]².

По-видимому, примером перехода значения 'двигаться в разные стороны' в 'слабо гореть, испускать слабый свет' может служить словенский глагол *tuliti se* в контексте: *Plaménčki migotajo, se tulijo* «Языки пламени мигают, извиваются» [SSK] 5: 205; Куркина 2017: 255]. Он представляет собой континуант праславянского глагола **tuliti/*tulati* 'двигаться, ходить': ср. польск. *tulać się* 'слоняться, блуждать, бродить', хорв. диал. *tulati* 'шататься, слоняться', *tulati se* 'шататься, бродить без цели', русск. диал. олон. *тулѣть* 'бежать', *тулѣть* 'быстро ходить, преодолевая расстояние' и др. [Куркина 2017: 250–251]. Нужно признать, что приведенный словенский глагол не имеет семантики 'тлеть': словарь трактует его значение как 'кривиться, изгибаться' [SSK] 5: 205]. Тем не менее, в данной фразе, в сочетании с обозначением колеблющихся языков пламени, кажется допустимым толковать его как наименование слабого, тлеющего света.

Таким образом, севернорусские глаголы *гомжить*, *ганжить* 'тлеть' вполне оправданно возводить к праславянскому корню **gъm-/*gum-/*gum-*, производные которого также развивают значение 'двигаться в разные стороны': ср. русск. диал. распр. *гамзѣть*, *гомозѣть* 'беспокойно сидеть, стоять, поворачиваясь в разные стороны; вертеться, ерзать', 'суетиться, вести себя беспокойно' [СРНГ 6: 126], енис. *гомзѣть* 'ползать' [СРНГ 6: 353], арх. *гамзѣть* 'кишеть' [Сл. Низ. Печоры I: 132], пск. *погумѣться* 'прогуляться' [СРНГ 26: 319]. Мотивирующим признаком для *гом-*

²В. А. Меркулова реконструирует праслав. **šajati* и возводит его к и.-е. **(s)kēi-* 'приводить в движение; быть в движении' на основе приведенного русского материала и др.-русск. *ошлѣтнѣиѣ*, *отъшлѣтнѣиѣ* 'воздерживаться'. Других форм с корнем **šaj-* и семантикой движения не отмечается [Меркулова 1981: 123]. Однако славянским языкам известны многочисленные продолжения праславянского глагола **šavati* 'двигаться', который, очевидно, является структурным вариантом **šajati* [Snoj 2005: 13; SEK 5: 55; Герд 2009: 173; Кучко 2017: 245–253] (о мене [j] и [v] в глаголах см. выше).

жить, ганжить ‘тлеть’ также может быть колебательное движение горячего воздуха или слабого пламени.

Литература

Варбот Ж. Ж. (1971) Заметки по славянской этимологии (укр. *кочубей*, русск. *настырный, измываться*). *Этимология*. 1968. Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука: 68–78.

Варбот Ж. Ж. (2012) Вокруг славянского гумна. *Исследования по русской и славянской этимологии*. М.; СПб.: Нестор-История: 243–247.

Герд А. С. (2009) Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (С–Я). *Севернорусские говоры*, 10: 144–176.

Горячева Т. В. (1983) Этимологические заметки. *Этимология*. 1981. Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука: 66–76.

Куркина Л. В. (1975) Славянские этимологии. III. *Этимология*. 1973. Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука: 34–43.

Куркина Л. В. (2017) О проблеме омонимии в славянской лексике (на материале слав. **tuliti/*tulati* ‘бродить’ и **tuliti* ‘прижимать; укрывать’). *Etymological Research into Czech: Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno, Studia etymologica Brunensia 20*. Eds. I. Janyšková, H. Karlíková, V. Boček. Praha: Nakladatelství Lidové noviny: 249–258.

Кучко В. С. (2017) *Семанτικο-мотивационное поле «Ложь, обман» в языковом пространстве русских народных говоров*. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

Лома А. (2015) Вила — олицетворенное неистовство или что-то другое? *Etymological Research into Old Church Slavonic. Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2014, 9–11 September 2014, Brno. Studia etymologica Brunensia 18*. Eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Nakladatelství Lidové noviny: 245–270.

Меркулова В. А. (1981) Заметки по русской диалектной лексике. *Этимологические исследования*. Отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск: Уральский государственный университет: 114–124.

Шалаева Т. В. (2010) *Сопоставительный структурный и семантический анализ этимологических гнезд со значением ‘движение жидкости’ в русском языке*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва.

Сокращения источников

- Акчим. сл. — *Словарь говора д. Акчим Пермской обл. (Акчимский словарь)*. Гл. ред. Ф. Л. Скитова. Вып. 1–6. Пермь: Издательство Пермского университета, 1984–2011.
- АОС — *Архангельский областной словарь*. Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–19. М.: МГУ; Наука, 1980–2018 (издание продолжается).
- Даль — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. М.: Терра, 1995.
- НОС — *Новгородский областной словарь*. Ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова. Издание подготовили С. А. Мызников, А. Н. Левичкин. СПб.: Наука, 2010.
- РЭС — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 1–13. М.; СПб.; Новосибирск: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН; Нестор-История, 2007–2019 (издание продолжается).
- Сл. вят. гов. — *Областной словарь вятских говоров*. Ред. В. Г. Долгушев, З. В. Сметанина (вып. 1–3), З. В. Сметанина (вып. 4–12). Вып. 1–12. Киров, 2004–2018.
- Сл. Мордовии — *Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия*. Сост. Т. В. Михалева, Р. В. Семенкова, Л. К. Чикина. Ч. 1–2. СПб.: Наука, 2013.
- Сл. Низ. Печоры — *Словарь русских говоров Низовой Печоры*. Под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003–2005.
- СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Гл. ред. С. Г. Бархударов (т. 1–6), Ф. П. Филин (т. 8–10), Д. Н. Шмелев (т. 11–14), Г. А. Богатова (т. 15–26), В. Б. Крысько (т. 27–29), Р. Н. Кривко (т. 30). Вып. 1–30. М.: Наука, 1975–2015 (издание продолжается).
- СРГСУД — *Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения*. Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Изд. 4-е, стереотипное. М.: Астрель-АСТ, 2003.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд)*. Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Тру-

- бачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41). Вып. 1–41. М.: Наука, 1974–2018 (издание продолжается).
- Derksen — Derksen R. *Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon*. Leiden—Boston: Brill, 2008.
- LIV — *Lexicon der indogermanischen Verben*. Ed. H. Rix. Weisbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
- Pokorny — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern—München, 1959.
- SEK — Boryś W., Popowska-Taborska H. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny*. T. I–V. Warszawa, 1994–2006.
- Snoj 2005 — Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Knj. IV. Avtorji F. Bezljaj, M. Snoj, M. Furlan. Ured. M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana, 2005.
- SP — Sławski F. *Słownik prasłowiański*. T. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972–2001. (the publication continues).
- SSKJ — *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Gl. ured. V. Likar. T. 1–5. Ljubljana, 1970–1991.

TWO NORTH RUSSIAN ETYMOLOGIES
(ARKH. *LIYAT* 'TO DOZE', *GOMZHIT*,
GANZHIT 'TO SMOLDER')

Tatiana Shalaeva

Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: koulkuk@gmail.com

Citation: Shalaeva T. (2019) Dve severnorusskiye etimologii (arkh. *liyat* 'dremat', *gomzhit*, *ganzhit* 'tlet') [Two North Russian Etymologies (Arkh. *liyat* 'to doze', *gomzhit*, *ganzhit* 'to smolder')]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 173–187. (in Russian)

Abstract. The paper considers the origin of two North Russian words from Arkhanselsk dialect: *ляять* [*liyat*'] 'to doze' and *гомжить* [*gomzhit*'], *ганжить* [*ganzhit*'] 'to smolder'. Both of them have already become an object for etymological analyses, though at different grades. But it seems that new dialect material enables to discuss their etymology more soundly. For example, for the verb *ляять* [*liyat*'] 'to doze' the version of T. V. Goryacheva is proved, as the author reconstructs the Proto-Slavic form **lějati* and the meaning based on the semantics 'to get weak'. For the argumentation there are given the form *слѣять* [*sleyat*'] 'to get white', 'to fade', which is fixed in the Republic of Mordovia, and its Slavic synonyms related to Proto-Slav. **lin'ati*/**lěn'ati* and **lěviti* 'to get weak', 'to fade'. On the base of the Slavic verb word-formation for **lějati* a possible stem is offered. Another idea is that Rus. Dial. *-ляять* [*leyat*'] is related to Rus. Dial. *излеватьсь* [*izlevat'sya*] 'to mock' that is also proved by word-formation and semantics of the Slavic languages. The verb *гомжить* [*gomzhit*'], *ганжить* [*ganzhit*'] 'to smolder', after A. Ye. Anikin, is suggested to relate to the Proto-Slavic route **gъm-* with the suffix **-ъz-*, namely to its Proto-Slavic derivatives **gъmъziti*/**gъmъzati* 'to move, to crawl' and to formulate its initial meaning as 'to move chaotically, in different directions'. A similar semantic shift is demonstrated by the cognates of the Proto-Slavic verb **šajati* 'to smolder' which presumably relates to the Indo-European route **(s)kēi-* 'to move'. Also the possible relation of the meanings 'to smolder' and 'to move' is proved by the Slovenian word *tuliti se* 'to curve' in the context: *Plamenčki migotajo, se tulijo* «The flames are blinking, wriggling».

Keywords: Slavic etymology, semantics, word-formation, Russian dialect lexicon, comparative linguistics.

References

Anikin A. Ye. (2007–2019) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Vol. 1–13. Moscow; St. Petersburg; Novosibirsk: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi; Znak; In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova; In-t filologii Sibirskogo otdeleniya RAN; Nestor-Istoriya. (the publication continues). (in Russian)

Barkhudarov S. G., Filin F. P., Shmelyov D. N., Bogatova G. A., Krysko V. B., Krivko R. N. (eds.) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of 11th–17th cent.]. Vol. 1–30. Moscow: Nauka. (the publication continues). (in Russian)

Bezljaj F., Snoj M., Furlan M. (2005) *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovenian Language]. Vol. 4. Ljubljana. (In Slovenian)

Boryś W., Popowska–Taborska H. (1994–2006) *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny* [Etymological Dictionary of the Kashubian Language]. T. I–V. Warszawa. (in Polish)

Dal V. I. (1995) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Colloquial Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow: Terra. (in Russian)

Derksen R. (2008) *Etymological Dictionary of Slavic Inherited Lexicon*. Leiden—Boston: Brill. (in English)

Dolgushev V. G., Smetanina Z. V. (eds.) (2004–2018) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. Vol. 1–12. Kirov. (in Russian)

Fasmer M. (2003) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translation from German and additions by O. N. Trubachyov. Vol. I–IV. 4th edition, stereotypic. Moscow: Astryel'-AST. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.). (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Gerd A. S. (2009) *Materialy dlya etimologicheskogo slovarya severnorusskikh govorov (S–Ya)* [Materials for Etymological Dictionary of North-

ern Russian Dialects]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 10: 144–176. (in Russian)

Goryacheva T. V. (1983) *Etimologicheskiye zametki* [Etymological Notes]. *Etimologiya* [Etymology] 1981. Ed. by O. N. Trubachyov. Moscow: Nauka: 66–76. (in Russian)

Getsova O. G., Nefedova E. A. (eds.) (1980–2017) *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Vol. 1–18. Moscow: MGU; Nauka. (the publication continues). (in Russian)

Ivashko L. A. (ed.) (2003, 2005) *Slovar' russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of the Russian Dialects of Low Pechora]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (in Russian)

Klevtsova A. V., Petrova L. Ya. (eds.) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Edition prepared by S. A. Myznikov, A. N. Levichkin. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Kuchko V. S. (2017) *Semantiko-motivatsionnoye polye "Lozh, obman" v yazykovom prostranstve russkikh narodnykh govorov* [Semantic and Motivation Field "Lie, deceit" in the Language Space of the Russian Dialects]: Diss. ... cand. philol. sciences. Yekaterinburg. (in Russian)

Kurkina L. V. (1975) *Slavyanskiye etimologii. III* [Slavic Etymologies. III]. *Etimologiya* [Etymology] 1973. Ed. by O. N. Trubachyov. Moscow: Nauka: 34–43. (in Russian)

Kurkina L. V. (2017) O probleme omonimii v slavyanskoy leksike (na materiale slav. *tuliti/*tulati 'brodit' i *tuliti 'prizhimaťsya; ukryvat') [On the Problem of Homonymy in the Slavic Vocabulary (on the material of Slav. *tuliti/*tulati 'to wander' i *tuliti 'to cuddle; to cover')]. *Etymological Research into Czech: Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2017, 12–14 September 2017, Brno, Studia etymologica Brunensia* 20. Ed. by I. Janyšková, H. Karlíková, V. Boček. Praha: Nakladatelství Lidové noviny: 249–258. (in Russian)

Likar V. (ed.) (1970–1991) *Slovar' slovenskega knjižnega jezika* [Dictionary of the Slovenian Literary Language]. Vol. 1–5. Ljubljana. (in Slovenian)

Loma A. (2015) *Vila — olitsetvoryonnoye neistovstvo ili chto-to drugoye?* [Is vila a personified fury or something else?]. *Etymological Research into Old Church Slavonic. Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2014, 9–11 September 2014, Brno. Studia etymologica Brunensia* 18. Ed. by I. Janyšková, H. Karlíková. Praha: Nakladatelství Lidové noviny: 245–270. (in Russian)

Matveyev A. K. (ed.) (1996) *Slovar' russkikh govorov Srednyego Urala: Dopolnyeniya* [Dictionary of the Russian Dialects of the Middle Urals: Additions]. Yekaterinburg. (in Russian)

Merkulova V. A. (1981) Zametki po russkoy dialektnoy leksike [Notes on the Russian Dialect Vocabulary]. *Etimologicheskkiye isslyedovaniya* [Etymological Studies]. Ed. by A. K. Matveyev. Sverdlovsk: Ural'skiy gosudarstvennyy universitet: 114–124. (in Russian)

Mikhalyova T. V., Semenkova R. V., Chikina L. K. (comp.) (2013) *Slovar' russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya* [Dictionary of the Russian Dialects on the territory of the Republic of Mordovia]. Parts 1–2. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Pokorny J. (1959) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern—München. (in German)

Rix H. (2001) *Lexicon der indogermanischen Verben* [Dictionary of the Indo-European Verb]. Weisbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag. (in German)

Shalayeva T. V. (2010) *Sopostavitel'nyy strukturnyy i semanticheskyy analiz etimologicheskikh gnyozd so znacheniyem dvizheniye zhidkosti v russkom yazyke* [Comparative Structural and Semantic Analysis of the Word Families with the Meaning 'liquid motion' in the Russian Language]: Diss. ... cand. philol. sciences. Moscow. (in Russian)

Skitova F. L., Gruzbyerg L. A. (eds.) (1984–2011) *Slovar' govora d. Akchim Permskoy obl. (Akchimskiy slovar')* [Dictionary of the Village Akchim of Perm reg. (Akchim Dictionary)]. Vol. 1–6. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. (in Russian)

Sławski F. (ed.) (1972–2001) *Słownik prasłowiański* [Proto-Slavic Dictionary]. T. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków. (the publication continues). (in Polish)

Trubachyov O. N., Zhuravlyov A. F., Varbot Zh. Zh. (eds.) (1974–2018) *Etimologicheskyy slovar' slavyanskikh yazykov (Praslavyanskiy leksicheskiy fond)* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages (Proto-Slavic Lexical Fund)]. Vol. 1–41. Moscow: Nauka. (the publication continues). (in Russian)

Varbot Zh. Zh. (1971) Zametki po slavyanskoj etimologii (ukr. *кочубей*, russk. *настырный*, russk. *измываться*) [Notes on the Slavic Etymology (Ukr. *кочубей*, Rus. *настырный*, Rus. *измываться*)]. *Etimologiya* [Etymology] 1968. Ed. by O. N. Trubachyov. Moscow: Nauka: 68–78. (in Russian)

Varbot Zh. Zh. (2012) *Vokrug slavyanskogo gumna* [Around the Slavic Threshing floor]. *Isslyedovaniya po russkoy i slavyanskoy etimologii* [Studies of the Russian and the Slavic Etymology]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 243–247. (in Russian)

КЛИЧКИ ЖИВОТНЫХ В СЛОВАРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Варникова Евгения Николаевна

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
E-mail: e-varnikova@yandex.ru

Цитирование: Варникова Е. Н. (2019) Клички животных в Словаре русских народных говоров. *Севернорусские говоры*, 18: 188–211.

Аннотация. В статье анализируется зоонимическая лексика, содержащаяся в «Словаре русских народных говоров» и включающая в себя клички почти всех видов домашних животных: лошадей, коров, овец, свиней, собак и кошек. Большую часть зоонимикона СРНГ составляют именованья лошадей, коров и собак. На основании анализа зоонимов разных видов выявляются их семантические и словообразовательные особенности. Универсальными для всех видов кличек являются номинации по цвету шерсти животных, причем именно среди «цветовых» зоонимов чаще всего отмечаются клички, которые употребляются по отношению к разным видам животных. Для всех видов зоонимов характерны суффиксальные структуры, но при этом очень важно разграничение собственно зоонимической и дозоонимической суффиксации. В СРНГ последовательно отражается тесная связь двух ономастических классов — антропонимов (прозвищ) и зоонимов. Такая связь не только подтверждает сходство мотивировочных признаков, лежащих в основе

прозвищ людей (а в прошлом — и древнерусских имен) и кличек животных, но и может указывать на их возможную генетическую общность. **Ключевые слова:** Словарь русских народных говоров, зоонимы, клички домашних животных, подзывные слова, лексика, семантика, словообразование.

Введение

Русская зоонимия, к сожалению, повторяет печальную судьбу топонимии: с запустением огромного количества деревень на севере и в центре России бесследно исчезают географические названия и клички животных, причем утрачиваются прежде всего зоонимы основных классов сельской зоонимии — клички лошадей и коров.

Диалектные словари, за редким исключением, не фиксируют ономастическую лексику в целом и зоонимию в частности. Одним из таких исключений является, например, «Псковский областной словарь с историческими данными» [ПОС]. В нем приводится более 3000 зоонимов [Вересиянова 2016: 229]. Псковские зоонимы неоднократно становились предметом рассмотрения лингвистов [Мокиенко, Фоянкова 1976; Фоянкова 1979; 1984; 1995; Вересиянова 2016].

В данной статье анализируются клички животных, выбранные из СРНГ, определяются их характеристики, семантические и словообразовательные особенности.

В СРНГ зоонимы, как и другие имена собственные, как правило, не включаются. Они приводятся лишь в конце словарных статей в качестве дополнительного иллюстративного материала при описании нарицательных названий животных: *бурёна* — *Бурёна* (Бурая корова; кличка бурой коровы. Костром., Новг., Яросл., Волог., Вят., Перм., Ср. Урал., Тамб., Тул., Барнаул.); *бурёня* — *Бурёня* (1. То же, что *бурёна*. Новг.); *бурёха* — *Бурёха* (1. То же, что *бурёна*. Новг., Арх.; Кличка коровы. Твер. 2. Кличка собаки. Пск.); *бурка* — *Бурка* (1. Бурая лошадь; кличка такой лошади. Даль (без указ. места), Арх., Олон., Ряз., Барнаул. 2. Собака с бурой шерстью;

кличка такой собаки. Даль (без указ. места, с пометой «иногда»)); *буру́ха* — *Буру́ха* (1. Лошадь или корова бурой масти; кличка такой лошади, коровы. Костром., Новг., Том. 2. Фольк. Постоянный эпитет мухи в сказках. Влад., Барнаул.) [СРНГ 3: 285–299] и др.

В отдельных словарных статьях даются клички, представляющие особый историко-лингвистический интерес: *Белóнька* (Кличка коровы белой масти. КАССР); *Белóнюшка* (Ласк. к *белонька*. КАССР); *Белорóжка* (Кличка коровы с белым пятном на лбу. Волог., Яросл.); *Белу́нька* (Кличка коровы белой масти. Арх.) [СРНГ 2: 223–228]; *Бури́шка* (Кличка поросенка. Пск., Твер.); *Бусу́ха* (Кличка коровы с бусой шерстью. Волог.) [СРНГ 3: 228–308]; *Вечёрка* (Кличка коровы, телки по времени рождения (вечером). Казан., Ворон., Урал.) [СРНГ 4: 214]; *Ворожéюшко* (Кличка лошади черной масти) [СРНГ 5: 110]; *Гóвка* (Кличка коровы. Дон. (с примеч. «ласкательное имя в низовом говоре»)) [СРНГ 6: 254]; *Жда́ней* (Кличка теленка, рождения которого долго ждали. Олон.) [СРНГ 9: 94]; *Зоря́нка* (Кличка коровы, родившейся на заре. Казан.) [СРНГ 11: 346]; *Лёдра* (Кличка рыжей коровы. Арх.); *Ледро́ха* (Кличка коровы рыже-белой масти. Арх.); *Ледру́ха* (Кличка собаки (рыжей масти?). Арх.) [СРНГ 16: 323]; *Мико́лец* (Кличка бычка, предназначенного для заклания в религиозный праздник святого Николая. Костром.) [СРНГ 18: 158]; *Не́жка* (Кличка коровы. Калуж., Тул.) [СРНГ 21: 43]; *Про́кофка* (Кличка коровы. Твер.) [СРНГ 32: 163]; *Рома́ха* (Кличка коровы. Твер.) [СРНГ 35: 172]; *Скорóмушка* (Ласк. Кличка коровы. Даль) [СРНГ 38: 100] и др.

В Словаре отражены почти все виды сельской зоонимии: клички лошадей, коров, овец, свиней, гусей, собак и кошек. В количественном отношении преобладают клички лошадей, коров и собак. В ряде случаев видовые характеристики зоонимов отсутствуют: *Белéюшко* (1. Животное белой масти. Арх. // Фольк. Заяц-беляк. Новг.); *Белóйко* (Ласк. То же, что *белеюшко*. Арх.) [СРНГ 2: 212–220]; *Марто́к* (Кличка животного, родившегося в марте. Чкал.); *Марту́шка* (Кличка животного, родившегося в марте. Чкал.) [СРНГ 17: 376]; *Палу́ха* (Кличка животного по масти (какой?). Горно-Алт.) [СРНГ 25: 178]; *Ря́бчик* (3. Кличка какого-л. до-

машнего животного. Краснодар.) [СРНГ 35: 337]; *Серу́ха* (1. Название и кличка животных серой масти. Перм., Р. Урал, Новосибир., Горно-Алт., Бурят. АССР, Хабаров.) ; *Синько* (Кличка животного. Вят., Арх.) [СРНГ 37: 223, 337].

Клички лошадей

Клички лошадей, представленные в СРНГ, характеризуются семантическим единообразием: почти все они образованы от названий лошадей по масти (по основному цвету покровных волос или вкраплений на нем): *Бурка* (1. Бурая лошадь; кличка такой лошади. Даль (без указ. места), Арх., Олон., Ряз., Барнаул.); *Бурке́* (То же, что *бурка* (в 1-м знач.). Олон.); *Бу́рко* (То же, что *бурка* (в 1-м знач.). Перм., Костром., Яросл., Волог., Олон., Арх., Новг., Омск., Барнаул.); *Бу́рочка* (Уменьш.-ласк. к *бурка*. Самар.); *Бу́рушка* и *бу́рушко* (Уменьш.-ласк. к *бурко* (в 1-м знач.). Влад., Новг., Олон., Печор., Яросл.); *Буру́шка* (Уменьш.-ласк. к *буруха* (в 1-м знач.). Костром.); *Бурьке́* (То же, что *бурка* (в 1-м знач.). КАССР) [СРНГ 3: 287–301]; *Игрёнько* (Лошадь игреневого масти; кличка такой лошади. Перм., Урал., Сиб.); *Игрёнька* (То же, что *игренько*. Том., Иркут., Южн. Урал.); *Игрёня* (То же, что *игренько*. Влад.) [СРНГ 12: 70]; *Ка́рё* (Кличка лошади карей масти. Арх.); *Ка́рька* (Лошадь карей масти; кличка этой лошади. Том., Ср. Урал.); *Ка́рько* и *карько́* (То же, что *карька*. Арх., Костром., Вят., Перм., Сиб., Твер., Влад., Олон., КАССР, Новг., Куйбыш., Алт.; *Карьке*. Вят., Олон.; *Карько* [удар.?]. Тобол.); *Ка́рюшка* (Уменьш.-ласк. к *карька*. Волог., Пск., Ленингр., КАССР, Арх.); *Ка́рюшко* (Уменьш.-ласк. к *карько*. Арх., КАССР, Волог., Пск., Перм.) [СРНГ 13: 85, 112–113]; *Лыса́нко* (Кличка лошади с белым пятном на лбу. Сиб., Челябин., Урал., Перм.) [СРНГ 17: 223]; *Саврасу́ха* (Кличка саврасой лошади. Том., Горно-Алт., Краснояр.) [СРНГ 36: 16].

В диалектных зоонимах отразились редкие и исчезнувшие названия мастей: *Голу́бо* (Лошадь голубой масти; кличка такой лошади. Сиб., Тобол., Челябин., Перм., Арх., КАССР, Новг.) [СРНГ 6: 338–339] — от *голубой* (2. Пепельный, светло-серый (о масти животного)) [СлРЯ XI–XVII вв. 4: 70; См. также: Одинцов 1978: 202–

205]; *Сивозалёзко* (Кличка лошади темно-сивой масти. Перм.) [СРНГ 37: 274] — по-видимому, в основе клички лежит искаженное наименование масти *сиво-железный: железный* (1. Похожий на железо по цвету, серо-бурый (о масти лошади)) [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 82; См. также: Одинцов 1978: 202].

Можно предполагать образование «цветовых» кличек и от других слов данной группы, о чем свидетельствуют «звательность», деминутивность их форм и множественная вариативность: *бурёюшко* (Конь бурой масти. Арх.); *бурышко* (Конь бурой масти. Новг.) [СРНГ 3: 286, 301]; *воронке* (Конь вороной масти. Олон.); *воронуха* (Вороная кобыла. Tobол., Перм.); *воронухонька* (Уменьш.-ласк. к *воронуха*. Арх.) [СРНГ 5: 116, 117]; *гнедйшко* (Лошадь гнедой масти. Влад.); *голубанушко* (Конь пепельно-серой масти. Арх.); *голубёюшко* (Конь пепельно-голубой масти. Арх.) [СРНГ 6: 236, 332, 337]; *кавурко* и *ковурко* (Лошадь каурой масти; каурка. Петерб., Перм., Вят.); *каврушка* и *коврушка* (Ласк. к *ковурко*. Олон., Новг., Арх.); *кавурчик* (Ласк. Каурка. Влад.) [СРНГ 12: 295]; *каурка* (Лошадь рыжеватой масти. Олон., Южн.-р-ны Краснояр.) [СРНГ 13: 138]; *калюнка* (Лошадь калюной (серобелой) масти. Амур.); *калюнко* (Конь калюной масти (красновато-серый, с блеском, с черным хвостом и гривой). Вост.-Сиб.) [СРНГ 13: 10]; *карюха* (Лошадь карей масти. Волог., Арх., Яросл., Нижегород., Новг., Пск., Ворон., Свердл., Ср. Урал.) [СРНГ 13: 113]; *мухориха* (Кобыла мышастой масти. Свердл.); *мухорко* (Жеребец мышастой масти. Свердл.); *мухортка* (Лошадь гнедой масти с желтыми подпалинами. Вост.-Казах.); *мухортко* (То же, что *мухортка*. Южн.-Сиб.); *мухорто* (Жеребец или мерин гнедой масти. Урал.) [СРНГ 19: 38–39]; *пеган* (Пегий конь. Калинин., Амур.); *пеганка* (Пегая лошадь. Перм., Челябин., Свердл., Новосибир., Амур., Петерб., Моск., Киргиз. ССР, Бурят. АССР); *пеганко* (То же, что *пеган*. Сиб., Перм., Вят., Петерб., КАССР, Tobол.); *пегануха* (То же, что *пеганка*. Сиб., Моск.); *пегач* (1. То же, что *пеган*. Пск., Твер. 2. О человеке с рябым лицом. Пск., Твер.); *пегашка* (То же, что *пеганка*. Даль (без указ. места), Кубан., Смол., Моск., Р. Урал, Новосибир., Амур., Вост.-Казах. // Пегая корова. Кубан., Р. Урал); *пегуха*

(То же, что *пеганка*. Калинин., Том., Новосибир., Горно-Алт., Свердлов.); *пегуша* (То же, что *пеганка*. Сталингр.); *пегушка* (То же, что *пеганка*. Новосибир.) [СРНГ 25: 312–313]; *серок* (1. Конь серой масти. Новосибир.); *сивок* (1. Конь сивой масти. Сиб.); *сивочка* (Ласк. Лошадь сивой масти. Пск.); *сивушка* (Фольк. Ласк. Лошадь сивой масти. Олон.; *Сивушко*. Арх.) [СРНГ 37: 218, 274–276]; *солówka* (Лошадь соловой масти. Р. Урал, Том.); *соловко* (Конь соловой масти. Перм., Петроград., Том., Сиб.); *соловуха* (Животное соловой масти. Горно-Алт.; Лошадь такой масти. Сиб.) [СРНГ 39: 277] и др.

«Не-цветовые» гиппонимы немногочисленны: *Мальчик* (9. Обычное название коня; кличка лошади. Моск., Латв. ССР) [СРНГ 17: 345]; *Пробняк* (1. Кличка лошади, жеребенка (в языке детей). Перм. 2. Междом. Слово, которым подзывают лошадей. Волог., Калинин., Твер., Том.) [СРНГ 32: 198].

Клички коров и быков

Клички коров в семантическом отношении более разнообразны. Прежде всего среди них выделяются «цветовые» зоонимы: *Белáва* (Ласковая кличка белой коровы. Даль (без указ. места)); *Белáшка* (Ласковая кличка белой коровы. Даль (без указ. места)); *Белопáха* (Корова с белыми пятнами в пахах. Лит. ССР, Латв. ССР; Кличка коровы. Перм.); *Белорóжка* (Кличка коровы с белым пятном на лбу. Волог., Яросл.); *Белу́нка* (Кличка коровы белой масти. Арх.); *Беля́ха* (Кличка белой коровы. Вят.) [СРНГ 2: 207–241]; *Бурёна* (Бурая корова; кличка бурой коровы. Костром., Новг., Яросл., Волог., Вят., Перм., Ср. Урал., Тамб., Тул., Барнаул.); *Бурёница* (То же, что *бурёна*); *Бурóвушка* (Уменьш.-ласк. к *бурёна*. Калуж.); *Бурóня* (То же, что *бурёна*. Пск.); *Буря́нушка* (То же, что *бурёна*. Влад.); *Бусу́ха* (Кличка коровы с бусой шерстью. Волог.) [СРНГ 3: 285–308]; *Красóтка* (2. Кличка коровы рыже-красной масти. Ср. Урал., Твер.); *Красу́лька* (3. Рыже-красная корова, а также кличка коровы такой масти. Даль (без указ. места), Казан., Волог., Новг., Вят., Тобол., Перм., Урал., Чкал. // Ласк. Корова. Смол.); *Красу́тка* (Кличка рыже-красной коровы. Вост.-Казах.) [СРНГ 15: 200–202]; *Лёдра* (Кличка рыжей коровы. Арх.);

Ледр́оха (Кличка коровы рыже-белой масти. Арх.) [СРНГ 16: 323]; *Лыса́тка* (Кличка коровы с белым пятном на лбу. Твер., Пск.); *Лысе́на* (Кличка коровы с белым пятном на лбу. Даль (без указ. места), Костром., Влад., Калуж., Смол.); *Лысе́нок* (Кличка бычка с лысиной. Даль (без указ. места)); *Лысе́нушка* (Уменьш.-ласк. к *лысе́на*. Даль (без указ. места), Костром.); *Лысе́ха* (Кличка коровы с белым пятном или полосой на лбу. Новг., Пск., Смол., Брян.); *Лыська* (Кличка коровы. Калуж.) [СРНГ 17: 223–225]; *Пестра́ва* (Животное с пестрой шерстью (обычно корова). Влад. (?), Даль); *Пестра́вушка* (Ласк. То же, что *пестрава*. Влад. (?), Даль); *Пестре́ха* (Кличка коровы пестрой масти. Калинин.); *Пёстрик* (Кличка теленка пегой, пестрой масти. Новосиб.); *Пестро́нька* (Ласк. Кличка пестрой коровы. КАССР); *Пестро́нюшка* (Ласк. Корова пестрой масти; кличка такой коровы. КАССР); *Пестро́ня* (Корова пестрой масти; кличка такой коровы. Олон., Новг., Арх.); *Пестро́ха* (Корова пестрой масти; кличка такой коровы. Пск., Твер., Петерб., КАССР); *Пестру́хонька* (Уменьш.-ласк. к *пеструха* (в 3-м знач.). Вят.) [СРНГ 26: 316–318]; *Рудка* (1. Кличка животного рыжей масти. Лит. ССР. 2. Кличка коровы черной масти. КАССР) [СРНГ 35: 234]; *Серебря́нка* (4. Кличка коровы по масти. Р. Урал); *Сиву́нька* (Кличка коровы сивой масти. Сиб.) [СРНГ 37: 110, 275].

Продуктивны зоонимы, отражающие время рождения животных: *Вечёрка* (Кличка коровы, телки по времени рождения (вечером). Казан., Ворон., Урал.); *Вечеря́нка* (Кличка коровы, телки и т. п. по времени рождения (вечером). Урал.) [СРНГ 4: 214, 217]; *Воскресе́на* (Кличка коровы, родившейся в воскресенье. Костром.); *Воскресе́нка* (Ласк. к *воскресе́на*); *Воскресе́ха* (То же, что *воскресе́на*. Твер.); *Вторёна* (Кличка коровы, родившейся во вторник. Вят.) [СРНГ 5: 136, 230]; *Зорька* (Кличка коровы, отелившейся на заре. Калуж., Ворон.); *Зоря́нка* (Кличка коровы, родившейся на заре. Казан.) [СРНГ 11: 343, 346]; *Пятёна* (Кличка коровы, которая родилась или куплена в пятницу. Костром., Калуж., Вост.); *Пя́тенка* (2. То же, что *пятёна*. Казан.); *Пяте́нушка* (Уменьш.-ласк. к *пятёна*. Костром., Вост., Даль); *Пятё́ня* (Кличка коровы,

родившейся в пятницу. Пск., Брян.); *Пятóха* (То же, что *пятоня*. Твер.) [СРНГ 33: 218–219, 234].

Клички других групп представлены отдельными примерами: *Бычáйка* и *Бычáйко* (Ласкательная кличка быка. Волог., Костром.) [СРНГ 3: 357]; *Другóнька* (То же, что *другоня*. Даль (без указ. места)); *Другóня* (Второй, другой (употребляется как кличка коровы). Пск.) [СРНГ 8: 211]; *Малёшка* (Кличка коровы; общее название всякой коровы. Новг., Твер. // *Малёшка-малёшка*, в знач. междом. Слово, которым подзывают коров. Калинин.) [СРНГ 17: 326]; *Мíшка* (2. Кличка быков. Калинин., Тул.) [СРНГ 18: 180]; *Нéжка* (2. Кличка коровы. Калуж., Тул. 3. Слово, которым подзывают коров. Азерб. ССР) [СРНГ 21: 43] и др.

Интерпретация некоторых зоонимов затруднительна или неоднозначна: *Гóвка* (Кличка коровы. Дон. (с примеч. «ласкательное имя в низовом говоре»)) [СРНГ 6: 254]; *Лубёха* (Кличка коровы. Калуж.) — возможно, кличка отражает упитанность животного, ср. *Лубёха* (Лубяная овальной формы корзиночка. Ярослав.) и *Лубёшка* (Корзина. Волог.) [СРНГ 17: 172]; *Лыбёха* (Кличка коровы. Калуж.) — можно предполагать двоякое толкование зоонима — 1. «Цветовое», ср. *Лыбонь* (Верхняя часть головы (темя, макушка) животного. Новг., Даль) и 2. «По особенностям поведения», ср. *Лыбиться* (Ластиться. Брян.) [СРНГ 17: 216]; *Прóкофка* (Кличка коровы. Твер.) [СРНГ 32: 163]; *Пукó* (Кличка коровы. Влад.) [СРНГ 33: 120] — возможно, кличка отражает упитанность коровы, ср. 1. *Пук* (1. Поплавок, сделанный, связанный из рогожи или пучка травы. Урал. 2. Мяч из коровьей шерсти. Курск., Орл. 3. Выпуклая средняя часть бочки. Курск., Орл.), *Пука* (Тупой конец яйца. Волог.), *Пукáтый* (1. Округлый, выпуклый, выгнутый. Дон., Курск., Орл. 2. Полный, толстый (о человеке). Латв. ССР. // Раздувшийся, толстый. Курск., Орл.) [СРНГ 33: 117–118]; *Скорóмушка* (Ласк. Кличка коровы. Даль) [СРНГ 38: 100].

На основе отдельных кличек коров образуются подзывные слова для этого вида животных: *Малёха-малёха*, междом. (Употребляется для подзывания коров. Твер., Калинин., Новг.), *Малёшенка*, междом. (Подзывное слово для коров. Калинин.),

Малёшка → *малёшка-малёшка* [СРНГ 17: 324–326], *Нежка* → *нежка-нежка* [СРНГ 21: 43].

Клички собак

Наибольшим разнообразием семантики в СРНГ отличаются клички собак. Можно выделить клички, отражающие цвет шерсти животных: *Белько* (1. Животное белой масти. Арх., Волог. // Кличка белой собаки. Оренб., Челябин., Перм.) [СРНГ 2: 236]; *Ледруха* (Кличка собаки (рыжей масти?). Арх.) [СРНГ 16: 323]; *Серок* (2. Кличка серой дворовой собаки. Р. Урал) [СРНГ 37: 218]; *Соболька* (Кличка черной собаки. Том., Иркут., Твер.); *Соболько* (Кличка черной собаки. Тобол., Перм.); *Соколко* (Кличка собаки с чубарой шерстью. Волог.) [СРНГ 39: 171, 244].

Зоонимы, характеризующие другие внешние признаки собак или выражающие оценку этих признаков: *Баско* (Кличка собаки. Курск., Новг.) [СРНГ 2: 132]; *Куделька* (7. Кличка собаки. Том.) [СРНГ 15: 399]; *Куцко* (Кличка бесхвостой собаки. Волог.) [СРНГ 16: 186].

Клички, данные по особенностям нрава и поведения животных: *Борзя* (Кличка собаки. Олон.), ср. *борзой* и *борзый* (Смелый, ловкий. Самар., Ряз.) [СРНГ 3: 98]; *Боршутка* (Кличка собаки. Новг.), ср. *боршатъ* (Выговаривать кому-либо за что-либо, ворчать, бранить; сердиться. Перм., Алт.) [СРНГ 3: 121]; *Бурчик* (Кличка собаки. Арх.), ср. *бурчашка* (Тот, кто постоянно ворчит. Пск.) [СРНГ 3: 300], однако возможна и «цветовая» интерпретация зоонима; *Куска* (Кличка собаки. Том.), ср. *куский* и *куской* (Способный сильно кусать, больно кусающийся. Даль (без указ. места), Новг. // Больно жалящий. Тул., Моск., Костром., Новг., Арх.) [СРНГ 16: 156–157]; *Кутла* (Кличка собаки. Перм.), ср. *кутла* (*Дать кутлу*. Дать выволочку, отколотить, отлупить. Петерб.), *кутлить* (Бить, колотить кого-либо. Петерб.) [СРНГ 16: 170]; *Рыпко* (Кличка собаки. Краснодар.), ср. *рыпать* (2. Вести себя нагло, заносчиво, куражиться. Забайкалье), *рыпéть* (4. Ныть, скулить. Рост.) [СРНГ 35: 314–315].

Отдельными примерами представлены клички разных групп, традиционных для данного вида зоонимов: *Бекáска* и *Бекáско* (Кличка собаки. Твер., Новг.); *Бирю́к* (Кличка собаки. Вят., Симб.); *Битка́* (Кличка собаки. Перм.), ср. *битка́* (Свинец, вытянутый в прут по калибру ружья. Арх., Даль) [СРНГ 2: 206, 294, 297] (см. также клички, «указывающие на детали охотничьего снаряжения» в статье Н. Г. Дубовой: *Боек*, *Гильза*, *Пулька*, *Пуля* [Дубова 1980: 146]); *Бóбка* и *Бóбко* (Кличка собаки. Влад., Перм.); *Брóско* (Кличка собаки. Арх.) [СРНГ 3: 36, 197]; *Вóва* (1. Фантастическое существо, которым пугают детей. Волог. 2. Ласк. Кличка всякой собаки. Арх.; Собака (в речи детей). Арх.) [СРНГ 4: 328]; *Грéйко* (Кличка собаки. Новг.) [СРНГ 7: 131]; *Лáпко* (Собачья кличка. Нижегород.) [СРНГ 16: 264]; *Плаку́н* (5. Кличка собаки. Р. Урал.) [СРНГ 27: 77]; *Соловéйко* (4. Кличка собаки. Арх.) [СРНГ 39: 277]. Клички *Плакун* и *Соловейко* отражают голосовые качества собак, обычно они характерны для гончих [Варникова 2014: 19–21] и др.

В основе ряда имен лежат общие названия собак: *Бóско* (Собака, пес. Арх., Олон. // Кличка собаки. Олон., Сев.) [СРНГ 3: 124]; *Кутёк* (1. Щенок, кутенок. Дон., Пенз., Куйбыш., КАССР. // Собака, собачка. Терск., Влад., Арм. ССР. // Кличка собак. Вят.); *Кыча́н* и *кича́н* (1. Пес; кобель. Перм., Вят., Прикам., Урал. 2. Щенок (самец). Перм. 3. Кличка собаки. Вят.); *Кы́чко*, *кы́чко* и *кычко́* (Пес, кобель. Волог., Арх., Печор., Коми АССР, Даль. // Собака (кобель и сука); общая для всех собак кличка. Арх.) [СРНГ 16: 167, 207, 208]. Некоторые из них соотносятся со словами подзыва: *Кутёк-кутёк*, междом. (1. Слово, которым подзывают щенят. Азерб. ССР); *Кычо́-кычо́*, междом. (Слово, которым подзывают собак. Печор.) [СРНГ 16: 167, 208].

Наконец, отметим зоонимы, значение или происхождение которых неясно: *Бижук* [удар.?] (Кличка собаки. Новг.) [СРНГ 2: 289]; *Буркас* [удар.?] (Кличка собаки. Пск.) [СРНГ 3: 289]; *Зю́ська* (Кличка собаки. Перм.) [СРНГ 12: 45]; *Каниско* [удар.?] (Кличка собаки. Волог., Перм.) [СРНГ 13: 41]; *Кудюпка* [удар.?] (Кличка собаки. Орл.); *Латы́нко* (Кличка собаки. Вят.), ср. однокоренное *латы́нец* (1. Человек, который картавит или плохо выговарива-

ет слова; косноязычный человек. Моск., Яросл. 2. Болтун. Моск.); *Левка* [удар.?] (Кличка собаки. Арх.) [СРНГ 16: 18, 292, 308]; *Орёлка* (Кличка собаки. Нижегород., Твер., Том.) [СРНГ 23: 334]; *Реска́* (2. Кличка собаки. Тамб.) [СРНГ 35: 74].

Клички других животных

В отличие от кличек собак клички кошек в СРНГ единичны: *Лапийко* [удар.?] (Кличка черной кошки с белой грудью и лапами. Волог.) [СРНГ 16: 262]; *Соу́рко* (Кличка кота. Арх.) [СРНГ 40: 77].

Клички овец, свиней, других сельскохозяйственных животных в СРНГ немногочисленны: как известно, для стадных животных индивидуальная номинация не свойственна — вместо кличек по отношению к ним используются особые подзывные слова [Поротников 1972: 214; Азарх 1977: 227]. Действительно, как показывают данные СРНГ, многие клички соотносятся со словами подзыва.

Клички овец: *Ба́лька* (1. Овца. Перм., Волог., Даль, Вят., Ср. Урал.; Маленькая овечка, ягненок. Волог., Вят., Екатеринбург., Перм., Свердлов. // Кличка овец); *Ба́люшка* (Ласк. к *балька*. Волог., Перм.); *Баль-баль*, междом. (Слово, которым подзывают овец. Перм., Вят., Волог.) [СРНГ 2: 89, 90]; *Бо́рша* (1. Кличка для овец. Олон. 2. «Ласкательно о баране». Новг.); *Бо́ршенька* (Уменьш.-ласк. к *борша*. Новг.); *Бо́ршенько* (То же, что *боршенька*. Новг.) [СРНГ 3: 121]; *Мись* (1. Кличка овцы. Влад. 2. *Мись-мись*, в знач. междом. Употребляется для подзывания овец. Влад., Даль); *Ми́ська* (1. Маленький ягненок. Орл. 2. Кличка овцы. Влад., Даль. 3. *Миська-миська*, в знач. междом. Слово, которым подзывают овец. Влад., Даль) [СРНГ 18: 176]; *Па́тенька* (Кличка овцы. Вят.); *Па́тька* (Кличка овец. Вят.) [СРНГ 25: 272, 276]; *Се́ба* (Кличка овец. Волог.); *Се́бонько* (Кличка овец. Волог.) [СРНГ 37: 94].

Клички свиней: *Бури́шка* (Кличка поросенка. Пск., Твер.) [СРНГ 3: 288]; *Зю́ра* (Кличка свиньи. Пск.); *Зю́рка* (1. Небольшая свинка; поросенок. Петерб. 2. Кличка свиньи, поросенка. Пск., Новг. 3. Овечка. Перм.); *Зю́ринька* (Уменьш.-ласк. к *зюрка*. Петерб.); *Зю́рочка* (Уменьш.-ласк. к *зюра*. Пск.); *Зю́рушка* (Уменьш.-

ласк. к *зюрка* (во 2-м знач.). Новг.); *Зю́рка* (Кличка свиньи. Новг.); *Зюрь-зюрь*, междом. (Слово, которым подзывают свиней. Пск.) [СРНГ 12: 44, 45]; *О́кся* (Свинья. Свердл.); *О́кся-о́кся*, междом. (Слово, которым подзывают поросят. Новг., Калинин., Волог. // Кличка поросят. Арх.) [СРНГ 23: 171].

Единичны клички домашней птицы: *Ды́ганька* (Кличка гусей. Пск., Даль), ср. *ды́га* (Гусак, гусыня. Пск. *Ды́ги*, мн. Гуси. Олон.); *Ды́га-ды́га*, междом. (Слово, которым подзывают и отгоняют гусей. Пск., Латв. ССР, Эст. ССР, Новг., Твер.); *Ды́женька* (Ласк. к *ды́га* [гусь]. Пск.) [СРНГ 8: 52, 54].

Мотивировочные особенности зоонимов

Зоонимы разных видов различаются мотивировочными признаками, лежащими в их основе. Однако почти во всех зоонимических видах самыми распространенными являются клички, указывающие на цвет шерсти, масть животных. Н. Г. Рядченко называет эту особенность кличек «зоонимической универсалией» [Рядченко 1994: 79]. И именно среди «цветовых» номинаций чаще всего отмечаются клички, которые употребляются по отношению к разным видам животных: *Белáвушка* (Ласковая кличка белой коровы. Даль (без указ. места). // Ласковое название белой овцы. Арх.); *Белáха* (1. Ласковая кличка белой коровы. Даль (без указ. места). 2. Белая курица. Арх.); *Белька* (3. Кличка животных. а) Кошек. Олон. б) Собак. Арх., Вят., Том.) [СРНГ 2: 207, 236]; *Бу́рëха* (1. Бурая корова. Новг., Арх.; Кличка коровы. Твер. 2. Кличка собаки. Пск.); *Бу́рка* (1. Бурая лошадь; кличка такой лошади. Даль (без указ. места), Арх., Олон., Ряз., Барнаул. 2. Собака с бурой шерстью; кличка такой собаки. Даль (без указ. места, с пометой «иногда»)); *Бу́рко* (1. То же, что *бурка* (в 1-м знач.). Перм., Костром., Яросл., Волог., Олон., Арх., Новг., Омск., Барнаул. 2. То же, что *бурка* (во 2-м знач.). Новг.); *Бу́рша* и *бу́ршá* (1. Овца. Новг., Коми-Пермяцк. 2. Кличка собаки. Твер.); *Бу́ска* (Животное серой масти; кличка такого животного. О кошке. Волог.; О лошади. Том.); *Бу́ско* (Животное серой масти; кличка такого животного. «Животное бусой шерсти, особенно темно-дымчатая кошка».

Даль (без указ. места). О коте. Арх., Волог., Вят., Перм.; О собаке. Перм.; О коне. Перм.); *Бусонько* (Уменьш.-ласк. к *буско*) [СРНГ 3: 286–307]; *Гнедúха* (1. Домашнее животное (корова, лошадь) гнедой масти. Лошадь гнедой масти; кличка гнедой лошади. Перм., Том.; Кличка коровы гнедой масти. Том.) [СРНГ 6: 236]; *Лыса́нка* (1. Кличка лошади с белым пятном на лбу. Твер., Иркут. 2. Кличка коровы. Вят.); *Лы́ска* (2. Кличка коровы с белым пятном на лбу. Смол., Калуж., Пск., Тул. 3. Кличка собаки с белым пятном на лбу. Пск., Новг., Смол., Твер., Ряз., Ворон., Влад., Перм., Иркут.); *Лы́ско* (1. Кличка лошади. Перм. 2. Кличка собаки. Перм., Вят., Твер., Горьк., Новг., Арх.) [СРНГ 17: 223, 224]; *Пестра́вка* (Животное с пестрой шерстью (обычно корова). Саратов., Влад. (?), Даль, Южн. Урал. // Кличка пестрой коровы. Казан., Р. Урал. // Пестрая курица. Р. Урал); *Пестру́ха* (3. Корова пестрой масти; кличка такой коровы. Пск., Твер., Новг., Костром., Киров., Енис. 4. Пестрая курица. Даль (без указ. места), Пск., Смол.); *Пестру́шка* (4. То же, что *пеструха* (в 3-м знач.). Ворон. 5. То же, что *пеструха* (в 4-м знач.). Даль (без указ. места), Ворон., Р. Урал; Курица породы плимутрок. Ворон. // Курица. Пск., Смол.) [СРНГ 26: 316–319]; *Пéшка* (3. Кличка быка любой масти. Новг. 4. Кличка собаки. Арх.) [СРНГ 27: 14]; *Сéрушка* (Название и кличка животных серой масти. Арх.); *Сиву́ха* (1. Кличка животного сивой масти. Горно-Алт.; О лошади сивой масти. Оренб., Куйбыш., Костром.; О корове сивой масти. Смол.) [СРНГ 37: 224, 275] и др. Рассмотренные клички — это преимущественно производные от цветообозначений, имеющих широкую сочетаемость: *белый, бурый, бусый, пестрый, серый, сивый*. Среди зоонимов преобладают клички основных видов домашних животных: лошадей, коров и собак.

Связь зоонимов и антропонимов

Важно отметить еще один существенный факт. Словарь содержит множество примеров использования одного и того же слова по отношению к человеку и животному: *Белёюшко* (1. Животное белой масти. Арх. // Фольк. Заяц-беляк. Новг. 2. Ласковое обращение к кому-либо; милый, голубчик. Арх., Сев.; Лас-

ковое обращение (обычно к ребенку). Арх. // Название белокурого ребенка. Арх. 3. Красавец. Арх.); *Белко* [удар.?] (1. Кличка собаки. Вост.-Сиб., Симб., Орл., Вят. 2. Прозвище ребенка с белыми волосами. Том.); *Белóха* (1. Корова белой масти. Лит. ССР; Кличка коровы белой масти. Пск., Твер., Арх., Латв. ССР. 2. Покойник. Петерб.); *Белúха* (2. Кличка белой овцы. Перм. 3. Человек с очень светлыми волосами; белобрысый человек. Ср. Урал.); *Бéльша* и *бeльшá* (1. Кличка собаки. Пск., Твер. 2. Прозвище человека. Пск.); *Бeля́нка* (1. Белолицый человек (обычно о женщине, ребенке). Даль (без указ. места), Костром., Волог., Перм. 2. Любимая девушка. Новг., Пск. 3. Животное белой масти. Свердл. // Кличка животного белой масти. Даль (без указ. места); Кличка белой коровы. Перм., Нижегород., Казан., Пенз., Калуж., Твер., Волог., Костром., Влад., Вят., Tobол.; Кличка белой собаки. Перм., Новг., Твер., Тул., Пенз. и др.); *Бeля́нчик* (1. Человек белолицый, чистый лицом; белокурый человек. Даль (без указ. места). 2. Голубок, голубчик. Ласковое обращение матери к ребенку или жены к мужу. Казан. (?), Нижегород., Влад. 3. Кличка животного (коровы, телка, собаки и др.) белой масти. Даль (без указ. места). 4. Фольк. Заяц-беляк. Влад.); *Бeля́шка* (2. Белокурая девочка. Ворон.; Белокурый человек. Перм., Свердл. 3. Кличка белой коровы. Даль (без указ. места), Влад.); *Бeля́юшка* (1. Белолицый человек. Арх., Даль. 2. Белокурый, светловолосый человек. Арх., Даль. 3. «Красавчик, пригоженький». Арх., Даль. 4. Кличка животного с белой шерстью. Арх., Даль, Нижегород. // Фольк. Заяц. Олон., Арх.) [СРНГ 2: 131–241]; *Красáвка* (1. Красавица. Даль (без указ. места), Ворон., Саратов. // О девушке вообще. Ворон. 2. Женщина дурного поведения. Даль (без указ. места). 3. Кличка животных. Кличка коровы. Даль (без указ. места, с пометой «ласк.»), Волог., Ворон. // Кличка коровы красной масти. Ярослав. // О корове вообще. Горьк., Ряз., Костром.); *Красёха* (1. Дородная, здоровая женщина. Пск. 2. Кличка красной или рыжей коровы. Пск.); *Красу́люшка* (1. Красавица. Tobол. 2. Ласк. Рыже-красная корова. Вят., Онеж.); *Красу́ля* (1. Красавица, румяная, полная и рослая женщина. Твер., Влад., Костром., Калуж. 3. (Рыже-красная) коро-

ва. Южн.-Сиб., Перм., Вят., Урал., Волог., Пск., Петрогр., Смол. // Кличка коровы рыжей масти. Ср. Урал.) [СРНГ 15: 172, 174, 201, 202]; *Кудлашка* (1. О человеке с непричесанными волосами. Сиб. 2. О кудлатой, лохматой собаке. Пск., Смол. // Кличка собаки. Даль (без указ. места), Брян.); *Лысёнка* (1. Уменьш.-ласк. к *лысёна*. Даль (без указ. места), Костром., Влад., Калуж., Смол., Краснояр. 2. О миловидной, привлекательной женщине. Костром.) [СРНГ 17: 223]; *Мурза* (4. Прозвище. Ряз. // Кличка собаки. Симб.) [СРНГ 18: 354]; *Перво́ха* (1. Женщина-вожак, заводила. Дон. 2. Кличка коровы. Пск.) [СРНГ 26: 14]; *Пинчу́к* (1. Толстый неповоротливый мальчик. Лит. ССР. 2. Кличка собаки. Лит. ССР) [СРНГ 27: 36]; *Рёдра* и *рёдра* (1. Пестрая белоголовая корова. Волог., Даль (с вопросом к знач.); Кличка рыжей коровы. Волог., Даль. 2. О некрасивом, с рыжими волосами человеке. Арх.) [СРНГ 35: 22]; *Седáвка* (1. Корова светло-серой масти. Р. Урал. 2. О седой голове. Р. Урал) [СРНГ 37: 110] и др.

Особенности характера, поведения человека отражены в словах, которые могут также служить кличками: *Баси́ха* (Щеголь, франт. Иногда неодобрительно. Перм., Сев.-Вост.; Кличка собаки. Новг.); *Бахва́л* (1. Щеголь, франт. Олон., Новг., Пск., Самар. 2. Шутник. Волог.; Кличка собаки. Новг.); *Богáтка* (1. Богачка, зажиточная, состоятельная женщина. Волог., Тул. 2. Трехшерстная кошка. Перм., Оренб., Сев.-Зап. Урал. 3. а) Кличка собаки. Перм. б) *Богáтко* [удар.?). Кличка кошки. Перм. в) Прозвище крестьянина. Урал.); *Бурёня* (1. То же, что *бурёна*. Новг. 2. Прозвище (какое?). Новг.); *Бурёшка* и *бурёшка* (1. Бурая корова; кличка бурой коровы. Пск., Твер., Калуж., Урал.; Кличка коровы. Влад. // *Бурёшка*. О кормящей матери. Урал. 2. Кличка собаки с бурой шерстью. Пск., Твер.) [СРНГ 3: 44, 286]; *За́гря* (1. Зачинщик, задира. Забайк. 2. Глупая, бестолковая женщина. Урал. 3. Кличка собаки. Новг., Тобол., Иркут.) [СРНГ 10: 33]; *Зю́зька* (1. Кличка маленького поросенка Пск., Твер., Орл.; «Призывная кличка свиней». Пск., Даль. 2. «Слово, которым дразнят, насмеваются». Пск., Твер. 3. На школьном жаргоне — хилый, малорослый, слезливый мальчишка. Петерб. 4. О пьянице, пьянчужке. Смол.); *Зю́инька* (1. Клич-

ка маленького поросенка. Пск. 2. «Слово, которым дразнят, насмеваются». Пск.) [СРНГ 12: 42, 43]; *Кучу́мка* (1. Угрюмый человек. Влад. 2. Безобразный, некрасивый человек. Даль (без указ. места). 3. Замарашка, чумичка, чумазый человек. Даль (без указ. места). 4. Кличка собаки. Вост.-Сиб.); *Лазу́та* (1. Попрошайка. Ворон. 2. Кличка лошади. Влад.) [СРНГ 16: 12, 193, 246].

Распространенность совпадающих именовании людей и животных в СРНГ заставляет по-новому оценивать частотность современных антропозоонимов — не как нарушение традиций номинации, а, напротив, как их продолжение (См. об этом: [Чайкина, Варникова 2016]).

Словообразовательные особенности зоонимов

Словообразовательные особенности зоонимов разных видов и групп различны. Так, многие «цветовые» клички (в первую очередь гиппонимы) возникли в результате онимизации нарицательных названий животных по масти: *буруха* → *Буруха*, *карька* → *Карька* и др. Суффиксация в данном случае имеет дозоонимический характер. Диалектные производящие апеллятивы, как и в литературном языке (ср. *буланка* [ССРЛЯ 1: 682], *гнедко* [ССРЛЯ 3: 172], *савраска* [ССРЛЯ 13: 31] и др.), как правило, образованы с помощью суффикса *-к-*, реже — *-ух(а)*. Образование деминутивов, очевидно, происходило уже на зоонимическом уровне в процессе употребления зоонимов в речи: *Буруха* → *Бурушка*, *Карька* → *Карюшко* и под. Таким же путем возникли некоторые «цветовые» клички коров: *белоха* → *Белоха*, *бурёна* → *Бурёна* и др. Однако среди кличек коров немало и собственно суффиксальных образований (см. об этом ниже). Посредством онимизации апеллятивов возникли также клички собак, овец и свиней, образованные от их общих названий: *балька* → *Балька*, *боско* → *Боско*, *кутёк* → *Кутёк*, *кычан* → *Кычан* и др. Суффиксация здесь также имеет дозоонимический характер.

К зоонимам, образованным на основе суффиксации, относятся многие «цветовые» клички коров: *Белава*, *Белаха*, *Белашка*, *Белунька*, *Красутка*, *Ледроха*, *Лысёна*, *Пестрёха*, *Пестрик*, *Пест-*

ронька, Серебрянка, Сивунька и др. Набор суффиксов, участвующих в зоонимообразовании, очень разнообразен: *-ав(а), -ах(а), -ашк(а), -уньк(а), -утк(а), -ох(а), -ён(а), -ёх(а), -ик-, -оньк(а), -янк(а), -уньк(а)* и др. Суффиксальным способом образованы и многие «цветовые» клички собак: *Белко, Бельша, Ледруха, Серок, Соболько* и др. Набор суффиксов уже иной: *-к(о), -ш(а), -ух(а), -ок-, -к-*. Кроме «цветовых» зоонимов, к суффиксальным дериватам относятся клички коров, отражающие время рождения животных: *Вечёрка, Вечерянка, Воскресёна, Марток, Мартушка* и др. Как видно, образование зоонимов разных видов и групп осуществляется по разным словообразовательным моделям.

Одинаковые клички, употребляющиеся по отношению к разным видам животных, а также совпадающие по форме именования людей и животных в ряде случаев можно рассматривать как проявление в диалектной зоонимии процесса параллельного словообразования, «результатом которого является наличие в русских говорах значительного количества когерентных лексем. Это производные слова, которые параллельно образуются от одного производящего слова по одной словообразовательной модели, с помощью одного и того же словообразовательного средства, но имеют различную предметно-логическую отнесенность и между собой не вступают в отношения семантической деривации» [Яцкевич, Колесова 2016: 65] (см. также [Яцкевич 2016: 95]). Зоонимические факты СРНГ свидетельствуют о параллельном словообразовании не только в диалектной апеллятивной, но и в ономастической лексике. Случаи параллельного словообразования отмечаются в основном в группах «цветовых» кличек и кличек, отражающих особенности нрава и поведения животных: именно эти группы зоонимов (в числе других) сближаются по своим мотивировочным признакам с древнерусскими именами и современными прозвищами [Смирнов 1971: 300; Поротников 1972: 211; Варникова 2011: 53]. Однако особенности словообразования диалектной зоонимии требуют особого анализа.

Выводы

Словарь русских народных говоров как словарь сводного типа представляет фрагменты разных диалектных зоонимических систем. Хотя зоонимические факты, зафиксированные в СРНГ, довольно ограничены, на их фоне может оцениваться любой региональный материал.

Клички животных, нашедшие отражение в Словаре, относятся преимущественно к основным классам сельской зоонимии — кличкам лошадей, коров и собак, что очень важно с учетом исчезновения из активного употребления на многих территориях России традиционных русских зоонимов первых двух классов.

Ценность словарных данных по зоонимии повышают их временные характеристики: нередко зоонимы датируются концом XIX – началом XX вв. В полевых условиях такие зоонимы уже не фиксируются или не интерпретируются.

Словарные материалы отражают лексико-семантическую и словообразовательную специфику зоонимов разных видов. Клички лошадей представлены одной из основных групп — зоонимами, отражающими масть этих животных. Клички коров — в основном «цветовыми» номинациями и зоонимами, отражающими время рождения животных. Клички собак — «цветовыми» номинациями и номинациями по другим внешним признакам животных, зоонимами, отражающими особенности нрава и поведения собак, а также зоонимами, возникшими на основе общих наименований животных этого вида.

Для всех видов зоонимов характерны суффиксальные структуры. Правда, во многих случаях следует разграничивать собственно зоонимическую и дозоонимическую суффиксацию. Обилие структур с уменьшительно-ласкательными суффиксами (-к-, -ок-, -очк-, -ишк-, -ушк-, -оньк-, -уньк- и др.) во многом обусловлено вокативной функцией зоонимов в устной речи.

Случаи употребления одинаковых зоонимов по отношению к разным видам животных и совпадающие по форме именования людей и животных свидетельствуют о параллельном словообра-

зовании не только в диалектной апеллятивной лексике, но и в диалектной ономастике.

В Словаре последовательно отражается тесная связь двух ономастических классов — антропонимов (прозвищ) и зоонимов. Такая связь не только подтверждает сходство мотивировочных признаков, лежащих в основе прозвищ людей (а в прошлом — и древнерусских имен) и кличек животных, но и может указывать на их возможную генетическую общность.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

Литература

Азарх Ю. С. (1977) Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах. *Диалектологические исследования по русскому языку*. М.: Наука: 226–247.

Варникова Е. Н. (2011) Зоонимы: место в ономастическом пространстве. *Вопросы ономастики*, 1 (10): 51–62.

Варникова Е. Н. (2014) Клички русских гончих и борзых начала XX века. *Слово и образ в культуре Русского Севера: сборник научных статей*. Вологда: ВоГУ: 17–23.

Вересиянова В. В. (2016) Зоонимическая номинация в диалектной речи: аспекты и методы изучения в современной ономастике. *Севернорусские говоры*, 15: 221–232.

Дубова Н. Г. (1980) Некоторые особенности кличек охотничьих собак. *Вопросы ономастики*, 14: 145–149.

Мокиенко В. М., Фоянкова О. И. (1976) Способы названия в зоонимии. *Ономастика Поволжья*, 4. Саранск: Мордовский государственный университет: 317–322.

Одинцов Г. Ф. (1978) К истории русских гиппологических цветообозначений. *Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка*. М.: Наука: 172–221.

Поротников П. Т. (1972) Из уральской зоонимии. *Восточнославянская ономастика*. М.: Наука: 210–250.

Рядченко Н. Г. (1994) Зоонимика. Зоонимия русская. *Русская ономастика и ономастика России*. Словарь. М.: Наука: 77–84.

Смирнов А. А. (1971) Из зоонимии Горьковской области. *Ономастика Поволжья*, 2. Горький: [б. и.]: 299–302.

Фонякова О. И. (1979) К семантической структуре псковских зоонимов. *Псковские говоры. Памяти Б. А. Ларина*. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена: 38–44.

Фонякова О. И. (1984) О взаимодействии литературной и диалектной лексики в зоонимии. *Литературный язык и народная речь*. Пермь: Изд-во Пермского университета: 111–116.

Фонякова О. И. (1995) Псковские зоонимы в живой речи и словаре (к итогам и перспективам изучения). *Псковские говоры и их носители*. Псков: ПГПИ: 43–47.

Чайкина Ю. И., Варникова Е. Н. (2016) Антропозоонимы. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 3: 65–74.

Яцкевич Л. Г. (2016) Семантический синкретизм как источник ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности диалектных лексем. *Вестник Вологодского государственного университета*, 1: 91–97.

Яцкевич Л. Г., Колесова И. Е. (2016) Семантические модели словообразовательных парадигм когерентных имен существительных в русских народных говорах. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 3: 65–74.

Сокращения источников

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–27. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2017 (издание продолжается).

СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев и др. Вып. 1–30. М.—СПб.: Наука; Азбуковник; Нестор-История, 1975–2015 (издание продолжается).

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).

ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка*. Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, В. И. Чернышев и др. Т. 1–17. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

NICKNAMES OF ANIMALS IN “DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK DIALECTS”

Evgenija Varnikova

Vologda State University
Vologda, Russia
E-mail: e-varnikova@yandex.ru

Citation: Varnikova E. (2019) Klichki zhivotnykh v «Slovare russkikh narodnykh govorov» [Nicknames of animals in “Dictionary of Russian folk dialects”]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 18: 188–211. (in Russian)

Abstract. The article analyzes zoonimic vocabulary contained in the Dictionary of Russian folk dialects and includes almost all types of nicknames of domestic animals: horses, cows, sheep, pigs, dogs and cats. However, most of the zoonimicon of the Dictionary are the names of horses, cows and dogs. Based on the analysis of zoonims of different species, their semantic and derivational features are revealed. The nominations for the color of animal wool are universal for all types of nicknames. And it is among the “color zoonyms” most often marked by the nicknames, which are used in relation to different types of animals. Suffixing structures are typical for all types of zoonyms, but it is very important to distinguish between economic and dozonimic suffixation. The abundance of deminutive formations is largely due to the vocative function of zoonyms of oral speech. The Dictionary contains many examples of the use of the same words in relation to a person and an animal. The cases of the use of the same zoonyms to different types of animals and coinciding in the form of naming the humans and animals testify to the parallel word formation in dialectal onomastics. The prevalence of coincident naming of people and animals in the Dictionary of Russian folk dialects makes it necessary to evaluate the frequency of modern anthropozoonyms in a new way — not as a violation of the nomination traditions, but, on the contrary, as their continuation. The vocabulary consistently reflects the close relationship of the two onomastic classes — anthroponyms (nicknames) and zoonyms. Such a link not only confirms the similarity of the motivational attributes underlying the nicknames of people (and in the past — of ancient Russian names) and the nicknames of animals, but also may indicate their possible genetic community.

Keywords: Dictionary of Russian folk dialects, zoonymia, nicknames of domestic animals (horses, cows, dogs, etc.), subwords, lexico-semantic and word-forming features of zoonyms of different species.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-012-00810.

References

Azarkh Yu. S. (1977) Podzyvnyye slova dlya korov i loshadey v russkikh govorakh [Words to call for cows and horses in the Russian dialects]. In: *Dialektologicheskiye issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological study of the Russian language]. Moscow: Nauka: 226–247. (in Russian)

Barkhudarov S. G., Chernyshev V. I., Filin F. P. et al. (eds.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 1–17. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (in Russian)

Barkhudarov S. G., Filin F. P., Shmelyov D. N. et al. (eds.) (1975–2015) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language 11th–17th centuries]. Issues 1–30. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka; Azbukovnik; Nestor-Istoriya (the publication continues). (in Russian)

Chaikina Yu. I., Varnikova Ye. N. (2016) Antropozoonimy [Anthropozoonyms]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 3: 65–74. (in Russian)

Dubova N. G. (1980) Nekotoryye osobennosti klichek okhotnich'ikh sobak [Some features of the nicknames of hunting dogs]. In: *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 14: 145–149. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Fonyakova O. I. (1979) K semanticheskoy structure pskovskikh zoonimov [On the semantic structure of Pskov zoonyms]. In: *Pskovskkiye govory. Pamyati B. A. Larina* [Pskov dialects. In memory of B. A. Larin]. Leningrad: LGPI im. A. I. Herzena: 38–44. (in Russian)

Fonyakova O. I. (1984) O vzaimodeystvii literatunoy i dialektnoy leksiki v zoonimii [On the interaction of literary and dialectal vocabulary in zoonyms]. In: *Literaturnyy yazyk i narodnaya rech'* [Literary language and folk

speech]. Perm: Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo universiteta: 111–116. (in Russian)

Fonyakova O. I. (1995) Pskovskiye zoonimy v zhivoy rechi i slovare (k itogam i perspektivam izucheniya) [Pskov zoonyms in live speech and dictionary (to the results and perspectives of study)]. In: *Pskovskiye govory i ikh nositeli* [Pskov dialects and their carriers]. Pskov: PGPI: 43–47. (in Russian)

Ivashko L. A., Lutovinova I. S., Tarasova M. A. et al. (eds.) (1967–2017) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–27. Leningrad; St. Petersburg: Izd-vo LGU/SPbGU (the publication continues). (in Russian)

Mokiyenko V. M., Fonyakova O. I. (1976) Sposoby nazyvaniya v zoonimii [Methods of naming in zoonymy]. In: *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region], 4. Saransk: Mordovskiy gosudarstvennyy universitet: 317–322.

Odintsov G. F. (1978) K istorii russkikh gippologicheskikh tsvetooboznacheniy [On the history of Russian hippological color meanings]. In: *Issledovaniya po slovoobrazovaniyu i leksikologii drevnerusskogo yazyka* [Research on word formation and lexicology of the Old Russian language]. Moscow: Nauka: 172–221. (in Russian)

Porotnikov P. T. (1972) Iz ural'skoy zoonimii [From the Ural zoonymy]. In: *Vostochnoslavyanskaya onomastika* [East Slavic onomastics]. Moscow: Nauka: 210–250. (in Russian)

Ryadchenko N. G. (1994) Zoonimika. Zoonomiya russkaya [Zoonimika. Zoonymy Russian]. In: *Russkaya onomastika i onomastika Rossii. Slovar'* [Russian onomastics and onomastics of Russia. Dictionary]. Moscow: Nauka: 77–84. (in Russian)

Smirnov A. A. (1971) Iz zoonimii Gor'kovskoy oblasti [From the zoonymy of the Gorky region]. In: *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region], 2. Gorkiy: [s. n.]: 299–302. (in Russian)

Varnikova Ye. N. (2011) Zoonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve [Zoonyms: the place in onomastic space]. In: *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 1 (10): 51–62. (in Russian)

Varnikova Ye. N. (2014) Klichki russkikh gonchikh i borzykh nachala XX veka [Nicknames Russian hounds and greyhounds beginning of the XX century]. In: *Slovo i obraz v kul'ture Ruskogo Severa: sbornik nauchnykh statey* [Word and image in the culture of the Russian North: collection of scientific articles]. Vologda: VoGU: 17–23. (in Russian)

Veresyanova V. V. (2016) Zoonimicheskaya nominatsiya v dialektnoy rechi: aspekty i metody izucheniya v sovremennoy onomastike [Zoonymic

nomination in dialectal speech: aspects and methods of study in modern onomastics]. In: *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 15: 221–232. (in Russian)

Yatskevich L. G. (2016) Semanticheskiy sinkretizm kak istochnik situativnoy metonimii i slovoobrazovatel'noy kogerentnosti dialektnykh leksem [Semantic syncretism as a source of situational metonymy and word-formative coherence dialectal lexemes]. In: *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vologda State University], 1: 91–97. (in Russian)

Yatskevich L. G., Kolesova I. Ye. (2016) Semanticheskiye modeli slovoobrazovatel'nykh paradigm kogerentnykh imen sushchestvitel'nykh v russkikh narodnykh govorakh [Semantic models of word-formation paradigms of coherent nouns in Russian folk dialects]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 3: 65–74. (in Russian)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ИСТОЧНИК ЗООНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вересиянова Вера Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: gregorzabelskiy@yandex.ru

Цитирование: Вересиянова В. В. (2019) Имя собственное как источник зоонимической номинации: коммуникативно-прагматический аспект. *Севернорусские говоры*, 18: 212–222.

Аннотация. В статье рассматриваются зоонимические лексические единицы (клички домашних животных), образованные от различных классов имен собственных. Материал представляет собой выборку (около 250 единиц) из генеральной картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» (КПОС) и анализируется в фонетическом, лексическом и социокультурном аспектах. Автор приходит к выводу, что зоонимы выполняют не только номинативную и подзывную (вокативную) функции, но и обладают эмоциональной окраской, поскольку кличка является средством эмоционально-коммуникативной связи между животным и его владельцем. Преобладающей является позитивная эмоциональная окраска. Особую группу зоонимов образуют клички, возникшие в результате трансонимизации — привлечения лексических единиц из других классов ономастического континуума, преимущественно личных имен (как русских, так и иностранных) и географических названий. Наиболее широкое распространение получили антропозоонимы. В настоящее время тенденция к трансонимизации возрастает, отодвигая традиционную зоонимию на периферию ономастического поля.

Ключевые слова: ономастика, зоонимия, номинация, псковские говоры, коммуникация, лингвистическая прагматика, трансонимизация.

Введение

Ономастика изучает социально-исторический пласт лексики, возникший и функционирующий в конкретных условиях в качестве важнейшего элемента речевой коммуникации. Имена собственные гораздо чаще, чем нарицательные, зависят от социокультурных обстоятельств. Как языковые знаки они обязательно при этом приобретают особую прагматическую значимость — способность выражать различные типы эмоциональных коннотаций, воздействующих на участников коммуникации в диалектной и разговорной речи, предметом изучения прагматики является воздействующая сила экспонента слова на участника акта коммуникации (адресата) [Апресян 1995а; 1995б].

В современной ономастике раздел зоонимики совсем мало изучен, статей написано немного [Поротников 1972; Мокиенко, Фоянкова 1976; Варникова 2011]. Это связано, во-первых, с краткосрочностью существования зоонима, определяемой короткой жизнью домашнего животного, а во-вторых, с тем, что клички употребляются преимущественно в устной речи носителей и редко попадают в картотеки дифференциальных диалектных словарей.

В настоящей статье рассматриваются клички сельских домашних животных, образованные от различных классов имен собственных. Материал представляет собой выборку (около 250 единиц) из обширной картотеки «Псковского областного словаря с историческими данными» [КПОС] и анализируется с точки зрения следующих аспектов прагматики: фонетического, лексического и синтаксического.

Фонетический аспект

Важную роль в звучании клички играет количество слогов, из которых она состоит, а также место ударного слога. С точки зрения количества слогов исследуемый материал — клички животных — можно представить в виде следующей таблицы (табл. 1):

Таблица 1. Количество слогов в зоонимах

Тип зоонимов по количеству слогов	№	%	Примеры
Односложные	11	4,4	<i>Дарк, Дик, Жек, Ким, Круз, Рекс (собаки)</i>
Двухсложные	179	71,8	<i>Антён (кот), Зінка (кошка, корова), Мårта (корова, коза), Мухтår, Рїта (собаки), Яшка (кот)</i>
Трёхсложные	52	20,8	<i>Венёра, Катёха, Манїня (коровы), Тимофёй (кот, бык), Юпїтер (бык, конь)</i>
Четырёхсложные	7	2,8	<i>Алёнушка (корова), Ерёмушка (бык), Лизавёта, Мариånна (коровы)</i>
Пятисложные	1	0,4	<i>Андалузия (корова)</i>
Всего	250	100	

Как видно из табл. 1, подавляющее большинство псковских зоонимов имеет двухсложную структуру — наиболее сильную по воздействию на адресата.

При фонетическом анализе зоонимов необходимо провести параллель с так называемыми подзывными словами — традиционными обращениями, с помощью которых связываются в коммуникативном акте человек и животное. Основное различие между зоонимами и подзывными словами заключается в том, что подзывные слова не имеют конкретного индивидуального адресата и обычно употребляются по отношению к нескольким животным одновременно (в стаде). Сходство — в том, что объектом подзывания в обоих случаях являются животные, реагирующие на языковой знак действием. Наряду с номинативной подзывные слова выполняют также императивную функцию, когда содержание подзывного слова не ограничивается лишь привлечением внимания адресата, а отдается конкретная команда подзывного характера (приблизиться, подойти). Она реализуется не только посредством употребления клички, но и особой интона-

цией и жестах. С точки зрения психолингвистики подзывные слова и зоонимы обладают так называемым эмотивным значением¹, которое реализуется исключительно в рамках коммуникативного акта, когда вербальный сигнал — это стимул, а поведение животного — его ответная реакция.

Как и подзывные слова, большая часть зоонимов имеют только 2 слога. И те, и другие, выполняя функцию побудительных речевых сигналов, быстро усваиваются животными, которые запоминают эти звуко сочетания как команду приблизиться и подходят на зов. Кроме того, их удобно повторять много раз. При этом животное реагирует на зов голосом или приближением, выражая таким образом доверие к тому, кто обращается. Зоонимы, состоящие из трех и более слогов, очевидно, трудны для восприятия животными, и, как показывает статистика, используются реже.

Рассмотрим место ударного слога в зоонимах.

Таблица 2. Место ударного слога в зоонимах

Ударный слог	N	%	Примеры
Первый	148	59,2	<i>А́льма</i> (собака), <i>Ви́нница</i> (корова), <i>Гра́ция</i> (корова), <i>Джи́на</i> (собака), <i>Ми́шка</i> (кот, собака, бык), <i>Ти́мка</i> (кот, собака)
Второй	86	34,4	<i>Аму́р</i> (собака), <i>Жако́ня</i> (собака), <i>Лари́са</i> (кошка), <i>Пальми́ра</i> (корова), <i>Тигра́н</i> (кот), <i>Хавро́ня</i> (свинья), <i>Фили́пп</i> (кот)
Третий	6	2,4	<i>Габриэ́ла</i> , <i>Дульсини́я</i> , <i>Лизаве́та</i> , <i>Мариэ́тта</i> (коровы)
Всего	250	100	

¹К. Стивенсон определяет эмотивное значение как оценочный, эмоционально-экспрессивный компонент значения лексической единицы, выражаемый обычно с помощью стилистически окрашенных слов и оказывающий соответствующее интеллектуально-эмоциональное воздействие на тех, кто воспринимает речь [Стивенсон 1985].

Как видно из табл. 2, более половины зоонимов (148 из 250) имеют ударение на первом слоге, что создает ритмико-интонационный акцент, необходимый для подзывания животного. В целом ударение именно на первом слоге заостряет на нем внимание и резко выделяет звучащий слог из общего потока спонтанной речи хозяина, способствуя таким образом запоминанию клички животным и достижению максимального коммуникативного эффекта. Заударные слоги, как правило, редуцируются в звучании, и кличка произносится короче в потоке речи.

Лексический аспект

В лексическом аспекте прагматика зоонимов проявляется в следующих факторах: 1) семантика образующих основ; 2) стилистическая окраска образующих основ; 3) социокультурный компонент и тенденция к экзотике. Рассмотрим особенности словообразования зоонимов от имен собственных (табл. 3).

Таблица 3. Лексико-словообразовательные особенности зоонимов

Класс имени собственного	N	%	Примеры
Личные имена русские	116	46,4	<i>Йрка</i> (корова), <i>Ку́зя</i> (собака, кот), <i>Ма́нька</i> (корова, коза), <i>Со́ня</i> (корова, кошка), <i>Тамáрка</i> (коза), <i>Яшка</i> (кот, бык)
Личные имена иностранные	102	40,8	<i>Бе́рта</i> (корова, собака), <i>Дже́рри</i> (собака), <i>Карме́н</i> (корова), <i>Мейсон</i> (кот), <i>Ро́кси</i> (собака)
Фамилии	5	2	<i>Дорожкин</i> (кот), <i>Кастро</i> (бык), <i>Чап-лин</i> (собака), <i>Чубайс</i> (кот)
Географические названия	19	7,6	<i>Андалу́зия</i> , <i>Ви́сла</i> , <i>Во́лга</i> (коровы), <i>Дуна́й</i> (бык, собака), <i>Казбе́к</i> (бык), <i>На́рва</i> (коровы)
Мифонимы и космонимы	16	6,4	<i>Вене́ра</i> (корова), <i>Ве́ста</i> (собака, корова), <i>Марс</i> (бык, конь, собака), <i>Му́за</i> (корова), <i>Пе́рун</i> (конь), <i>Плутóн</i> (кот)
Всего	250	100	

Как видно из табл. 3, ведущим способом образования зоонимов является лексико-семантический — вторичная номинация, возникающая на основе ассоциативных связей. Языковая прагматика проявляется на фоне семантической деривации.

По типу производящих основ зоонимический массив разделен на группы и подгруппы, в зависимости от способа образования: от антропонимов русских (*Йрка, Кúзя, Мánька, Сóня, Тамáрка, Яшка*) и иностранных (*Бéрта, Джéрри, Кармэн, Мэйсон, Рóкси*), личных имен, фамилий (*Дорóжкин, Кáстро, Ча́плин, Чубáйс*), топонимов (*Андалу́зия, Ви́сла, Во́лга, Дуна́й, Казбék, Háрва*), мифонимов и космонимов (*Вене́ра, Вéста, Марс, Му́за, Перу́н, Плутóн*).

Как видно из примеров, бо́льшую часть рассмотренной лексики составляют зоонимы от русских и иностранных личных имен. Это могут быть как полные имена (*Архи́п, Касья́н, Джек, Мари́на, Поли́на, Ри́мма*), так и диминутивные формы (*Ва́нька, Дуня́шка, Кирю́ха, Джóник*). Довольно часто встречается явление тезоименности. Иногда встречаются две или три формы одного и того же имени у разных животных у разных хозяев (*Ва́ська и Васи́лий; Бо́рька, Бо́ря и Бори́с; Ма́ня, Мánька, Манё́ха, Ма́шка, Му́ся, Машу́тка, Ма́ри, Маню́ня, Му́ра, Мэ́ря, Му́рка, Мару́ська, Му́ська*). Например: *Ва́ська* и *Васи́лий* — клички котов. Полная форма имени в качестве клички свидетельствует о том, что владелец поднимает животное до ранга члена семьи. Если первый зооним (*Ва́ська*) является типичным, то форма полного имени отчетливо демонстрирует отношение номинанта к животному (вероятнее всего, владелец кота — одинокий человек, не имеющий семьи, чем и обусловлено употребление полного личного имени в качестве клички). Другой пример тезоименности у разных животных: *Бо́рька* (боров), *Бо́ря* (баран) и *Бори́с* (кот). Первый зооним является традиционной кличкой для свиней, кроме того, он созвучен со словом «боров». Второй переключается с подзывными словами для овец (*ба́ря-ба́ря, бо́ря-бо́ря*). Третий, вероятнее всего, является результатом влияния телевизионной рекламы корма для кошек (запись сделана в 2001 г.).

Зоонимы, образованные от фамилий, очень немногочисленны и, как правило, мотивированы: (*Чуба́йс* — рыжий кот; *Ча́плин* — чёрно-белая собака; *Дорóжкин* — кот, которого нашли на дорожке). Заметим, что для номинации коров и кошек характерны преимущественно русские личные имена (*Ари́ша, Лизавéта, Мару́ська, Мирóн, Ми́шка, Степа́н*), в то время как для собак — иноязычные (*Дик, Джильда, Лінда, Фри́да, Ча́рли*). Однако в последнее время усиливается тенденция к употреблению иностранных личных имен в качестве зоонимической номинации под влиянием социокультурных факторов, что подтверждает фиксация диалектного материала. К примеру, в 2014 г. на одной из молочных ферм Гдовского района были зафиксированы такие клички коров, как *Виолéтта, Дульсинéя, Леонéлла, Мати́льда, Роза́лия* и др.

На использование в качестве зоонимов иноязычной лексики влияют два процесса: 1) межъязыковые контакты и 2) социокультурный фактор. Псковская область граничит с такими государствами, как Эстония и Латвия, вследствие чего в ее зоонимикон попадают балтийские и финно-угорские онимы: *Бирда, Видус, Гунар, Дидра, Кéта, Кирзи, Мильда, Сильди, Хельма* и др.

Во второй половине XX в. в мировосприятие сельского жителя проникают номинативные компоненты отечественной и зарубежной культуры (их источниками являются телевидение, радио, газеты, книги и т. п.). В результате появляются такие зоонимы, как *Бабéтта, Джильда, Джина, Дульсинéя, Круз, Лионéлла, Тарза́н* и др. Такая тенденция к экзотике и уникальности клички постепенно расширяется, оттесняя традиционную зоонимическую номинацию на периферию ономастического поля.

Таким образом, в зоонимической лексике диалекта отчетливо проявляется личное эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к именуемому. С этим связаны и обилие диминутивов, и образование зоонимов от слов с положительной коннотацией, и выбор в качестве клички животного личного человеческого имени в полной или уменьшительной форме, а посредством имени животное приравнивается к члену семьи или к другу. Эмо-

ционально-экспрессивная окраска зоонима каждый раз реализуется в речевом контексте общения с животным и воспринимается сознанием носителя языка и одновременно — скрытыми от нас эмоциональными реакциями животных.

Синтаксический аспект

На синтаксическом уровне лингвистическая прагматика в зоонимии проявляется прежде всего в вокативных повторах — неоднократном обращении к животному по кличке, представляющих собой номинативные односоставные предложения. Исследуемый материал с точки зрения иллюстраций очень беден — чаще всего это просто фиксация кличек без цитаты. Сюда же можно отнести и так называемые «цепочки» — перечисление кличек конкретных животных, например: *Каро́ф у наз заву́т Кра́ля, Ма́лютка, Карме́н, Ка́тя* (д. Заянье, Плюсский район Псковской области); *Ва́ня — кот, Ми́тя — кот* (д. Дубки Островского района Псковской области); *Кли́чки саба́к — Джон, Динка, Капитан* (д. Горбунова Гора Палкинского района Псковской области.).

Таким образом, прагматический аспект в зоонимической номинации проявляется на трех языковых уровнях: фонетическом, лексическом и синтаксическом. Обращение к животному по кличке представляет собой двусторонний акт коммуникации, одна сторона которого вербальна, другая — невербальна, и зоонимическая единица в таком контексте обладает *эмотивным значением*.

Выражение благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00495(а) «Псковский областной словарь с историческими данными».

Литература

Апресян Ю. Д. (1995а) Прагматическая информация для толкового словаря. Апресян Ю. Д. *Избранные труды в 2-х т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: Языки русской культуры: 135–156.

Апресян Ю. Д. (1995б). Коннотации как часть прагматики слова. *Апресян Ю. Д. Избранные труды в 2-х т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: Языки русской культуры: 156–177.

Варникова Е. Н. (2011) Зоонимы: место в ономастическом пространстве. *Вопросы ономастики*, 1: 51–62.

Мокиенко В. М., Фоянкова О. И. (1976) Способы называния в зоонимии. *Ономастика Поволжья*, вып. 4: 317–322.

Поротников П. Т. (1972) Из уральской зоонимии. *Восточнославянская ономастика*. Отв. ред. А. В. Суперанская. М.: Наука, 210–250.

Стивенсон Ч. (1985) Некоторые прагматические аспекты значения. *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Сост. Н. Д. Арутюнова. М.: Прогресс: 129–155.

Сокращения

КПОС — Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными». МСК им. проф. Б. А. Ларина. СПбГУ.

PROPER NOUN AS A SOURCE OF ZOONYMIC NOMINATION: COMMUNICATIVE-PRAGMATIC ASPECT

Vera Veresijanova

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
E-mail: gregorzabelskiy@yandex.ru

Citation: Veresijanova V. V. (2019) Imya sobstvennoye kak istochnik zoonimicheskoy nominatsii: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt [Proper noun as a source of zoonymic nomination: communicative-pragmatic aspect]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 18: 212–222. (in Russian)

Abstract. The article discusses zoonymic lexical units (nicknames of domestic animals) formed from various classes of proper names. The source of material (about 250 units) was a general file of the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”, the material was analyzed in phonetic, lexical and sociocultural aspects. The author comes to the conclusion that zoonyms perform not only the nominative and calling (vocative) functions, but also have an emotional coloring, since the nickname is a means of emotional-communicative communication between the animal and its owner. The predominant is a positive emotional coloring. A special group of zoonyms is formed by nicknames that arose as a result of transonymization — attracting lexical units from other classes of the onomastic continuum, mainly personal names (both Russian and foreign) and geographical names. The most widespread are anthropozoononyms. Currently, the tendency to transonymization is increasing, pushing the traditional zoonymy to the periphery of the onomastic field.

Keywords: onomastics, zoonomy, nomination, Pskov dialects, communication, linguistic pragmatics, transonymization.

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project № 19-012-00495(a) “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”.

References

Apresyan Yu. D. (1995a) Pragmaticheskaya informatsiya dlya tolkovogo slovarya [Pragmatic information for the explanatory dictionary]. Apresyan Yu. D. *Selected works in 2 volumes*. Vol. 2. Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of the language and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury: 135–156. (in Russian)

Apresyan Yu. D. (1995b). Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova [Connections as part of the pragmatics of the word.]. Apresyan Yu. D. *Selected works in 2 volumes*. Vol. 2. Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of the language and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury: 156–177. (in Russian)

Mokiyenko V. M., Fonyakova O. I. (1976) Sposoby nazyvaniya v zoonimii [Methods of naming in zoonymy]. *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region], 4: 317–322. (in Russian)

Porotnikov P. T. (1972) Iz ural'skoy zoonimii [From the Ural zoonymy]. *Vostochnoslavjanskaya onomastika* [East Slavic onomastics]. Ed. A. V. Supersanskaya. Moscow: Nauka: 210–250. (in Russian)

Stivenson Ch. (1985) Nekotoryye pragmaticheskiye aspekty znacheniya [Some pragmatic aspects of meaning]. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Vol. 16. Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics]. Comp. N. D. Arutyunova. Moscow: Progress: 129–155. (in Russian)

Varnikova Ye. N. (2011) Zoonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve [Zoonyms: a place in onomastic space]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 1: 51–62. (in Russian)

ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КРЕСТИЛЬНОМ ОБРЯДЕ В БЫТОВОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

*Драчева Юлия Николаевна¹,
Кирилова Елена Алексеевна^{2, 3}*

¹ Вологодский государственный университет,

² Вологодская духовная семинария,

³ Вологодский педагогический колледж,

Вологда, Россия

E-mail: yulia.dracheva@mail.ru

Цитирование: Драчева Ю. Н., Кирилова Е. А. (2019) Представление о крестильном обряде в бытовой речи жителей Кирилловского района Вологодской области. *Севернорусские говоры*, 18: 223–243.

Аннотация. В статье рассматривается фреймовая структура крестильного обряда на материале диалектной бытовой речи. Сопоставляются варианты заполнения таких значимых элементов фреймовой структуры ситуации крещения ребенка, как локус, субъекты, объекты и др., общерусской и территориально-ограниченной лексикой. Контекстуальный анализ текстов-примитивов, приводимых в качестве иллюстраций в «Словаре вологодских говоров», и текстов, в которых информанты

описывают крестины, позволяет выявить особенности «извода» крестильного обряда в традициях народного православия.

Ключевые слова: русская диалектология, вологодские говоры, язык народного православия, крестильный обряд, бытовая речь.

Задача комплексного описания диалектной языковой картины мира не может быть решена без обращения к духовной ее составляющей. Трудности изучения этой сферы жизни севернорусского крестьянина определяются и десятилетиями господства коммунистической идеологии, и сложностью феномена народного православия, которое представляет собой сплав христианского и языческого, бытового и сакрального. Тем не менее, религиозные и морально-нравственные категории во многом влияли на жизнь крестьянина, передавались последующим поколениям, формируя у них языковую картину мира, основанную на православных традициях. Как отмечает Е. П. Андреева, «православный взгляд на мир... сохраняется в сознании диалектоносителей старшего поколения» [Андреева 2018: 160], например, вербализируется в лексеме *крещёный* в значении ‘человек’: *Дорóдно нóне живут крещёные* [СВГ 3: 125]; ‘любой человек, кто-либо’: *Лóвят крещёные рýбу, продаёт* [СГРС 6: 162]; ср. также *крещёные* в значении ‘люди, народ, крестьяне’ Волог., Арх. [СРНГ 15: 240]. Этот пример подчеркивает значимость для диалектной языковой картины мира обряда крещения, который рассматривается в нашей статье как один из ключевых обрядов перехода, вербализованных в территориально ограниченной лексике, определяющих самоидентификацию местных жителей и являющихся актуальными для жителей исследуемого ареала и в настоящее время.

Исследование представлений об обряде крещения в бытовом дискурсе носителей вологодских говоров проводится на материале записей речи жителей Кирилловского района Вологодской области, образцы которой были собраны в ходе изучения традиционной духовной народной культуры в 2013–2018 гг. (около 50 нарративов — рассказов информантов, тематически относящихся к обряду крещения). В качестве сравнительного материала используется «Словарь вологодских говоров» как источник сведе-

ний о развитии диалектной лексической системы более раннего периода, а именно второй половины XX в. (в количественном отношении это более 100 текстов-примитивов, служащих иллюстрациями к словарным статьям).

Основным методом является контекстуальный анализ нарративов и построение на его основе фрейма «Крещение» как лингвокультурной ситуации, а также используется сопоставительный метод для описания лексики, составляющей содержание фреймовых слотов. В нашем исследовании мы идем вслед за исследователем Е. Т. Толоковой, предлагающей использование фреймового анализа для описания статических понятий (близких концепту), а сценарного анализа — для динамического описания лингвокультурной ситуации. Соответственно, фрейм будет иметь статические слоты, вербализирующиеся в диалектных наименованиях субъектов ситуации, предметов и пр., а сценарий будет состоять из динамических слотов, представляющих собой стереотипное или шаблонное представление о событиях, т. е. о ходе развития рассматриваемой ситуации [Толокова 2017: 136–137].

Этнографическое и лингвистическое изучение обрядов, связанных с понятием перехода, т. е. таких ритуалов, которые сопровождают «переход из одного состояния в другое, из одного мира (космического или общественного) — в другой» [Геннеп 1999: 15] проводится с начала XIX в. Родильный, крестильный, свадебный, погребальный обряды обозначали границы важных изменений в жизни человека. А. ван Геннеп отмечает важность наречения имени в целом как средства, благодаря которому «ребенок: 1) индивидуализирован и 2) включен в сообщество» [Геннеп 1999: 122]. Помимо функции включения, обряд крещения может выполнять функцию отделения от профанного, нечистого мира [Там же: 125], представляя собой ритуал, оформляющий соединение с сакральным миром.

Этнографические записи второй половины XIX в. позволяют реконструировать сценарий крещения в Вологодской губернии следующим образом: проводится крещение в церкви или на дому → восприемники выносят купальную воду с острижен-

ными волосами и выливают в такое место, где не ходят люди и скот → проводится праздничное застолье / крестильный обед. К этим этапам можно также добавить обряды возвращения ребенка в дом после крещения (например, восприемники могли передать младенца матери через окно) [Вавилова 2008: 20]. Выбор имени осуществлялся «по имени святого, в день которого родился ребенок; имени любимого или особенно счастливого родственника; имени деда или бабушки для запечатления памяти» [Иваницкий 1890: 110]. Восприемники, вступающие в родственные отношения по отношению друг к другу и родителям младенца, называют друг друга *кум / кума, божат / божатка*. К крещению божатка готовила крестильную рубашку (*ризку*) и головной убор, а божат — крестик, оба делали подарки роженице и ребенку [Иваницкий 1890: 110]. В целом крестины рассматриваются как «акт окончательного приема ребенка в общину, в семью» [Вавилова 2008: 19], а само крещение — как необходимое условие дальнейшей счастливой жизни ребенка [Поповичева 2014: 86].

Собственно обряд крещения и сопутствующие ему таинства (миропомазание, причащение) можно описать в виде следующего сценария: священник совершает предкрещальные последования (произносит молитвы о родившей женщине и ее очищении) → восприемники отрекаются от сатаны и трижды плюют через левое плечо, обратившись на восток, читают «Символ веры» → священник помазывает ребенка елеем → священник три раза погружает ребенка в воду со словами молитвы: «Крещается раб Божий (имя) во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» → священник надевает на ребенка белую рубашку и крест → священник проводит таинство миропомазания: миром помазуются очи, ноздри, уши, уста, грудь, руки, ноги → священник читает Евангелие → восприемник с ребенком и священник с зажженными свечами трижды обходят купель → священник проводит обряд пострижения волос (крестообразно состригает четыре небольшие прядки) → священник проводит чин воцерковления (введения во храм: мальчиков вносят или вводят в алтарь, девочек подносят или подводят к иконостасу) → в скором времени происходит первое при-

чащение ребенка [Вавилова 2008; Терещенко 1848; Кирилл 2015]. Отметим, что важнейшую часть таинства составляет освященная вода как вещество таинства, троекратное погружение как видимое действие, слова молитвы как тайносовершительная формула [Кирилл 2015: 612].

Фреймовый анализ обряда крещения, представленного в традициях «народного православия», позволяет выделить следующие значимые субфреймы и слоты, которые заполняются конкретным лексическим материалом в зависимости от территории, временной отнесенности, личного опыта веры говорящего и степени его воцерковления: «Участники обряда», «Место совершения обряда», «Вещество, необходимое для совершения обряда», «Предметы, необходимые для совершения обряда».

Субфрейм «Участники обряда» включает в себя того, кто проводит таинство крещения, самого окрещаемого (ребенка или взрослого), восприемников. Слот «Человек, который проводит крещение» наполняется в вологодских говорах такими лексическими единицами, как *ба́тюшка*: «Крести́ли на до́му, ба́тюшка, ба́тюшки на до́му крести́ли. Почему́ — я не зна́ю, ну я в шко́ле в то вре́мя рабо́тала дак не зна́ю мо́жно ли нельзя́ ли бы́ло. Ма́леньких не крести́ли тогда́, зна́ете како́й пери́од был» (Н. А. Киришина, 1938 г. р., г. Кириллов); также окрестить ребенка могли *роди́тели* или *ба́бушка*: «[Кто крестил дома детей?] А? Кто до́ма-то? А не зна́ю, кто крести́л. Никто́, да ведь ба́тюшка не ходи́л по до́мам. Как ба́бушки да роди́тели да пе́ред ико́нкой перекрестя́т да свято́й води́чкой умо́ют, да, вот и всё» (А. П. Братахина, 1931 г. р., с. Ферापонтово), ср. также *ба́бушка-ангелу́шка* ‘женщина, которая при отсутствии священника крестила детей’ (см. [Андреева 2018: 160]). В то же время диалектоносителями осознается неполнота обряда при его совершении несвященником, ср.: *половинное хрещение* ‘крещение ребенка в домашних условиях пожилой женщиной, а не в церкви попом’: *Бабушка крестит — это половинное хрещение, а поп — это уж полное*. Прикамье [СРНГ 29: 90].

В советское время родители могли быть исключены из участников обряда: «Я ста́ршую до́чку крести́ла в Бело́э́рске. Не дава́ли

здесь и крестить. Уже церкви-то в то время как бы разрушены были, да мы были как бы партийные. Раньше дак нас из партии выгоняли да всё вот если узнают — дак ой. Дак было, дак мама носила, ездили вот в Белозёрск моя мама и я, а муж не поехал всё равно <смеётся>. Узнают, они там же записывают всё — кто родители как там всё. Ну вот. Дак я и в церковь не пошла. Мама с тёткой, там тётка у нас в Белозёрске живёт дак, с ей ходили и крестили обе. Я и не пошла, меня запишут, опять тут таскать будут в райком партии да вездé стыдить, позорить, а за что?» (Л. И. Лекарева, 1931 г. р., с. Горицы). В то же время среди участников обряда крещения могли быть и люди, не являющиеся родственниками. «Максиму [приемный сын информанта], ещё некрещёный был, месячного привезли. Дак у нас была врач-педиатр, очень хорошая такая, Вера Яковлевна, вот она у меня взяла маленького, унесла там где-то в кабинет свой, чё она покрестила, сама ещё покрестила и чё-то волосики тогда подрезала немножечко» (Н. А. Кирина, 1938 г. р., г. Кириллов).

Родство духовного плана, которое возникало в результате крещения, было очень важным для социума, что получило вербальное воплощение в многочисленных диалектных вариациях наименований крестника, его крестной матери и крестного отца. В вологодских говорах для наименования окрещаемого использовались лексемы *хрестник*: *А это хрестник мой*. Кир. Устье. [СВГ 11: 209]; *хрестница*: *Вот Олька будет замуж выходить, уж меня дожна на свадьбу пригласить: она мне хрестница*. *Хрестница дарит на свадьбе божатке подарок*. Ник. Скочок. [СВГ 11: 209]; *окрестник*: *Мой окрестник далеконько живёт. Редко и вижу с ним*. Влгд. Сяма. [СВГ 6: 47]; *окрестница*: *Я у крестного окрестницей была*. Влгд. Сяма. [СВГ 6: 47] и мн. др. Восприемник мог именоваться *божат*: *Божат-он у меня из другой деревни был*. Кир. Барх. [СВГ 1: 35]; *божатко*: *Божатко из купели принимал ребёнка, здися-тко божатко мой живёт, старой уж*. Кир. Сух. [СВГ 1: 35]; *божка*: *Вот Матвей и будет мне божка, крестил меня*. Кир. Устье. [СВГ 1: 36] и мн. др. Восприемницу называли *божатка*: *Есть и божатка, есть и куманёк, так и окрестили*. Кир.

Петр., Уст. [СВГ 1: 35]; божка: *Божка поругала его*. Кир. Сухов. [СВГ 1: 36]; и мн. др.

В собранных нарративах диалектные наименования восприемников воспроизводятся в единичных контекстах, обычно с указанием на временную отнесенность использования этих лексем: «*Божатки — это уж до меня ещё, божатки были. Кумы, божатки. Вам не знаю когда и ловчей собирать*» (Л. Н. Н-ва, 1937 г. р., г. Кириллов); «*Так и зовут — крёстный, ну где-то божатка зовут, где-то иначе*» (П. С. Максимов, 1941 г. р., д. Белоусово). Чаще всего информантами воспроизводится лексема *крёстный*: «*А мне кажется, что в это время у мамы был ухажёр с гор, Саша такой, и он меня, видно, и пришёл, или моет она послала. Она учительница дак не удобно — правильно? — идти крестить. Потому что она сказала, что у тебя крёстный — Саша с гор*» (Н. Н. Бакланова, 1941 г. р., д. Борбушино). Информанты отмечают, что участие в крестинах в качестве восприемника является почетным делом для членов крестьянской общины, указывает на наличие у крестных родителей положительных качеств: «*[Вы крестили детей?] Но неужели я до семидесяти годов с лишним и не крестил никого что ли? Лукай был бы я что ли, другое дело. К ним не допускали людей. Там, колдун какой-нить был — другое дело*» (П. С. Максимов, 1941 г. р., д. Белоусово).

Общение с крестным отцом и крестной матерью считалось обязательным для крестника: «*Ну, крёстная-то была, дак мы в одной деревне жили, дак общались, как же, всё. Я до смерти крёсной звал. Вот, всю жись. Так сильно это всё, считали их всё*» (А. П. Чащин, 1939 г. р., с. Горицы). Если же крестники переставали общаться со своими крестными родителями, то это воспринималось как неуважение: «*А я жила в Мончегорске дак, я уже как крёстна дак пятерым, крестила. Тогда тоже церкви не было, и привозили с Кировска, там кто-то приезжал, дак вот их крестили всех в одном доме дак. Я их крестила. А ни один и крёстной не зовёт. Вот у сестры — сын, сичас уехал, тот крёстник. Было маленький от меня не отходил,*

а тепёр и крёстной не назывáет. И не поздорóвается, вот так» (Н. А. Исакова, 1928 г. р., д. Плахино).

В русских диалектах фиксируются и наименования других ролей участников обряда крещения, а также неканонических видов духовного родства, которые более не являются актуальными для диалектоносителей, например: *крестóвый* в знач. сущ. 'тот, кто охраняет полотенца омывающихся в освященной воде во время крещения' Арх. [СРНГ 15: 234], а также: 'человек, имеющий общих с кем-либо крестного отца или крестную мать' Холмог. Арх., 'один из детей крестного отца по отношению к его крестникам' Перм. [СРНГ 15: 233]; *однокупельный* 'окрещенный в одной купели с кем-либо': *Она с моей матерью однокупельная — в одной купели купали.* Новосиб. [СРНГ 23: 43].

Следует отметить отражение в нарративах существующего в диалектах противопоставления в наименовании крещеного / некрещеного человека. Среди жителей Кирилловского района Вологодской области некрещеный человек может называться *безбóжником*: «*Ну под конёц уже máма конёшно стáла Боуа признавáть, а náпа так безбóжником úмер. Валёрка тóже у нас был не крещёный, брáт»* (Н. Н. Бакланова, 1941 г. р., д. Борбушино); а также *язычником*: «*Я ещё ходил náру раз, по-мóему, как-то в цёрковь, в Уорíцах ходил и в эту, там цёрковь тóже своя есть. [Жена: Меня водил, крестил в цёрковь в Горíцах], вот, тебя же я водил крестить. Я её окрестил, так шо польза от меня есть. Она язычником была у нас»* (В. А. Плотников, 1936 г. р., г. Кириллов). Диалектные слова с близкой семантикой *еретник*, *еретица* функционируют в вологодских диалектах как бранные и употребляются как ругательство по отношению к лицам мужского / женского пола [СВГ 2: 74]. Отрицательную коннотативную окраску имеет и зафиксированное в «Словаре вологодских говоров» имя существительное *язычник* в значении 'лодырь, лентяй' [СВГ 12: 133]. Подобное противопоставление крещеных и некрещеных выражается и в общерусской лексеме *нехристь* (*нехрист*), семантика которой, вероятно, развивалась следующим образом: устар.

и простореч. 'не христианин, иноверец' → простореч. 'о бессовестном, несправедливом человеке' → бранн. [БАС 7: 1263–1264].

В русских диалектах бранное употребление лексем с общим значением 'не христианин' встречается довольно часто, например: *áхид некрещеный* 'бранное название марийцев' Уржум. [СРНГ 1: 296]; *лóтва некрещёная!* 'шутливое или бранное обращение' Пск. [СРНГ 17: 156]; *некрест, некресть* 'некрещеный человек, обычно бранно' Яросл. [СРНГ 21: 65]; *некрещёник, некрещённый* 'злой человек' Пск., Новг. [СРНГ 21: 65]; *некрещёная орда* — 'пренебреж. прозвище киргизов, казахов, чувашей и др. национальных меньшинств' Перм., Казан. [СРНГ 23: 331]; *станіца некрещёная* 'бранн. о детях' Уржум. [СРНГ 41: 48].

Некрещеные дети или дети, родившиеся мертвыми, считаются принадлежащими сакральному «иному» миру. Это представление вербализируется, например, в названиях русалок: *ма́вка* 'по суеверным представлениям — девочка, умершая некрещеной и превратившаяся после смерти в русалку': «...верят, что дети, родившиеся мертвыми и некрещеные, превращаются в *мавок*, то же, что русалок, и что тоскующие их души просят себе крещения». Орл. [СРНГ 17: 287]; *водя́ница* 'русалка, но утопленница из крещеных, а потому и не принадлежит к нежити; прочие русалки, по неверию, вообще дети, умершие некрещеными (Даль)' Арх. [СРНГ 4: 350]; *лягу́шка-коро́вница* 'фантастическое существо в образе лягушки (в которую, по суеверным представлениям, превращается проклятая родителями или некрещеная девушка), живущее в воде и по ночам выходящее на землю, чтобы выдаивать коров' Яросл. [СРНГ 17: 258]; *полуве́рец* 'по суеверным представлениям — существа, близкие к нечистой силе, оборотни' «Живут невидимо в курганах, ямах и канавах. Это души некрещеных младенцев и людей, проклятых и увлеченных лешими. Полуверцы живут семьями и являются в человеческом образе». Черепов. Новг. [СРНГ 29: 139] и др.

На протяжении XX в. локус обряда крещения изменялся неоднократно в связи с политико-идеологической обстановкой в России того времени. Так, субфрейм «Место совершения обряда»

соотносится как с домом (а именно собственным домом / одним из деревенских домов), так и с церковью в нарративах, представляющих собой воспоминания информантов о детстве: «*Всех нас окрестил один батюшка, на дом приходил*» (Е. А. Сви-стунова, 1937 г. р., г. Кириллов, место рождения — с. Колкач); «*Приехал батюшка в деревню, собрал нас всех, вот где Люба живёт, в том краю, там дом ишиб так поперёк вот. Поставил кадушку с водой: “Ну, желающие креститься?”*» (Н. Н. Бакланова, 1941 г. р., д. Борбушино); «*Крещёный. А крестили... крестили там в Кириллове-то церковь, за городом-то. Как называется? Не помню*» (А. П. Чащин, 1939 г. р., с. Горицы). Вероятно, имеется в виду Покровская церковь, которая, избежав разорения, была закрыта в 1939 г., но уже с 1943 г. в ней возобновились богослужения [Глызина 2005]. В тех рассказах, где описывается недавно состоявшееся крещение или затрагивается современное духовное состояние общества, локус обряда однозначно соотносится с церковью, храмом: «*А раньше все пошли в крещение, потом токо в церкви, вот такой круг во всю церковь ставят, поди и вы так крестились, нет?*» (Н. Н. Бакланова, 1941 г. р., д. Борбушино.). В русских говорах отмечается также наименование особой части двора храма: *крестильный колодец* ‘огороженное и закрытое место около церкви, куда выливают воду из купели после совершения обряда крещения’ Яросл. [СРНГ 15: 228].

Субфрейм «Вещество, необходимое для совершения обряда» включает в себя святую воду как неотъемлемую часть обряда крещения. Отметим, что сакральное использование именно воды известно во многих религиях, поскольку «обусловлено двумя основными свойствами этой стихии — очищать нечистоту и даровать жизнь» [Кирилл 2015: 616]. Святая вода как необходимый вещественный элемент обряда крещения отмечается во многих рассказах: «*А не знаю, кто крестил. Никто, да ведь батюшка не ходил по домам. Как бабушки да родители да перед иконкой перекрестят да святой водичкой умойт, да вот и всё*» (А. П. Братахина, с. Ферапонтово). В вологодских говорах функционируют лексемы, которые подчеркивают важность совершения обря-

да именно окунанием в воду. Например, это наименование окрещаемого по действию глагола *погружать*: *погружённый* в значении ‘крещёный, принявший обряд крещения’: *Раньше в деревне все погружённые были. Что такое погружённые? Это значит крещёные.* Гряз. Чувак. [СВГ 7: 85]; наименования действий, сопровождающих обряд крещения: *окуп* в значении ‘погружение в воду в процессе крещения’: *Робёночек-то после первого окупа-то закричал во всё горло, а потом ещё два раз окупнули.* Верх. Боров. [СВГ 6: 49], *окупнуть* ‘окупнуть, погрузить в воду’: *Батюшка окупнул его в воду.* Кир. Барх. [СВГ 6: 49]. В то же время диалектные наименования окрещаемых могут эксплицировать и иные способы крещения (обливание, омывание), например: *обливанец, обливанец* и под. ‘ребенок, крещенный не погружением в воду (как принято в православии), а обливанием’, ‘ребенок, крещенный по католическому обряду’, ‘иноверец, сектант’ Арх. [СРНГ 22: 98]; *омыванцы* (ед. *омыванец*) ‘члены старообрядческой секты, которая не признавала церковного крещения, а крестила детей дома, обмывая их теплой водой’ Забайкал. [СРНГ 23: 211].

Рассказы информантов подтверждают важность действий с водой, несмотря на то, что ритуальная сторона обряда (действия священника) может быть охарактеризована с использованием разговорной или бытовой лексики: *«Дак пришёл батюшко. В ушат воды налили. Он там крестиком поболтал в этом ушате. В этой воде её и купали»* (Н. С. Чащина, 1933 г. р., г. Кириллов); *«Пришёу батюшко крестить, воды налізу. Вот в этом ушат и окунуў нас и окрестуў»* (Е. А. Свистунова, 1937 г. р., г. Кириллов, место рождения — с. Колкач); *«Вот нас тут в кадуйшке в этой поплоска́ли, сказа́ли на второ́й день в це́рковь иди́те к Покро́ву на прича́стие. Ну мы с веча́ра, вот Люба Марке́лова, я с баушкой пошл́и в це́рковь. Там ночова́ли. На у́треннюю э́ту сл́ужбу нас и причасти́ли, дак я счита́й, что я крещёная»* (Н. Н. Бакланова, 1941 г. р., д. Борбушино).

В то же время крещение имеет большое значение для диалектоносителей, что проявляется в разнообразии морфемного оформления соответствующих глаголов (глагол *крестить* и его

производные) и наличии ряда синонимичных глаголов с иной внутренней формой. Так, глаголы со значением ‘крестить, совершать таинство крещения’ представлены в вологодских говорах, во-первых, рядом глаголов, внутренняя форма которых соотносится со словом *крест*, например: *крещáть* ‘крестить’: *Крещáть вnúцьку бóдут в Ивáнове*. Сок. Васил. [СВГ 3: 124]; *окрещáть* ‘крестить’: *Попá приведúт на дом да и окрещáют*. Сямж. Рам. [СВГ 6: 47]; *покрещáть* ‘совершать обряд крещения над кем-либо’: *Топёречи робёнок-то óчень рёдко покрещиáют*. Сямж. Чиж. [СВГ 7: 131]; *кстить* ‘крестить’: *Дёвочку-то я самá ксти́ла*. Тарн. Краен. [СВГ 4: 9]; *оксти́ть* ‘окрестить’: *Поп-то и говори́т: окси́у егó Харитóном*. К-Г. Навол. [СВГ 6: 48]; *оксти́ться* ‘принять обряд крещения’: *Оксти́лась дочь, была некишиóная, а тепёрь оксти́лась*. К-Г. Сар. [СВГ 6: 48]; *чти́ть* ‘крестить’: *Чти́ли рáне совсём мáленьких*. Ник. Высок. [СВГ 12: 50] и др. Во-вторых, это глаголы, мотивированные теми или иными сакральными предметами, понятиями, например: с внутренней формой «церковь»: *оцерковáть* ‘совершить обряд крещения над кем-либо’: *Оцерковáть нáдо бýло ребя́т, окрещáть*. Межд. Стар. [СВГ 6: 109]; *оцерков́ить* ‘принести ребенка в церковь для крещения’ Яросл. [СРНГ 25: 58]; диалектные глаголы с внутренней формой «молитва»: *омолíтвить* ‘дать имя новорожденному младенцу при крещении, окрестить’ Яросл., Вят. [СРНГ 23: 203], *обмолíтвовать*, *обмолíтовать*, *обмолíтствовать* ‘прочитать молитву над новорожденным, дать ему имя (до крещения)’ Арх., Перм. [СРНГ 22: 132]. В-третьих, это глаголы, имеющие значение ‘опускать в воду’, например: *макáть* ‘крестить (ребенка)’ Урал. [СРНГ 17: 309]; *маканый* ‘крещеный’: *У меня все ребята маканые, а вот Ванька нет* Урал. [СРНГ 17: 307].

В русских диалектах обряд крещения мог также обозначаться идиоматическими выражениями: *на крест носíть* ‘крестить кого-либо’: *На крест носили ребя́тишек*. Новосиб. [СРНГ 21: 288]; *прийти мальчи́ка поддер́жать* ‘окрестить новорожденно-го’: Грязов. Волог. [СРНГ 31: 234], ср. одно из значений глагола *держáть* — ‘быть крестным отцом или матерью у кого-либо во

времени обряда крещения': Он мне кум: я у него дочь держал. Холмог. Арх. [СРНГ 8: 21]; наречься на свет / наречься на свете 'окрестить': Как родится, окрестят, вот и нареклась на свете раба божия. Кем. [СРНГ 36: 255].

Субфрейм «Предметы, необходимые для совершения обряда» является самым разнообразным по своему наполнению. Во-первых, сюда входят наименования купели; во-вторых, предметов, сопровождающих обряд (крестик, пеленка, рубашка и под.); в-третьих, наименования трапез и еды, связанной с обрядом крещения.

В рассказах информантов представлено использование бытовых предметов в качестве купели и соответствующих наименований — как слов русского литературного языка (*купель, ушат, ванна, кадюшка*), так и диалектизмов (*купальня*): «Я не помню как крестили меня, но я помню, что на нашей улице, где мы жили, там жили монашки и там батюшко приходил. Вот он крестил там ребятнишек, и мы бегали вокруг купели всё» (Н. А. Киришина, 1938 г. р., г. Кириллов); «Придет поп, тут ванна была вон у нас, со всей деревни он ребят [крестил]» (П. С. Максимов, 1941 г. р., д. Белоусово); «Только помню, что в ушате купали» (Е. А. Свистунова, 1937 г. р., г. Кириллов, место рождения — с. Колкач); «[Вас в детстве крестили?] Да, в детстве. Меня уже большова, в семь лет уж. Раньше ж надо было там возле купальни-то носить, а меня ж! В деревне женщина была, крессная. Я ж всю жизнь крессной звал, крессной звал. Дак ноги уж <смеется> болтали, тяжёлый был, говорят, едва купальни хватило насылы <смеется>» (А. П. Чашин, 1939 г. р., с. Горицы), *купальня* 'купель': В *купальне* крестили-то раньше. Сямж. Лелек. [СВГ 4: 20]; арх. *купеля* 'купель': Опустит в *купелю* [СРНГ 16: 100]; *купала* 'купель': *Купала* кругла, небольшая, поп искупают в ей. Новосиб. [СРНГ 16: 97]; белозер., новг. *купиль*, соликам., перм. *купилка* 'купель': Крестили раньше детей — в *купилку* окунали [СРНГ 16: 101]; также: волог. *ердань* 'купель' [СРНГ 8: 368]; пск. *макальня* [СРНГ 17: 307], *макать* 'крестить' [СРНГ 17: 309].

Среди наименований предметов, использовавшихся для совершения обряда крещения, в крестьянской среде функционировали названия пеленок и одежды окрещаемого, например: *наго́ловник* ‘головной убор — кусок полотна прямоугольной формы с вышивкой, который надевали на ребенка после крещения’: *Возьму́т наго́ловник*. Межд. Пуст. [СВГ 5: 32]; *крести́льное* ‘рубашка, надеваемая на младенца после крещения, пеленки и крестик’ Костром. [СРНГ 15: 228]; *крещáльное* ‘пеленки, рубашка и крестик, надеваемые на младенца после крещения’: *Крещáльное-то мотри не забудь!* Костром. [СРНГ 15: 240]; *перема́тка* ‘кусочек холста с дыркой посередине, который повивальная бабка надевает па новорожденного (после крещения надевается рубашка)’: *Скинуть перема́тку*. Курск. [СРНГ 26: 152]; *крестильная рубашка* ‘рубашка, надеваемая на младенца после крещения’ Кадн. Волог. [СРНГ 15: 228]; *огíбка* ‘кусочек полотняной материи, род пеленки, на которую во время обряда крещения крестная кладет младенца, вынутого из купели’ Влад. [СРНГ 22: 315]; *пово́й* ‘простынка, которой покрывался ребенок, вынутый из купели (при крещении)’ Влад. [СРНГ 27: 255]; *синдо́нт* ‘кусочек ткани, в которую заворачивают ребенка после купели при крещении’ *Крестный стоит с синдонтом и принимает дитье от попа. У каждого младенца свой синдонт, ну хто холст брал, хто белый коленкор*. Урал. [СРНГ 37: 322]; *ризки́* и *ри́зки* ‘ткань, в которую принимают ребенка после крещения в купели’: *Крестника пойду принимать, надо купить на ризки*. Иркут. [СРНГ 35: 102]; *приёмник* ‘платок или кусочек материала, на который принимают младенца из купели при крещении’ Перм. [СРНГ 31: 201].

Важной частью обряда крещения является надевание крестика, который в анализируемых нарративах предстает видимым символом крещения и оберегом: «*Ну раз крещи́нная, дак крести́к, я не зна́ю, как вам объясни́ть. Раз крещи́нная, я крести́к ношу́, я ве́рю, вот я почему́*» (Е. И. Караваева, 1941 г. р., г. Кириллов); «*Без крести́ка я никуда́*» (Л. Г. Бадрединова, 1933 г. р., г. Кириллов); «*Ве́ришь е́сли в Бо́га дак в Иису́са Хри́ста́ дак почему́ не но́сить крести́к, на́до обяза́тельно но́сить*» (Н. А. Киршина, 1938 г. р.,

г. Кириллов); «Дак это и есть оно как бы оберегает тебя от всего. От греха, от соблазна там, от всяких там вещей он оберегает, вот. И показывает, что ты крещёный, вот так» (В. А. Плотников, 1936 г. р., г. Кириллов).

Описывая ситуацию подарков матери и ребенку от крестных родителей, Н. А. Иваницкий приводит слово *назубок*, которое, вероятно, можно рассматривать и в более широком значении, ср.: *зубок* 'угощение, которое приносят роженице соседи и родственники, отмечая таким образом появление новорожденного': *Баба родит, ей несут зубок: кто печенье несет, кто варенье, кто каши. На наших веках нам носили зубки, зубок называется: кто тоньцев, кто каши, родня сейчас, и чужие несут. Моя Рая родила, и никто ни один зубок не приносил, моя родня горелой пышки не принесет.* Ряз. [СРНГ 11: 361]; в более узком смысле использовалось выражение *на крестик* 'о деньгах, подаренных крестным отцом новокрещенному младенцу' Ярослав. [СРНГ 15: 228], ср. также *отдаривать* 'одаривать деньгами новорожденного при крещении (о крестном отце или матери)' Перм.; *отдарок, отдарочек* 'дар новорожденному от крестных отца и матери' Перм. Пск. [СРНГ 24: 161]. Как обязательную часть трапезы по случаю крестин Н. А. Иваницкий описывает *кстѣнчики* — 'пирожки с овсяною мукой, намазанные сверху маслом' [Иваницкий 1890: 110; Дил.: 219]. Среди других блюд, подаваемых на праздновании крестин, следует упомянуть такое, как *крестильная каша* 'смесь соли, хрена, перцу и других приправ, подносимая бабкою на крестинах отцу новорожденного младенца; тот, при общем смехе гостей, морщась, ест эту кашу и платит бабке деньги' Твер. [СРНГ 15: 228]; ср. также наименование праздничного застолья: *крестильный обед* 'званный обед в честь новорожденного спустя несколько месяцев после его рождения. На этом обеде подают половину пирога, обратив ее разрезом вверх; в пирог гости втыкают деньги' Пенз. [СРНГ 15: 228].

Результат крещения представляется информантам как защита и покровительство Бога: «Крестили? Окрестили. Вот интересно, вот было в том домике, в том доме, вон видите, крыша

гаража́ рядом? Значит, эти хозяева-то, реши́ли окрестить́ эту, Настю́ и Жёнку. Это́ Ольги́ Па́вловны, моёй сестры́ внучата. Но он́и реши́ли играть́ так — с крýши пры́гать. Так вот, что́бы пры́гнуть с крýши, им бы́ло стра́шно, так вот оди́н перекрестится́ и второ́й перекрестится́, и начина́ют пры́гать. Опя́ть, понра́вилось, опя́ть залéзут, начина́ют крестить́ся и пры́гают. Не сломáли ничегó, но́ги не сломáли. Бог спас, что́ назывáется. Он́и-то подúмáли, что́ спас, что́ вот не повред́или но́ги. Смешно́?» (Н. П. Шабров, 1938 г. р., д. Борбушино). Вербальным воплощением такой защиты является свяще́нное и́мя, получаемое при крещении: «Ра́ньше како́й пра́здник, тако́е и и́мя дава́ли. Вот мы назва́ли Волóдькой, а ба́бушка мо́я — ба́бушка бы́ла — сказа́ла: “Отня́ли у па́рня свяще́нное и́мя”. На́до бы́ло — как Кири́лловская бы́ла — Кири́ллом назва́ть, а мы Во́вкой. Вот всю доро́гу упрека́ла, что́ вы у па́рня отня́ли свяще́нное и́мя» (Л. Н. N-ва, 1937 г. р., г. Кириллов). Чудесные события начина́ют происходить в жизни окрещенных людей, но и до крещения́ может произойти́ чудо, способствующее решению́ о крещении: «Иши́о был не крещи́онный сын, а поддава́л, и вот оди́н прекра́сный де́нь в тако́й подда́че усну́л с сига́рето́й на дива́не. Дива́н заи́ял. Ну вот, сну́тся, гит, со́н, спуска́ется с неба́, гит, де́душко, говорю́, а у само́й морóз по ко́же идёт, и говорит, встава́й — ты́ ща́с сгори́шь. Я, гит, очну́лся, рука́м-то, гит, всплесну́л, и о́гонь, а под ним рука́ в пузы́рь, вся бы́ла сожжо́на пузы́рем. Вот ви́дишь то́жо, шо́ бы́л не крещи́онный. Я говорю́, вот ми́лый ты́ ещэ́ не крещи́онный, тебя́́ уже́ Никола́й Чудотворец знаёт, ну-ко́ бы́стро крестить́ся. И вот он в три́дцать три го́да окрестился́ с ребя́тами, с Ди́мкой, он у них инва́ли́д роди́лся ребёнок — да́уник» (Н. Н. Бакланова, 1941 г. р., д. Борбушино).

Результат сценарного моделирования на основе обобщения рассказов, собранных в Кирилловском районе Вологодской области, может быть представлен следующим образом: священник приходит в один из деревенских домов → желающие креститься собираются в этом доме → наливается вода в импровизированную купель (ушат) → священник освещает воду в купели → свя-

щенник окунает ребенка, произносит слова молитвы → восприимчивник принимает ребенка → священник обрезает часть волос ребенка → в скором времени ребенок участвует в таинстве причащения. В каждом нарративе представлены свои варианты этой модели, но в целом она соответствует жизненному опыту информантов, родившихся в середине XX в.

Таким образом, в рассказах жителей Кирилловского района Вологодской области представлены многие элементы фреймовой структуры крестильного обряда, но большая часть диалектной лексики замещается общерусской. Отдельные субфреймы и слоты (например, названия одежды, пеленок окрещаемого, еды, подаваемой на празднике по случаю крестин) не упоминаются в рассказах информантов, хотя могут оставаться в пассивном словарном запасе (как, например, диалектные названия крестных отца и матери).

Выражение благодарности

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект № 19-012-00542 «Речевая культура Белоозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского района Вологодской области)».

Литература

Андреева Е. П. (2018) Отражение православного и языческого взглядов на мир в вологодских говорах. *Вестник Костромского государственного университета*, 24 (3): 160–163.

Вавилова М. А. (2008) *Вологодский фольклор. Семейные обряды. Книга для учителя*. Вологда: ВГПУ.

Геннеп А. ван (1999) *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. М.: Восточная литература.

Глызина Л. И. (2005) Приходские церкви Кирилловского уезда по архивным источникам. *Кириллов: краеведческий альманах*, 6: 83–105.

Поповичева И. В. (2014) Социализирующая функция крестьянских обрядов родильно-крестильного цикла (на материале тамбовских традиций). *Вестник Тамбовского государственного университета*, 8: 82–91.

Толокова Э. Т. (2017) Некоторые особенности фреймовых и сценарных слотов кыргызского языка (на примере обычаев и обрядов кыргызского народа). *Язык, культура, этнос*. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина: 135–143.

Сокращения источников

- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, В. И. Чернышев и др. Т. 1–17. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Дил. — Дилакторский П. А. (2006) *Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении*. Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука.
- Иваницкий — Иваницкий Н. А. (1890) Материалы по этнографии Вологодской губернии. *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете*. Том 69. Труды Этнографического отдела, 11 (1): 1–234. Электронный ресурс. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/etn/ogr/afia/iva/nit/sky/Ivanickiy_150.pdf
- Кирилл — Кирилл (ред.) (2015) *Православная энциклопедия*. Т. 38. М.: Православная энциклопедия.
- СВГ — *Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии*. Ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
- СГРС — *Словарь говоров Русского Севера*. Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2018. (издание продолжается).
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019 (издание продолжается).
- Терещенко А. В. (1848) *Быт русского народа*. СПб. Электронный ресурс. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15083-tereschenko-a-v-byt-russkogo-naroda-ch-1-7-spb-1848>

REPRESENTATION OF BAPTISM RITUAL IN EVERYDAY LIFE SPEECH OF THE PEOPLE INHABITING THE KIRILLOV DISTRICT OF THE VOLOGDA REGION

*Yulia Dracheva*¹, *Elena Kirilova*^{2,3}

¹ Vologda State University,

² Vologda Theological Seminary,

³ Vologda Pedagogical College,
Vologda, Russia

E-mail: yulia.dracheva@mail.ru

Citation: Dracheva Yu., Kirilova E. (2019) Predstavleniye o krestil'nom obryade v bytovoy rechi zhiteley Kirillovskogo rayona Vologodskoy oblasti [Representation of baptism ritual in everyday life speech of the people inhabiting the Kirillov District of the Vologda Region]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 223–243. (in Russian)

Abstract. The article focuses on the frame structure of the baptismal ritual which is verbalized in the dialect everyday speech. In Russia, the Kirillov District of the Vologda Region belongs to the area which is known as 'Northern Thebaid', because its monasteries became outposts of Orthodoxy in the Russian North. While the dialect vocabulary of the Kirillov District has been fixing since nineteenth century, the spiritual field of regional speech is usually studied on a selective basis, i. e. in ethnographical or linguistic (mostly in folk studies) descriptions. The development of cognitive and linguacultural approaches allows of interpreting the facts of folk Orthodox rituals in two ways: firstly, the analyses of understanding of spiritual field and its actualization in the modern narrations; secondly, the analyses of verbal representation of the ritual in everyday speech. The source for the study is everyday speech of the inhabitants of the Kirillov District of the Vologda Region of Russia. The comparison of primitive texts, fixed in *Vologda Dialects Dictionary* in the second half of the twentieth century, and thematically identical narratives, recorded in recent years, or, more precisely, in 2013–2019, gives the authors an opportunity to describe the frame structure of the baptismal ritual via its locus, subjects, objects, etc., and to form the matrix of lexical lacunas, semantic shifts in the slots, and word preferences under the influence of extralinguistic circumstances. The study of the implementations of the elements of Orthodox baptismal ritual in so called 'folk Orthodoxy' reveals the hierarchical structure of the ritual elements in the conscious of

rural inhabitants of the Russian North. Their preferences generally focus on new human relations, which are formed by rites of passage, and on the positive changes in the life of a child (God's protection, belonging to the society, good health, etc.). The significant motif of modern narrations is the struggle with Orthodoxy in the Soviet era, which is interpreted by the informants as the reason of their lack of understanding Orthodox rules and traditions.

Keywords: Russian dialectology, Vologda dialects, language of folk Orthodoxy, baptism ritual, everyday life speech.

Acknowledgements

The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-012-00542 “Speech culture of Belozerye in the dialect of a village (the creating of the multimedia database of the dialect of Borbushino village in the Kirillovsky district of the Vologda region)”.

References

Andreyeva Ye. P. (2018) Otrazheniye pravoslavnogo i yazycheskogo vzglyadov na mir v vologodskikh govorakh [Reflection of the Orthodox and pagan worldviews in Vologda dialects]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 24(3): 160–163. (in Russian)

Barkhudarov S. G., Chernyshev V. I., Filin F. P. et al. (eds.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vol. 1–17. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (in Russian)

Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965–2019) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–51. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka (the publication continues). (in Russian)

Gennep A. van (1999) *Obryady perekhoda. Sistematicheskoye izucheniye obryadov* [The rites of passage. Systematic study of ceremonies]. Moscow: Vostochnaya literatura. (in Russian)

Glyzina L. I. (2005) Prikhodskiye tserkvi Kirillovskogo uyezda po arkhivnym istochnikam [Parish churches of Kirillov district on the basis of archival sources]. *Kirillov: krayevedcheskiy al'manakh* [Kirillov: Local lore almanac], 6: 83–105. (in Russian)

Matveyev A. K., Rut M. E. (eds.) (2001–2018). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of dialects of the Russian North]. Vol. 1–7. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta (the publication continues). (in Russian)

Panikarovskaya T. G., Zorina L. Yu. (eds.) (1983–2007) *Slovar vologodskikh govorov. Uchebnoye posobiye po russkoy dialektologii* [Dictionary of Vologda dialects. Textbook on Russian dialectology]. Vol. 1–12. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University. (in Russian)

Popovicheva I. V. (2014) Sotsializiruyushchaya funktsiya krest'yanskikh obryadov roditel'no-krestil'nogo tsikla (na materiale tambovskikh traditsiy) [The socializing function of peasant birthing-baptismal rites (on the basis of the Tambov traditions)]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tambov University Review. Series Humanities], 8: 82–91. (in Russian)

Tolokova E. T. (2017) Nekotoryye osobennosti freymovykh i stsenarnykh slotov kyrgyzskogo yazyka (na primere obychayev i obryadov kyrgyzskogo naroda) [Some peculiarities of the frame and script slots of the Kyrgyz language (on the basis of the customs and rites of the Kyrgyz people)]. *Yazyk, kul'tura, etnos* [Language, culture, ethnicity]. St. Petersburg: LGU im. Pushkina: 135–143. (in Russian)

Vavilova M. A. (2008) *Vologodskiy fol'klor. Semeynyye obryady. Kniga dlya uchitelya* [Vologda folklore. Family rites. A book for teachers]. Vologda: VGPU. (in Russian)

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ТРУД»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЬНИЦЫ
НИКОЛЬСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ
НИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ШИЛОВСКОЙ**

Зубова Нина Николаевна

Вологодский государственный университет,
Вологда, Россия
E-mail: nina.karacheva1991@mail.ru

Цитирование: Зубова Н. Н. (2019) Реализация концепта «труд» в языковом сознании жительницы Никольского района Вологодской области Нины Дмитриевны Шиловской. *Севернорусские говоры*, 18: 244–254.

Аннотация. Статья посвящена анализу концепта «труд» в речи жительницы Никольского района Вологодской области Нины Дмитриевны Шиловской (1938 г. р.). Женщина активно оперирует словами «работа», «работать», но редко использует лексему «труд». Особенностью речи Нины Дмитриевны является обращение к крестьянскому физическому труду, который сопровождал ее на всех этапах жизни: в детстве, юности, жизни с мужем. В статье рассматривается функционирование описываемого ментального объекта в речи носительницы вологодских говоров.

Ключевые слова: концепт «труд», диалектная языковая личность, ментальный объект «работа».

Концепт «труд» является одним из базовых ментальных объектов русской национальной картины мира. В качестве доказательства этой позиции можно привести исследования различной тематики, посвященные аспектам реализации этого ментального объекта.

Л. В. Басова в своей работе «Концепт ТРУД в русском языке на материале пословиц и поговорок» [Басова 2004] рассматривает данный ментальный объект на материале русских паремий. Автор приходит к выводу, что в пословицах и поговорках труд характеризуется как деятельность, имеющая положительную оценку. Концепт «труд» обладает многоуровневой структу-

рой, базирующейся на понятиях «усилие», «напряжение», «физическое мучение» и других когнитивных слоях. Исследователь отмечает ядерные лексемы ментального объекта: «труд», «работа», «деятельность», «занятие».

Т. В. Гоннова в диссертационном исследовании «Социокультурные характеристики концепта труд в русском языковом сознании» [Гоннова 2003] при характеристике толковых и ассоциативных словарей русского языка приходит к выводу, что с конца XIX в. произошла нейтрализация этической мотивации труда для общества и выделение на первый план утилитарных мотивов: трудиться для себя и своей семьи. Исследователь также отмечает возрастание гендерных различий в видах трудовой деятельности. В данной статье мы отметим отражение этих положений на материале расшифровок записей речи жительницы Никольского района Вологодской области Нины Дмитриевны Шиловской.

В монографии Г. В. Токарева «Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке)» [Токарев 2003] определяются вербализованные стереотипы трудовой деятельности, показывающие близость когнитивных стратегий, которые определяют осмысление этой сферы в общенародной культуре.

В работе О. Е. Черновой «Концепт “труд” как объект идеологизации» [Чернова 2004] выявляются основные идеологически ценностные смысловые составляющие концепта «труд» на материале статей газеты «Магнитогорский край» за 1933–2002 гг. Особенностью работы является сопоставление лексем «труд» и «работа» в разные хронологические периоды, а также указание на изменение ценностно-смысловых наполнений концепта.

Р. Х. Каримова в статье «Понятийная составляющая концепта *труд* в немецком и русском языкознании» [Каримова 2007] определяет базовую вербализацию концепта «труд» в немецком языке, отмечая, что признаки и свойства с положительной оценкой труда в немецком языке более слабо структурированы. Автор отмечает сходные концептуальные признаки семантического напол-

нения ядра и периферии ментального объекта «труд» в русском и немецком языках.

Интерес представляет статья О. В. Борщёвой «Концепт ТРУД и его репрезентанты в английской идиоматике» [Борщёва 2011], выполненная на материале английских фразеологизмов. В английской языковой картине мира лексема «труд» имеет два представления: деятельность и служба. В первом значении речь идет о физическом труде, выполняемом в рамках традиционного натурального хозяйства. В данном представлении труд требует больших физических усилий. Во втором значении труд является социальной деятельностью, связанной с разным положением людей в служебной иерархии и с разной оплатой.

Статья современного исследователя М. И. Жука «Аксиологический концепт *труд* в книге Генри Торо “Уолден, или жизнь в лесу”» [Жук 2014] отличается от предыдущих упоминаемых работ материалом исследования. Автор отмечает семантическую специфику наполнения ментального объекта труд в исследуемом произведении: труд является личной и индивидуальной ценностью для персонажей американского писателя. Исследователь приходит к выводу, что труд является важнейшей экзистенциальной ценностью, средством концептуализации и преобразования мира в иерархии ценностей американского философа XIX в. Г. Торо.

Таким образом, концепт «труд» в лингвокультурологическом понимании является глобальной многомерной единицей ментального уровня, для которой характерны исторический детерминизм, актуальность, признание общечеловеческой ценностью, широкое распространение в народной культуре (в пословицах и поговорках). Рассмотренный концепт представляет собой константу, базовый элемент русской концептосферы.

Далее обратимся к интерпретации лексемы «труд» в современной лексикографии. В «Словаре русского языка» в 4-х тт. слово «труд» имеет три лексических значения:

1. Целенаправленная деятельность человека, имеющая умственное или физическое напряжение (физический труд).

2. Результат описываемой деятельности, произведение, сочинение (научный труд, печатный труд).

3. Умственное или физическое усилие, направленное на достижение этой деятельности (тяжелый труд) [МАС 4: 417].

Трудовая деятельность является специфической формой человеческого бытия, целенаправленного преобразования действительности. Осмысление труда как главенствующего начала жизни играет большую роль для мировосприятия сельского жителя, физический труд которого призван обеспечить не только его биологическую, но и социальную жизнь. Поскольку труд в жизни жителя деревни представляет особую ценность, то он, конечно, находит свое отражение в языке. Как известно, «диалектоносите- лем вербализует те понятия, которые являются для него важными и значимыми» [Демидова 2008: 20].

Как отмечает Л. В. Басова, концепт «труд» является многоуровневой структурой. «Она состоит из базового слоя, представленного в сознании носителей русского языка концептуальными признаками “усилие”, “напряжение”, “физическое мучение” и лингвокогнитивными слоями, отражающими развитие концепта» [Басова 2004: 5]. Семантическое поле лексемы *труд* и концептуальное поле «труд» отличаются друг от друга: ядерными лексемами семантического поля слова «труд» являются *труд, работа, дело, деятельность, занятие*, в ядро же концептуального поля входят лексемы *труд, работа, дело*.

Нина Дмитриевна Шиловская родилась в деревне Липово Никольского района Вологодской области в 1938 г. Детство женщины пришлось на трудные военные годы, поэтому тексты ее биографии наполнены описанием тяжелого физического труда. Наша информантка вышла замуж, родила 6 детей, сейчас имеет 14 внуков и 12 правнуков.

Жизнь Нины Дмитриевны очень насыщена, она живет в провинциальном городе Никольске Вологодской области, помогает младшей дочери по хозяйству, готовит еду, работает в огороде и сидит с младшими внуками. Более подробные библиографические сведения и расшифровки записей речи Нины Дмитри-

евны отражены в работе «Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания» [Зубова 2017].

Обратимся к реализации концепта «труд». Нина Дмитриевна при описании тяжелого физического труда употребляет глаголы прошедшего времени множественного числа: *вяза́ли снопы́, боро́нили, ста́вили сенокос, заскребáли за ко́пнами, метáли, стоя́ли на заложнях, ходи́ли в лес, пили́ли берёзу, пригото́вляли дрова́, растопле́ли печь, таска́ли дрова́, распи́лили дрова́, коло́ли дрова, на лоша́дях вози́ли навóz, нагружа́ли и переплавля́ли по воде́ дрова́.*

Концепт «труд» в речи Нины Дмитриевны также вербализуется при описании строительных работ: *Да дом-то весь ремо́нтировали да... Ой, у нас тут бы́ло робо́ты-то куча с ним... Га́раж пострóили, ба́ню пострóили, дровени́ки пострóили, фсе́-фсе́ там пострóили. А дом ссули́лся одному́ мужику́ дом пострóить дак дом стрóит.*

Кроме полевых работ в речи Нины Дмитриевны активно употребляется описание занятий, связанных с уходом за домашними животными: *самá пои́ла, самá корми́ла, самá и гоня́ла, корóф на́до подои́ть, всех накорми́ть, напои́ть, води́ наноси́ть им на всех, нагрíть ошó котёл, вот, нагото́вили сэна на козлу́ху, ви́держали поросёнка, вме́сте обряжа́лись и др.*

Второй ядерной лексемой концепта «труд» является слово *рабо́та*.

Лексема «работа» употребляется Ниной Дмитриевной в следующих случаях:

1. Воспоминания о матери и сестрах: *Ма́ма одна́ рабо́тала. Оне́ ста́ли робо́тать да.*

2. Описание детских и юношеских лет: *Робо́тали фсе хорошо́. Как запо́мню с де́тства, дак фсе́ одно́: одна́ рабо́та, рабо́та. Уж год отрабо́тала та́к-то, а тут ста́ла теля́т ма́леньких набира́ть из-под ма́тки.*

3. Упоминание о годах, прожитых вместе с мужем (молодость): *Я отхожу́ на рабо́ту, е́сли чиво́ сде́лаеца с робо́нком... Ми́сяц я не рóбила, а через ми́сяц устро́илася в больни́цу са-*

нитáркой. А потóm уж в лётний перióд санитаркой стáла рóбить. Оттуда рóбóтать ходила, а он дóма жил. А потóm его нап ráвили в Козлóфку рóбóтать. Сизóн-то отрóбóтали, зóму-то там на лошаdáх я ёздила. Вот так, рóбóтали. Стáли на Кирпíишном рóбóтать, кирпичí дéлать. Рóбóтали, лéто прорóбили, на козлúху им наготóвили сéна опéть. А потóm прорóбили, у меня Гáлька родíлася. Он порáбóтал мíсяц одíн тамокá. В маслозавóде-то дóлго я рóбóтала, годóф шесць, наёрно.

4. Вопросы о трудоустройстве внуков: *Не ушла с рóбóты-то ётой же? Нáдо гдé-то подыскáть опéть рóбóту-то. Да и она не рóбóтает. Где подорóже, máло дадут — опéть побéжáл на дрóгую рóбóту. Ведь нáдо порóбóтать, мóжет узнают ешó. Видишь, мéсиц порóбит, ак опéть побéжит! А у неё и фсе рóбóтают. И прирóбóтать вам ещe нéгде, да? И ты будёшь ёдак рáбóтать дак. Там мíсиц порóбит, да тут мíсяц порóбит-да. Токó с рóбóты на рóбóту, говорít. Тý-то покá на ту рóбóту-то пойдёшь? и др.*

Это свидетельствует о том, что Нина Дмитриевна больше всего вспоминает о молодости и о жизни с мужем, а также активно интересуется работой внуков и внучек, их достижениями, переживая о частой смене деятельности близких, невысоком доходе, желании увеличить семью при нестабильном заработке.

Таким образом, в речи Нины Дмитриевны лексема *работа* употребляется в следующих значениях:

1. Деятельность, занятия, физический труд;
2. Служба, занятие, труд на каком-либо предприятии;
3. Деятельность, связанная с созданием, изготовлением и обработкой чего-либо [МАС 3: 575].

Получается, что ядерной лексемой концепта «труд» в речи Нины Дмитриевны является слово *работа*, которая вербализуется с помощью глаголов *рóбить*, *рóбóтать* и существительного *рóбóта*. Вербализация концепта «Труд» в речи нашего информанта, как правило, связана с употреблением слов с корнем *-раб-* // *-роб-* (*рóбить*, *рáбóтать* и их производных), а также с наименованием конкретных трудовых действий (*топíть* печи,

обихаживать скот, рубить лес и пр.) или профессий (истопщик, санитарка, скотница и пр.) [Зубова 2017: 109].

Кроме этого, хочется отметить, что значений лексем, связанных с умственным трудом, написанием научных работ и созданием изделий и произведений, в речи Нины Дмитриевны не обнаружилось. На периферии оказалось множество глаголов, связанных с описанием тяжелого физического труда, полевых работ, уходом за домашними животными и местом работы. Нина Дмитриевна, говоря о своей работе, упоминала, что работала в лесу, истопником (топила печи), санитаркой и кладовщиком. Однако, говоря о своих родственниках, постоянно меняющих место работы и стремящихся улучшить материальное положение, осуждала их, призывая работать на одном месте и пытаться подняться по карьерной лестнице. Такое представление концепта «труд» характерно для диалектной языковой личности, которая обладает особым представлением о деревенском быте, укладе жизни и характерных чертах крестьянского труда.

Литература

Басова Л. В. (2004) *Концепт ТРУД в русском языке на материале пословиц и поговорок*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень.

Борщёва О. В. (2011) Концепт ТРУД и его репрезентанты в английской идиоматике. *Известия Саратовского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика*, Т. 11, вып. 3: 34–36.

Гоннова Т. В. (2003) *Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.

Демидова К. И. (2008) Диалектная языковая картина мира и особенности ее репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала). *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008*. СПб.: Наука: 68–76.

Жук М. И. (2014) Аксиологический концепт *труд* в книге Генри Торо «Уолден, или жизнь в лесу». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 4, ч. 1: 88–91.

Зубова Н. Н. (2017) *Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда.

Иванцова Е. В. (2002) *Феномен диалектной языковой личности: монография*. Томск: Издательство Томского университета.

Каримова Р. Х. (2007) Понятийная составляющая концепта *труд* в немецком и русском языкознании. *Лингвокультурология*, 1: 133–143.

Токарев Г. В. (2003) *Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке): монография*. Волгоград: Перемена.

Чернова О. Е. (2004) *Концепт «труд» как объект идеологизации*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.

Сокращения

МАС — Евгеньева А. П. (ред.) *Словарь русского языка*: В 4-х т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF “LABOR”
IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE RESIDENT
OF NIKOLSKY AREA OF THE VOLOGDA REGION
NINA DMITRIEVNA SHILOVSKAYA

Nina Zubova

Vologda State University
Vologda, Russia
E-mail: nina.karacheva1991@mail.ru

Citation: Zubova N. (2019) Realizatsiya kontsepta “trud” v yazykovom soznanii zhitel’nitsy Nikol’skogo rayona Vologodskoy oblasti Niny Dmitriyevny Shilovskoy [Realization of the concept “labor” in the linguistic consciousness of the resident of the Nikolsky district of the Vologda region Nina Dmitrievna Shilovskaya]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 18: 244–254. (in Russian)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept “Labor” in the speech of Nina Dmitriyevna Shilovskaya, resident of the Nikolsky district of the Vologda region (born in 1938). A woman actively operates with the word “work”, but rarely uses the lexeme “labor”. The peculiarity of Nina Dmitrievna’s speech is an appeal to peasant physical labor, which accompanied her at all stages of life: in childhood, adolescence, life with her husband. The article describes the use of the described mental object in the speech of the bearer of the Vologda dialects.

Particular attention is paid to the analysis of modern research on the implementation of the concept of “labor”. The article reveals the concept of “concept” and “work”, based on data from lexicographic sources. The author concludes that the concept of “labor” is a multi-level structure, in the center of which is the token “work”.

In addition, an analysis of the speech of the bearer of the Vologda dialects indicates that mental labor and craft is not typical for the content of the concept of our informant under consideration. In conclusion, the author concludes that such a world perception of the concept “work” is characteristic of a dialect language personality.

Keywords: concept “labor”, dialectal language personality, mental object “work”.

References

Basova L. V. (2004) *Kontsept TRUD v russkom yazyke na materiale poslovits i pogovorok* [Concept of LABOR in Russian on the material of proverbs and sayings]: Author's abstract ... cand. philol. sciences. Tyumen. (in Russian)

Borshchova O. V. (2011) *Kontsept TRUD i yego reprezentanty v angliyskoy idiomatike* [The Concept of LABOR and its representatives in English idiom]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Zhurnalistika* [News of Saratov State University. Philology. Journalism], 11(3): 34–36. (in Russian)

Chernova O. Ye. (2004) *Kontsept «trud» kak ob"yekt ideologizatsii* [The concept of "labor" as an object of ideologization]: Author's abstract ... cand. philol. sciences. Yekaterinburg. (in Russian)

Demidova K. I. (2008) *Dialektnaya yazykovaya kartina mira i osobennosti yeyo reprezentatsii v chastnykh dialektnykh sistemakh (na materiale russkikh govorov Urala)* [Dialect language picture of the world and features of its representation in private dialect systems (on the material of Russian dialects of the Urals)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniya* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research))] 2008. St. Petersburg: Nauka: 68–76. (in Russian)

Gonnova T. V. (2003) *Sotsiokul'turnyye kharakteristiki kontsepta "trud" v russkom yazykovom soznanii* [Sociocultural characteristics of the concept of "labor" in the Russian language consciousness]: Author's abstract ... cand. philol. sciences. Volgograd. (in Russian)

Ivantsova Ye. V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Phenomenon of dialect language personality]: monograph. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (in Russian)

Karimova R. Kh. (2007) *Ponyatiynaya sostavlyayushchaya kontsepta trud v nemetskom i russkom yazykoznanii* [Conceptual component of concept work in German and Russian linguistics]. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology], 1: 133–143. (in Russian)

Tokarev G. V. (2003) *Kontsept kak ob"yekt lingvokul'turologii (na materiale reprezentatsiy kontsepta "Trud" v russkom yazyke)* [Concept as an object of cultural linguistics (on the material of representations of the concept "Labor" in Russian)]: monograph. Volgograd: Peremena. (in Russian)

Yevgenyeva A. P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 vol. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy. (in Russian)

Zhuk M. I. (2014) Aksiologicheskiy kontsept trud v knige Genri Toro "Uolden, ili zhizn' v lesu" [Axiological concept work in the book "Walden, or life in the forest" by Henry Toro]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 4(1): 88–91. (in Russian)

Zubova N. N. (2017) *Yazykovaya lichnost' zhitel'nitsy Russkogo Severa: opyt verbal'no-semanticheskogo, lingvokognitivnogo i pragmaticheskogo opisanija* [The linguistic identity of a resident of the Russian North: the experience of verbal-semantic, linguistic-cognitive and pragmatic description]: Author's abstract ... cand. philol. sciences. Vologda. (in Russian)

ВЕСЕННЕ-ЛЕТНИЙ НАРОДНО-ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ. ЧАСТЬ II

Ивашко Людмила Александровна,

*Лутовинова Ирина Сергеевна,
Тарасова Марина Алексеевна,
Трофимкина Ольга Ивановна,
Кукушкина Ирина Сергеевна*

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: airinku@mail.ru

Цитирование: Ивашко Л. А., Лутовинова И. С., Тарасова М. А., Трофимкина О. И., Кукушкина И. С. (2019) Весенне-летний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России. Часть II. *Севернорусские говоры*, 18: 255–276.

Аннотация. В очерке на материале картотек и словарей русской диалектной речи сельских жителей Северо-Запада России в хронологической последовательности описывается содержание некоторых дней летнего цикла. Очерк является II частью опубликованного очерка (Севернорусские говоры, 2018, вып. 17: 310–333).

Ключевые слова: этнография, диалект, «Псковский областной словарь», церковный календарь, народный календарь, престольный праздник, почитаемый святой, обряд.

ИЮНЬ

ТРОИЦА

Праздник входит в число двенадцатых и отмечается на 50-й день после Пасхи, поэтому его еще называют *Пятидесятница* (церковное название), *Трѣицын день* или *Трѣица: Троица меняется, кагда раньшеэ, кагда папоздна, ана ни ф чысле* [КПОС].

В Троицу в церкву ходим, хоть и далеко, а всё шли и с берёзками, в церкви их освящали, а потом несут их в дом [КПОС]. В Троицу батюшка заветал скот, кропил лошадей святой водой [КПОС]. На Севере праздник также называется берёзки: Праздник Троицу берёзкам называют. Медв. [СРГК]. В Троицу берёзки по углам сажали, вырубят в лесу и привяжут к углу или к изгороди, они без корней не зарастают. Медв. [КСРГК]. Троицкую березку в русской избе ставили на божницу [СРГК]. Троица празднуется в воскресенье, в церкви проходит праздничная служба (но в этот день в гости друг к другу не ходили и вина раньше не пили), а накануне в субботу совершается поминальная служба, служат по покойникам. Остр. [КПОС]. Этот день называется *родительская (поминальная) суббота, задушный день, поминная, троицкая суббота (субботка)*. Люди идут на кладбище, на могилы родителей, обметают их березками, ставят березовые веточки, поминают родителей, а иногда и всех умерших родных: *В этот день фсягда ходют на кладбища, радятелей паминать* [ПОС]. *Ходим с пирожками, с блинами, народу много, водку, вино пьют* [КПОС]. Для крестьян очень важен был и второй день Троицы после церковного праздничного богослужения — *Духов день*. По ветру в этот день определяли погоду будущего лета: *Куда Дух падёт, с севера — халоннае лёта будя, с юга — тёплае*. Н-Рж. [КПОС]. С этого момента разрешено было купание: *Раньше до Троицы не купались, а после Троицы три раза ныряли, значит «Троицу делали»*. Онеж. [СРГК].

ИЛЬИН ДЕНЬ 20 июля / 2 августа

Ильин день — день памяти одного из любимых пророков Христа — Илии. Предшествует этому дню *Ильинская пятница: Второго августа Ильин день, так в пятницу последнюю перед Ильиным днём Ильинская пятница. Так в нее начнем копошить картошку*. Пуд. [КСРГК]. *Никакой работы в Ильинскую пятницу нельзя делать*. Печ. [КСРГК]. *Был пожар, и ад гразы згарели, и завет положили не работать в пятницу Ильи*. Ляд. [КПОС].

Как-та давнó ешишó фси заветнóулись, фся деревня заветку дала, што Ильинская пятница пóсная бóдит. Стр. [КПОС]. Эта пятница называется также *Градобóйной* и *Грозовой*. В этот день служили молебен о предотвращении гроз: *Градобóйная пятница перед Ильёй (на-нóваму фтарóва áвгуста), и гразавáя пятница.* Беж. [КПОС]. *Градобóйная пятница нíрид Ильинým днём, ёта бывáит громовáя, грозовáя пятница.* Гд. [КПОС]. Встретилось также название *Ильинский градобóйный день: Градобóйный, или Ильинский день бывáит за нядéлю до Ильинá дня.* Локн. [КПОС]. К сожалению, собирателю не удалось уточнить, идет ли речь о пятнице перед воскресным Ильиным днем или о воскресенье за неделю до него.

Сам праздник имеет несколько названий: *Илья, Илья Грóзный, Илья Зажинщик, Илья Мíлостивый, Илья Прорóк, Илья Прорóчий (Прорóча), Илья Святóй, Ильин день, Ильющина: Фтарóва áвгуста Илья Прарóк, Илья Прарóчий, так и не работáют, баяцца.* Вл. [КПОС]. *Илью жыфкóм взяли на нéбо. Он там на колесни́це ёздит и громíт когдá-ле, каг гром у нас. Усть-Цильма [КПечОС]. Илья у нас был Грóзный, позавéтован у нас былъ Илья-Пророк, что сéно греблí, а фсё разнесло. Работать ф прáзники нельзя.* Дем. [КСелигер]. *Илья — это от Петрóва дня три недели прой-дёт, от двенадцатого [ошибочно] июля.* Пен. [КСелигер]. *После Ильи чéрис нидéлю бóдя Багарóдица, а патóм чéрис три нидéли — Мáлая Багарóдица.* Себ. [КПОС].

К празднику готовились заранее — наводили чистоту в доме, стирали: *К Ильинóву дню нáдъ стирáть.* Пск. [КПОС]. Праздновали Ильин день весело, широко — ведь это была короткая передышка в период самых напряженных сельскохозяйственных работ. Устраивали гулянья, пели песни, ездили в гости: *В Ильиншыну ёздили на гулянье в деревню.* Гд. [КПОС]. *Ой, тут в Илью бóде лóмки в дярéвне! Пьяные курáжацца, пёсни паю́т, в гармóнь игра́ют.* Остр. [КПОС]. В старину даже совершали магические действия: *Ишишó старикí гёварили: к Ильи фсё свяжуй кавó-нибóть, хать курицу, ради живатá свяжуй, штоп скатина хёрашó вялáсь.* [КПОС].

По юлианскому календарю Илья приходился на 20 июля, это середина, «макушка» лета — *мэжень*: *Посредине лета — мэжень на Илью, в межень надевали белую рубашку*. Андреап. [КСелигер]. *С Ильё лётъ ламáицца*. Аш. [КПОС]. *У нас июль — мэжень лета, он как рас средний мэсяц*. Пен. [КСелигер]. «*Не лежй, лёжень, пришла мэжень!*» — *эта штобы рабóтали, а не лежáli*. Тор. [КСелигер]. *Лэжэнь пралежál фсю мэжэнь, врёмя, кагда́ фсе жнут*. Беж. [КПОС]. С этим днем связано много примет (день постепенно убывает, вода в водоемах становится холоднее и др.): *На Илью́ два часа́ день́ будет мене*. Дн. [КПОС]. *С Ильё́ Бох ильди́нку кíне в ре́ку*. Пушк. [КПОС]. *Кончайте, ребята, купаться: Илья Пророк, льдинка в о́зеро упала*. Остр. [КСелигер]. *Как Илья́ бу́де, так ка́мень халóнный в ряку́ апу́стица*. Дед. [КПОС] *После Ильина дня́ нельзя́ купаться, дедко́ водяной утащит*. Арх. [КСРГК]. *У нас говорíли: медведь за́ ноги схватить после Ильи, после десятой пятницы́ купаться нельзя́, а после Ильи — грех, говорили, и не пускали купаться*. Новг. [КСРГК]. *Убьёшь комара до Ильина дня́ — значит, прибыло решето комаров, много их будет*. Тер. [КСРГК]. *После Ильи облака встречу ветру́ будут идти*. Выт. [КСРГК]. *Об Ильина дни́ за кустом лошади не видно белой, так тёмно́ станет*. Медв. [КСРГК]. *Об Ильи уж сивого коня́ в поле не видно, уже тёмны́ нощи*. Плес. [КСРГК]. *Овод большой, а с Ильины дни́ ильи́ница, полуоводови́ца окажется* [т. е. оводов станет меньше]. Онеж. [КСРГК]. *Илья-праро́к лёта увалок*. Дед. [КПОС]. *Ильин день́ над головой, а там и лето всё*. Онеж. [КСРГК]. *Ильин день́ до обеда лето, а с обеда осень пойдёт*. Кондоп. [СРГК]. *С Ильи ужы́ засинтя́брить*. Палк. [КПОС].

Ильин день называют также *грозovým, громovým, грóзным* праздником: *Илья — серьёзный, грозный праздник, гром, страхи господни, и молнии, и громы в этот день бывают*. Дем. [КСелигер]. *Ильин день, громовой праздник*. Кондоп. [КСРГК]. *Илью́ грóзным зову́т, плóха ста́ла, гром на небе*. Н-Рж. [КПОС]. *Илья́ даёт грязна́*. Пск. [КПОС]. *Знали, что пра́зник такой [с грозой], громко всегда, Ильин день дак*. Кем. [КСРГК]. *Така мететь*

выстанет, гром гремит, Илья пророк крупу мелет, как на кони едет. Арх. [КСРГК].

Ильинские дни, *межень* — важная веха крестьянского сельскохозяйственного календаря. Трава, скошенная в середине июля, особенно сочная, но как раз в период ильинских праздников возможны дожди и сено может пропасть: *Если об Ильин день сено накосят, то ильинское перо будет.* Пуд. [КСРГК]. *Илья принесёт дождь — сеногно́й.* Пен. [КСелигер]. *А всегда Илья принесёт гниль.* Там же. *Межень от Успения до Ильи, надо успеть накосить; нам, старым, ижно дико, что не косят, я переживаю из-за людей, что межень уходит.* Фир. [КСелигер]. *Раньше сиу́ддняшний день хадíли на по́лю с ико́нам. Илья́, — уварíли, иди тудá, уде тибe про́сят, не там, уде ко́сить.* Вл. [КПОС].

С этого дня начинается жатва, отсюда еще одно название праздника — *заж́и́нчик*, а также начинается сев озимых: *А с Ильи рожь жали, а потом ячень, овёс.* Тихв. [КСРГК]. *Илья́ б́удит двацáтава, так вот с Ыльíи начинáют жать.* Дн. [КПОС]. *Окóль Ильíи ёта уш жн́ива* [уборка хлеба]. Гд. [КПОС]. *Илья́ зажы́ншыык, хлеп зажы́нáют, рош.* Вл. [КПОС] *У прáзник Ильйá б́удут рош жн́ать.* Пуст. [КПОС]. *Ильин день, когда вот сэют рош, двацáтова июля по-старому.* Пл. [КПОС]. *Пóсли Ильинóва дня начы́нáют ржы́цу сеить.* Дед. [КПОС]. *Илья́ Святóй взмёт [целину] ламáл, яр засивáл* [Песня]. Пуст. [КПОС]. *Овод к обидни сходит, после Ильина дня умирают, потом засеватели, красный крупный овод, — значит, сеять надо.* Выт. [КСРГК].

На Печоре (Архангельская и Мурманская области) начинается лов налимов и семги, которая идет на нерест вверх по реке: *Ильíн день, луч зажы́гáют уш, в лóтке поста́вят козу́, дроф на-кидáют смоляных, в воды́ фсё видно, и налímоф острогóй ты́цют.* Высокая Гора [КПечОС]. *С Ильинíи дни сёмга пойдёт густá, прóтиф б́ыстри пойдёт.* Великовисочная [КПечОС]. *Раньше мно-го рыбы было, ильинские походы для сёмги были. Это в Ильин день обычно. Уже перед Ильина дня ставят сети в реке, и к ручью идёт она — семга.* Канд. [КСРГК]. Появляются первые ово-

щи: *С Ильи замѣс кашы мѧленьку картѧшечку хрупѧеши, как бѧраф.* Сер. [КПОС] *Морѧѧѧ так о Ильи поспеѧѧет.* [КСелигер].

БОРИС И ГЛЕБ (ЛЕТНИЕ)

24 июля / 6 августа

В народе князья Борис и Глеб считаются особыми покровителями, защитниками русской земли. Известны предания об их явлении в трудное для Отечества время — например, Александру Невскому накануне Ледового побоища, Дмитрию Донскому накануне Куликовской битвы. Такое предание отмечено и во Второй псковской летописи в начале XV в.: «И видѣ [старейшина Пелугий] насада [судно из цельного дерева] единѣ гребѧшь по морю; и посреди насада стояща святѧя мѧченика Борисѧ и Глебѧ въ одеждахъ червленыхъ, и бѣста рѧкы дрежаща на рамѣхъ, гребцѧ же сѣдѧху акы мглою одѣяни» [Лет. II: л. 158, без года].

Память святых Бориса и Глеба отмечается 19 июля / 6 августа и называется обычно *Борѧс, Борѧска, Борѧсовищина; Багамалѧньѧ прашло, тяпѧрь Барѧс прайдѧ.* Кар. [КПОС]. *У нас Никѧндра и два Борѧска — ѧта нѧшы прѧзьники* [престольные]. Остр. [КПОС] [«второй» Борис — 25.01/07.02].

ПАНТЕЛЕЙМОН

27 июля / 9 августа

Праздник в память великомученика и целителя Пантелеймона в народной традиции называется *Пантелѧй, Пантелѧймон, Пантелѧев день; Пантилѧ прѧзнуют дивѧтаѧ ѧвгуста, бажѧственнѧй прѧзьник.* Пск. [КПОС]. *Пѧнтылѧман скѧра будѧ.* Пск. [КПОС]. *Пакрѧф прѧзнавали пѧсли Трѧицы, Спас — усѧ ѧта прѧзнавали, Пантилѧеѧф день, Ражѧствѧ справляли.* Пск. [КПОС]. Как видим, этот день вспоминается в одном ряду с другими значительными датами — Рождеством, Троицей, Спасом.

РОЖДЕСТВО НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

29 июля / 11 августа

День Рождества святителя Николая празднуется верующими наряду с Рождеством Иоанна Предтечи. В честь этого праздника составлены тропарь и кондак (молитвенные стихи и песнопения), с древних времен известные в литургической жизни русской православной церкви, совершается крестный ход с иконой святого. В крестьянской речи праздник называется *Никола летний*: *В лённяява [летнего] Никóлу насíли икóну, плашишаницу-мáтушку аграмáдницкаю*. Пуст. [КПОС]. В ноябре есть еще один праздник — *Никóла осéнный*, в честь Николая Черниговского (См. Осенне-зимний народно-православный календарь русского крестьянского населения Северо-Запада России // Севернорусские говоры. Вып. 15. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 270–271).

ИОАНН ВОИН

30 июля / 12 августа

Церковь почитает Иоанна Воина как мученика и доблестного воина, помощника людям, обличителя злых дел, особенно воровства. Праздник в его честь отмечается 12 августа: *В Успéнье день гуля́ли, в Ива́н Во́ин [гуляли], за де́сять день да Ильи́ [ошибочно: надо — через 10 дней после Ильи].* Тор. [КПОС].

ЕВДОКИМ

31 июля / 13 августа

Название праздника в честь святого Евдокима Каппадокиянина известно в виде варианта *Авдоки́м*: *В Авдоки́м бра́лся сво́як прие́хать, на́да самаго́нки пратума́нить*. Кр. [КПОС]. В этот день празднуют именины Евдокима.

ЗАГОВЕНЬЕ ПЕРЕД УСПЕНСКИМ ПОСТОМ

31 июля / 13 августа

Заговеньем называется последний день перед Успенским постом, когда разрешается есть скоромную пищу: *Вéчирам загавéиши — и фсё. З другóва дня пост.* Беж. [КПОС]. *В за́говины разговля́ющая, ма́сло е́дят.* Гд. [КПОС]. Но уже в этот день готовили и ели постную пищу: *Ка́ша муцяна́я, сту́льчыкам ва́рют ка́шу и г загавéнам, и к разгавéнам.* Кач. [КПОС]. Также это последний день, когда не возбраняется веселиться, поэтому в заговенье иногда устраивали гулянья, пели песни: *Сабрали́сь мы пагуля́ть на за́гавины, ф паслёдний день пéрит постóм.* Остр. [КПОС]. Успенский пост продолжается с 14 по 28 августа и посвящен Успению Божьей матери (Богородицы).

В толковом словаре середины XIX в. и в средневековых памятниках псковской письменности зафиксированы и другие названия этого дня: *заговённый день* (Доп., без иллюстрации) и *Богородицкие заговены*: «Гговори́л я Костянти́ннз у него́ Дми́трия его́ стари́ннүю работни́цү дёвкү Параско́вью... За се́бя за́сүжз на сро́кз нынѣшняго 151 году́ на Богороди́цкне заговена» [А. тягл. II: 93, 1643 г.]. Как видим, сватовство и свадьба совершались до начала Успенского поста, в заговенье.

Слово *заговенье* отмечено и в псковской летописи: «Того́ же лѣ́та пред заговене́ннмз Богороди́цкогю говення, отряди́вз, Пско́вкз погла́вз к вели́комү князю́ 3-и [так!] поладни́ков». [Лет. III Стр.: л. 166, 1474 г.].

МЕДОВЫЙ СПАС

1 / 14 августа

Православные празднуют три Спаса в разные дни августа.

Первый Спас, называемый в народе *Медовым*, отмечается 1 августа нового стиля: *По́сли Спа́су б́удит Илья́* [2 августа н. ст.], *патóм Бага́ро́дица.* Остр. [КПОС]. Медовым он называется потому, что к этому дню соты в ульях уже заполнены медом, запечатаны воском, и мед уже можно откачивать: *К Спа́су ме́д е́сть, Спа́с*

в августе. Н-Сок. [КПОС]. В Мядóвый Спас бярут мёт паслёдний рас. Остр. [КПОС].

МАККАВЕЙ

1 / 14 августа

В православном церковном календаре в этот день отмечают память Семи мучеников Маккавеев, матери их Софии и учителя Елеазара. В народных говорах Северо-Запада этот праздник называют *Макавэй, Маккавёи, Маккавёя*. В некоторых деревнях это престольный праздник: *У нас Макавэй называецца празьник. Фсе хаділі наваду, в рэчку акўнывалісь, у каво што балі*. Кр. [КПОС]. *Лиманáчыи жгуть в Макавэй в двяна́ццать часов но́чи*. Н-Рж. [КПОС].

Первое августа старого стиля осознавалось крестьянами как граница двух сезонов: заканчивались основные летние работы, начинались осенние, пора было готовиться к зиме: *Косілі са́мо до́лго до Маковіев, перво августа по-ста́рому*. Кондоп. [КСРГК]. *Маковёя — досельный праздник-то, жатьё-то с Маковёя всё* [т. е. кончилось]. Онеж. [КСРГК]. К августу у капусты уже почти сформировались кочаны: *Ны́нче качашкі да Макавёя завьёца, залапушы́лась капу́ста*. Пуст. [КПОС] *Макавэй — качашо́к завей*. Пуст. [КПОС].

ЕВДОКИЯ

4 / 17 августа

Память мученицы Евдокии православная церковь чтит в августе, в крестьянской речи имя святой употребляется в форме *Авдокея*: *На́шиму* [сыну] *с Ыльі седьмо́й гот, а той* [девочке] *с Авдокеи седьмо́й*. Сош. [КПОС].

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ

6 / 19 августа

Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа — один из двенадцатых, наиболее значительных праздников православной церкви. Называют его *Спас, Спа́сов день, Преображе́ние (госпо́дне), Спа́су Преображе́ние, Спас Преображе́ние*,

Преображѣнный Спас: В августѣ девятнѣцатова Спас. Пск. [КПОС]. Спасаѣф день прядѣт дивятнѣцатава августа; а вот Спас, так и назван Спас. Остр. [КПОС]. Преображѣние, Христос на гару с учениками [пришел] и преобразился на гарѣ. И наказал славу свою. Он сиял. Ани испугались и упали, а паднялись — и был перед ними ужэ Спаситель. Печ. [КПОС]. Две недѣли — эта Приображѣние уасподне. Нев. [КПОС]. Преображѣнный Спас па-цэрковнаму называѣцца. Н-Рж. [КПОС]. Спасаѣф день, он ешио па лѣту; забыла, какой день, ня помню нисколько. Дваццать шастова [августа] Тихан, а Спас дивятнѣцатава, што ли. Беж. [КПОС]. А Спас девятнѣцатава августа. Эта служать, как па хлѣбу. Печ. [КПОС]. К Спасу паспявала верясина, па стараму стѣлю шастова августа. Пушк. [КПОС]. Во многих приходах это был престольный праздник: А Спас — этъ Спасу Приображѣния был у нас в Лизараве спаситель нирукатварѣнный. Пск. [КПОС]. Девятнѣцатова августа — это Спас Преображѣние наишэй цэрквы. Епископ ис Пскова прияжжѣет, он так много говорит, так интярѣсно слушать. Гд. [КПОС]. Пристольный праздник Спас и Микѣла-светитель зимѣй. Дн. [КПОС]. В этот день, как в любой большой праздник, устраивают гулянья, накрывают стол, принимают гостей: У нас Спасов день празднуют, приготовят вина, пива, потом гулянка, пляшут кандрель, поют, нѣрни дѣвок выбирают. Тихв. [КСРГК]. Дивятнѣцатава августа будя Спас. Вытифка, закуска, фсяк ф цэркафь ходют. Ф цэркви тожы яблаки ставят, на магилки лѣжут. Печ. [КПОС]. На Спас малушек-ватрушек напечѣм, гастей позовѣм. Фир. [КСелигер]. Ярманки сычас яшио, кагда Спас. Беж. [КПОС]. Бывало, что и свадьбу справляли: Ф Спас вазили, замуш вышыцыцы была. Печ. [КПОС].

Не все современные крестьяне знают, почему праздник называется Спас — видимо, сказываются многие десятилетия антирелигиозной пропаганды. Отсюда — наивные объяснения названия. Например: *Эта па завешшанию; хто-та умирал и завешшал: «Такова-та чысла назавите такой праздник — Спас». В Адорье адин багач умирал, Осинаф, дал завет и сказал: «Маю смерть*

назавіте Спáсам». Н-Рж. [КПОС]. Или: *У нас прáзник Спáса. Гаваря́т, што назва́ли э́тат прáзник Спáса [потому], што, гаваря́т, был о́чинь си́льный пажáр в дярэ́вни. И вот в э́тат день дивятна́цатава а́вгуста гарэ́ла дярэ́вня. И па́том, зна́чит, ста́рыи лю́ди о́чень Бо́гу ве́рили, ха́дiли с ико́ном и апха́дiли э́тат пажáр, и вот называ́ли — прáзник Спáса. Кр. [КПОС]. Спас — прáзник рилигио́зныи, фсё паспыва́ит кагда́. Н-Сок. [КПОС].*

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

6 / 19 августа

В тот же день Преображения Господня крестьяне отмечают и свой, народный праздник. Его называют по-разному — Спас, Спáсов день, Спáсовка, Яблочный день, Яблочный Спас. В этот день яблоки несут в церковь, там священник освящает их: *Спас дивятна́цатава, с няво́ я́блаки яд́ят, э́та Я́блачныи Спас. Пуст. [КПОС]. Кагда́ я́блаки паспява́ют — Спас. Гд. [КПОС]. Да Спáса я́блэ́ки ни яд́ут, како́-та заречáние. Пуст. [КПОС]. Э́тэ Я́блчныи Спас, и то́лька несúт крести́ть я́блаки. Пушк. [КПОС]. Я́блаки пасвяща́ли, ста́рыи ф цэ́ркафэ́ насiли, и ни э́ли да э́тава. Гаварiли: «Вот Спас скóрь, я́блаки мо́жна есьть, зна́чит, Я́блачныи Спас». Остр. [КПОС]. На Спас я́блаки ку́шают; ста́рыя лю́ди ра́ньша да Спáса я́блак ни ку́шали, как яйца́ да Пáсхи. И ф Спас я́блаками разгавля́юцца. Остр. [КПОС]. Я́блаки не яд́ят да Спáсава дня. Н-Рж. [КПОС]. Дома устраивают праздник, готовят угощение, в том числе и из яблок: *Пóсле Ильи́ тут Спас, гарóх зялёныи насiли, я́блаки пяклi бывáла ф Спас. Беж. [КПОС]. Иногда компанией ходили по дворам и пробовали яблочко прямо с дерева: Я́блачныи Спас. В óпишиим пакупáют бутылку и иду́т па са́дам — я́блаки прóбавать, у кавó фкусне́е. Пл. [КПОС]. На Спас гуля́ют. Беж. [КПОС].**

К Яблочному Спасу поспевают и ягоды в саду и в лесу: *Царни́ка, мали́на... туды ка Спáсу. Остр. [КПОС]. Ве́дро, так брусни́ка паспéет ка Спáсу. Остр. [КПОС]. Клю́ква пасля́ Спáсу паявля́лась. Порх. [КПОС]. С этого дня начинают убирать лен, лук, сеять озимые: *Со Спасова дни таскают лён, а потóм его по-**

вешят на вешала, чтоб высох. Тихв. [КСРГК]. Рош в зѣмлю, а лук з землі, эта начинáть нáда са Спáса, с двацáтава áвгуста. Порх. [КПОС]. Лук вѣтаскать до Спаса надо, вѣтаицить, высушить и сплести в плѣтки. Бат. [КСРГК]. Озімые сѣяли на Спас, ходили ф цѣркофь, святіли рош. Дн. [КПОС]. Рош-та óсинью пасѣют са Спáсу, то зель и есь. Сер. [КПОС]. Паріна [паровое поле] паслѣ Спáсу бѹдут сѣять зимавѹю рош. Остр. [КПОС]. На Спас и сиять рожь начинали, называли Спас обсіять. Тихв. [КСРГК].

ТИХОН

13 / 26 августа

Православная церковь чтит память святителя Тихона, епископа Ладожского и Воронежского, в некоторых деревнях Псковской области отмечают этот день как престольный праздник: *Пóбли Спáсу зáфсе нядѣлька дѣ нáшэвѣ Тíхона*. Гд. [КПОС].

УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

15 / 28 августа

Успение Пресвятой Богородицы — один из самых значительных православных праздников — отмечается 28 августа по новому стилю: *А двáцатъ васьмóва áвгуста в Успѣнье Светóй Багарóдицы крѣсный хот и в гóру и над гóру*. Печ. [КПОС]. *Прáзник зáфтра — Успѣние присвятóй Богорóдицы*. Печ. [КПОС].

В народной речи этот праздник называют *Успѣнье, Успенье, Успенóв день, Богорóдица, Большáя Богорóдица, Воспóжин день, Воспóжинские прáздники: Успенье́м весь óкрук прáзнует*. Тор. [ПОС]. *Успѣнаф день — 28 áвгуста, нагребѣние Мáтири Божійэй*. Печ. [ПОС]. *Двáцатъ васьмóва áвгуста Бѣгарóдица*. Оп. [ПОС]. *Кто назывáе Багарóдица, этѣ на-деревѣнски, а прáвильна — Успѣнья*. Пыт. [ПОС]. *Двáцатъ васьмóва áвгуста Балъшáя Багарóдица, ярманка в Дянісаве бѹдит*. Пуст. [ПОС]. *Воспóжин день жди да жи́цце жни*. [ПечОС]. *Две недѣли говѣньицько будѣт, тогдѣ Воспóжински прáзники*. [КПечОС]. *У меня мáтушка родíма умерлá в Воспóжин день*. [КПечОС].

К этому дню заканчивается жатва, и одновременно с Успением в народе празднуют *Пожинки*.

ПОЖИНКИ 15 / 28 августа

В тот же день, что Успение Богородицы, в народе отмечают конец жатвы. Старославянское слово *успение* современными крестьянами понимается не в первоначальном его значении ‘смерть’. В Великолукском районе Псковской области нам встретилось осмысление его как производного от глагола *спеть, поспевать*: *Два́ццать васьмо́ва Успéнье, э́та кагда́ фсё успéла, уража́й успéл, ф цэ́рки в э́тат де́нь тра́фки свéтят*. Вл. [ПОС]. В честь окончания жатвы в селе устраивают коллективный праздник с застольем, гуляньем.

Слова *обж́мки* и *отж́нки* отмечены (правда, без цитат-иллюстраций) еще в середине XIX в. в «Дополнении к “Опыту областного великорусского словаря”» с пометой «пск.» (1858 г.) и в «Кратком сборнике простонародных слов...», составленном Ив. Ил. Карповым (1855 г.). И. И. Карпов так определяет значение этих слов: «Празднество по поводу окончания жатвы». В современных говорах они уже употребляются в более общем значении: ‘праздник по поводу сбора урожая хлебов, овощей, завершения всех сельскохозяйственных работ’. *Сабирё́цца шэ́сть-во́сим чилавэ́к, адни́ тю́кают капу́сту, други́и но́сят с ага́рода, чи́стят, пабо́м хазя́йка за стол сади́т, э́та абж́мки, засто́лье*. Дем. [КСелигер]. *Абж́мки де́лают, стол то́гда саби́раю́т. Абж́мки и кагда́ капу́сту ру́бят, и карто́шку капа́ют*. Дем. [КСелигер].

В современных псковских и карельских говорах этот праздник называется *вы́женка, вы́женки, отж́ина́льница, отж́ина́льня, отж́ина́ха, пож́нки, пож́на́льники, пож́на́льня, пож́на́ха*: *Сего́дня вы́женка у нас, песни поё́м, вино пьё́м*. Онеж. [КСРГК]. *Па́жбы́нки пра́зную́т, ко́нчили́ жать, канча́ют жатьё́, знач́ит па́жбы́нки*. Гд. [КПОС].

Конец жатвы сопровождается обрядовыми действиями, способствующими урожаю на следующий год, благополучию семьи

и хозяйства. Особая магическая сила придается последнему снопу: *Кагда канчали жать, то пажынались; берём прятку саломы, абрэжэи калосья, и эти каласкі паложыи ф сноп, заплятёиш касу са ржы с цветкам и тряпачкам, эта пажынки.* Гд. [ПОС]. Небольшой пучок колосьев — *пожиналка, пожинальный сноп, пожинальная бабка, борода, баба* — оставляется несжатым, его перевязывают лентой, украшают цветами, иногда кладут угощение: *Последний сноп, как фсе пожнем, называли пожинальный, делали пожинальный сноп: половину комляли сюда, половину — туда, скоту задавали, хоть по пясточке.* Стр. [ПОС]. *Пожинальная бабка — последние, на полосе ставили сноп, пряточку и косу сплетали.* Лод. [СРГК].

Ритуальные действия на поле называют *Богу бороду оставлять (кидать), Бабу заколоть, Бабу зарезать (заплести), Бабу накормить (угостить), Заплетать бороду*: *Кагда пажынки делаем, богу борода аставляем.* Пуст. [ПОС]. *Барада: как пажнут на сваей ниве, кидаем богу бараду, пучек нибальшой, лентай перевязываем.* Нев. [ПОС]. *Бабу зарезали: косу сплятём, каласкі атрэжэм, хлэпца паложым внис и наварёх.* Гд. [ПОС]. *Баба нам хлеп вырастила, нам нада Бабу угастить.* «Ну вот, Баба, мы тебя накормили, а ты нас тожы не забывай кармить». Гд. [ПОС]. *И вот конец работы, так говорят: бабу закололи, отжались.* Бат. [КСРГК]. *Пожынки были. Ржы оставиши, заплятёиш ф косу и хлеба положыи. На пожынки идёт [жница], бабу заплятё.* Гд. [КПОС]. *Последний сноп пожали бороду заплетали, завьют, сломят, так и оставят.* Тихв. [КСРГК]. *Возьмут, оставят клочок колосьев на полосы, заплетут косу, в землю загнут.* Лод. [КСРГК]. *И кругом хазяин абносить всех жней на рюмки.* [Песни Пск. земли 1: 123].

С последним снопом связано и гаданье женщин: *Кагда канчим жать — сядим на паслённый сноп.* «Нифка, нифка, аддай нашу силку». *Пад снапок паглядим: муха или паук [там сидит] — мальчик или девочка [родится].* Беж. [ПОС].

Жницы благодарили и главное орудие — серп, — украшали его стеблями злаков — «кормили»: *Вот сереп, как пажынаюцца, так украшывають, накарमितь нада, и приговаривають: «Спасиба,*

серяпók, май рúчки пабярèк». Остр. [ПОС]. *Конец жатвы, отжинáльница, её празднавали.* Бат. [КСРГК] *Овès вьжнут, тóже отжинальню спрáвим.* [КСРГК]. *Кагда весь хлеп пожнèи — пожы́нки, пожына́льники справля́ли.* Лод. [КСРГК]. *Как ко́нчат жа́тву хлèба, дак у нас справля́ли пожина́льню.* Весёлое это вре́мя бы́ло! Подп. [КСРГК]. *Как ко́нчат жа́тву, так и начnúт пажына́льничать, весёлое время наступаёт.* Лод. [КСРГК]. *Пажы́нки, кагда́ усè сажнèм, севóдня у нас пажы́нки.* Вл. [КПОС]. *Пажы́нки: ко́нчили рабóту жать, дèлают прáзник, пèсенка паёт.* Гд. [ПОС]. Этот обряд отражается и в песнях, которые пели на празднике урожая: *Спасíба, сирпók, што миня́ ты пабярèг. Типèрь я тябя́ пабирягу́, апишани́цкай ныкармлю́.* Оп. [ПОС].

Начинают отмечать праздник прямо в поле: *Как отжéин дèлают, садятся на снопы, пèсни затыгивают, эта уш ко́нчилась жнитва.* Подп. [КСРГК]. *Нíву ко́нчили, дава́йте справля́ть прáзник; к пажы́нкам кúпят, што на́да, срáзу на нíве и атмяча́ют.* Оп. [ПОС]. Об этом поется и в песне: *Как на на́шей нйúки Сяводне абжинки, Слава богу! Ды края дажнèмся, гарèлки напьèмся, сла́ва бóгу!* Нев. [Песни Пск. земли 1: 251]. Пожилые крестьянки Вологодчины помнят, как: *На дбжинки барыня покупала вина мужикам, это уже конец жатвы.* Кирил. [КСРГК].

Но самое главное, шумное веселье происходит вечером. В просторной избе накрывался общий стол. Последний сноп приносили домой, ставили под образа в передний угол: *Пожы́нки справля́ли, послéдний сноп приноси́ли, ста́вили в úгол, самогóнчик, заку́сочка тут.* Чуд. [КСРГК]. *Пажы́нки — это когда́ рожь вьжнешь. Ко́нчим жать — сдèлаем пажы́нки.* Валд. [КСелигер]. *Пажы́нки — пожатки, все сжáли, убóрке зерна́ конèц. У нас сегóдня пажы́нки, приходи́, прáзник бóдет.* Фир. [КСелигер]. *Последний сноп дак несут домой, дак это назывáется борода́, его́ в передний угол ставят.* Вашк. [КСРГК]. *На Покрóв прáзник так бороду́, послéдний снопик, как вьжнут, поу́тру скотине и скормишь [чтобы был хороший приплод].* Валд. [СРГК]. *Пожина́лку ста́вили в перéдний угол.* Уст. [КСРГК]. *Послéдний день — пожина́ха, сноп ста́вят под образа — отжина́ха.* Пуд. [КСРГК]. *Вьженки сдела-*

ют, готовили кашу, вина накупают; с полей уберут и ходят тогда, празднуют. Карг. [СРГК].

К этому времени заканчивался строгий Успенский пост, поэтому на столе есть и вино, и мясные кушанья. Мясо заготавливали заранее: *В Успенской пост бьют олénéй*. [КПечОС]. Или забивали теленка перед застольем: *Конец жатвы, отжинальница, её праздновали, рэзали телушку, пекли пироги*. Бат. [КСРГК].

Основное обрядовое кушанье на празднике окончания жатвы — каша (мучная или крупяная) из зерна нового урожая, реже — яичница. Каша называлась по-разному: *выжинáха* (потому что варили ее, когда все выжнут); *дерíша* (потому что варилась из зерна крупного помола); *зáгуста* (потому что была густая), *мучáха*, *пожинáха*, *соломáта*: *Выжинáха, посеют да вьжнут, тогда выжинáху вáря; дак и пожинáха одно-то, тоже каша ячменная*. Плес. [КСРГК]. *В конце жатвы соломáту ели*. Вашк. [КСРГК]. *Вечером варят саламáту, толоконна каша, из толокна, пожинки празднывали*. Лод. [КСРГК]. *Остатний сноп с жнивы принесут, поставят, а потом кашу с мясом варят, саломáт*. Карг. [КСРГК]. *Когда уже все сдѣлают, пожнутя, сегодня у нас соломáта, и день, и каша такая, сегодня у нас пожинки*. Тихв. [КСРГК].

Скоромная (а значит — и редкая, «праздничная») еда — яичница. Ее не жарят на сковородке, а готовят в глиняном горшочке в русской печи из сбитых с молоком яиц: *Фсѣ сажнѣш — пажьнки, яйшницу здѣлают, на́да кáшу варíть, яйшницу пяку́т*. Гд. [ПОС]. *Все выжали, пожались. У меня пожинки сегодня, пожинальная яичница будет*. Плес. [СРГК].

На Севере, на Печоре, где в условиях сурового климата рожь не всегда поспевает, основной зерновой культурой является ячмень, и обрядовое кушанье по окончании жатвы — *фíла*, накрошенные в разогретое масло ячменные лепешки: *Когдá ечьмѣн сожну́т, то и фíлу доспѣют, то́лько вьжнешя, и фíлу дѣлают*. [КПечОС]. *Отожнѣмся, на фíлу жнут; ко́лоб испекѣш, ма́сло розогрѣют, ко́лобы накрóшат в ма́сло*. [КПечОС]. *Фила ж жы́тней муки́, обыдѣнна, на воды́ замѣсиш, натя́пкаш дь́рки, што́бы пропѣкся; вьнут ис пѣчьки, крошат его́ на крóшки, ма́слом зальют*,

фсы́ка кро́шка жы́рна, фи́ла-то жы́рна, ма́сло то́лько ско́тсько, а кто сало лю́бит, и са́льну де́лали, я и с ры́бьего са́ла де́лала; хлеба́ют ло́шкой. [ПечОС]. Когда ото́жнёшьсѧ, вы́жнешьсѧ на поля́х, мука́ жы́тня, ко́лобы спекёш, покро́шыш ф ча́шу и ма́слом за́льёш, ско́цко мо́жно и по́сно, а то и ры́бим жы́ром, вот и фи́ла [КПечОС].

Как видим, традиции, связанные с празднованием окончания жатвы, уходят в далекое прошлое, но многие из них соблюдаются и в наше время. Даже при советской власти правление колхоза организовывало и оплачивало коллективные пожинки: *Отжа́ли, — вот е́жели мы жали в колхозе, — дожали, председа́тель поку́пат вино, пиро́ги скём, варим [кашу]. Пин. [КСРГК]. Отжи́нки: рожь, ячмень, овёс кончим жать... угоще́нье де́лал колхоз. Бат. [КСРГК]. А как в колхозе были, всё отжи́на́ху вари́ли, телё́нка убу́ют, вина набе́рут, кашы́ ячневой нава́рят, супу́ [КСРГК].*

Жатва хлебов — это основная, но не единственная забота в августе. На период Успенского поста (с 14 по 28 августа) приходится и другие работы. К этому времени относится уборка гороха: *Да Успе́нья ужэ́ гаро́хи убирáют. Локн. [КПОС];* уборка яблок: *В нас и я́блаки есь, к Успе́нью сады́ ужэ́ акала́чиваю́т. Вл. [КПОС]* После Успения на Белом море начинается лов сельди, ее так и называют — успенская селедка: *Успе́нска селе́дка уж ско́ро бу́дет, тогда́ пое́дѧм. Кем. [КСРГК].*

В конце августа начинаются осенние полевые работы: вспашка поля, оставленного под паром, сев озимых: *Землю́ плу́гаи абара́чиваю́т, барну́ют; в а́вгусте ме́сяце бу́дем засе́ивать рои. [КПОС]. Абы́чна, бува́ла, наво́з во́зю́т, па́равая по́ля. В а́вгусте ужэ́ на́да рожь посе́ять. [Песни Пск. земли 1: 115, Нев.]. Кагда рои сею́т, и маро́зы ужэ́ — тагда́ жыво́тных пу́скаю́т, кагда́ зе́лень харо́шая. Жыва́ти́на зе́лень выеда́ет, абйэ́даю́т ве́рх. Холм. [КПОС].*

Выражение благодарности

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00495(а) «Псковский областной словарь с историческими данными».

СОКРАЩЕНИЯ

Картотеки и архивы

- КПечОС — Картотека «Словаря русских говоров Низовой Печоры». МСК им. проф. Б. А. Ларина. СПбГУ.
- КПОС — Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными». МСК им. проф. Б. А. Ларина. СПбГУ.
- КСелигер — Картотека словаря «Селигер. Материалы по русской диалектологии». МСК им. проф. Б. А. Ларина. СПбГУ.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей». МСК им. проф. Б. А. Ларина. СПбГУ.

Словари

- ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова и др. Вып. 1–26. Л.; СПб.: Изд-во ЛГУ/СПбГУ, 1967–2016.
- СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*. Ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

Источники

- А. тягл. I — Дьяконов М. *Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве*. Вып. II. Грамоты и записи. Юрьев, 1897. С. 53–106, № 51, 54, 55, 63, 67, 68, 70, 72–79, 83. 1627–1652 гг.
- Лет. II — *Псковская вторая летопись*. Псковские летописи. Изд. А. Насонов. Вып. II. М., 1955.
- Лет. III, Стр. — *Псковская третья летопись*. Псковские летописи. Изд. А. Насонов. Вып. II. М., 1955. Строевский список. С. 78–250 (л. 1–238об.), 1556–1567 гг.
- Песни Пск. земли — *Песни Псковской земли*. Вып. 1. Календарно-обрядовые песни (по материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории). Сост. А. Мехнецов. Л.: «Сов. композитор», Ленинградское отд-ние, 1989.

Географические названия

- Андреап. — Андреапольский район Тверской области
Арх. — Архангельская область
Аш. — Ашевский район Псковской области
Бат. — Батецкий район Новгородской области
Беж. — Бежаницкий район Псковской области
Валд. — Валдайский район Новгородской области
Вашк. — Вашкинский район Вологодской области
Вл. — Великолукский район Псковской области
Выт. — Вытегорский район Вологодской области
Гд. — Гдовский район Псковской области
Дед. — Дедовичский район Псковской области
Дем. — Демянский район Новгородской области
Дн. — Дновский район Псковской области
Канд. — Кандалакшкский район Мурманской области
Кар. — Карамышевский район Псковской области
Кач. — Качановский район Псковской области
Кем. — Кемский район Республики Карелия
Кирил. — Кирилловский район Вологодской области
Кондоп. — Кондопожский район Республики Карелия
Кр. — Красногородский район Псковской области
Лод. — Лодейнопольский район Ленинградской области
Локн. — Локнянский район Псковской области
Ляд. — Лядский район Псковской области
Медв. — Медвежьегорский район Республики Карелия
Нев. — Невельский район Псковской области
Новг. — Новгородский район Новгородской области
Н-Рж. — Новоржевский район Псковской области
Н-Сок. — Новосокольнический район Псковской области
Онеж. — Онежский район Архангельской области
Оп. — Опочецкий район Псковской области
Остр. — Островский район Псковской области
Палк. — Палкинский район Псковской области
Пен. — Пеновский район Тверской области
Печ. — Печерский район Псковской области
Пин. — Пинежский район Архангельской области
Плес. — Плесецкий район Архангельской области
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области

Порх. — Порховский район Псковской области
Пск. — Псковский район Псковской области
Пуд. — Пудожский район Республики Карелия
Пуст. — Пустошкинский район Псковской области
Пушк. — Пушкиногорский район Псковской области
Пыт. — Пыталовский район Псковской области
Себ. — Себежский район Псковской области
Сер. — Середкинский район Псковской области
Сош. — Сошихинский район Псковской области
Стр. — Стругокрасненский район Псковской области
Тер. — Терский район Мурманской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
Тор. — Торопецкий район Тверской области
Уст. — Устюженский район Новгородской области
Фир. — Фировский район Тверской области
Холм. — Холмский район Псковской области
Чуд. — Чудовский район Новгородской области

RUSSIAN NORTHWEST COUNTRY FOLKLIFE-ORTHODOX CALENDAR (SPRING-SUMMER PERIOD). PART II

*Lyudmila Ivashko, Irina Lutovinova, Marina Tarasova,
Olga Trofimkina, Irina Kukushkina*

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: airinku@mail.ru

Citation: Ivashko L., Lutovinova I., Tarasova M., Trofimkina O., Kukushkina I. (2019) Vesenne-letniy narodno-pravoslavnyy kalendar' russkogo krest'yanskogo naseleniya Severo-Zapada Rossii. Chast' II [Russian Northwest country folklife-orthodox calendar (spring-summer period). Part II]. *Severnorussskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 255–276. (in Russian)

Abstract. In the essay on the material of the Russian dialect speech of rural residents of the North-West of Russia, the peasant's life over time is presented. In chronological order, the content of some days of the summer cycle is described. The following Orthodox holidays are considered: Trinity, St. Elijah's Day (Prophet Elijah), Christmas of Saint Nicholas, the day of Boris and Gleb, Saint Pantaleon, Tikhon, the day of Basil Fool for Christ, the Transfiguration of Jesus, the day of the Theotokos of Smolensk (Hodegetria), the Feast of the Dormition of the Mother of God (one of Great feasts in the Eastern Orthodox Church) and others, including such little known as the day of John the Warrior or the Seven holy martyrs Maccabees (The woman with seven sons). Such Orthodox traditions as Zagovenie and Post (Fasting) are considered. According to the stories of the villagers, peasant rituals and customs dedicated to these holidays (both related to the Orthodox tradition and pre-Christian), signs and long-term weather observations related to these days are recreated. Also some agricultural Slavic festivals — Medovy and Yablochny Spas (the Honey Feast of the Saviour and The Apple Feast of the Saviour), Pozhinki (the end of the harvest season) — are described. There are also evidence recorded in the medieval monuments of writing (mainly in documents created in the historical territory of the Principality of Pskov). The material is extracted from dialect dictionaries (Pskov Regional Dictionary, Seliger Dictionary, Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora, Dictionary of Russian Dialects of Karelia and adjacent areas), as well as from the archive of dialect texts recorded in the Russian North (Mezensky District, Pinezhsky District of Arkhangelsk Oblast, Vologda Oblast).

Keywords: ethnography, dialect, Pskov regional dictionary, church calendar, folk calendar, saint's day, revered saint, ritual.

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project № 19-012-00495(a) "Pskov Regional Dictionary with Historical Data".

References

Gerd A. S. (Ed.) (1994–2005) *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and contiguous areas]. Vol. 1–6. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU. (in Russian)

Ivashko L. A., Lutovinova I. S., Tarasova M. A. et al. (eds.) (1967–2016) *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Vol. 1–26. Leningrad; St. Petersburg: Izd-vo LGU/SPbGU (the publication continues). (in Russian)

Mekhnetsov A. (1989) *Pesni Pskovskoy zemli. Vol. 1. Kalendarno-obryadovyye pesni (po materialam fol'klornykh ekspeditsiy Leningradskoy konservatorii)* [Songs of the Pskov land. Issue 1. Calendar-ritual songs (based on folklore expeditions of the Leningrad Conservatory)]. Leningrad: Sovetskiy kompozitor. (in Russian)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПИНЕГИ. ЗАГАДКИ О ПРИРОДЕ

*Левичкин Александр Николаевич*¹,
*Крылова Ольга Николаевна*¹,
Гайдамашко Роман Валентинович^{1,2}

¹ Институт лингвистических исследований РАН,

² Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: alevi66@gmail.com

Цитирование: Левичкин А. Н., Крылова О. Н., Гайдамашко Р. В. (2019) Фольклорные материалы Пинег. Загадки о природе. *Севернорусские говоры*, 18: 277–297.

Аннотация. В Институте лингвистических исследований РАН хранится картотека пинежских говоров, материалы которой используются при составлении «Словаря русских народных говоров» и в настоящее время готовятся к отдельной публикации. Среди материалов картотеки выделяются фольклорные записи — пословицы, поговорки, народные приметы, загадки, частушки и другие образцы малых жанров фольклора. Г. Я. Сими́на, под руководством которой организовывались диалектологические экспедиции на Пине́гу, ввела в научный оборот часть этих фольклорных материалов. Результатом такой работы стала книга «Пинежские сказки» [Сими́на 1975] и статья «Народные приметы и поверья Пинежья» [Сими́на 1981]. Но большая часть этих материалов не вошла в указанные работы и осталась неопубликованной.

В вводной части настоящей статьи: дан краткий обзор наиболее важных исследований, посвященных публикации и изучению русских загадок; приведены точки зрения на вопрос включения фольклорных данных в диалектные словари; указаны некоторые особенности представленных в пинежской картотеке загадок, годы и населенные пункты их записи. В основной части статьи представлены наиболее интересные примеры из бытующих на Пинеге загадок о природе. Загадки расположены по

тематическим группам «Время года, время суток», «Небо и земля, небесные светила», «Погодные явления», «Река», «Растительный мир», «Животный мир».

Ключевые слова: пинежские говоры, фольклор, загадка, диалектная лексика.

Введение

«Язык — сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности — в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи» [Тер-Минасова 2000: 14].

Загадки появились очень давно, первые упоминания о бытовании загадок можно встретить в летописях, в памятниках древнерусской письменности середины XVII в. Однако собирание, издание текстов этого жанра началось сравнительно недавно. В диссертации О. Н. Говорковой [Говоркова 2004] подробно представлены три этапа в истории собирания русских народных загадок. В настоящей статье мы лишь кратко остановимся на основных работах, посвященных изданию и изучению загадок.

Историю публикации и изучения русских загадок обычно ведут с XVIII в., когда выходит сборник загадок В. А. Левшина «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени» [Левшин 1773]. Затем последовали публикации Н. И. Новикова [Новиков 1871], М. Д. Чулкова [Чулков 1770]. К середине XIX в. формируются научные принципы публикации загадок. Большое значение имеет книга И. П. Сахарова «Сказания русского народа» [Сахаров 1836–1837], содержащая среди прочих данных фольклора и загадки. Книга его, однако, подверглась научной критике за возможное редактирование материала. Затем последовали публикации Г. Парихина [Парихин 1842], И. М. Снегирева [Снегирев 1837–1839], А. В. Терещенко [Терещенко 1848]. Важным этапом стал труд В. И. Даля «Пословицы русского народа», в котором содержались также и загадки [Даль 1861–1862]. В дальнейшем бы-

ли опубликованы сборники загадок И. А. Худякова «Великорусские загадки» [Худяков 1861] и Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач» [Садовников 1876] и «Сказки и предания Самарского края» [Садовников 1884]. Загадки стали часто публиковаться в различных журналах (см. публикации В. Арефьева, А. Балова, П. Дилакторского, М. Едемского, Н. Иваницкого, А. Неуступова, В. Серебренникова и др.). В советское время загадки входили в разные сборники фольклора (напр., «Печорский фольклор», «Фольклор Чкаловской области», «Фольклор Саратовской области»). В 1932 г. был опубликован сборник «Загадки» М. А. Рыбниковой [Рыбникова 1932]. Позднее фольклористы неоднократно обращались к различным теоретическим вопросам, связанным с жанром загадки (см. работы Ю. М. Соколова, Н. П. Андреева, И. И. Вознесенского, Е. Н. Елеонской, И. М. Колесницкой, А. В. Маркова, В. П. Аникина, В. В. Митрофановой, А. И. Гебстмана, Е. А. Гулыги, С. Г. Лазутина).

В послевоенное время усилился интерес к загадкам со стороны лингвистов. Среди работ, где загадки исследуются как явление языка, можно выделить публикации Л. В. Капорулиной, З. М. Волоцкой, Т. Н. Кондратьевой, В. В. Чернышева. Структурно-семиотический подход разрабатывал Г. Л. Пермяков, результатом такого подхода стали сборники статей «Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст)» [Пермяков 1978] и «Паремиологические исследования» [Пермяков 1984]. В 1994–1999 гг. была издана коллективная монография «Исследования в области балтославянской духовной культуры. Загадка как текст» [Николаева 1994–1999]. Позднее появились работы Т. В. Топоровой, А. Н. Журина, С. И. Журавлевой. Среди большого количества научных педагогических статей, появившихся во второй половине XX в., можно отметить работы М. И. Афанасьевой, Л. П. Бессонова, Т. С. Веселовой, А. В. Гончаровой, В. А. Григоренко и др.

Во второй половине – конце XX в. опубликованы сборники «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках

XVIII–XX в.» [Путилов 1961], антология «Загадки» [Загадки 1968], «Детский поэтический фольклор. Антология» [Мартынова 1997] и «Пословицы. Поговорки. Загадки» [Мартынова, Митрофанова 2000]. В 2002 г. в серии «Библиотека русского фольклора» вышел сборник «Детский фольклор» [Детский фольклор 2002].

В данной статье авторы не ставили перед собой цель решить дискуссионный вопрос относительно привлечения фольклорных данных в диалектные словари. Важность фольклорных материалов для составления областных словарей отмечали многие исследователи (см. [Костючук 2015; Бобунова 2018; Баженова 2018; Мызников 2018; Левичкин, Мызников 2014]). Отметим только, что существует два сложившихся подхода к вопросу включения фольклорных данных в диалектные словари, на которые указал в своей статье Ф. П. Сороколетов [Сороколетов 1974]. Первый подход, вслед за Ф. П. Филиным [Филин 1961] и А. П. Евгеньевой [Евгеньева 1963], предполагает включение таких данных. О реализации такого подхода в «Словаре русских народных говоров» см. [Мызников 2018]. Второй — не отрицает важность фольклорных данных, но предполагает, что они должны быть представлены в отдельном словаре [Десницкая 1970; Орлова, Сологуб 1957]. Вторым принцип был реализован в словаре М. А. Бобуновой, А. Т. Хроленко «Словарь языка русского фольклора: лексика былины» [Бобунова, Хроленко 2006].

Пинежские загадки как этнографический и лингвистический источник

Изучая загадки, мы можем составить представление о традиционном быте и занятиях крестьян: какие орудия труда и какую домашнюю утварь они использовали, какие животные и птицы их окружали, что росло в поле и огороде, что и как изготовлялось в крестьянском хозяйстве. М. А. Рыбникова писала: «Все кругом примечено и отмечено загадкой и широко и узко одновременно. Тут и солнце, и река, и тучи, и ветер, но рядом еще больше постоянства во внимании к частностям и деталям хозяйственного быта и инвентаря» [Рыбникова 1932: 14]. В наших мате-

риалах нашли отражение загадки на следующие темы: домашнее хозяйство (утварь и посуда), инструменты, жилище, внутреннее убранство, пища и питье, деревья, домашние животные, насекомые, прядение и ткачество, земледелие, средства передвижения, одежда, дворовое хозяйство, огород, лес, река, небесные светила и погодные явления, церковь.

В материалах видно отражение лексических вариантов, когда некоторые слова в загадке могут заменяться другими, часто близкими по смыслу:

Щу́ка в мо́ре
хвост на угóре.
(Ковш в ушате)
Веркола, 1973.

Без рук, без нок
ворóта отворя́ет.
(Ветер)
Козлово, 1972.

Утка в море,
а хвост на забóре.
(Ковш)
Хаймусово, 1972.

Без рук, без ног,
а калитку открывает.
(Ветер)
Хаймусово, 1972.

У́тка в мо́ри,
хвост на угóри.
(В ушате ковш)
Богатка, 1963.

Диалектные материалы содержатся не только в основном тексте загадки, но иногда и в отгадках, если отгадка также записана от диалектоносителя. В таких случаях рассказчик обычно подробно объясняет значение слов в загадке, используя диалектную лексику:

Опрóшка скака́ла, скака́ла
и брюшко наскака́ла.
(Éто простино́к и́ли верятне́.
На веретно́-то напредё́ш —
брю́шко)
Марьяна Гора, 1959.

Худá худы́шка
ф силышки.
(Отгóтка: ёто пуго́фка ф пё-
телке, си́лышка ёто пётелка)
Марьяна Гора, 1959.

Штуцька
в штуцьке елецёк,
цифця, пруток.
(Отготка: ткут: дак цёлнок
в серётку-то цвицьку-то по-
ложат деревянной пруток
называецца, окушок — прут-
тоцек)

Марына Гора, 1959.

Одін ходит,
другой вóдит,
трéтий пэсенки поёт.
(Отготка: ёто двери, я вожу́,
двэри-ти ходят, крющьки
циркают ти ноги)
Марына Гора, 1959.

Большинство представленных в картотеке пинежских загадок записано в следующих населенных пунктах: Валдокурье, Вихтово, Кеврола, Марына Гора, Матвера, Нюхча, Чучепога, Хаймусово, Шардонемь. Записи относятся к 1959–1974 годам. Часть примеров взята из материалов, хранящихся в Архиве Русского географического общества (Архив РГО, разряд 1, опись 1, № 55).

Загадки расположены по темам. Внутри тематических групп они расположены по отгадкам в алфавитном порядке. После каждой загадки дается отгадка (если она есть в материалах), населенный пункт и год записи. Все загадки даются так, как они записаны собирателями.

Пинежские загадки о природе

Время года, время суток

Не болéла,
а бéлой саван одéла.
(Зима)
Чучепога, 1972.

Чёрна овца́,
фся в огнё горит.
(Ночь)
Чучепога, 1972.

Небо и земля, небесные светила

Што на свéти фсех жырнё?
(Земля)
Кеврола, 1959.

Сестра г брату в гости идёт,
а брат за лесá убегает.

А брат от сёстры за лес пря-
цеца.

(Луна и солнце. Бывало с прел-
кой заготки загадывали)

Вихтово, 1958.

Над поповой клётью
коворига вёснё.

(Месяц на нёбе)

Кеврола, 1970.

Кто над нами
вверх ногами?

(Месяц)

Церкова Гора, 1959.

Над бабушкиной избушкой
висит хлеба краюшка,

собаки лают,

достать не могут.

(Месяц)

Хаймусово, 1972.

Нат поповой клётью
коврига висё,

собаки лают,

достать не мógут.

(Месяць или луна)

Марына Гора, 1959.

Поле не мёряно,

о́фци не сцítаны,

пастúх рогát.

(Небо, месяц, звезды)

Нюхча, 1974.

Синенька шубóнька покрýла
весь мир.

(Небо)

Чучепога, 1972.

Што со стéны не сцесáть?

(Солнечные лучи, солнце)

Нюхча, 1974.

Чего́ в яшши́к не замкнúть.

(Соньцё)

Матвера, 1964.

Цего́ же в яшшы́к не замкнúть?

(Солнышка)

Марына Гора, 1959.

Погодные явления

Без рук, без нок
ворóта отворя́ет.

(Ветер)

Козлово, 1972.

Без рук, без ног,
а калитку открывает.

(Ветер)

Хаймусово, 1972.

Шумít,

гудít

цёлой век,

а не человек.

(Ветер)

Чучепога, 1972.

Туда-сюда хóдит,

а следóв не вíдно.

(Ветер)

Хаймуово, 1972.

Меня цястёнко ждуд,
а как покажусь,
так и прятацця нацнўт.

(Отготка: до́жжык)

Марына Гора, 1959.

То́нок и до́лок,
а ф тра́фке не вiтко.

(Отготка: до́жжык)

Марына Гора, 1959.

Одiн льёт,
другой пьет,
третий растёт.

(Дождь, земля, растение)

Хаймуово, 1972.

Без ног, без рук,
а рабóтать умеет.

(Мороз)

Хаймуово, 1972.

Без рук, без ног,
а рисовать умеет.

(Мороз)

Валдокурье.

Без рук, без ног,
а рисует.

(Мороз)

Чучепога, 1972.

Кра́шено коромы́сло,
над реко́й повисло.

(Радуга)

Чучепога, 1972.

Бело покрывало
на земле лежало.

Лето пришло —
оно все сошло.

(Снег)

Хаймуово, 1972.

Стáтерть бела
весь снeк одеда.

(Отготка: ёта снeк падé)

Марына Гора, 1959.

Што со стeнi не сцóшеш.

(Тень)

Нюхча, 1974.

Летiт орлица
по сiнему нéбу,
крýлья распласта́ла,
сóлнышко застла́ла.

(Туча)

Нюхча, 1974.

Сéрое сукно
тянецца в окно.

(Туман)

Валдокурье, 1972.

Языкóв не знат,
а кáжной отвeчaт.

(Эхо)

Чучепога, 1972.

Што со фсéми говорiт,
а ево́ не вiдно.

(Эхо)

Валдокурье, 1972.

Река

Сáни бежáт,
а оглóбли лежáт.
(Отгóтка: рекá. Рекá бежýт,
а берягá лежáт, берягá — ёто
оглобли)

Марына Гора, 1959.

Долгá долгýша,
кудý пошлá
у тебá остри́женная ж...
тебе-то што.

(Река и луг)
Нюхча, 1974.

Долгá долгýша,
кудý пошлá?
А тебе, остри́женная жо́па,
какóе дéло.

(Река и пожня)
Нюхча, 1974.

Одýн говорýт — подойдём,
а другóй говорýт — покочé-
емся.

(Отгадка: река да куст)
Матвера, 1964.

Сáни бежá,
оглóбли стоя́.
(Рекá и бéрек)
Шардомень, 1963.

Заготка
Однó говорýт — побежýм.

друго — побежýм (sic!),
а третье — покач́аемся.
(Река, песок, кусьё)
Шотогорка, 1959.

Долга-долгýша,
кудý пошлá?
Што тебе за дéло,
стри́жена ж..а?
(Наволóк и река)
Кеврола, 1970.

Долгá-долгýша,
кудá пошлá,
а остри́жана ж...,
тебе-то што.
(Наволóк-то лук скóшенный)
(Отгадка: река и наволóк)
Матвера, 1964.

Долга долгуша
куда пошла,
а острижана ж-па
тебе-то што.
(Река и наволóк)
Матвера, 1964.

Один говорит: побежýм,
другой говорит: посто́им,
трéтей говорит: покач́аемся.
(Река, наволо́к, куст)
Кеврола, 1970.

Долга́ долгу́ша
куды́ пошла́,
стри́жена ж-па,
тебе́-то штó.
(Река́ бежы́т)
Шардоме́нь, 1963.

Под мосто́м, под я́ростом
лежы́т кафтан раструбистый.
(Стремнина, быстрое течение
реки)
Валдокурье, 1972.

Растительный мир

Стоит дере́во, при нём четы́ре
уго́дья.

Пе́рвое уго́дье, некопаный ко-
ло́дец.

Друго́е, при темне́ свет.

Третье уго́дье, бы́тому связь.

Четве́ртое уго́дье, уста́лому на
здо́ровье.

(Береза)

Валдокурье, 1972.

На како́м дере́ве две ко́жы?

(На берёзы, наверху́ бересто,
а внизу́ дуп)

Мары́на Го́ра, 1959.

Ма́ленькой ма́льчик
скро́зь зе́млю проше́л,
красну шапочку нашёл.

(Гриб красноплеший)

Матве́ра, 1964.

Весно́й веселит,
летом холодит,
осе́нью пита́ет,
зимо́й согрева́ет.

(Дерево)

Хайму́сово, 1972.

Зимо́й и лето́м
одним цвето́м.

(Ёлка)

Хайму́сово, 1972.

Зимо́й и лето́м

фсе́ одним цвето́м.

(Ель)

Чучепо́га, 1972.

Пан Па́нович

сел на́ воду,

сам не потону́л

и водо́й не смути́л.

(Лист)

Матве́ра, 1964.

Пан Пано́виць

пал на́ водо́у,

водо́й не сколубну́л

и сам не потону́л.

(Отготка: это́ листо́цёк паде́ на
воду́ от куста)

Мары́на Го́ра, 1959.

Пан Пано́виць

па́л на́ водо́у,

сам не потону́л,

воды не сколубнъл.
(Лист на воде)
Кеврола, 1970.

Красенька мокушка,
беленькой серок.
(Малина сама красна, а белень-
кий серок-от)
Нюхча, 1974.

Красенька шакшуска,
беленькой херок.
(Остайецца, как малину возь-
меш)
Нюхча, 1967.

Росло повыросло,
ис портокóф повылезло,
красно залупилось,
на свет появилось.
(Морошка)
Шотогорка, 1959.

Росло повыросло,
ис пелёночек вылезло,
красно появилось,
на зубах оцудилось.
(Отготка: это морошка, ягода)
Марьина Гора, 1959.

Росло повыросло,
ис порткóф повылезло,
красно появилось,
с краей залупилось.
(Ягоды морошки)
Шардонемь, 1963.

Мягок, а не пух,
зелен, а не трава.
(Мох)
Чучепога, 1972.

В маленьком горшочке
сладкая опарка.
(Орех)
Валдокурье, 1972.

Росло повыросло,
по рукам покатилося,
на зубах оцудилось.
(Орех)
Шардонемь, 1963.

Летом дэфка,
а зимой жонка.
(Это пень. Веть ф повойниках
жонки ходили. Зимой снек
шаткой, как повойник)
Шотова, 1963.

Стоит красна девица,
соклонилась,
переломилась.
(Отготка: это про сосну)
Марьина Гора, 1959.

По полу, по лафке
натыканы булафки.
(Сучье)
Матвера, 1964.

По полу, по лафкам
натыканы булафки.
(То сучки)
Марьина Гора, 1959.

Животный мир

Мáленькой мальці́шко,
рва́ной армяці́шко,
по двора́м шваряё,
кро́хи собираё,
на поля́х ноціоё,
коноплé ворюё.
(Отгóтка: воробéй)
Марына Гора, 1959.

Велі́ коро́ву це́рес лóбово,
це́рес но́сово,
а на но́коте убі́ли.
(Вошь)
Нюхча, 1974.

Без рук, без топорéнка
постро́ена избéнка.
(Гнездо)
Козлово, 1972.

Лéтом серый, зимой белый.
(Зяец)
Хаймусово, 1972.

Леті́т пті́ца
не сині́ца,
носóк то́нок,
го́лос зво́нок,
кто еé убьё́т,
тот сво́ю кро́вь прольё́т.
(Комар)
Чучепога, 1972.

Ни зверь, ни пті́ца,
а нос как спи́ца.
(Комар)
Валдокурье, 1972.

В тёмном лесе́
бе́рда весят.
(Комары)
Валдокурье, 1972.

Вылёта́ла пті́цька из-за́ моря,
крыла́ста, голоса́та.
И хто́ э́ту пті́цьку убьё́т,
тот сво́ю крофь прольё́т.
(Комар)
Вихтово, 1958.

Чёрне́нкой хохоло́к
воткнү́лся в потоло́к.
(Муха на потолке)
Чучепога, 1972.

Што над на́ми
вверх нога́ми.
(Отготка: это муха по потоло́ки
бегаёт)
Церкова Гора, 1959.

По́т поло́м-поло́м
хо́дит ба́рышня с коло́м.
(Мышь)
Нюхча, 1974.

Кóничек голу́бой,
его до́ма-ти не лю́бят,

на базари-ти купят.
(Мышь)
Кеврола, 1960.

Пот полóm-полóm
хóдит бáрышня с колóm.
(Мышь с хвостом)
Веркола, 1973.

Пóд полóm-полóm
хóдит бáрошня с колóm.
(Это мышь с хвостом)
Подрадьё, 1971.

Пот полóm-полóm
хóдит бáрыня с колóm.
(Мышь с хвостом)
Матвера, 1964.

Кóницек голубый,
ёго дóма-ти не любят,
и на базаре не купят.
(Отготка: мышóнок)
Марьина Гора, 1959.

Одéжды себе не шью,
а ткань всегда тку.
(Паук)
Чучепога, 1972.

В углу висит сито,
не руками свито.
(Паутина)
Чучепога, 1972.

Без рук, без топора
построена избёшка.
(Паутина)
Валдокурье, 1972.

Без рук, без топорёнка
построена избёнка.
(1. Паучья паутина. 2. Птичье
гнездо)
Валдокурье, 1972.

Што на повесть не забросиш.
(Перо птицы)
Валдокурье, 1972.

Чего на хорóмы не забросить.
(Перо)
Матвера, 1964.

Што за крышу не забросишь.
(Перо)
Нюхча, 1974.

А чего же на хорóмы
не забросить?
(Отготка: пёрышка, хорóмы ёто
крыша)
Марьина Гора, 1959.

Хто над нами
вверх ногами.
(Тараканы)
Матвера, 1964.

Заключение

Необходимость исследования языка фольклора была определена еще в начале XIX в., когда начался активный сбор памятников устного народного творчества. Слово в фольклоре, и, в частности, в загадке не просто языковая единица, в нем воплотились восприятие и оценка нашими предками окружающего мира.

Загадки, записанные Г. Я. Симиной в ходе диалектологических экспедиций на Пинегу, сохраняют названия знакомых и незнакомых реалий (*хоромы, кафтан, коромысло, пожня, угор, оглобли, повойник, опарка, простинок*), а также отражают региональные фонетические особенности (например, цоканье). Изучение лексического богатства, представленного в фольклорных текстах, необходимо для более полного исследования лексико-семантической системы говора.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09039.

Литература

Абдрошитова М. О. (2013) Своеобразие загадки как жанра фольклорного дискурса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 4 (22), ч. 1: 15–18.

Баженова Т. Е. (2018) Фольклорные тексты как источник самарского регионального словаря. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)* 2018. СПб.: ИЛИ РАН: С. 9–26.

Бобунова М. А. (2018) Русское фольклорное слово в зеркале словаря (о лексикографическом опыте курских лингвофольклористов). *Вопросы лексикографии*, 13: 141–153.

Бобунова М. А., Праведников С. П., Хроленко А. Т. (2003) *Проблемы фольклорной диалектологии*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та.

Бобунова М. А., Хроленко А. Т. (2006) *Словарь языка русского фольклора: Лексика быliny*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та.

Быкова А. А. (1996) *К вопросу об определении загадки. Паремнологические исследования*. М.: Наука: 105–107.

Говоркова О. Н. (2004) *Русская народная загадка: история собирания и изучения*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.

Десницкая А. В. (1970) *Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка*. Л.: Наука.

Евгеньева А. П. (1963) *Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв.* М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Костючук Л. Я. (2015) К использованию фольклорных текстов в диалектном словаре (из опыта «Псковского областного словаря с историческими данными»). *Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*, 1: 108–117.

Левичкин А. Н., Мызников С. А. (2014) О фольклорных данных в «Словаре пинежских говоров». *Славянская диалектная лексикография*. СПб.: Нестор-История: 102–103.

Мызников С. А. (2018) Лексика фольклора в «Словаре русских народных говоров»: теоретическая база и лексикографическая практика. *Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов*. М.: Институт славяноведения РАН: 202–211.

Николаева Т. М. (ред.) (1994–1999) *Исследования в области балтославянской духовной культуры. Загадка как текст*. Т. 1–2. М.: Издательство «Индрик».

Орлова В. Г., Сологуб А. И. (1957) Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка. *Лексикографический сборник*, 2: 20–30.

Пермяков Г. Л. (ред.) (1984) *Паремiologicalические исследования*. Сб. статей. М.: Наука.

Пермяков Г. Л. (ред.) (1978) *Паремiologicalический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст)*. М.: АН СССР, Ин-т востоковедения.

Праведников С. П. (2010) *Основы фольклорной диалектологии*. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та.

Праведников С. П. (2011) *Территориальная дифференциация языка русского фольклора*. Дисс. ... д. филол. наук. Курск.

Симина Г. Я. (1975) *Пинежские сказки*. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во.

Симина Г. Я. (1981) Народные приметы и поверья Пинежья. *Русский фольклор*, т. XXI. Поэтика русского фольклора. Л.: Наука: 99–114.

Сороколетов Ф. П. (1974) Произведения фольклора и диалектные словари. *Диалектная лексика* 1973. Ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука: 193–204.

Тер-Минасова С. Г. (2000) *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово / Slovo.

Филин Ф. П. (1961) *Проект «Словаря русских народных говоров»*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Хроленко А. Т. (2008) Лингвофольклористика. Листая годы и страницы. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та.

Сокращения

Даль 1861–1862 — Даль В. И. *Пословицы русского народа*. М., 1861–1862.
Детский фольклор 2002 — *Детский фольклор*. Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. М., 2002. (Библиотека русского фольклора; Т. 13).

Загадки 1968 — *Загадки*. Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л., 1968.

Левшин 1773 — *Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени*, изд. В. А. Левшиным. М., 1773.

Мартынова 1997 — *Детский поэтический фольклор: Антология*. Сост. А. Н. Мартынова. СПб., 1997.

Новиков 1871 — Новиков Н. И. *Увеселительные загадки со нравоучительными отгадками, состоящие в стихах*. М., 1871.

Парихин 1842 — Парихин Г. *Русские народные загадки*. Маяк, 1842. Т. 6. Кн. 11.

Мартынова, Митрофанова 2000 — *Пословицы. Поговорки. Загадки*. Сост., послесл., коммент. А. Н. Мартыновой, В. В. Митрофановой. М., 2000.

Путилов 1961 — *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX в.* Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова и Г. Г. Шаповалова. Отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л., 1961.

Рыбникова 1932 — Рыбникова М. А. *Загадки*. М., 1932.

Сахаров 1836–1837 — *Сказания русского народа о семейной жизни своих предков*, собр. И. П. Сахаровым. СПб., 1836. Ч. 1. 1837. Ч. 2.

Садовников 1876 — *Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач*. Сост. Д. Н. Садовников. СПб., 1876.

Садовников 1884 — *Сказки и предания Самарского края*. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. СПб., 1884.

- Снегирев 1837–1839 — Снегирев И. М. *Русские протонародные праздники и суеверные обряды*. М., 1837–1839. Вып. 1–4.
- Терещенко 1848 — Терещенко А. В. *Быт русского народа*. СПб., 1848.
- Худяков 1861 — Худяков И. А. *Великорусские загадки*. М., 1861.
- Чулков 1770 — Чулков М. Д. *Древние русские протонародные загадки*. Парнасский щепетильник. СПб., 1770.

FOLKLORE MATERIALS FROM PINEGA. RIDDLES ABOUT NATURE

*Alexander Levichkin*¹, *Olga Krylova*¹,
Roman Gaidamashko^{1,2}

¹ Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,

² A. Herzen Russian State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: alevi66@gmail.com

Citation: Levichkin A., Krylova O., Gaidamashko R. (2019) Fol'klornyye materialy Pinegi. Zagadki o prirode [Folklore materials from Pinega. Riddles about nature]. *Severnorusskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 277–297. (in Russian)

Abstract. There is the card-index of Pinega dialects in the Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. Its materials are used in compiling the “Dictionary of Russian Folk Dialects” and are currently being prepared for separate publication. Among the materials of the card-index there are folklore recordings — proverbs, sayings, folk signs, riddles, ditties and other examples from small folklore genres. G. Ya. Simina, under whose leadership dialectological expeditions to Pinega were organized, introduced a part of these folklore materials into scientific circulation. Result of such work became the book “Pinega fairy tales” [Simina 1975] and article “Folk signs and beliefs of Pinega” [Simina 1981]. But the most part of these materials was not included in these works and remained unpublished.

The introductory part of the present article 1) gives a brief overview of the most important studies devoted to the publication and study of Russian riddles, 2) provides views on the inclusion of folklore data in dialect dictionaries, 3) indicates some features of the riddles presented in the Pinega card-index, years and settlements of recordings. The main part of the article presents the most interesting examples of Pinega riddles about nature. The riddles are arranged by thematic groups “Season, time of day”, “Sky and earth, celestial bodies”, “Weather events”, “River”, “Plant world”, “Animal world”.

Keywords: Pinega dialects, folklore, riddle, dialect vocabulary.

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-29-09039.

References

Abdroshitova M. O. (2013) Svoeobraziye zagadki kak zhanra fol'klornogo diskursa [Originality of the riddle as a genre of folklore discourse]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 4 (22), 1: 15–18. (in Russian)

Bazhenova T. Ye. (2018) Fol'klornyye teksty kak istochnik samarskogo regional'nogo slovarya [Folklore texts as a source of the Samara regional dictionary]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and research)] 2018. St. Petersburg: ILI RAN: 9–26. (in Russian)

Bobunova M. A. (2018) Russkoye fol'klornoye slovo v zerkale slovarya (o leksikograficheskom opyte kurskikh lingvofol'kloristov) [The Russian folklore word as reflected in dictionaries (concerning the lexicographic experience of linguofolklorists from Kursk)]. *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], 13: 141–153. (in Russian)

Bobunova M. A., Pravednikov S. P., Khrolenko A. T. (2003) *Problemy fol'klornoy dialektologii* [Problems of folk dialectology]. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta. (in Russian)

Bobunova M. A., Khrolenko A. T. (2006) *Slovar' yazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny* [Dictionary of the Russian folklore language: Vocabulary of Bylina]. Kursk. (in Russian)

Bykova A. A. (1996) K voprosu ob opredelenii zagadki [To the question of the definition of riddles]. *Paremiologicheskiye issledovaniya* [Paremiological studies]. Moscow: 105–107. (in Russian)

Desnitskaya A. V. (1970) *Naddialektnyye formy ustnoy rechi i ikh rol' v istorii yazyka* [Supra-dialectal forms of oral speech and their role in the history of language]. Leningrad: LO Nauka. (in Russian)

Filin F. P. (1961) *Proyekt «Slovarya russkikh narodnykh govorov»* [Project of the “Dictionary of Russian folk dialects”]. Moscow; Leningrad. (in Russian)

Govorkova O. N. (2004) *Russkaya narodnaya zagadka: istoriya sobiraniya i izucheniya: dis. ... kand. filol. nauk* [Russian folk riddle: the history of collecting and studying: dis. ... Cand. philol. sciences]. Moscow. (in Russian)

Khrolenko A. T. (2008) Lingvol'kloristika. Listaya gody i stranitsy [Linguistic folkloristics. Leafing through years and pages]. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta. (in Russian)

Kostyuchuk L. Ya. (2015) K ispol'zovaniyu fol'klornykh tekstov v dialektnom slovare (iz opyta «Pskovskogo oblastnogo slovarya s istoricheskimi dannymi») [On the use of folklore texts in a dialect dictionary (from the experience of the “Pskov Regional Dictionary with Historical Data”)]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnyye nauki»* [Bulletin of the Pskov State University. Series “Social and Human Sciences”], 1: 108–117. (in Russian)

Levichkin A. N., Myznikov S. A. (2014) O fol'klornykh dannykh v «Slovare pinezhskikh govorov» [On folklore data in the Dictionary of Pinega dialects]. *Slavyanskaya dialektnaya leksikografiya* [Slavic dialect lexicography]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya: 102–103. (in Russian)

Myznikov S. A. (2018) Leksika fol'klora v «Slovare russkikh narodnykh govorov»: teoreticheskaya baza i leksikograficheskaya praktika [The vocabulary of folklore in the “Dictionary of Russian folk dialects”: theoretical base and lexicographical practice]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii 19–20. Slavyanskiye dialekty v sovremennoy yazykovoy situatsii. Dialektnyy slovar' kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov* [Studies in Slavic dialectology 19–20. Slavic dialects in the modern language situation. Dialect dictionary as a way to study Slavic dialects]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN: 202–211. (in Russian)

Nikolayeva T. M. (1994–1999) (ed.) *Issledovaniya v oblasti baltoslavianskoy dukhovnoy kul'tury. Zagadka kak tekst* [Studies on Baltic-Slavic traditional spiritual culture. Riddle as text]. Vol. 1–2. Moscow. (in Russian)

Orlova V. G., Sologub A. I. (1957) Izucheniye dialektnoy leksiki pri podgotovke oblastnykh (regional'nykh) slovarey russkogo yazyka [Studying dialect vocabulary in the preparation of regional dictionaries of the Russian language]. *Leksikograficheskiy sbornik* [Lexicographic collection], 2. Moscow: 20–30. (in Russian)

Permyakov G. L. (1978) (comp., ed., preface) *Paremiologicheskiy sbornik. Poslovitsa. Zagadka (struktura, smysl, tekst)* [Paremiological collection. Proverb. Riddle (structure, meaning, text)]. Moscow. (in Russian)

Permyakov G. L. (1984) (ed.) *Paremiologicheskiye issledovaniya. Sbornik statey* [Paremiological studies. Collection of articles]. Moscow. (in Russian)

Pravednikov S. P. (2010) *Osnovy fol'klornoy dialektologii* [Fundamentals of folklore dialectology]. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta. (in Russian)

Pravednikov S. P. (2011) *Territorial'naya differentsiatsiya yazyka russkogo fol'klora: dis. ... kand. filol. nauk* [Territorial differentiation of the language of Russian folklore: dis. ... Cand. philol. sciences]. Kursk. (in Russian)

Simina G. Ya. (1975) *Pinezhskiy skazki* [Pinega fairy tales]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoye knizhnoye izd-vo. (in Russian)

Simina G. Ya. (1981) Narodnyye primety i pover'ya Pinezh'ya [Folk signs and beliefs of Pinega region]. *Russkiy fol'klor. T. XXI. Poetika russkogo fol'klora* [Russian Folklore. Vol. 21. Poetics of Russian folklore]. Leningrad: Nauka: 99–114. (in Russian)

Sorokoletov F. P. (1974) Proizvedeniya fol'klora i dialektnyye slovari [Folklore writings and dialect dictionaries]. *Dialektnaya leksika* [Dialect vocabulary], 1973. Leningrad: Nauka: 193–204. (in Russian)

Ter-Minasova S. G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo. (in Russian)

Yevgenyeva A. P. (1963) *Ocherki po yazyku russkoy ustnoy poezii v zapisyakh XVII–XX vv.* [Essays on the language of Russian oral poetry in the records of the 17th–20th centuries]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. (in Russian)

НАЗВАНИЯ МАГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (на материале мифологических текстов Пермского края)

Русинова Ирина Ивановна

Пермский государственный национальный
исследовательский университет;
Пермский федеральный исследовательский
центр УрО РАН,
Пермь, Россия
E-mail: irusinova@mail.ru

Цитирование: Русинова И. И. (2019) Названия магического знания (на материале мифологических текстов Пермского края). *Севернорусские говоры*, 18: 298–317.

Аннотация. Данная статья посвящена наименованиям магического знания, которым обладают колдун, знахарь. Цель статьи — рассмотреть совокупность слов и словосочетаний, которые обозначают тайное знание ритуальных специалистов в русских говорах Пермского края. Основным материалом исследования послужили мифологические тексты о «знающих» людях, записанные учеными и студентами Пермского государственного национального исследовательского университета в фольклорно-диалектологических экспедициях, а также тексты, опубликованные в фольклорно-этнографических сборниках региона. В качестве дополнительного материала привлекались данные диалектных словарей Пермского края. В статье показаны тематические группы лексики, называющей магическое знание, описано ее мотивационное своеобразие.

Ключевые слова: мифологический текст, Пермский край, колдун, знахарь, магическое знание.

Введение

Многолетние экспедиции автора и других пермских ученых в села и деревни Пермского края, наблюдения за повседневной городской жизнью, публикации мифологических материалов по другим регионам показывают непреходящую веру людей в кол-

довство. Понятно, что эта вера является культурной универсалией, что показано в работах исследователей (см., например, обзор литературы, посвященной изучению колдовства у разных народов, в [Христофорова 2010]).

К категории людей, способных оказывать магическое воздействие на людей, животных и природу, в соответствии с традиционными представлениями, «могут быть причислены все разновидности так называемых “знающих” людей: ведьмы, колдуны и колдуньи, знахари и знахарки, шептуньи и шептуньи, ворожьи-гадалки, чернокнижники» [Виноградова, Левкиевская 2010: 30]; меньшими демоническими признаками обладают представители некрестьянских профессий (кузнецы, пастухи, плотники, строители, охотники, мельники, лесники, рыбаки, коновалы и пр.); этнически, конфессионально, географически «чужие». «Всех их объединяет один центральный признак — владение некими эзотерическими знаниями и способностями...» [Там же].

Для обозначения этого тайного знания и связанного с ним комплекса приемов, которыми обладают люди со сверхъестественными способностями, в своей работе мы используем слово *знатьё*, распространенное на Русском Севере и принятое в качестве «культурного термина» в книге «Знатки, ведуньи и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере» [Мороз 2013].

В данной статье будут рассмотрены лексические единицы, называющие *знатьё*, и описано их мотивационное своеобразие.

При анализе лексического материала мы не будем учитывать объем и характер этого «знания». Во-первых, это сложно сделать, поскольку оценки деревенских жителей таких параметров *знатьё* очень расплывчаты. Во-вторых, довольно часто в разряд «знающих» попадают люди, по их собственной оценке, к такой категории не принадлежащие. Они, например, могут *парить* детей, лечить *стрях*, принимать роды. Но деревенское сообщество приписывает им более высокий статус, считая, что и они тоже «знают». Поэтому в своем исследовании мы учитывали все текстовые материалы, сообщающие о *знатьё*.

Лексика, описывающая *знатъё*

1

Прежде всего, в языке закрепляется представление о *знатъё* как о совокупности закрытых для других, сакральных сведений, которыми обладает колдун, знахарь. Поэтому для обозначения *знатъя* в говорах широко используются единицы, образованные от корней, обозначающих в русском языке какие-либо сведения или их приобретение.

1.1. Одной из номинаций является общерусское слово *знáние*, причем преимущественно во множественном числе: *знáния*. В мифологических текстах оно обычно не имеет характеризующих прилагательных, но в некоторых контекстах уточняется, какие это знания: *Мужик один умирал (ему кто-то знания колдовские передал), а он и не знал. Вот умирать-то стал, тогда ему всё мерещился кто-то, просил с него что-то. Кричал сильно, ругался, будто били его* (Нердва Карагайского района) [ФА].

Чаще всего лексика, обозначающая *знатъё*, используется не сама по себе, а в сочетании с разными глаголами. Такие сочетания описывают мотивы приобретения или передачи *знатъя*. Считается, что колдун, знахарь свои знания получают от других людей, и такие действия обозначаются сочетаниями *забрать знания, перенимать знания* и подобными: *В бане собака, рот большой такой, как жар пьшет. Если ты хочешь перевести на себя колдовство, **забрать знания**, ты должен в хайло собаке лезть* (Верх-Язьва Красновишерского района) [ФА]. *Знания у пастуха не знаю, как **перенимали**. Но он ничего никому не рассказывал* (Редикор Чердынского района) [ФА].

Отдельным, очень частотным выступает мотив передачи знаний колдуном, знахарем перед смертью. Такой акт считается обязательным, в противном случае носитель *знатъя* умирает долго и мучительно: *Если колдуны не **передают** свои знания, то очень трудно умирают* (Сейва Гайнского района) [Бахматов и др.: 247]. *Гриша Б. так умирал жутко. Не могли вынести в двери, никак не*

получалось, в окно достали. Потом везли на машине — машина сразу остановилась, не пошла. Наверно, он свои эти знания передать не успел (Усть-Пышья Юрлинского района) [ФА].

Корень *зна-* исключительно активен в русских говорах, в том числе и пермских, для наименования «знающего» человека: *знатко́й*, *сущ.*, *знатли́вый*, *сущ.*, *знáтный*, *сущ.*, *знато́к*, *знáхар*, *знáхарь*, *знáющий*, *сущ.*, *знáтка*, *знатка́я*, *сущ.*, *знáтная*, *сущ.*, *знáющая*, *сущ.*, *знáхарица*, *знаха́рка*, *знаха́рька* и др.; обладания *знатъём*: *знать*, *знать добро* (на *добро́*, на *дóброе*), *знать хоро́шее* (на *хоро́шее*), *знать колдуно́в*, *знать худо́* (к *худу*, на *худу*, по *худому*), *знать плохóе* (на *плохóе*), *знать прокáзу*, *знать по́ртить* и др.

1.2. В эту же мотивационную группу входят номинации *нау́ка*, *учéние*. В данных единицах подчеркивается мотив учености, поскольку *знатъе* — это совокупность сведений и приемов, которым неофит должен *обучиться*: *Старуха, сказывают, у них была чертиста, дак, кому надо, науку давала* (Ратегова Красновышерского района). *Колдунам учение своё кому-то передать надо* (Дуброво Еловского района) [ФА].

Само получение *знатъя* тоже может обозначаться дериватами от корня *ук/уч*: *При учении в хомут протаскивают* (Нижний Шакшер Чердынского района) [ФА]. От этого же корня могут быть образованы и названия «знающего» человека: *Вот я вам скажу, у нас полдеревни было, портило только, а учёных-то, чтоб лечить, тут один да два были, щас-то уже никого нет. А на худое-то тут много было* (Сретенское Ильинского района) [ДА].

1.3. Идею приобретения знаний реализуют и номинации этой же группы *гра́мота*, *гра́мотка*. В литературном языке слово *грамота* имеет следующий оттенок первого значения — ‘об элементарных, начальных сведениях, знаниях в какой-либо области’ [БАС 4: 375]. На наш взгляд, именно этот оттенок и послужил базой для формирования семантики данных единиц, функционирующих в мифологических текстах и обозначающих *знатъё*. Так же, как и в предыдущей группе, обнаружить эти единицы можно обычно в составе сочетаний, обозначающих передачу / приобре-

тение магического знания: *Колдун Акин в Заболотной жил. Будто этот Акин колдовать умел. А Федот Акина учил. И вот будто, когда всю эту грамоту пройдёшь, надо зайти в двенадцать часов в баню, и выйдет большая собака из каменки. Ей надо в одно ухо залезть. Тогда это как экзамен что ли пройдёт. Вот Федот привёл Акина в баню-ту. Собака-то вышла — Акин переполохался, убежал. Акин таким и стал, здоровьем стал недовольный, ненормальный (Пильва Куединского района) [Черных: 55]. Все эти бабушки, [которые лечили], умерли. Они хорошие слова знали, плохие они не знали. Мать хочет умереть и передаёт всю эту грамотку (Акчим Красновишерского района) [АЧ].*

Интересно, что корень *грамот-* тоже нашел отражение в номинациях и характеристике «знающего» человека: [Колдуны у вас были?] *Есть люди грамотные, посмотрят — и у коровы молока не станет (Таволжанка Юрлинского района) [СРГКПО: 79]. А вот которы, видимо, грамотны-те были старухи, молитвы-те знали, вот они и лечили людей-то (Усть-Зула Юрлинского района) [ФА].*

2

Вторая группа названий *знатья* связана с представлением о том, что сакральные сведения, которыми обладает колдун, знахарь, заключаются в тех текстах, которые ритуальным специалистам известны и которые они используют в своей практике. В данную группу входят следующие единицы: *за́говёр, на́говёр, погово́рка, приговóр, запúки, припúки, слова́, ска́зка, моли́твы, ико́ты, махлу́шка, заклинáния* и др.

Эти единицы реализуют указанное значение почти всегда в контекстах, описывающих обладание *знатьем*, его получение или передачу. Приведем примеры: *Алексей конюхом был. Он слова знал присушивать и разводить (Касиб Соликамского района) [ФА]. Была тут эта [улица], шла вниз, эта рёлка называется Икотская. [А почему она так называется?] То, что, может быть, икотник жил. Ну, икоты, ико́ты знал человек. [А «икоты» — это что?] Ну, икота — ну как молитва, например (Елога Юрлинско-*

го района) [ДА]. *Вот там одна есь, дак она все мухлушки знает, чё угодно может сделать. С мужиком с моим таскалась, волочила. Ему всего наговорит, наделат — и он как зверь* (Редикор Чердынского района) [ФА]. *У нас колдуны жили, так, говорят, словам каким учат. Бабушки учат детей сказке какой. Запомнишь эту сказку — вот тебе и колдун. Они такую рассказывают, что можно людей портить* (Верхний Шакшер Чердынского района) [Шумов: 293]. [Откуда Вы умеете лечить?] *Да научилась у старушки. Перед смертью вот передала мне слова и. Надо ж словами* (Пянтег Чердынского района) [ФА].

От единиц данной группы могут образовываться названия «знающих» людей, применяющих в своей практике заговоры и молитвы: *словáрка, словéница, слóвни́ца, слóвщица, словéник, словéсник, слóвни́к: Он словни́к. Людей лечит, заговариват* (Акчим Красновишерского района) [АС 5: 97].

3

Номинации третьей группы мотивированы названиями **нечистой силы**. Считается, что колдун не только заключает договор с дьяволом (в пермский демонологии такой мотив редок), но и получает в качестве своих помощников бесов — духов-помощников. Именно связью с такой нечистой силой носители традиционной культуры часто и объясняют наличие *знатья* у колдуна. Бесы в этом случае осмысляются как источник магических знаний и силы ритуального специалиста [Мазалова 2019: 76].

Особенность единиц данной мотивационной группы, как и большинства проанализированных выше, состоит в том, что сами по себе они не обозначают *знатья*, а приобретают такое значение в составе различных сочетаний. Можно привести несколько таких значений ('обладать *знатьем*, перенимать / передавать *знатье*') и, соответственно, сочетаний, их передающих: *Колдуны каких-то бесей знают. Вроде человеку чё-то сделают, и, вроде, человек может умереть. Бесей знают, дак испортят человека* (Гадья Чердынского района) [ФА]. *Мужик рассказывал. У них охотничал один, он чертей научился. Вот лесоватъ пошли они, уже не*

знаю как, вместе. Тот его всё подговаривал учиться, в глухаря-де лизть в пасть, чтоб бисей научить (Петрецово Чердынского района) [Шумов: 292]. Тут у нас есть [колдунья]. Мать-то у неё умерла, а она, видимо, от матери бесей и переняла (Искор Чердынского района) [ФА]. Ну, чертей-то передают. Там, в какой-то деревне, учительница, говорит, была. И колдунья её попросила, чтоб она взяла. Но учительница не взяла (Красновишерск) [ДА].

Названия злых духов, подвластных колдуну, становятся мотивационной базой для обозначения «знающих» людей: бесист, бесистый, бесястый, бесистая, бесистый человек, бесястый человек, чертист, чертистый, черчист, чертистая, чертистка, чертиха, чертистый человек, чертознай, чертошай. Особенно широко эти единицы распространены на северо-востоке края — в Чердынском и Красновишерском районах: Вот это он колдун, он бесистый, знает бесей. Еретники-то, бесистые, людей портили (Камгорт Чердынского района). Чертистые люди есь и сейчас. Они портят. Пустят чёрта в человека (Покча Чердынского района) [ФА].

4

В наименованиях *знатья* могут закрепляться представления о колдовстве как о виде профессиональной деятельности. Ученые выделяют несколько видов тайного знания колдуна, в том числе и знание обрядов и магических приемов, т. е. подчеркивают акциональную сторону *знатья* [Мазалова 2019: 75–76]. Такое *знатья* ассоциируется с понятиями *дело, деятельность, работа, ремесло*, как и любая другая профессия. Эта мотивационная связь неслучайна. Представителям некрестьянских профессий, ремесленникам «легко прослыть в деревне колдунами потому, что они обладают <...> особыми, недоступными крестьянам умениями» [Христофорова 2010: 182], колдун по роду своих занятий тоже «ремесленник» — он обладает закрытыми для обычных людей знаниями и особыми умениями.

В текстах мифологических рассказов существуют прилагательные-идентификаторы, обозначающие либо направленность

такой деятельности, либо используемые средства: *Один из деревенских мужиков попросил научить его колдовскому делу за ведро водки* (Ныроб Чердынского района). *Учили заговорному делу только замужнюю* (Ленск Кунгурского района) [ФА].

Единицы данной группы в подавляющем числе контекстов тоже образуют устойчивые сочетания с теми значениями, которые выделяются для других групп: *Им ведь легче умирать-то, если они кому-то свое дело передадут* (Большие Кусты Куединского района) [Черных: 71]. *Если колдун тебя тронул, чтобы передать тебе своё ремесло, нужно его ударить, чтобы на тебя не перешла нечистая сила* (Верх-Язвья Красновишерского района) [ФА].

Интересно, что слово *рабо́та* часто относится в текстах не к самому колдуну, а к подвластным ему злым духам. Причинение бесами вреда людям тоже осознается как своего рода «работа» и соотносится с одним из значений этого слова в русском языке — ‘занятие, труд, деятельность’ [Ожегов, Шведова 2008: 637]. По данным словаря «Славянские древности», «колдун должен все время занимать их работой, направленной на вред человеку, но, если такой работы нет, колдун заставляет их вить из песка веревки, пересчитывать хвою в еловом лесу, собирать рассыпанный мак, носить воду решетом, взвешивать дым и пр., в противном случае они будут мучить его самого» [Левкиевская 1999б: 530]. В пермских мифологических текстах колдун дает бесам следующую «работу»: *вить верёвки из речного песка, волочи ёлку вперёд вершинкой, иголки считать на ёлках, листики считать на берёзе (осине), пересчитывать песок на берегу, собирать муку (зерно, мякину).*

По представлениям носителей традиционной культуры, бесы настолько заняты своим «делом», что в текстах получают характеристику *работящие*: [У колдунов «помощники» какие-то есть? Как они называются?] *Да, да, кутьки называются. У кого птички, у кого лягушки, у кого маленькие такие вот пистюки летают. [А что за «пистюки»?] Ну, человечки... Они велят робить. Без дела ты не буэшь сидеть! Они, знашь, какие работяшиые, кутьки* (Камгорт Чердынского района) [ДА]. Как видно из приведенного

текста, духи-помощники не только сами «работают», но и колдуну «велят робить».

5

В следующую тематическую группу, близкую предыдущей по мотивации, входят лексические единицы, характеризующие деятельность колдуна / знахаря как такую, которая требует большого умения, высокого мастерства, может даже осознаваться как искусство. Так же, как и в представленных группах, это значение обнаруживается у лексических единиц, обозначающих передачу / прием *знатья*: *Говорят, умирает колдун трудно, если не передаст своё умение. Андрей умер легко. Искусство своё чёрное передал Гришке слепому* (Аптугай Куединского района) [АЧ]. *В том доме, на углу, тоже жила [колдунья]. Когда она умирала, так получилось, что рядом с ней не оказалось никого, некому мастерство передать было. И в тот день такой ветер был, такая метель, просто ужас какой-то!* (Орел Усольского района) [ФА].

6

Следующую группу составляют единицы, отражающие представление о *знатье* как врожденной или приобретенной внутренней духовной энергии колдуна, знахаря, способности использовать эту энергию для влияния на людей, животных и природу.

6.1. Наиболее часто для обозначения такой энергии в мифологических текстах используется слово *сила*. Считается, что такую силу колдун получает от бесов: *Сила дак, вот эти биси-ти ему* (т. е. колдуну) *передают* (Цыдва Чердынского района) [ФА], реже такую силу люди черпают в молитве, этой способностью обладают глубоко верующие люди: *Была у нас в родне Петуховых бабка Петушиха. Значит, дело в войну было. У нас десять человек на фронт ушли. Она, значит, молилась за них всех, в церковь ходила. И все десять живые вернулись, хотя некоторые раненые. Вот какой силой она обладала* (Всеволодо-Вильва Александровского района) [ФА].

Распространены в крае представления о некоей *чёрной книге*, которая тоже является источником силы колдуна: *У колдунов чёрная книга есть. Говорят, если у них эта книга есть, они всё могут, и поймать их никто не может* (Большие Кусты Куединского района) [АЧ]. Интересный контекст о связи *чёрной книги* и *силы* колдуна, записанный в соседнем с Пермским краем Кезском районе Удмуртии, приведен в книге О. Б. Христофровой: «В черной книге — три ступени: кто первую одолел — слабый колдун, кто вторую — средний, кто все три — сильный» [Христофорова 2010: 95].

По-разному осмыслиется вместилище такой *силы*. «Магическая сила колдуна связана с совокупной жизненной силой и находится в зависимости от нее. Утрата какой-либо части тела ведет к уменьшению жизненной и магической силы» [Мазалова 2019: 91]. Многие тексты указывают, что *сила* колдуна, знахаря заключена его *зубах*. Если знающий теряет зубы, он теряет и свою силу: [Знахарка] Федосья Филипповна, она, по-моему, прожила даже больше ста лет, и у неё зубы все были целые. Вот смотри, буду я личить, какую я силу дам, когда у меня зубов не? У меня же зубов нет, поэтому уже силы нету. Чтобы была сила, надо чтобы зубы все были (Ныроб Чердынского района) [ФА].

Другие тексты показывают, что сила исходит из *глаз* *знаткого*: *Представляете, вот это, мне кажется, у ... человека какая-то есть сила. У нас здесь был Я. Степан, покойный теперь, мы на покосе были, он говорит... а он старовер, с верхов, с Вильвы. «У нас, — говорит, — мужик был, дак от его взгляда даже деревья сохли»* (Вильгорт Чердынского района) [ФА]. «Лишив колдуна зрения, его лишают сакрального знания...» [Мазалова 2019: 92].

Сила колдуна может связываться с его *кровью*. Чтобы лишить колдуна магической силы, нужно «пустить» ему кровь: *Или голой лутошкой [надо колдуну] дать по зубам, выпустить кровь. Раньше лапти плели. Лутошки-те нарубят, лыко-то снимут, дак она голая станет, лутошка. Колдуну-то делали раньше это. Он [тогда] всего лишается, эти слова-те не действуют* (Голубята Добрянского района) [ФА].

Известный мотив *дока на доку*, когда в тексте представлено «состязание» колдунов, тоже может быть вербализован в терминах силы: *За Камой пастух, и на нашей стороне пастух, напротив нас. Три-четыре километра прямо-то. И по ту сторону Камы, и здесь коровы наши. Там пастух, и там пастух. И вот тот пастух, говорят, струбил, все наши до одной коровы в реку. И переплывают на ту сторону. Опять все эти коровы, как наш пастух струбил, на эту сторону пошли. Полдня, говорят, так маяли коров. Ни один пастух не пересилил. Так вот разделились коровы. Те на ту сторону, другие — на другую. Неужели такую силу воли имели? Вот это я сама удивляюсь. Это была правда* (Усть-Уролка Чердынского района) [ФА].

Единицы данной группы в составе сочетаний часто используются, чтобы описать прием / передачу *знатья*: *Муж у неё колдун был. Помирать стал, дак силу свою ей отдал* (Печинки Чердынского района) [ФА].

Корень *сил-* тоже нашел отражение в характеристике «знающего» человека. Мотивация здесь простая: тот, кто обладает *силой*, имеет сверхъестественные способности: *Да, колдуны раньше сильные были. Тут три сестры жили, все колдуньи. Старшая самая крепкая была. Пора придёт, она на берег выйдет, посреди реки пароходы останавливала. Просто так* (Чермоз Ильинского района) [ФА]. *Ой, сильные люди, сильные. Да и у нас тут тожо была женьшына. «Хочешь, я тебя к внучке вот приделаю?» Ну, мне она говорила. Я говорю: «Не». Я уже женатый был. «И ты ту-то, говорит, забудешь. И будёшь с ней жить, и она никуды не деватся»* (Липухина Юрлинского района) [ДА].

6.2. Единицы второй подгруппы близки по своей мотивации к словам, описанным выше, но все же имеют некоторые отличия. Способность влиять на людей, животных и природу осмыслиется здесь как талант, и обычно обозначается словом *дар*: *Про неё говорили, что она колдунья. И потом она своё колдовство передала племяннице. И вот племянница всё себе присушивала молодых мужиков. И вот она была замужем, а гуляла вообще с молодым пар-*

нем. И не один он ходил, там много к ней ходили. И мне кажется, у неё этот **дар** до сих пор есть (Быим Кунгурского района) [СК].

Такой дар часто передается по наследству и в текстах может называться *предрасполо́женность, способности, внутренняя сила*: Кроме этого, надо иметь **предрасположенность** к этому (т. е. лечению молитвами, заговорами). Вот у меня несколько братьев, сестёр, а говорю (т. е. лечу заговорами) только я один. Каждый человек не может говорить, надо иметь определенную силу **внутреннюю** (Чердынь) [ДА]. Бывает, люди что-то сделают, что корова не может домой зайти. Подойдёт, а домой не может зайти. Люди-то разные, хорошее мало делают, всё только напакостить. [Колдуны, например, могут напакостить?] Кто если у кого **способности** есть (Чугайнов Хутор Юрлинского района) [ФА].

В мифологических текстах такие способности «знающего» человека могут описываться с точки зрения цели его деятельности. Словосочетание *черный дар* относится к магическим способностям колдуна: Нет, **дар** передают уже вот так. А там, говорят, **чёрный-то** очень быстро передавать, не надо ничё такого. Вот это белой магией которые занимаются, это вот очень может трудно человеку даётся, может от Бога, может, как или, а вот тёмное-то... (Усть-Зула Юрлинского района) [ФА]. Словосочетание *божий дар* характеризует способности знахаря: [А Шура не знала, что у нее порча?] Ну как не знала. [А она не могла к какой-то бабке сходить?] Это надо найти человека, чтобы сильный был. Вот и отправляют: «Вам надо сильнее». Вот у нас в Крымкоре, от Чердыни там три километра, она узнавала, кто испортил [А как она это делала?] Ну, чё-то знала она. **Божий дар**, видимо, у неё был (Красновишерск) [ДА].

В литературном языке слова *дар* и *талант* обозначают врожденные способности человека, т. е. то, чем наградила его природа. В мифологических текстах осмысление *дара* несколько иное: его, как и слова, можно передать другому человеку, и не обязательно родственнику: Ну, есть такие колдуны сильные, они передают уже. Вот у нас девчонка училась с нами. Она говорит: «Мне вот

бабушка предлагала: “Залезь там на чердак, тебе там ничего не надо будет делать. Ты увидишь большую жабу, жаба что-то там откроет рот, и ты все слова будешь знать и вообще всё”. Я, говорит, испугалась. “Не, не, ни за что не залезу”». Вот это, видите, как бы **дар**... (Усть-Зула Юрлинского района) [ФА]. [А есть какие-нибудь бабушки, которые лечат? Нам А. Г. рассказывала, что у нее сноха немного этим занималась]. А-а-а, да, да. Она очень знающая женщина. Ну, она прожила до ста лет. Да, она лечила людей. Она лечила молитвами. Такой дар у неё был... Я как поняла, ей **дар передавала** какая-то женщина (Усть-Зула Юрлинского района) [СК].

7

Единицы следующей группы подчеркивают **сверхъестественный характер** *знатья*, его закрытость, недоступность.

7.1. Сема чудодейственности такого знания реализуется в лексических единицах, образованных от корня *маг-*: *ма́гия, ма́гния*: *Лечила, но все молчали, не рассказывали. Она ещё и магией владела, привороты делала. Поэтому её некоторые не любили* (Ильинский район) [Четина: 164]. Направленность на причинение зла или на добро обозначается сочетаниями *черная магия, белая магия*: **Чёрной магией** колдуны очень пользуются (Вильва Соликамского района) [ФА]. *А там, говорят, чёрный-то [дар] очень быстро передавать, не надо ничё такого. Вот это белой магией которые занимаются, это вот очень [трудно] человеку даётся* (Усть-Зула Юрлинского района) [СК].

7.2. Недоступность *знатья* для обычного человека реализуется в слове *секрет*: *Живёт в Половодово колдунья молодая. Она от бабушки своей секрет переняла. Дочь-то слепая была. Так она (т. е. колдунья) перед смертью внучке его передала. Так она самая сильная колдунья. А бабушка секрет передала да и умерла* (Половодово Соликамского района) [ФА].

Занятие колдовством осознается в традиционной культуре как **греховное** и поэтому колдовское *знание* называют *тёмным, чёрным, плохим*, а его наличие осмысливается как *груз, тяжесть*: *Колдуном быть — тяжкое дело, грех на душу. Пока он чертей не отдаст, не умрёт* (Чердынь) [ФА]. *Она передать должна была всё это колдовство-то, а некому было. Бог-то её и не пускал туда с грузом-то* (Андреево Кишертского района) [СРГЮП: 204].

Значение 'передать другому человеку колдовские знания' реализуется в этой группе сочетанием *сдать грехи*: *Она в царство (т. е. царство) небесно попадёт, а вы в ад: она сдала вам грехи, раз сказала всё* (Акчим Краснов.) [КАС]. *Умирал он очень тяжело. Не мог умереть. Всё говорили: «Сдай грехи, сдай грехи. Покайся или отдай своё колдовство кому-то»* (Усть-Пышья Юрлинского района) [ФА]. Сам колдун называется в мифологических текстах *грешным* человеком.

Знахарь в мифологических текстах получает обычно противоположную характеристику: *Колдунья эта меня уже три раза спортила. Голова болит, и всё... А у нас знахарка одна жила, женщина хорошая. Она меня и вылечила* (Нижний Шакшер Чердынского района). *Знающие люди и сейчас есть. Они есть которые хорошие люди, плохие люди, злые. Хорошие, они тебе и судьбу предскажут, и всё. А плохие люди, они могут тебя испортить, наколдовать на тебя* (Вильва Соликамского района) [ФА].

Однако «отношение к знахарству двойственное: в одних случаях считается, что знахарь действует от имени Бога, в других — что знахарь, как и колдун, действует с помощью нечистой силы, но, в отличие от колдуна, не отрекается от Бога. Знахарское знание, как и знание колдуна, греховно, оно не дает знахарю умереть, поэтому это знание необходимо перед смертью передать другому» [Левкиевская 1999а: 348]: [Как Вы научились лечить?] *Да научилась у старушки. Старушка старенька была. Перед смертью вот передала мне слова* (Пянтег Чердынского района) [ФА].

Выводы

Данные диалектных словарей и мифологические тексты Пермского края свидетельствуют о мотивационном многообразии номинаций тайного знания, которым обладают ритуальные специалисты.

Лексика, называемая *знатъё* в пермских мифологических текстах, делится на несколько тематико-мотивационных групп в зависимости от того, какие семантические признаки она отражает. В основе номинации *знатья* лежат представления о магическом знании как совокупности тайных сведений, которые ритуальный специалист черпает в сакральных текстах, получает от нечистой силы и применяет в своей «работе», требующей умения и врожденных или приобретенных способностей.

Практически у всех групп лексики значение 'магическое знание' обнаруживается в контекстах, описывающих обладание *знатъём*, его получение или передачу.

Изученные единицы и тексты свидетельствуют о том, что профан, не посвященный в тайны магических практик, не проводит границ между воплощениями *знатья*: *словами, чертями, силой*. Эти термины в мифологических текстах могут употребляться как синонимы: *Колдуны силу-то передают, слова ли, я не знаю* (Тетерина Соликамского района). *Колдунья-то сама с Могильникова будет. Она людей как-то напавивает. Слова у неё черти. Они и портят* (Нижний Шакшер Чердынского района) [ФА].

Лингвистической особенностью слов изучаемой группы можно назвать их разные деривационные способности: некоторые из этих единиц являются производными глагольной лексики со значениями 'обладать магическим знанием': *знание, наука*, 'произносить магические тексты': *заговор, наговор, сказка*. Эти названия *знатья* далее не продолжают деривационной цепочки. При этом названия магических специалистов образуются также и от глаголов: *знать* — *знающий, знаток, знахарь, знахарица*, *ведать* — *ведьмарь, ведун, ведьма*, *заговаривать* — *заговоририк, заговорищица*, *шептать* — *шептун, шептунья*, *учить* — *учёный* и т. п. Дру-

гие номинации *знатья*, будучи непроеизводными единицами, могут образовывать дериваты со значением ‘человек, обладающий сверхъестественными способностями; колдун, знахарь’: грамота — *грамотный (грамотный человек)*, слова — *словарка, словесник*, икоты — *икотник*, чёрная книга — *чернокнижник*.

Для носителей традиционной культуры *знатьё* обладает материальной природой. Об этом говорит сочетаемость единиц, называющих магическое знание, с глаголами: *словами можно владеть, их берут, дают, принимают*, как таблетки, *пьют, выливают*.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

Литература

Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е. (сост.) (2010) *Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80–90-х гг. XX века*. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами. М.: Языки славянских культур.

Левкиевская Е. Е. (1999а) Знахарь. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. Т. 2: Д (Давать–братъ) – К (Крошки): 347–350.

Левкиевская Е. Е. (1999б) Колдун. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. Т. 2: Д (Давать–братъ) – К (Крошки): 528–534.

Мазалова Н. Е. (2019) *Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции (конец XIX – начало XXI в.)*. Дис. ... докт. ист. наук. М.

Мороз А. Б. (ред.) (2013) *Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере*. М.: ФОРУМ; Неолит.

Христофорова О. Б. (2010) *Колдуны и жертвы: антропология колдовства в современной России*. М.: ОГИ, РГГУ.

Сокращения источников

- АС — *Словарь говора д. Акчим Пермской области*. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 2003. Вып. 5. Р–С.
- АЧ — *Материалы полевых исследований А. В. Черных*. Личный архив.
- БАС — *Большой академический словарь русского языка*. Т. 4. Г–День. Ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2006.
- Бахматов и др. — Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А., Черных А. В. *Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования*. Пермь: ОТиДО, 2008.
- ДА — *Диалектологический архив*, кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.
- КАС — *Картотека «Словаря говора деревни Акчим Пермской области»*. Хранится на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского национального исследовательского университета.
- Ожегов, Шведова — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд., дополненное. М.: ИТИ Технологии, 2008.
- СК — *Материалы полевых исследований С. Ю. Королёвой*. Личный архив.
- СРГКПО — *Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа*. Ред. И. А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006.
- СРГЮП — *Словарь русских говоров Южного Прикамья*. Вып. 1. Ред. И. А. Подюков. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2010.
- ФА — *Архив лаборатории «Фольклор Прикамья»*, кафедра русской литературы Пермского государственного национального исследовательского университета.
- Черных — Черных А. В. *Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв.* Пермь: ПОНИЦАА, 2004.
- Четина — Четина Е. М., Роготнев И. Ю. *Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края*. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 2010.
- Шумов — *Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье*. Сост. К. Шумов. Пермь: Книжное издательство, 1991.

NOMINATIONS FOR MAGIC KNOWLEDGE (IN THE CASE STUDY OF MYTHOLOGICAL TEXTS OF PERM REGION)

Irina Rusinova

Perm State University;
Perm Federal Research Center of Ural Department
of Russian Academy of Sciences,
Perm, Russia
E-mail: irusinova@mail.ru

Citation: Rusinova I. (2019). Nazvaniya magicheskogo znaniya (na materiale mifologicheskikh tekstov Permskogo kraja) [Nominations for magic knowledge (in the case study of mythological texts of Perm krai)]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 298–317. (in Russian)

Abstract. The article is devoted to the nominations of magic knowledge that sorcerers and healers have. The purpose of the study is to consider a set of words and expressions that determine secret knowledge of ritual specialists in the Russian dialects of Perm region. The research is based on the materials of dialects dictionaries of Perm region and mythological texts about “competent” people, recorded by the scientists and students from Perm State University during folk and dialect expeditions. The texts have been published in folk and ethnographic collections about the region. The article reveals thematic groups of the vocabulary and describes its motivational peculiarities. First of all, in the language this particular type of knowledge is considered to be a set of private, sacral knowledge that a sorcerer or a healer possesses. Another group of the secret knowledge is associated with the fact that it the knowledge is contained in the texts that sorcerers and healers use in their practice. Nominations of the third group are motivated with the names for the evil force connected with a sorcerer. Mainly, it is evil spirits that are considered to be a dangerous weapon in a sorcerer’s hands. The idea about the witchcraft being a type of professional human activity or craft is fixed in the names for secret knowledge. Lexical units characterizing a sorcerer or a healer’s activity as one demanding proficiency and skills and that may also be considered as an art form the next thematic-motivation group. The units that describe magic knowledge as inborn or gained inner spirit energy of a sorcerer, a healer, as a capability of these people to influence other people, animals and nature for different purposes using the energy have been registered in mythological texts. The capability is considered to be a talent

or gift. Lexical units can stress an uncanny feature of the knowledge, its insularity or unavailability for ordinary people. Thus, the data from dialect dictionaries and mythological texts about Perm region testify motivational variety of nominations for secret knowledge that ritual specialists have.

Keywords: mythological text, Perm region, sorcerer, healer, magic knowledge.

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (research project 19-18-00117 “Traditional Russian Culture in the Areas of Active Interethnic Contacts between the Ural and the Volga Region”).

References

Bakhmatov A. A., Goleva T. G., Podyukov I. A., Chernykh A. V. *Russkiye v Komi-Permyatskom okruge: obryadnost' i fol'klor* [Russians in the Komi-Perm okrug: ritualism and folklore]. Materials and researches. Perm: OTiDO (in Russian).

Chetina Ye. M., Rogotnev I. Yu. (2010) *Simvolicheskiye real'nosti Parmy: Ocherki traditsionnoy kul'tury Permskogo kraya* [Symbolic realities of Parma: Essays on the traditional culture of the Perm region]. Perm: Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (in Russian)

Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (eds.) (2006) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Great academic dictionary of Russian language]. Vol. 4. Moscow; St. Petersburg: Nauka. (in Russian)

Khristoforova O. B. (2010) *Kolduny i zhertvy: antropologiya koldovstva v sovremennoy Rossii* [Sorcerers and victims: anthropology of sorcery in modern Russia]. Moscow: OGI, RGGU. (in Russian)

Levkievskaya Ye. Ye. (1999a) *Znakhar'* [A Medicine man]. In: Tolstoy N. I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya: 347–350. (in Russian).

Levkievskaya Ye. Ye. (1999b) *Koldun* [A sorcerer]. In: Tolstoy N. I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 2. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya: 528–534. (in Russian).

Mazalova N. Ye. (2019) *Narodno-meditsinskoye “taynoye znaniye” russkikh ritual'nykh spetsialistov: semantika, status, funktsii* (konets XIX – nachalo XXI v.) [Folk medical “secret knowledge” of Russian ritual specialists:

semantics, status, functions (end of 19th – beginning of 21st century)]. Doctoral dissertation (History). Moscow. (in Russian).

Moroz A. B. (ed.) (2013) *Znatki, veduny i chernoknizhniki: koldovstvo i bytovaya magiya na Russkom Severe* [Connoisseurs, sorcerers and warlocks: witchcraft and household magic in the Russian North]. Moscow: FORUM; Neolit (in Russian).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2008) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 4th ed. M.: ITI Tekhnologii. (in Russian)

Podyukov I. A. (ed.) (2006) *Slovar' russkikh govorov Komi-Permyatskogo okruga* [Dictionary of Russian dialects of the Komi-Perm okrug]. Perm: Izd-vo PONITSAA. (in Russian)

Podyukov I. A. (ed.) (2010) *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* (Dictionary of Russian dialects of the South Kama Region). Vol. 1. Perm: Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. (in Russian)

Skitova F. L. (ed.) (2003) *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar')* [Dictionary of dialect of the Akchim village of the Krasnovishersky district of the Perm region (Akchim dictionary)]. Vol. 6. Perm: Izdatel'stvo Permskogo universiteta. (in Russian)

Vinogradova L. N., Levkiyevskaya Ye. Ye. (comp.) (2010). *Narodnaya demonologiya Poles'ya: Publikatsiya tekstov v zapisyakh 80–90 gg. XX veka* [Popular demonology of Polesie: Publication of texts in the records of the 80–90s of the 20th century]. Vol. 1: Lyudi so sverkh'yestestvennymi svoystvami [People with supernatural properties]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (in Russian).

НАРОДЫ СЕВЕРА: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

ФУНКЦИИ И ДЕЙСТВИЯ ДУХА ЛЕСА *ВӨРИСЬ* (на материале коми-пермяцких мифологических рассказов)

Кротова-Гарина Анастасия Владимировна

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия
E-mail: anastasia.garina@ya.ru

Цитирование: Кротова-Гарина А. В. (2019) Функции и действия духа леса *вöрись* (на материале коми-пермяцких мифологических рассказов). *Севернорусские говоры*, 18: 318–335.

Аннотация. На материале устных рассказов об одном из коми-пермяцких мифологических персонажей — духе леса (*вöрись*) — рассмотрены основные номинации, функции и действия этого персонажа. Сделан вывод о том, что основными функциями этого персонажа являются вредоносная, попечительная, прогностическая и функция наказания. Анализ процессуальной лексики мифологических рассказов о духе леса показывает, что одни и те же тематические группы глагольных единиц могут входить в разные функциональные ряды.

Ключевые слова: народная демонология, мифологический персонаж, *вöрись*, леший, коми-пермяцкий язык.

В мифологии коми-пермяков устойчиво сохраняются представления о духах леса. До сих пор собиратели записывают тексты

с подробными сюжетами, обнаруживая веру рассказчиков в этих духов. На наш взгляд, это связано с особым отношением коми-пермяков к лесу, растениям и животным, которые давали им пищу, одежду, обувь, орудия труда и охоты, средства для лечения болезней — словом, самое необходимое для выживания в условиях суровой природы.

В настоящей статье будут рассмотрены функции и действия одного из мифологических персонажей демонологии коми-пермяков — духа-хозяина, покровителя леса и лесных богатств — *вѳрись* ('лесной'). Следуя за исследователями славянской демонологии, под **мифологическим персонажем** (далее — МП) мы понимаем «совокупность релевантных, устойчиво повторяющихся в традиции признаков и функций, скрепленных именем» [Левкиевская 1999: 51].

Материалом исследования послужили тексты, извлеченные из монографий Т. Г. Голевой «Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков» [Голева 2011], Л. Г. Пономаревой «Речь северных коми-пермяков» [Пономарева 2016], книг В. В. Климова [Климов 1990; 1991], неопубликованные материалы Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяков ПГГПУ (записанные летом 2018 г. в Кудымкарском районе Пермского края), а также мифологические тексты, полученные автором статьи в результате экспедиций в Коми-Пермяцкий округ с 2016 по 2018 гг. (далее ПМ — полевые материалы).

Судя по работам этнографов XIX – начала и середины XX вв., духа леса коми-пермяки называли «лѳшак», лѳший, *вера-мортъ*, лѳсной человекъ, или *вера-дядя*, лѳсной дядя, или *ыджитъ-мортъ*, большой человекъ [Рогов 2008: 44]; «вэрысь-морт <...> т. е. лесной человек» [Смирнов 1891: 268]; «сухоухій дядя» [Янович 1903: 4]. В. Н. Белицер пишет, что наиболее употребительными среди коми-пермяков являются русские заимствования «лешак» или «лесной хозяин» [Белицер 1958: 320].

Современные полевые записи свидетельствуют об изменении системы номинаций данного духа. Еще И. Н. Смирнов писал о трансформации корня *морт* ('человек') в наименованиях водя-

ного на *куль* ('черт / дьявол'), а в названии лешего на почтительное *дядя* [Смирнов 1891: 268], такие формы сохраняются до сих пор. Ср.: название духа воды — *вакуль* ('водяной черт'), духа леса — *вөрдядь* ('лесной дядя'), *кузь дядя* ('высокий дядя'). Во время экспедиций последних лет нами зафиксировано около 15 наименований лесного духа. Среди этих названий большая группа имеет компонент *вөр* ('лес'), что свидетельствует о закреплённости за этим МП данного локуса, ср.: *вөрлешак* ('лесной леший'), *вөрись дядько* ('лесной дядька'), *вөр хозяин* ('лесной хозяин'), *медыджыт вёрас* ('самый большой в лесу') [ПМ].

В работах Н. А. Рогова [Рогов 2008], И. Н. Смирнова [Смирнов 1891], В. М. Яновича [Янович 1903] даются описания народных верований коми-пермяков. Наиболее подробно авторы описывают духа воды, духа дома и духа леса. Последний, по данным Н. А. Рогова, является злокозненным по отношению к человеку духом [Рогов 2008: 44–45].

В очерке И. Н. Смирнова «Пермяки» опубликовано 16 сюжетов о лешем, 10 о водяном (к сожалению, на русском языке), а также анализ этих текстов и сопоставление представлений об этих МП среди «пермяков», «вотяков» и «русских». Основной вывод, к которому приходит автор, следующий: «вотяцкий» и «пермяцкий» леший и водяной сходны между собой; главной областью влияния лешего является лес, водяного — водные стихии, однако МП способны воздействовать на многие сферы человеческой жизни [Смирнов 1891: 268–278]. В. М. Янович в очерке «Пермяки» приводит краткое описание мифологических представлений. В работе исследователя леший является злокозненным по отношению к человеку духом, способным вредить человеку: он пугает, хохочет, крадет дорогу. Подобная встреча с МП интерпретируется как предвестник смерти, болезни человека, членов его семьи или падежа скота [Янович 1903: 4–5].

В 1999 г. коллектив авторов под руководством Н. Д. Конакова выпустил энциклопедическое издание «Мифология коми». С опорой на работы предшественников (Н. В. Белицер, Н. Добротворский, В. П. Налимов, А. С. Сидоров, Ю. Г. Рочев и др.) даны

подробные описания мифологических воззрений народов коми. Авторы делают вывод о большом сходстве представлений о духе леса у коми-пермяков и коми-зырян. Основным различием называют отношение людей к МП: если у охотников отношение к нему было одинаковым, то у коми-зырян прочее сельское население духа леса зачастую считало духа леса нечистой силой вообще, тогда как у коми-пермяков он более близок к образу божества [Конаков 1999: 120].

В 2008 г. Т. Г. Голева защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков», а чуть позже вышла и одноименная монография. Целью работы Т. Г. Голева называет «системный анализ представлений о мифологических персонажах, их прагматическое значение в народной культуре» [Голева 2011: 7]. В работе был собран мифологический материал начиная с середины XIX в. и заканчивая записями 1998–2010 гг. С опорой на «Схему описания мифологических персонажей», разработанную исследователями славянской и балканской традиции (Л. Н. Виноградовой, А. В. Гурой, Г. И. Кабаковой, О. А. Терновской, С. М. Толстой, В. В. Усачевой) [Виноградова, Толстая и др. 1989: 78–85], Т. Г. Голева дает подробные характеристики сезонным персонажам; духам природного и домашнего пространства; «враждебным» для человека духам; духам смерти и «ходячим» покойникам; «знающим» и «подменным» людям, а также другим поздним и малоизвестным образам [Голева 2011].

Завершая обзор литературы, в которой представлены сведения о духе леса *вõрись*, следует также отметить работу Е. М. Четинной и И. Ю. Роготнева «Символические реальности Пармы: очерки традиционной культуры Пермского края» (2010). В книге подчеркивается особая значимость природного ландшафта для коми-пермяков. Раздел «Лесной мир» посвящен особенностям «восприятия и функционирования образа лешего и связанного с ним пространства» [Четина, Роготнев 2010: 42]. Авторы подчеркивают, что многие собеседники не только охотно рассказывают о собственной встрече с лешим, но и комментируют данное событие

как часть повседневной жизни [Там же: 44]. К сожалению, тексты данного издания представлены на русском языке, что не позволяет нам использовать их в качестве источника материала для данного исследования.

Таким образом, дух леса *вõрись*, который является одним из ключевых персонажей коми-пермяцкой мифологии, довольно подробно описан в научной литературе, однако практически отсутствуют исследования, посвященные лингвистическому воплощению этого МП. В настоящей статье основное внимание уделено характерным для данного персонажа действиям и функциям, а также лексике, в которой они реализуются.

Под **действием** МП понимается «приписываемая данному персонажу характерная для него способность совершать тот или иной поступок» [Левкиевская 2000: 118]. Различают «два типа действий — направленные и не направленные на объект» [Виноградова, Толстая и др. 1989: 78]. К первой группе относятся «некие индивидуальные пристрастия, свойства, способности, привычки» [Виноградова 2016: 19]. Например, *водяной любит расчесывать волосы*. Вторая группа действий основана на контактах мифологического персонажа с человеком, благодаря которым можно судить о характере взаимоотношений людей с потусторонними силами [Там же: 19]. Например, *домовой давит человека, показывая тем самым свое недовольство чем-либо*.

В статье нами будут рассмотрены действия, относящиеся ко второй группе, т. е. те, которые указывают на взаимоотношения МП с человеком.

Функцией мифологического персонажа следует считать «маркированное и устойчиво сохраняющееся в традиции действие персонажа, наделенное определенным значением, вместе с закрепленной за этим действием совокупностью признаков (локативных и темпоральных), характеризующих обстоятельства, при которых оно реализуется» [Левкиевская 2007: 5]. По Л. Н. Виноградовой, МП могут обладать большим количеством предикатов и функций, но «в общей характеристике персонажа эти предикаты могут играть весьма неравную роль. Для каждой локальной

традиции лишь отдельные, немногие предикаты могут считаться идентифицирующими данный МП» [Виноградова 2000: 48].

Согласно «Схеме описания мифологических персонажей», существуют три основных функциональных типа: **наказание, помощь, вредительство**. Предложенные в «Схеме...» группы предикатов, по мнению Л. Н. Виноградовой, «сводятся к двум противопоставленным по своему значению типам: “вредоносные” — “патронажно-попечительные”», тогда как функция «наказывать» определяется не характером действий МП, а их «прагматической направленностью» (т. е. мифологический персонаж наказывает человека за его неправильное поведение) [Виноградова 2016: 19].

Помимо перечисленных, можно выделить и другие функции, так, например, Е. Е. Левкиевская называет **полтергейстную** и **прогностическую**. В первом случае действие МП ничем не мотивируется и «обусловлено внутренней сущностью персонажа как нечистой силы», характеризует его как «беспокойного духа» [Левкиевская 2000: 62], во втором — действие воспринимается как предвестник какого-либо события.

Критерием распределения действий по функциям является комментарий информанта, его оценка: для чего, с какой целью МП совершает тот или иной поступок. Однако не всегда тот или иной текст можно однозначно интерпретировать. Во-первых, это зависит от того, с каким текстом сталкивается исследователь: быличкой (воспоминанием очевидца) или бывальщиной (текстом, основанным на реальных событиях, но не являющимся свидетельством очевидца). Во втором случае носитель традиции не всегда может точно определить последствия встречи МП с человеком. Во-вторых, не все современные информанты способны продемонстрировать хорошее знание традиции (многие уже не знают каких-либо запретов и их мотивировок), такие рассказчики не всегда способны определить причину и следствие встречи человека с МП. В-третьих, качество фольклорного текста зависит от умения собирателя задавать вопросы и способности интервьюируемого логично и последовательно излагать сюжет.

Можно выделить следующие основные «стереотипы поведения» коми-пермяцкого духа леса, направленные на человека и его мир:

— обнаруживать себя звуковым поведением: хохотать, свистеть, окликать человека;

— обнаруживать себя визуально: показываться в той или иной ипостаси;

— производить другие действия: манить, водить людей по лесу, сбивать их с пути; похищать людей и скот; вредить на свадьбе; помогать и вредить в хозяйстве; наделять имуществом и пр.

Анализ мифологических текстов о *вõрись* позволил распределить вышеуказанные «стереотипы поведения» по нескольким функциям. Для изучаемого персонажа главными являются четыре функции: вредоносная, прогностическая, попечительная и функция наказания.

I. Вредоносная функция

Вредоносная функция представлена большой группой действий, направленных на причинение вреда человеку и скоту, и воплощается в целом ряде языковых единиц:

а) удерживает у себя скот: *йõртõ (мõссэзõс)* загоняет [к себе] (коров): «*Кытшõмкõ гõдõ вõр хõзыныс мõссэзнымõс аслас йõрõ йõртлис*» (Зар. Пешнигорт Куд.) [Климов 1990: 313–314]. В каком-то году лесной хозяин (наших) коров в свой загон загнал (Перевод А. В. Кротовой-Гариной, далее — пер. К.-Г.);

б) крадет скот: *нуõ (скотсõ)* уносит (скот); *бõсьтõ (подасõ)* забирает (скот): «*Скõ·цсõ то·жõ ну·õ. по·дасõ ми·йанлис' ма·тушкалис' ну·õма вõ·ли, ста·дас'ис бо·с'тõма да. <...>* Скот тоже уносит. Скот у нашей свекрови унес, оказывается, из стада взял [корову], и все» (Верх. Будым Гайн.) [Пономарева 2016: 346];

в) крадет людей: *гусялõ (кага)* крадет (детей); *бõсьтõ* забирает; *нуõтõ* уносит: «*кага·эзлõ си·йа гус'а·ллõм. õ·тиккэлõн трийохл'э·т'н'õй зонкао·к вõ·лõм. си·йõ кол'а·ллõмас' õ·тнассõ. си·йа пэ·тõм, пук'õм посõ·дзаныс. ло·ктис пõ·д'а·д'а, да мэ·нõ бо·с'тис ки·ас, да и ну·õтис. <...>* Детей он [леший] крал. У од-

них трехлетний мальчик был. Его оставляли одного [дома]. Он вышел, сел на крыльцо. Пришел, мол, дядя, и меня взял на руки, и унес» (Петухово Коч.) [Пономарева 2016: 96–97];

г) манит, уводит к себе домой: *пыртö* (*сьöрас*) заводит (к себе); *нуöтö* (*гортас*) уводит (к себе домой): «*Сьöрас пыртлö отирсö, но оз тиöкты висьтасьлыны. Старикöс вöли нуöтлöм гортас...*» (Ошева Коч.) [Климов 1991: 262]. К себе заводит людей, но не разрешает рассказывать (об этом). Старика было к себе домой увел... (Пер. К.-Г.);

д) «крадет», путает дорогу: *каттьö* (*тиакыльö туйсö*) спутывает (дорогу «в клубок»); *керö* (*туйсö*) делает (в знач. ‘прячет’) (дорогу); *öштöтö* *досл.* делает так, чтобы заблудился: *Ся вот, вöрисьыс, вермас. Мыйнö шуисö, вермас пö каттьыны кызд тиакыльö... Да, туйсö каттяс, туйсö керас и он вермы мунны. <...> Ну, öшан, öштöтö, вöрисьыс öштöтö. Он вот, лесной, может. Вот говорили, может, мол, спутать как «в клубок»... Да, дорогу спутает, дорогу сделает (в знач. ‘спрячет / уведет’), и не можешь идти. <...> Да, теряешься, (*досл.*) намеренно делает так, чтоб заблудился, лесной делает так, чтоб заблудился (Мижужева Куд.) [ПМ];*

е) водит, сбивает с пути: *новйöтö* таскает; *панваö* водит (*досл.* ограничивает, стесняет в передвижении): *Мийö до тоо сэтөн плутали, часа два, натьтö. <...> Ся шуö: «Миянöс, — шуö, — чуддэс, нет, вöрлешакыс, — шуö, — миянöс новйöтö».* Мы до того тут плутали, часа два, наверное. <...> Она говорит: «Нас, — говорит, — чуды, нет, лесной леший, — говорит, — нас водит» (Зар. Пешнигорт Куд.) [ПМ]. *Лешакыс пö панваö тай вöрöттяс, öшасö да, то лешакыс новйöтис туйез кузьöттяс.* Леший, мол, водит в лесу, потеряются и, вот леший водил по дорогам) (Егорово Куд.) [ПМ];

ж) вредит охотнику: *кыскö* (*ошöс*) достал / спас (медведя); *суйыштö* (*мыр*) сунул (пень): «*Этö вöрись дядькоыт сідз керöма: ошö пишаль увтсис кыскöма да сы туйö мыр суйыштöма*» (Москвино Куд.) [Климов 1990: 315]. Это лесной дядька так сде-

лал: медведя спас (досл. достал) от выстрела и вместо него пень сунул (Пер. К.-Г.);

з) препятствует движению свадебного поезда: *дзугё (свадьба)* нарушает (свадьбу): «*Лешак даже свадьбаэз дзугёма. Сэтиймё ведзас, что свадьба мунны оз вермы некытчö* (“Лесной даже свадьбы нарушал. Такое напустит, что свадьба не может никуда ехать”») (Ошиб Куд.) [Голева 2011: 116].

II. Прогностическая функция

Следующая по значимости функция МП — прогностическая. Встреча с мифологическим персонажем трактуется носителями традиции как предвестник какого-либо события. Она реализуется в визуальном контакте МП с человеком, звуковым поведении, злокозненных по отношению к человеку действиях. Представим действия и описывающие их лексические единицы:

1. Обнаруживает себя визуально:

а) *мыччасьö* показывается: *Ся невидимöй, но мыччасьö, көр вот мыйкö вот умöль лоас*. Он невидимый, но показывается, когда вот что-то вот плохое (должно) случиться (Егорово Куд.) [ПМ];

б) *пантасьö* встречается (в знач. ‘показывается’): *Тожö оö нö, пантасьвö нö, токо не каждоййсьвö. Умöль одзын да мый да пантасьö нö кинкö, ыджытыс...* Тоже живет, говорят, (иногда) встречается, говорят, только не каждому. Перед плохим да что да встречается, говорят, кто-то, «ыджыт»... (Антонова Куд.) [ПМ];

в) *кайö (рядом)* идет (рядом): *А мөдпырись вина, шуö, эсти воггеас керöмась да бöра шуö, öнджа: «Кайö мамö дынö, ся бокöttяс рядом, — шуö, — кайö мужикыс, ыджыт мужик». <...> Умöль одзын, умöль одзын*. А в следующий раз самогон, говорит, здесь в логу делали, и опять говорит это самое: «Идет к (моей) матери, он рядом идет, — говорит, — мужик, большой мужик». <...> Перед плохим, перед плохим (Плешково Куд.) [ПМ].

2. Обнаруживает себя звуковым поведением:

горöтö кричит: *Неважын сэтöн, вийисö сийö мужиксö, вийсьывлис ся сэтöн, Илья, неöддöн и уна чуваис, ся, шуö, кыдз*

горөтис, сывён, шуд, голосыс... <...> Коляыс куис. <...> Что умоль одзын сия эшö мыччасьö, вöрисьыт. Недавно в этом месте, убили этого мужика, убился он на этом месте, Илья, не очень и много времени прошло, он, говорит, как крикнул, его, говорит, голос... <...> Коля умер. <...> Что перед плохим еще он показывается, лесной (Егорово Куд.) [ПМ].

3. Производит злокозненные по отношению к человеку действия:

а) «водит» людей: *новйöтö водит: Тожö öшöма вöрас. Годыс эз и тыр — куис. <...> Шудны, лешакыс пö новйöтыис да новйöтис. (Тоже потерялся в лесу. Года не прошло — умер. <...> Говорят, леший водил и водил) (Демина Куд.) [ПМ];*

б) останавливает работу: *дёрнитö (чер) дернул (топор); лэптö (чер) поднял (топор): «Пэ тис пö о·дзам мужи·к. мэ пö то·л'ко сö·тала чэ·рсö кы·дздээс ба·нсö ку·л'ны. си·йа пö чэ·рсö ки·с'им д'э·рн'итис да ылö·йы лас лэ·птöм. си·йа мужи·кыс сэ·с'с'а два го·да пу·калис. си·йа бур о·дзын оз ус'кö·ччы. <...> Вышел, мол, передо мной мужик. Я, мол, только ударяю топором по березам, [чтобы] бересту сдирать. Он, мол, топор из рук [у меня] дернул и высоко на верхушку [дерева] поднял. Этот мужчина после этого два года сидел. Он [леший] к хорошему не показывается» (Петухово Коч.) [Пономарева 2016: 96–97].*

III. Функция наказания

Функция наказания представлена группой злокозненных действий, направленных на человека, нарушившего какой-либо запрет:

а) забирает людей, которых изругали: *дзёбö прячет; нуö уносит; босьтö забирает: «...Вот вöзьян, понедельник или среда, или пятница, сия вермас дзёбны, нуны (“...Вот пообещаешь в понедельник, среду или пятницу, он может спрятать, увести [имеется в виду лесной дух]”)» (Мысы Гайн.) [Голева 2011: 46]; «си·йа ны·лыс вис'тас'лы·ллис. грэ·шитöма ви·ччигас. л'э·шöй пö тэ·нö мэт пö ну·ас. пö ку·тис, и ко·кöй пö эс па·лкы, ну·ис. <...> Та девушка рассказывала. Погрешила [женщина] в то время, когда*

ругала ('ругаясь') [дочь]. Леший, мол, тебя пусть унесет. Схватил, мол [меня леший], и ноги мои, мол, не задели [земли], [так] увел он [меня]» (Верх. Будым Гайн.) [Пономарева 2016: 345–346]; «мэ·нõ пõ н'эчи·стõйыс бо·с'тис, и вот сэ·тõн пõ мэ и о·ла вэ·к. ки·нкõ, ви·дно, виччы·итис си·йõ, и, ви·дзõт, си·йõ бо·с'тис н'эчи·стõйыт. <...> Меня, мол, леший взял, и вот там я, мол, и живу все время. Кто-то, видимо, поругал ее, и, смотри, ее взял нечистый» (Верх. Будым Гайн.) [Пономарева 2016: 344];

б) «водит» людей, произнесших его «имя»: *новйõтõ* водит; *бергõтвõ* водит по кругу: *Лешаксõ оз туй баитны, сйя пõ новйõтны поннõ вõрõттяс, õтiк местаõттяс, гõгравны пõ вõрõттяс поннан.* <...> *лешак вõрас оз горõтвы, бõра, мыся, бергõтвыны поннас.* «Лешак» нельзя говорить, он, мол, водить начинает по лесу по одному месту, кружить, мол, по лесу будешь. <...> «лешак» в лесу не кричу, опять, мол, водить по кругу будет (Ошиб Куд.) [ПМ];

в) ломает дом (построенный на дороге *вõрись*): *разьõтõ* разбирает / ломает: [*Баитõны, что лешакысвõн эм кытшиõмкõ туй, кытi, якобы, оз туй ветвõтны.*] *Сэтчõ пõ керку оз туй строитны. Сйя разьõтõ пõ сййõ ойнас.* [Говорят, что у лешего есть какая-то дорога, по которой, якобы, нельзя ходить.] На это место, говорят, дом нельзя строить. Он ломает, мол, его ночью (Ошиб Куд.) [ПМ];

г) сводит с ума людей (находящихся в состоянии алкогольного опьянения): *бõбтõ* сводит с ума: «*Кылас лешак, что код морт туй вылын базанитõ — õмсõ летõ, петкõтас лешачикасõ, тиõктас мысок вылõ сувтны, а ачыс — мõдик вылõ. Сувтасõ и давай кытсасыны.* <...> *Бõбтасõ мортсõ, сйя усяс*» (Кудымкар) [Климов 1990: 315]. Услышит леший, что пьяный человек по дороге громко поет — горло рвет, выведет лешачиху, велит на холм встать, а сам — на другой. Встанут и давай окликать друг друга: <...> Сведут с ума человека, он упадет (Пер. К.-Г.).

IV. Попечительная функция

Попечительная функция персонажа представлена группой действий, направленных на человека — МП наделяет благом, помогает:

а) выводит на дорогу потерявшихся в лесу людей: *иньдö (туй вылö)* направляет (на дорогу); *направитö* направляет: «Сэ тöн туй, и ми йö ö шимö. и а чыс си йа нэ тис, д'а д'ыс. <...> и си йа вöл'и с' ми йанöс и н'дис туй вы лас. <...> Там дорога, и мы потерялись. И он сам вышел, дядя [леший]. <...> И потом он направил нас на дорогу» (Иванчино Гайн.) [Пономарева 2016: 248]; «пра вда. бур дод' кыти с'кö ва йöм. си йа с'а направи тас, бу ра ко Шалас и мый. <...> Хорошие сани откуда-то принес, оказывается. Он затем направит [мужчину], хорошо проводит и что» (Верх. Будым Гайн.) [Пономарева 2016: 344–345];

б) наделяет имуществом: *вайö (додь)* приносит (сани): «Сэ тийöм пö до брой, пэрэод'э тöй мужы к. <...> мэ пö а шын му на, тэт пö до т'тö ва йа. <...> Такой добрый переодетый в мужика [леший]. <...> Я, мол, завтра пойду, тебе сани принесу» (Верх. Будым Гайн.) [Пономарева 2016: 344–345];

в) помогает в хозяйстве людям, которые с ним «знаются»: *отсавö* помогает; *вайö (нес)* приносит (дрова): *Чочком старикыс пö миянвö отсавö вöрас. <...> Ну, отсавö, нес мый пö, пессö мый ваяввöмась.* Белый старик, мол, нам помогает в лесу. <...> Да, помогает, дрова и что, мол, дрова даже приносили (Мижужева Куд.) [ПМ].

Проанализированный нами материал позволяет сделать следующие выводы. Действия, совершаемые духом леса *вöрись* по отношению к человеку, чаще всего осознаются как злокозненные и являются реализацией **вредоносной** и **прогностической** функций. Встреча человека с *вöрись* интерпретируется людьми как предвестник какого-либо события, чаще всего негативного (смерть, болезнь и др.). Функция **наказания** выражена в меньшей степени. МП выступает в роли своеобразного «надзирателя», сле-

дящего за соблюдением правил, принятых в обществе, и правил взаимоотношения людей с МП. Менее всего представлена **попечительная** функция.

Одни и те же тематические группы глагольных единиц могут входить в разные функциональные ряды, что совпадает с выводами, сделанными исследователями относительно славянской демонологии. Так, например, глаголы *новйѡтны* ('водить'), *босьтны* ('забирать'), *нуѡтны* ('отводить') реализуют одновременно **вредоносную** функцию и функцию **наказания**.

Рассмотренные нами тексты мифологических рассказов свидетельствуют о том, что *вѡрись*, будучи хозяином-распределителем природного локуса, может вступать в контакт с человеком, однако, в отличие от текстов о духе-дома *суседко*, мотив физического контакта *вѡрись* с человеком проявлен слабо (ср.: *суседко* давит, душит, спутывает волосы). С другой стороны, в текстах о коми-пермяцком духе леса широко представлены следующие мотивы: *вѡрись* водит, сбивает с пути человека в лесу, крадет дорогу у людей, забирает скот и детей. Это находит отражение в следующей лексике: *новйѡтны* 'водить', *кыскавны* 'таскать, водить', *панлавны* досл. 'ограничивать в передвижении', *гусявны* (*туй*) 'красть (дорогу)', *каттъыны* (*тишакыльѡ туй*) 'спутывать (дорогу «в клубок»)', *дзѡбны* 'прятать', *нуѡтны* 'уносить, отводить', *босьтны* 'забрать', *гусявны* (*кага*) 'красть (ребенка)', *пыртны* 'заводить', *йѡртны* 'загнать'.

Представленный набор функций и действий коми-пермяцкого духа леса нельзя назвать исчерпывающим. Продолжающийся сбор материала, а также обработка старых записей, опубликованных и неопубликованных данных позволят в дальнейшем расширить каждый из функциональных типов, выявить ареальные особенности распределения глаголов, описывающих действия духа леса *вѡрись*.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00750 «Природный мир и традиционная культура коми-пермяков: опыт лексикографического описания». Мы выражаем благодарность Н. А. Трубиновой, ассистенту кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков ПГГПУ, за помощь в расшифровке полевых материалов.

Литература

Белицер В. Н. (1958) Народные верования и обряды. *Очерки по этнографии народов коми. XIX – перв. пол. XX в.* М.: АН СССР: 316–332.

Виноградова Л. Н. (2000) *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян.* М.: Индрик.

Виноградова Л. Н. (2016) Демонологические функции «вредить человеку» и «наказывать» его за неправильное поведение. *Мифологический аспект славянской фольклорной традиции.* М.: Индрик: 19–26.

Виноградова Л. Н., Толстая С. М. и др. (1989) Схема описания мифологических персонажей. *Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30.VIII.89–6.IX.89. Проблемы культуры.* М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР: 78–85.

Голева Т. Г. (2011) *Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков.* СПб.: Издательство «Маматов».

Климов В. В. (1990) *Жили-были. Коми-пермяцкие сказки, легенды, сказы, предания, былички и бывальщины на коми-пермяцком языке.* Т. I. Кудымкар: Пермск. кн. изд-во.

Климов В. В. (1991) *Куда же вы уходите? Коми-пермяцкий фольклор на коми-пермяцком языке.* Т. II. Кудымкар: Пермск. кн. изд-во.

Конаков Н. Д. (1999) Вёрса. *Мифология коми: Энциклопедия Уральской мифологии.* М.: Издательство ДИК: 117–121.

Левкиевская Е. Е. (1999) Демонология народная. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 2.: Д (Давать) – К (Крошки).* М.: Международные отношения: 51–56.

Левкиевская Е. Е. (2000) Мифологические персонажи в славянской традиции: I. Восточнославянский домовый. *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология.* М.: Издательство «Индрик»: 96–161.

Левкиевская Е. Е. (2007) *Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика*. Дисс. ... докт. филол. наук. М.

Пономарева Л. Г. (2016) *Речь северных коми-пермяков: Монография*. М.: Языки народов мира.

Четина Е. М., Роготнев И. Ю. (2010) *Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края*. Пермь: Перм. гос. ун-т.

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращения источников

Рогов 2008 — Рогов Н. А. *Материалы для описания быта пермяков*. Пермский сборник. Книжка вторая. М., 1860. Отдел II. С. 1–128. [Переиздание: Рогов Н. А. *Материалы для описания быта пермяков*. Пермь: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2008].

Смирнов 1891 — Смирнов И. Н. *Духовное творчество пермяков. Известия общества археологии, истории и этнографии при Импер. Казанском ун-те*. Т. IX. Вып. 2. Казань, 1891. С. 232–289.

Янович 1903 — Янович В. М. *Пермяки. Этнографический очерк*. СПб., 1903.

Сокращения географических названий

Верх. Будым — посёлок Верхний Будым Гайнского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края

Гайн. — Гайнский район Коми-Пермяцкого округа Пермского края

Зар. Пешнигорт — деревня Заречный Пешнигорт Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края

Коч. — Кочёвский район Коми-Пермяцкого округа Пермского края

Куд. — Кудымкарский район Коми-Пермяцкого округа Пермского края

FUNCTIONS AND ACTIONS OF THE SPIRIT
OF THE FOREST *VÖRIS'*
(ON THE DATA OF KOMI-PERMYAK
MYTHOLOGICAL NARRATIVES)

Anastasiya Krotova-Garina

Perm State University,
Perm, Russia
E-mail: anastasia.garina@ya.ru

Citation: Krotova-Garina A. (2019) Funktsii i deystviya dukha lesa vöris' (na materiale komi-permyatskikh mifologicheskikh rasskazov) [Functions and actions of the spirit of the forest vöris' (on the data of Komi-Permyak mythological narratives)]. *Severnoruskiye govory* [Northern Russian dialects], 18: 318–335. (in Russian)

Abstract. Most common nominations, functions and actions of the Komi-Permyak mythological beings, the spirit of the forest, were observed after analysis of oral narratives. After analysis of the texts we concluded, that the main functions of the spirit were related to aspects of malignancy, protection, foretelling, and punishment. We saw, that the spirit of the forest is mostly commonly found to be malignant towards its interactions with humans, and cattle who could not coexist in agreement with the spirit. Protective function is shown to be actualised through special actions that are said to grant the person magic abilities and knowledge.

In this analysis, we present the notion of verb phrase thematic groups establishing close relations to multiple different function series through evaluation of process lexis of mythological narratives about the said spirit. We showed, that the data on the spirit *vöris'*, as the master of the natural locus, provides evidence of contact of the spirit with a person, but, unlike the texts on the spirit of the house *susedko*, the motive of physical contact of the spirit of the forest *vöris'* with a person is significantly insufficient. On the other hand, other motifs have a wide spectrum of actualisation in the region under question: *vöris'* leads people astray in the forest, “steals” the road from people, takes away children, and cattle. These motifs are reflected in the lexical and semantic domains of the verb phrase unit vocabulary. We showed, that in the presented set of functions and actions of Komi-Permyak spirit of the forest, the said spirit's functions and actions cannot be said to be sufficient in its quantity.

We are still gathering more data as well as we are analysing older notes and other data that was not published; our actions are to help us to elaborate on the system and actualisation of the said spirit through a wider number of texts gathered and evaluated in near future, as such it is to help us to establish different loci of verbs describing the said spirit's called *vöris*' actions of each of the functions' type.

Keywords: folk demonology, mythological character, functions/actions, *vöris*, the spirit of the forest, Komi-Permyak language.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, № 18-012-00750 “The nature and traditional culture of Komi-Permyaks: the experience of lexicographical description”.

We thank N. A. Trubinova, an assistant of the Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak languages and language teaching methods of Perm State Humanitarian Pedagogical University, for help in deciphering field recordings.

References

Belitser V. N. (1958) Narodnyye verovaniya i obryady [Folk beliefs and rites]. In: *Ocherki po etnografii narodov komi. XIX – perv. pol. XX v.* [Essays on the ethnography of the Komi peoples. 19th – the first half of 20th century]. Moscow: AN SSSR: 316–332. (in Russian)

Chetina Ye. M., Rogotnev I. Yu. (2010) *Simvolicheskiye real'nosti Parmy: Ocherki traditsionnoy kul'tury Permskogo kraja* [Symbolic realities of Parma: Essays on the traditional culture of Perm Krai]. Perm: Permskiy Gosudarstvennyy Universitet. (in Russian)

Goleva T. G. (2010) *Mifologicheskiye personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov* [Mythological characters in the worldview system of the Komi-Permyaks]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Mamatov». (in Russian)

Klimov V. V. (1990) *Zhili-byli. Komi-permyatskiye skazki, legendy, skazy, predaniya, bylichki i byval'shchiny na komi-permyatskom yazyke* [Once upon a time, there were. Komi-Permyak fairytales, legends, tales, stories, bylichkas and byvalshchinas in the Komi-Permyak language]. Vol. I. Kudymkar: Permsk. kn. izd-vo. (in Komi-Permyak)

Klimov V. V. (1991) *Kuda zhe vy ukhodite? Komi-permyatskiy fol'klor na komi-permyatskom yazyke* [Where are you going? Komi-Permyak folklore

in the Komi-Permyak language]. Vol. II. Kudymkar: Permskoye knizhnoye izdatel'stvo. (in Komi-Permyak)

Konakov N. D. (1999) Vörsa [Wörsa]. In: *Mifologiya komi: Entsiklopediya Ural'skoy mifologii* [Komi Mythology: Encyclopedia of Ural Mythology] Moscow: Izdatel'stvo DIK: 117–121. (in Russian)

Levkiyevskaya Ye. Ye. (1999) Demonologiya narodnaya [Folk demonology]. *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 volumes. Vol. 2: D (Davat') – K (Kroshki): 51–56. (in Russian)

Levkiyevskaya Ye. Ye. (2000) Mifologicheskiye personazhi v slavyanskoj traditsii: I. Vostochnoslavjanskiy domovoy [Mythological characters in the Slavic tradition: I. East Slavic spirit of the house]. In: *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Narodnaya demonologiya* [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology]. Moscow: Indrik: 96–161. (in Russian)

Levkiyevskaya Ye. Ye. (2007) *Vostochnoslavjanskiy mifologicheskiy tekst: semantika, dialektologiya, pragmatika* [East Slavic mythological text: semantics, dialectology, pragmatics]. The diss. for the Doctor of Philology. Moscow. (in Russian)

Ponomareva L. G. (2016) *Rech' severnykh komi-permyakov* [Speech of the Northern Komi-Permyaks]. Monograph. Moscow: Yazyki narodov mira. (in Russian)

Vinogradova L. N. (2000) *Narodnaya demonologiya i mifo-ritual'naya traditsiya slavyan* [Folk demonology and the mythological and ritual tradition of the Slavs]. Moscow: Indrik. (in Russian)

Vinogradova L. N. (2016) Demonologicheskiye funktsii «vredit' cheloveku» i «nakazyvat'» yego za nepravil'noye povedeniye [Demonological functions of «harming a person» and «punishing» him for improper behavior]. In: *Mifologicheskiy aspekt slavyanskoy fol'klornoy traditsii* [The mythological aspect of the Slavic folk tradition]. Moscow: Indrik: 19–26. (in Russian)

Vinogradova L. N., Tolstaya S. M. et al. (1989) Skhema opisaniya mifologicheskikh personazhey [The scheme of the description of mythological characters]. In: *Materialy k VI Mezhdunarodnomu kongressu po izucheniyu stran Yugo-Vostochnoy Yevropy. Sofiya, 30.VIII.89–6.IX.89. Problemy kul'tury* [Materials for the VI International Congress for the Study of Southeast Europe. Sofia, 30.VIII.89–6.IX.89. The problems of culture]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki AN SSSR: 78–85. (in Russian)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ДОЛГАН

*Назмутдинова Татьяна Станиславовна,
Набок Игорь Леонтьевич*

Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: inabok@narod.ru

Цитирование: Назмутдинова Т. С., Набок И. Л. (2019) Проблемы и перспективы этнолингвокультурологического подхода в исследовании долган. *Севернорусские говоры*, 18: 336–348.

Аннотация. В статье рассматриваются методологические проблемы исследования процессов культурогенеза и формирования языка одного из самых «молодых» коренных малочисленных этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока России — долган. Анализируются особенности межъязыковых и межкультурных взаимодействий различных территориально-этнических групп — якутов, эвенков, старожильского русского населения, а также энцев и ненцев, которые привели к возникновению на рубеже XIX–XX вв. новой этнической общности. Доказывается необходимость использования комплексного этнолингвокультурологического подхода к исследованию целостного лингвокультурного комплекса долган.

Ключевые слова: долганы, культурогенез, лингвогенез, межкультурные взаимодействия, языковые взаимодействия, лингвокультурология, этнолингвистика, этнолингвокультурологический подход, языковая картина мира.

Долганы — один из коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России — представляют собой очень интересный и в то же время сложный объект для научного исследования. Это связано прежде всего с уникальными условия-

ми формирования этого этноса, особенностями этнокультурогенеза и лингвогенеза, строившихся на сложных взаимодействиях разноэтничных и разноязыковых элементов, наконец, с относительно поздним временем (первая половина XIX в.) его завершения, что позволяет относить долган к «молодым» народам. Временная близость к современности этого процесса означает прежде всего наличие материала, информации, позволяющих исследователям приблизиться к пониманию некоторых существенных механизмов и особенностей этнокультурогенеза как становления и формирования качественно своеобразной этнической культуры народа и его языка. При этом исследование этнокультурогенеза позволяет выявить некие универсалии, касающиеся принципов и законов межэтнического и языкового взаимодействия этносов, ассимиляционных и адаптационных процессов.

Известно, что впервые о долганах упоминается в «Наказе стольнику Петру Головину и дьяку Филатову, посланным в Сибирь на реку Лену для строения острога и приведения в русское подданство сибирских инородцев», который датируется 6 августа 1638 г. Самые первые научные сведения о долганах содержатся в трудах известных исследователей Сибири XIX в. — финна М. А. Кастрена и крупнейшего русского естествоиспытателя и физикогеографа А. Ф. Миддендорфа. Значительный вклад в исследование долган, их этнической истории и культуры внесли отечественные ученые — Б. О. Долгих, А. А. Попов, Г. Н. Грачева, П. Е. Ефремов, В. А. Туголуков и др.

Еще А. Ф. Миддендорф в своем знаменитом «Путешествии на Север и Восток Сибири» назвал долган интересным «смешанным народом», у которого «во всем преобладает якутский элемент» [Миддендорф: 1878]. Выдающийся советский этнограф Б. О. Долгих в своем фундаментальном труде «Происхождение долган» указывает на *девять этнографических групп*, из которых (в соответствии с переписью 1926–1927 гг.) на территории Таймыра образовался долганский этнос: 1) *Долганы бывшей Долгано-Есейской управы с родовым названием Долган (Дулган)*. Их предками были тунгусы долганского рода в XVII в., жившие по Лене между устья-

ми Алдана и Вилюя; 2) *Долганы бывшей Долгано-Тунгусской управы с родовым названием Донгот*. Донготы были наиболее крупным ответвлением баягиров, вошедших в состав долган, обитавших в XVII в. по верховьям конфлюента Хатанги Котуя, в верховьях Вилюя, в верховьях Оленека и частично распространявшихся на р. Кочечумо и ее приток Туру из бассейна Нижней Тунгуски; 3) *Долганы бывшей Жигано-Тунгусской управы с родовым названием Эдян (Адян) или Эдиген* переселились на Таймыр из Якутии, в 1769–1783 гг.; 4) *Эвенки бывшей Боганидско-Тунгусской управы с родовым названием Каранто*. На карте Енисейской губернии 1822 г. их центр указан несколько западнее среднего течения реки Боганиды; 5) *Якуты бывшей Нижне-Затундринской якутской управы* являются самой большой составной частью долганской народности и одной из самых ранних из них по своему появлению в бассейне нижней Хатанги и Хеты (в 1699 г.); 6) *Затундринские крестьяне*, образовавшие раньше Нижне-Затундринское крестьянское общество, после энцев и нганасан являются наиболее старыми обитателями территории современного расселения основной массы долган. Русские промышленные люди появились «за тундрой» уже в первой четверти XVII в.; 7) *Есейские якуты* не являются потомками населения Есейской волости XVII–XIX вв., а представляют якутов-оленеководов, пришедших в район озера Есей из бассейна Оленека, вероятно, в XVIII в.; 8) *Эвенки бывших 2-й и 3-й Летних и Илимпейской управ из рода Тамбэ-гир, Малгачагир, Иолигир, Тыптагир и Якчар*, усвоившие в качестве родного языка долганский диалект якутского языка, жившие чересполосно с долганским населением, тоже явились значительной и все увеличивающейся составной частью долганской народности. Илимпейские эвенки на Таймыр переселились в конце XIX и начале XX вв.; 9) *Энцы (самоеды)* Хантайской управы родов Со-нуко (Санэр), Сойта, Масуадай, Карасинской управы — Муггади, Бай и *ненцы (юраки)* родов Ябтонгэ и Аседа, усвоившие в качестве родного языка долганский диалект якутского языка, оказались среди долган в результате браков мужчин энецкого и ненецкого происхождения на долганках [Долгих 1963: 92–141]. По оцен-

ке Б. О. Долгих, состав долган по происхождению в начале 60-х гг. XX в. делился следующим образом: 45% тунгусов (эвенков и эвенков), 42% якутов; 11% русских и 2% самодийцев (энцев и ненцев).

Интереснейшие описания различных элементов духовной и материальной культуры долган сделаны А. А. Поповым и опубликованы в 30-х – 50-х гг. XX в. Они касаются и хозяйственной деятельности (оленоводство, охота, рыболовство), и фольклора, и религиозных воззрений, и типов жилищ, и семейной жизни [Попов 1935]. По наблюдениям ученого, во всех сферах жизни долган происходит своеобразное соединение различных культурных и языковых элементов. Так, например, летняя, вьючно-верховая езда на оленях — тунгусского типа, а зимняя езда на санках — самодийская, хотя и с тунгусским передовым. Долганы, как и тунгусы, доят коров, но имеют пастушьих собак, как самодийцы. Оленеводческая терминология у них — эвенкийская, с рядом якутских слов и отдельными русскими словами.

По мнению Б. О. Долгих, культуру долган «вполне можно считать скрещенной из тунгусских, якутских и русских элементов», если еще не считать влияния древних неолитических культур, существовавших на Крайнем Севере «до проникновения сюда уральских и алтайских по языку народов — самодийцев, тунгусов, а затем еще и якутов» [Долгих 1963: 134]. Среди названий промысловых зверей многие русские (*ускан* ‘заяц’, *курупаскы* ‘куропатка’), но большинство — якутские. Среди долганских жилищ встречаются русская изба (*нючча-де* ‘русское жилище’), якутский *балаган*, якутский *балтыхак-балаган* или *дулга*, тунгусский *чум* и *голомо*. Наконец, по мнению Б. О. Долгих, у долган первых из народов Севера распространился так называемый «нартяной чум» — *балка* (крытая повозка), на которой по тундре ездили русские купцы и чиновники.

Слиянию различных этнических групп, родов и племен в единую этническую общность долган на Таймыре, безусловно, способствовало определенное единство в хозяйственной деятельности — оленеводстве, охоте, рыболовстве, развитию которых способствовали природно-климатические условия и промысловые

ресурсы в местах, где поселились долганы, а также схожие формы быта и брачные отношения. Как отмечает Б. О. Долгих, «в 1926 г. уже трудно было найти долганскую семью, где бы оба супруга принадлежали к одной этнографической группе» [Долгих 1963: 136]. Огромное значение, безусловно, имело и то, что практически все группы долган приняли православную веру, хотя это принятие в значительной степени носило «формальный» характер и сочеталось со своеобразным религиозно-обрядовым конгломератом, в котором кроме православной веры присутствовали анимизм и пантеизм, а также институт шаманства (в значительной мере аналогичный якутскому). Это определило и значительное своеобразие обрядово-ритуальной практики. Так, долганы хоронят умерших в земле, но на могилу сваливают дерево или ставят деревянный сруб. Обязательный крест на могиле сочетается с оставляемой рядом одеждой умершего и разрубленными пополам нартами (у оленеводов принято также ставить шест с головой оленя).

Безусловно, особое значение для «сложения» единой этнической общности долган имело значительное распространение долганского диалекта якутского языка и сложные межязыковые и межкультурные взаимодействия различных этнических групп, из которых в конечном итоге сформировался долганский этнос и, собственно, самостоятельный долганский язык. Его статус как самостоятельного языка обосновал в своем докторском диссертационном исследовании Н. М. Артемьев, который утверждал: «По комплексу факторов социологического, социально-культурного порядка, признаков психологического характера (этническая самоидентификация), а также лингвистических фактов, долганский язык является самостоятельным языком тюркской группы (якутская подгруппа)» [Артемьев 2001: 63]. В то же время можно утверждать, что многосоставность, во многом определившая своеобразие формирования, сложения долганского этноса, образование нового культурно-языкового единства, только усиливает потребность научного исследования обладающих своей спецификой локальных языковых и этнокультурных комплексов долган.

По мнению В. П. Кривоногова, «в составе долганского этноса сохраняется несколько этнотерриториальных групп, имеющих особенности в языке и культуре» [Кривоногов 2014: 73]. Вряд ли эту специфику можно объяснить простым заимствованием у соседних народов (у русских — православной религии, у якутов — языка, у эвенков — оленеводства и т. д.), тем более что указанные заимствования каждый раз отличались собственной структурой, собственной спецификой, связанной с культурно-языковыми особенностями участвующих во взаимодействии этнических групп. Такое исследование имеет большое значение для понимания общих закономерностей процессов этнической идентификации, не имеющей, как известно, в отличие от прочих видов идентификации (возрастной, социальной, гендерной и др.), «объективных» оснований и определяющейся по самосознанию.

Необходимость комплексного междисциплинарного подхода к исследованию долганского языка, процесса его исторического становления, осознается особенно отчетливо при разработке учебников и учебных пособий по языку. Как отмечал Н. М. Артемьев, «существенным моментом представляется при создании учебников установление диалектической взаимосвязи языка и культуры на лингводидактическом уровне, т. е. разработка проблемы функционирования языка в этнокультурном контексте» [Артемьев 2001: 18].

Междисциплинарность в широком смысле слова предполагает не только обмен идеями, но и интеграцию концепций, методологий, исследовательских процедур, понятийно-терминологического аппарата, особой организации исследований. Наиболее ярко развитие междисциплинарности проявилось в лингвистической науке, настойчиво ищущей контакты со смежными областями гуманитарного знания для развития и усиления «объясняющей» функции исследований феномена языка. Так появились претендующие на статус самостоятельных наук этнолингвистика и лингвокультурология, а также этнолингвокультурологический подход. Практически все эти научные направления строятся на взаимодействии лингвистики, культурологии и этнологии,

но характер, уровень этого взаимодействия и, соответственно, тот инструментарий, который должен применяться для решения исследовательских задач, заслуживают специального уточнения, хотя в первом десятилетии XXI в. появилось значительное число публикаций, позиционирующихся как этнолингвокультурологические [Брысина 2003; Скороспелкина 2004].

Прежде всего, следует отметить, что этнолингвокультурологическому подходу предшествуют этнолингвистика и лингвокультурология как общепризнанные отрасли лингвистической науки, имеющие уже достаточно серьезные традиции. В то же время соотношение этих научных областей не выглядит в современной лингвистической литературе однозначно, хотя общепризнанным является представление о первичности этнолингвистики, обязанной своим статусом прежде всего Н. И. Толстому, видевшему в качестве предмета ее исследования соотношения, взаимосвязи и взаимозависимости языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества [Толстой 1983]. Лингвокультурология возникла и утвердилась в качестве отрасли лингвистической науки на рубеже XX и XXI вв. в русле антропоцентрической парадигмы лингвистики. Безусловно, появление этих новых направлений в лингвистике связано и с другим важным методологическим поворотом в науке о языке — доминантой «экспланаторности», т. е. смены акцента с описания языковых феноменов на их объяснение. По мнению Е. А. Поповой, если описание направлено прежде всего на исследование-постижение семантики и структуры языковых объектов, то объяснение «на выяснение их функционирования» [Попова 2002: 74–75]. Базовыми для этнолингвокультурологического подхода являются понятия «коннотация», «картина мира» и «концепт». Подчеркнем, что речь идет именно о «подходе», не претендующим на статус самостоятельной области знания. Этот подход исходит из культурологического представления о культуре как сложноорганизованной синергетической системе, элементом которой является естественный язык (наряду с искусственными знаковыми системами — «языками культуры»),

а важнейшей парадигмой развития — этническая (этнонациональная). Поэтому этнолингвокультурологический подход означает интегрированное рассмотрение языковых фактов и в лингвистическом, и в культурологическом, и в этнологическом аспектах. Так, например, Е. В. Брысина пишет: «Этнолингвокультурологический метод предполагает комплексный лингвистический анализ диалектных сочетаний разного типа с опорой на данные смежных наук — этнографии, этнолингвистики, лингвокультурологии, истории, психоллингвистики и др., что обеспечивает действенность используемых в процессе анализа методов и приемов, помогает глубже и отчетливее высветить этнокультурное своеобразие диалектной фраземики» [Брысина 2003: 14]. Именно в этом смысле с точки зрения этнолингвокультурологического подхода следует изучать этнокультурные коннотации в языке как сопутствующие значения языковой единицы, отражающие культурные традиции общества и предназначенные для выражения эмоциональных или оценочных оттенков высказывания. Сказанное касается и понятия «картина мира», введенного в научный оборот физиком Г. Герцем, а затем получившего «гуманитарную» интерпретацию в работах К. Ясперса, Л. Витгенштейна и Л. Вайсгербера, а сегодня ставшего одним из центральных понятий лингвистики. Общепринятым стало разделение картины мира на «концептуальную» (или когнитивную) и «языковую», которая определялась как информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами разговорных языков. Языковая картина мира в сопоставлении с концептуальной (научной) картиной мира получила название «наивной». В то же время «наивная картина мира», по замечанию Ю. Д. Апресяна, отнюдь не примитивна — во многих случаях лежащие в ее основе представления «не менее сложны и интересны, чем научные» [Апресян 1995: 37]. Существенно важно то, что каждый язык дает свою «картину мира», а это позволяет реконструировать этноспецифическую систему представлений о мире.

Все сказанное позволяет утверждать, что именно с помощью комплексного этнолингвокультурологического подхода в иссле-

довании языка и культуры долган можно выявить сущностные закономерности лингво- и культурогенеза феномена этносоциума. Особый интерес в этом смысле представляет до сих пор малоисследованная небольшая (около одной тысячи человек) субэтническая группа анабарских долган, живущая территориально относительно отдаленно от основной группы долган, сосредоточенной на Таймыре. Эта группа сохраняет своеобразный говор, ее язык включает слова различного происхождения, в том числе якутские, а также относящиеся к древнетунгусскому языку и языку русских старожилов [Назмутдинова 2017; Саввинов 2005].

Литература

Апресян Ю. Д. (1995) Образ человека по данным языка: Попытка системного описания. *Вопросы языкознания*, 1: 37–67.

Артемьев Н. М. (2001) *Долганский язык: структурно-семантический сравнительный анализ*. Дисс. ... д. филол. наук. СПб.

Брысына Е. В. (2003) *Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземки Дона*. Дисс. ... д. филол. наук. Волгоград.

Долгих Б. О. (1963) Происхождение долган. *Сибирский этнографический сборник*, т. V (Труды Института этнографии, т. 84): 92–141.

Кривоногов В. П. (2014) К вопросу об этническом самосознании долган. *Социодинамика*, 11: 73–107.

Лалаева Д. И. (2007) *Лексико-семантическое поле «время» в Донском казачьем диалекте: этнолингвокультурологический аспект исследования*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.

Миддендорф А. (1878) *Путешествие на север и восток Сибири: Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении*. Ч. 1–2. СПб: Тип. Имп. акад. наук, 1878.

Назмутдинова Т. С. (2017) *Синтаксическая интерференция в речи долгано-русских билингов: (на материале языка анабарских долган)*. СПб.: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Попов А. А. (1935) Оленеводство у долган. *Советская этнография*, 4–5: 184–205.

Попова Е. А. (2002) Человек как основополагающая величина современного языкознания. *Филологические науки*, 3: 69–77.

Саввинов А. И. (2005) *Проблемы этнокультурной идентификации долган: на материалах традиционного искусства*. Отв. ред. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука.

Скороспелкина Г. С. (ред.) (2004) *Этнолингвокультурология. Проблемы и решения*. Сб. докладов международной конференции. СПб.: Сага, Наука.

Толстой Н. И. (1983) О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса. *Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос)*: Сб. научных трудов. Л.: Наука.

PROBLEMS AND PROSPECTS
OF ETHNOLINGUACULTUROLOGICAL ATTITUDE
IN THE STUDY OF DOLGANS

Tatyana Nazmutdinova, Igor Nabok

A. Herzen Russian State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia
E-mail: inabok@narod.ru

Citation: Nazmutdinova T., Nabok I. (2019) Problemy i perspektivy etnolingvokul'turologicheskogo podkhoda v issledovanii dolgan [Problems and prospects of ethnolinguaculturological attitude in the study of Dolgans]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 18: 336–348. (in Russian)

Abstract. Dolgans — one of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia — are a very interesting and at the same time complex object for scientific research. This is due primarily to the unique conditions for the formation of this ethnic group.

It is noted that the merger of various ethnic groups, clans and tribes into a single ethnic community of Dolgans in Taimyr, of course, was facilitated by a certain unity in economic activity — reindeer husbandry, hunting, fishing, the development of which was facilitated by natural and climatic conditions and fishing resources in the places where the Dolgans settled, as well as similar forms of life and marriage.

The article emphasizes that, of course, it was of great importance that almost all Dolgan groups adopted the Orthodox faith, although this adoption was largely formal in nature and combined with a kind of religious and ceremonial conglomerate, in which, besides the Orthodox faith, there were animism and pantheism, as well as the institution of shamanism (to a large extent similar to Yakut). This determined a significant peculiarity of ritual and ritual practice. It can be argued that it is with the help of a comprehensive ethnolinguistic and cultural approach to the study of the language and culture of the Dolgans that the essential patterns of linguistic and cultural genesis of the ethnosocium phenomenon can be identified. Of particular interest in this sense is the still little explored small (about one thousand people) sub-ethnic group of Anabar Dolgans.

Keywords: Dolgans, culture Genesis, linguogenesis, linguistic interaction, linguistic-cultural studies, ethnolinguistics, ethnolinguoculturological attitude, language picture of the world.

References

Apresyan Yu. D. (1995) *Obraz cheloveka po dannym yazyka: Popytka sistemnogo opisaniya* [The image of a person according to the language: An attempt to describe the system]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1: 37–67. (in Russian)

Artemyev N. M. (2001) *Dolganskiy yazyk: strukturno-semanticheskiy sravnitel'nyy analiz* [Dolgan language: structural-semantic comparative analysis]. Diss. ... D. philol. sciences. St. Petersburg. (in Russian)

Brysina Ye. V. (2003) *Etnolingvokul'turologicheskiye osnovy dialektnoy frazemiki Dona* [Ethnolinguoculturological foundations of the dialect phrasology of the Don]. Diss. ... D. philol. sciences. Volgograd. (in Russian)

Dolgikh B. O. (1963) *Proiskhozhdeniye dolgan* [Origin of the Dolgans]. *Siberian ethnographic collection*, vol. V (Proceedings of the Institute of Ethnography, vol. 84): 92–141. (in Russian)

Krivanogov V. P. (2014) *K voprosu ob etnicheskom samosoznaniy dolgan* [On the issue of ethnic self-awareness of the Dolgans]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 11: 73–107. (in Russian)

Lalayeva D. I. (2007) *Leksiko-semanticheskoye pole «vremya» v Donskom kazach'yem dialekte: etnolingvokul'turologicheskiy aspekt issledovaniya* [The lexical-semantic field “time” in the Don Cossack dialect: ethnolinguistic and cultural aspect of the study]. Abstract. dis. ... Cand. philol. sciences. Volgograd. (in Russian)

Nazmutdinova T. S. (2017) *Sintaksicheskaya interferentsiya v rechi dolgano-russkikh bilingvov: (na materiale yazyka anabarskikh dolgan)* [Syntactic interference in the speech of the Dolgan-Russian bilinguals: (based on the material of the language of the Anabar Dolgans)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. (in Russian)

Popov A. A. (1935) *Olenevodstvo u dolgan* [Reindeer husbandry of the Dolgans]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 4–5: 184–205. (in Russian)

Popova Ye. A. (2002) *Chelovek kak osnovopolagayushchaya velichina sovremennogo yazykoznaniya* [Man as the fundamental value of modern linguistics]. *Filologicheskiye nauki* [Philology], 3: 69–77. (in Russian)

Savvinov A. I. (2005) *Problemy etnokul'turnoy identifikatsii dolgan: na materialakh traditsionnogo iskusstva* [Problems of ethnocultural identification of the Dolgans: on the materials of traditional art]. Institut problem malochislennykh narodov Severa SO RAN. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Skorospelkina G. S. (ed.) (2004) *Etnolingvokul'turologiya. Problemy i resheniya* [Ethnolinguoculturology. Problems and solutions]. St. Petersburg: Saga, Nauka. (in Russian)

Tolstoy N. I. (1983) O predmete etnolingvistiki i yeye roli v izuchenii yazyka i etnosa [On the subject of ethnolinguistics and its role in the study of language and ethnos. In: *Areal'nyye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (Yazyk i etnos)* [Areal studies in linguistics and ethnography (Language and ethnos)]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

«КОСТРОМСКИЕ ГОВОРЫ» (УЧЕБНЫЙ КОМПЛЕКС): ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Кобелева Ирина Арнольдовна

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия
E-mail: kobir@list.ru

Цитирование: Кобелева И. А. (2019) «Костромские говоры» (учебный комплекс): взгляд со стороны. *Севернорусские говоры*, 18: 349–360.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на уникальный учебный комплекс «Костромские говоры» профессора Костромского государственного университета Н. С. Ганцовой. Оценивается прежде всего соотношение лексического материала, представленного в хрестоматии, и словника словаря-гlossария, сопровождающего ее. Предлагается перечень лексем для потенциального расширения словаря.

Ключевые слова: севернорусские говоры, Костромская область, лексикография, словарь, glossарий.

В 2018 г. увидел свет учебный комплекс «Костромские говоры» Нины Семеновны Ганцовой [Ганцовская 2018]. Двухтомное издание включает несколько разделов: в первом дана характеристика говоров Костромской области, во многом основанная на собственных наблюдениях и фактических материалах автора;

во втором — представлена хрестоматия с образцами живой народной речи, услышанной и записанной в разные годы не только Н. С. Ганцовской, но и ее коллегами, студентами, просто любителями народного слова (краеведами, учителями, писателями, работниками культуры); третий раздел содержит схему и образец разбора диалектного текста, являющиеся оригинальными методическими рекомендациями для полного анализа особенностей костромских говоров. Все эти разделы объединены под обложкой первого тома. Второй том представляет собой «Костромской областной словарь», отражающий лексику и фразеологию всех районов Костромской области: это фактически переиздание вышедшего в 2006 г. и ставшего библиографической редкостью словаря «Живое костромское слово» [Ганцовская 2006].

Хрестоматия (раздел второй) содержит значительное количество замечательных диалектных текстов, представляющих собой записи речи носителей говоров разных диалектных групп на территории Костромской области. Тексты сгруппированы (сначала — по соответствию тому или иному типу говоров, далее — по отнесенности к району) и сопровождаются указанием на конкретный населенный пункт записи. Например:

1) юго-западные говоры: *Костромской р-н* (д. Апраксино, д. Стрельниково, с. Саметь, с. Шунга, д. Прудичи), *Буйский р-н* (с. Борок, д. Пилятино, д. Плещеево, д. Жолобово, д. Кисляково, д. Конышево, д. Внуково, д. Дьяконка, д. Шарново, д. Полетаево, с. Воскресенское, д. Елегино) и др.

2) северо-западные говоры: *Солигаличский р-н* (с. Гнездниково, д. Княжево, п. Разгоняй, д. Мелитино, д. Серапиха, д. Нижний Берёзовец), *Чухломский р-н* (с. Ножкино, д. Фёдоровское, с. Судай, п. Якша, д. Овсянниково, д. Тимофеевское, д. Фарютино, д. Луковцыно, д. Панкратово) и др.

Всего таких разделов в хрестоматии насчитывается пять. В них собраны многочисленные примеры коротких метких изречений, бытовых реплик, диалогов, быличек, преданий, воспоминаний, небылиц, сказок, даже рецептов — все они демонстрируют

подлинную (не стилизованную) народную речь с ее яркими отличительными фонетическими и грамматическими чертами.

Тексты снабжены привлекательными заголовками, во многих из которых эти фонетические и грамматические особенности находят отражение, ср., например: «Чово толькё не делала», «Просили хлеп слаткой испекчи», «Как раньче Паску-то ждали!», «Он был некрешшоной», «Ляса были у нас харошыя», «Придѣцца нам с вам тута сидети», «Лён-от теребили фсё рукам», «Седни на ричку мыть собралася», «С роботы тоже с песнем», «Фчерась мужыки издили по сено» и мн. др.

Хрестоматия имеет два приложения. Одно из них называется «Комментарии к текстам»: в нем можно найти дополнительные сведения о географии того или иного района, о населяющих его жителях, о самих говорах, о разного рода топонимах и, в целом, об их общей роли в установлении тех или иных фактов в истории заселения описываемой территории. Так, в комментарии «Буйский район» (с. 186–187) сначала говорится о топонимике района, затем идет информация о некоторых тематических группах («Природа», «Лес») и о разных сторонах местной речи (отмечается, что преобладает полное оканье, еканье, ёканье, но встречается островное аканье и яканье; произносится *ш* на месте *щ*; сочетание согласных *ст* упрощается в *с*; интервокальный *й* в формах прилагательных и глаголов утрачивается и т. д.).

Во втором приложении — «Кратком словаре к текстам» — дан перечень диалектных слов и, значительно реже, устойчивых словосочетаний, встречающихся в этих текстах и объясняемых автором. По сути, это глоссарий. Такой способ «словарной» подачи слов — в непосредственной связи с текстом — представляет собой «текстовую лексикографию» и известен с древнейших времен [Сороколетов 1998: 30]. Н. С. Ганцовская также обращается к глоссировке. Несколько сборников народной речи, изданных ею в последние годы, содержат такие глоссарии: речь идет о трудах «Костромское народное слово» [Ганцовская 2003] и «Меткое костромское слово» [Ганцовская 2013; 2015]. В этот ряд входит и обобщаемый учебный комплекс.

Глоссарий включает 238 заголовочных единиц, среди которых лишь 18 устойчивых (в той или иной степени) конструкций, например: *дёрба чащóбная* ‘заросший, не очищенный для пахоты участок леса’, *загнóть пирóг* ‘испечь закрытый пирог’, *погóда обвёдрит* ‘установится хорошая погода, ведро’, *собáчьи гóбы* ‘несъедобные грибы, поганки’ и др.

Слова могут быть представлены в разных вариантах употребления (*бáский / баскóй* ‘хороший’, *бóде / бóди* ‘может быть, если’, *пáўжна / пáвжна* ‘прием пищи после полудня, около 2-х часов дня’, *пéстер / пéстерь* ‘заплетная корзина, обычно берестяной короб’ и др.).

В ряде случаев текстовый словарь предусматривает указание на предметную отнесенность или сочетаемость слова, ср.: *пахáть (сор)* ‘мести’, *преснóй (пирог)* ‘изготовленный из недрожжевого теста’, *ройтýся (о корове)* ‘болеть нароем’, *цепóля (хлеба)* ‘ломоть’ и др.

Иногда можно обнаружить пояснение диалектных слов и в самом тексте, ср., например: *Клали полотицу (костица от овса). На гвоздик (деревянная затычка) возле отверстия клали кусочек соломы, штобы гуца не попадала.* [«Пиво из солода и свёклы», с. 45]; *Белую муку скипятим и заварим эту муку, наложым масла туды, а осенью смарчкоф (шкварок): у нас сала многа была.* [«Обыденная пища», с. 84] и др.

Поскольку такие внутритекстовые пояснения редки, при чтении диалектных текстов, содержащих множество диалектизмов, приходится постоянно обращаться к предложенному глоссарию. И оказывается, что он назван «кратким словарем» не случайно: его словник может быть значительно пополнен, потому что в текстах то и дело попадаются не включенные в него слова и выражения. Например, самый первый в хрестоматии фрагмент костромской народной речи (под названием «Обыденное», с. 34), состоящий из непрехотливых реплик, содержит 10 диалектных слов, ср.:

— *Нашто кошку-ту упустила? Опеть руки-те оп подол трёш! Рушник -от на што?*

— Взела бы вон на *полице* пирожок-от горяченькой.

— Могот быть и полежу. Погоди, покрой *набивник*-то чистой простынькой.

— Поди, на болоте-ту *мухарников* много. То тебе не у костра сидеть, *нонче* зима-то, гледиш, морознаа будёт. Вон рябина-то какая. Ягод-от наберёш полнуу *зобеньку*.

— Оне фсё *голикам* дралися. *Голик*-от вынеси, поди, на *мосток*.

— *Паска*-ту *нонче* ранняя. Пресветаа Богородица! [Лонцова Евдокия Ивановна, 1904 г.р., д. Апраксино, текст записан в 1990 г.].

Если слова *нонче* и *Паска*, в общем-то, в истолковании не нуждаются и, возможно, поэтому в «краткий словарь» не включены, то все другие лексемы должны были бы найти там свое место. Однако только некоторые из них помещены в глоссарий (*полицца* ‘полка’, *зобенька* ‘маленькая корзинка’), а значения слов *нашто*, *рушник*, *набивник*, *мухарник*, *голик*, *мосток* остаются неясными. Также неизвестно, как эти слова произносятся, поскольку тексты в хрестоматии за редким исключением напечатаны без ударения. Правда, некоторые сведения можно узнать из «Костромского областного словаря», составляющего второй том учебного комплекса: там есть слова *нашто́* ‘зачем, для чего, почему’ (т. 2, с. 126) и *рушник* 1. ‘полотенце’, 2. ‘кухонное полотенце’, 3. ‘полотенце с украшениями типа салфетки, носового платка’ (т. 2, с. 172). Слова же *набивник*, *мухарник*, *голик*, *мосток* и там отсутствуют.

Далее, второй текст («После Иванова дни начинался сенокос», с. 34–35) выявляет ту же картину, ср.: *После Иванова дни начинался сенокос. Издили на лошадах и пешком ходили. Насядем, бывало, на лошадь-то незнамо што. Артилью издили, письни пили. Мама-то у нас писельница была. На кержак пишкарем бегали: мосту-то туды не было. Как приедем, перва садились завтракать. Постилаю *столешиник* на траву и фсё *разлаживаю*: глиненной куфийн с похлёпкой, плошку блиноф, а то молока. Потом Катька с отцом идут косить. Я оишо *манинька* была, бегала за ягодам и грибам. Косили-то раньче косам, а не трактором. Греб-*

ли граблям. Вечором-то гребём до росы. Запах от сена-то! Потом сено сваживали ф копны. Топерь чово, валяцца нидилию, а то мисяц. [Шемякина Екатерина Арсеньевна, 1909 г. р., д. Стрельниково, текст записан в 1982 г.].

В глоссарии представлено лишь слово *столéшник* ‘скатерть’, остальных диалектизмов в глоссарии нет. Обращение к «Костромскому областному словарю» не помогает уточнить их значение, поскольку они в него не включены.

Аналогичные результаты дает чтение многих содержащихся в хрестоматии текстов. Так, обратившись к текстам, объединенным первым заголовком («Юго-западные говоры»), можно насчитать свыше 100 диалектизмов, нуждающихся в более или менее подробном истолковании и заслуживающих места как в словаре-глоссарии, так и в словаре Костромской области (представленном, как уже отмечалось, во втором томе учебного комплекса). Приводим примеры:

А потом сварьба была. Народу-то много понаехало. [«Ой, милые! Видь и не знала, што сваты-то придут», с. 35].

Я была здись ф Петроф день, гулять ходила: своз был, вот и познакомилася с ним. <...> Как сваталис? Лады были. Сначала-то договаривацца ходили, а потом лады были. <...> Да и на похоронах: у меня мамаша копалям-то подносила на мосту. [«Как раньше было», с. 35].

А он в притвор-от ногу и сунул, не дал запереть-то и вошел, и у меня все обрал! И в шыфанере, и муки, и масло потсолнешноэ, и масло гарноэ. [«Боюса незнамо как», с. 36].

Гадалис на Рожесво ли, под Новый год. Гадались фсяко. [«Это што годов прошло-то», с. 36–37].

Колькой гот-то пошол? <...> У ей квартера в Кузмишшах да дом в Кузнецове, свойской. <...> Этта Петроф осумасиешшел. Разделся донага: «Буду парицца чичас. Крыша падаёт!». Уш чово не говорил. [«В Кузмишшах летось гот не бывала», с. 39].

По те поры молодёж-от веселей была. Вичерины фсё проводили. У нас, куребрешных робят и дифчонок, оне проходили вот едак. Збিরались фсе вмисте у ково-небусть из молодёжы. <...> А уш

если комната маленька, то **отряжали** у какой-нибудь хозяйки. <...> Стены-то раньше голые были, это ноньче **шпалером** оклеивают. Стены-то **обряжали**, к потолку лампы привешивали. <...> парни играли рускова, а дифчонки **зносдили** без устанку. <...> самыя-то любопытныя до рассвету не уходили, фсё смотрили, как молодёш-то веселицца, **штобы** потом и **пересудить**, а коли и посмеяцца. [«По те поры молодёж-от веселей была», с. 40].

На ферму-то пайду, бывало, **припру** двери **падагом**, аставим крошечек адних и пабязым. [«С писят дивятава года в Пилятине», с. 41].

Залезла я на **огорот**, **штобы** лучше видать, не идут ли гости. Да оборвалася с **огороду**-то, платьишко за сучок и порвала, новоё-то! <...> Прежде я видывала ево, знала, в ихнюю деревню на праздники ходили гулять. — Иди, Нюра, за миня. Хоть с одной рукой, а проживём как-небуть. — Ладно, говорю, сватай. <...> **Шыредале** — сладили. [«Как раньше Паску-то ждали!», с. 42–43].

Заваражывацца хадили. <...> Пряли. Из адержанай — палавики, из **грёбнай** — штаны, из **пачаснай** — сталешники, из навины — палатенца, **навинные** рубашки, сарочки, кальсоны, юбки. [«Цэрква Ликургская была», с. 43–44].

В лесу **масляники**, **суруешки**, **цэлики**, **баравики** ишишо. <...> **Шарыхнули** сверху бомбами, снизу стреляли. [«В Романцэве народу, деревень было!», с. 44].

Кончил-та два класса, да и то не да канца — в пастухах жыл. **Восьм лет атпас**. Утрам с **барабанкай** на дярвене. [«Радился на хутаре Гарбатки», с. 44–45].

Зерно ичменная мочат, патом **сгнятают** ф кучу, **штобы** ано сагрелася. <...> **Этат солад** заваривают ф катке на пиво, эту **завару** раскладывают на карчагам. <...> Пивам раньше **примали** гастей. [«Пиво из ячменя из села Воскресенское», с. 46–47].

Толда одна **одёфка** была: портки да платте дубово. <...> **Ели-то колоколец**, да **колобушки** из ево пекли. [«Я жыла в другой деревне», с. 47].

Голбец был. Вдоль стен лафки. Поверху *полаушник*, *полати*. Войлок катаной, мягкой, соломенны *рогозники*... [«Было тако времё», с. 48].

А вот уш в тыща деветьсот дваццэтъ шэстом году Пустынь была затоплена, одна *верховка* была видна. [«Густой, страхатой лес был», с. 49].

Братовья мои из Питеру присылали *песельник*. <...> *Сколькой тебе гот, деушка? Садись с нам молоко хлебать. Дочь доярить* ушла. [«Мы монахам шишули дадим», с. 58].

Эту *фспашку пѣткормляют* удобреннѣм. [«А раньше плук орѣт», с. 59].

Из чѣрной муки *твори*ла згибни. <...> Сырую картошку *напяет* в корыте, обжарит. [«Сгибни», с. 59].

Нехорошы эти байни по-чѣрному. Ни ума от их нету, ни проку. Токо дым-от *нагло*таем и *фсѣ*. *Любованно* мыцца в баньке *почистому*. [«Байня по-чистому», с. 60].

Деньги-то я сичас подам тебе, а мешок возьми на залавке. <...> Как-то *утрось* *фстала*, а ево и нету. *Утренничать-то* нечем, и *поисть-то* нечово. <...> Да возьми сначала *ушатку-то*, а уж потом *утиральничать* будешь. *Фсѣ*, садис *утренник* истъ. А то уш голодна, чай. [«Утренничать-то нечем», с. 61].

Ели *ломками*. [«Нас *фсѣ* времё десять было», с. 61–62].

Тѣтка-то в горот *посылала*, дак *стоишь там и дебеешь*, пока *фсѣ* не продаш. Не *скидывахи*, не *надевахи* не было. За хлебом-то в горот кажную неделю *пешком*, несѣш *фсѣ* на сибѣ, отсуда *яйчишек*, оттуда *хлепца*, *крупки*. [«Мало ли мы роботали, не как то-перече», с. 62].

Рас я говорю ему: «Ты *посиди тутотка*, я *час ментом* *вернущь*». Он спрашываэт: «Баба, а где этот *мент-от?*» — «Да *во-натка* на мосту *сидит*, *рази ты не знаеши?*». [«А што жывѣм? Да *фсяко* бываэт», с. 63].

Кто *серпы зубил*, кто *шапки шыл*, кто по дереву. [«Мы тожо жыли *единолишно*», с. 64].

Собираем*ся у няньтинова* дома — и вот *плесать*, вот *письни петь*. Все *сойдутся*, и *устанки* не *чувствовали*. Коли *нечуть* неко-

во, а без робят гулять плохо, да и неохота, мы, девки, выходим за деремню и запеваем письни. <...> И гуляём до двух часоф, а спать-то неколи. [«С письнями роботали», с. 64–65].

От ходила к обидне ф церкву, дак дош-от пошол, дак на-скрость промокла. <...> Мнук их подошол к лошаде, взял ы запрёк сам, шумовой парнишко, тятьку омманывать любит. <...> Оф-цы ором орут голонные, клока раскудахталас. <...> Мисяц-то **выярышыл**. Еньти мериканцы, уш такое **ненавистьтво** к нам у их. [«Мисяц-то выярышыл», с. 65–66].

Жэних-от мой воспитанок был, тётка воспитывала ево. [«Зовут-то миня Анной Андремной», с. 66–67].

После Троицы — Русалья неделя. <...> Болотник на болоте живёт. <...> Как жо огорот без огородника? Он там главной. Ноччу, после полуночи, повлялась **полуношница**. Как жо ночь без **ношницы**? До самово росвета хозяйничает. На Святках, на гаданьях **святка** поевляецца. [«После Троицы — Русалья неделя», с. 67].

Грибы **сентебрюхи** небольшие. <...> В народе называюцца **сентебрюшки**, **редофки**, **сестрёшка** (имеецца в виду **сестрёшка зеленух**), **прыгунчики**. [«Сентебрюхи», с. 68].

Столы на свадьбе называлися **пропойка**. [«Пропойка», с. 68–69].

Жених и невеста приходили, договаривались, делали **пропой**, зговорки. <...> **Свеньчание** ф церкви проходило. [«Деревенская свадьба», с. 69].

Зимой ехали на санях, а дорога-то одне канавы да глибы, што твои кирпичи. [«Вот было пот страстью-то», с. 70].

Эх, да вот и я фсё пахал, а топеря вот уш стар дужа стал. [«В бураках раньче молоко хранили», с. 71].

Данные весьма многочисленные примеры приведены с уверенностью, что через некоторое время переиздание этого ценного учебного комплекса будет востребовано. Тогда глоссарий существенно пополнится новыми словами, и это может позволить автору отказаться от его нынешнего названия («краткий словарь»).

Литература

Ганцовская Н. С. (2003) *Костромское народное слово. Очерки, исследования, эссе, народные рассказы*. Кострома: Ред.-издат. сектор Костромской областной думы.

Ганцовская Н. С. (отв. ред.) (2006) *Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь*. Сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова.

Ганцовская Н. С. (2013) *Меткое костромское слово*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова.

Ганцовская Н. С. (2015) *Меткое костромское слово*. 2-е изд. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015.

Ганцовская Н. С. (2018) *Костромские говоры: учебный комплекс*. В 2 т. Отв. ред. Г. Д. Неганова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та.

Сороколетов Ф. П. (отв. ред.) (1998) *История русской лексикографии*. СПб.: Наука.

“KOSTROMA DIALECTS” (EDUCATIONAL COMPLEX): VIEW FROM THE OUTSIDE

Irina Kobeleva

Pitirim Sorokin Syktyvkar state university,
Syktyvkar, Russia
E-mail: kobir@list.ru

Citation: Kobeleva I. (2019) «Kostromskiye govory» (uchebnyy kompleks): vzglyad so storony [“Kostroma dialects” (educational complex): view from the outside]. *Severnorrusskiye govory* [Northern Russian Dialects], 18: 349–360. (in Russian)

Abstract. The article is a review of the unique educational complex «Kostroma Govory» by professor of Kostroma State University N. S. Gantsovskaya. First of all, the correlation of the lexical material (presented in the chrestomathy) and the glossary-dictionary is evaluated. The textbook contains words and expressions that are not included in the glossary. A list of words for potential vocabulary augmentation is proposed.

Keywords: Russian northern dialects, Kostroma region, lexicography, dictionary, glossary.

References

Gantsovskaya N. S. (2003) *Kostromskoye narodnoye slovo. Ocherki, issledovaniya, esse, narodnyye rasskazy* [Kostroma popular word. Essays, studies, essays, folk stories]. Kostroma: Ed. sector of the Kostroma regional Duma. (in Russian)

Gantsovskaya N. S. (ed.) (2006) *Zhivoye kostromskoye slovo. Kratkiy kostromskoy oblastnoy slovar'* [Living Kostroma word. Concise Kostroma Regional Dictionary]. N. S. Gantsovskaya, G. I. Mashirova. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova. (in Russian)

Gantsovskaya N. S. (2013) *Metkoye kostromskoye slovo* [Apt Kostroma word]. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova. (in Russian)

Gantsovskaya N. S. (2015) *Metkoye kostromskoye slovo* [Apt Kostroma word]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek. (in Russian)

Gantsovskaya N. S. (2018) *Kostromskiye govory: uchebnyy kompleks* [Kostroma dialects: textbook complex]. In 2 vol. Ed. G. D. Neganova.

Kostroma: Izdatelstvo Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. (in Russian)

Sorokoletov F. P. (ed.) (1998) *Istoriya russkoy leksikografii* [The History of Russian Lexicography]. St. Petersburg: Nauka. (in Russian)